

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ШЕСТОЙ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Издание Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1912.

Артистическое заведеніе Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

ПОЛУБОГЪ.

I.

Шель «Гамлетъ».

Всѣ билеты были распроданы еще утромъ. Публику болѣе всего привлекало то, что въ заглавной роли выступалъ знаменитый Костромской, который лѣтъ десять тому назадъ началъ свою артистическую карьеру въ этомъ же театрѣ въ качествѣ простаго статиста-любителя, а потомъ, объѣхавъ всю Россію, въ самое короткое время завоевалъ себѣ такую оглушительную славу, какой до него не добивался еще ни одинъ провинціальный актеръ. Правда, за послѣдній годъ носились и даже проникали въ печать темные, маловѣроятные слухи о томъ, что безшабашное пьянство и развратъ совершенно распатали и разрушили гигантскій талантъ Костромского, что онъ только по разбѣгу продолжаетъ пользоваться плодами прошлогоднихъ успѣховъ, что антрепренеры частныхъ столичныхъ сценъ уже не съ такимъ рабскимъ искательствомъ соглашаются на его стѣснительныя условія. Кто знаетъ, можетъ-быть, въ этихъ слухахъ и была доля правды. Однако такова была сила имени Костромского, что три дня подъ рядъ публика длиннымъ хвостомъ стояла у кассы театра, несмотря на бенефисныя цѣны;

барышники же продавали билеты за тройную, четверную и даже пятерную сумму.

Явленіе первое не шло, и сцена уже была готова ко второму. Газъ еще не зажигали. Декораціи королевскаго дворца висѣли странными, грубыми, пестрыми картонами.

Публика понемногу наполняла зрительную залу. Изъ-за занавѣса доносился смутный и однообразный ропоть.

Костромской сидѣлъ передъ зеркаломъ въ своей уборной. Онъ только-что пришелъ и уже одѣлся въ традиціонный костюмъ датскаго принца — черное трико, ботинки съ пряжками и черный бархатный камзолъ съ кружевнымъ широкимъ воротникомъ. Театральный парикмахеръ стоялъ около него въ подобострастной позѣ, держа въ рукахъ парикъ-блондинъ съ длинными локонами.

— «...Онъ тученъ и задыхается...» — произнесъ Костромской, растеревъ на ладоняхъ кольдкремъ и начиная намазывать имъ лицо.

Парикмахеръ вдругъ засмѣялся.

— Ты чему, дуракъ? — спросилъ актеръ, не отрывая глазъ отъ зеркала.

— Да я... такъ-съ... ничему-съ...

— Ну, вотъ и видно, что дуракъ. Они говорятъ, что я потолстѣлъ и обрюзгъ. А самъ Шекспиръ сказалъ про Гамлета, что онъ тученъ и задыхается. Всѣ они — мерзавцы, эти писаки газетные. Лають на вѣтеръ.

Покончивъ съ кольдкремомъ, Костромской такимъ же образомъ растеръ по лицу тѣлесную краску. Теперь онъ внимательнѣе вглядывался въ зеркало.

«Правда, гримъ — великая штука, а все-таки лицо уже не то, что прежде. Вотъ и подъ глазами мѣшки, а вокругъ рта глубокия складки... щеки опухли... носъ утерялъ благородныя формы. Ну, да мы еще повоюемъ... Кинъ пилъ, Мочаловъ пилъ... наплевать! Пусть говорятъ и про Костромскаго, что онъ отъ пьянства обрюзгъ. А

вотъ Костромской покажетъ сейчасъ этимъ молодымъ... подсоскамъ этимъ... покажетъ, что можетъ сдѣлать настоящій талантъ».

— Ты, эеіопъ, видѣлъ меня когда-нибудь?—обратился вдругъ Костромской къ парикмахеру.

Тотъ весь затрепеталъ отъ удовольствія.

— Помилуйте, Александръ Евграфычъ... Да я... Господи... Перваго, можно сказать, русскаго артиста, да чтобы я не видѣлъ? Въ Казани собственными руками для васъ парики изготовлялъ.

— Чортъ тебя знаетъ... не помню, — произнесъ Костромской, проводя вдоль носа бѣлилами узкую и длинную черту:—много васъ было... Налей-ка!

Парикмахеръ налилъ полстакана водки изъ графина, стоявшаго на мраморномъ подзеркальникѣ, и подаль Костромскому.

Артистъ выпилъ, сморщился и плюнулъ на полъ.

— Вы бы закусывали, Александръ Евграфычъ,—нѣжно посовѣтовалъ пьяница-парикмахеръ:—а то, ежели ее голову... такъ въ голову вдаряетъ крѣпко...

Костромской почти кончилъ гримироваться; еще нѣсколько штриховъ коричневой краски, и «облака печали легли на его измѣнившемся и облагородившемся лицѣ».

— Давай плащъ! — приказалъ онъ парикмахеру, поднимаясь со стула.

Изъ зрительной залы уже доносились въ уборную звуки настраиваемыхъ инструментовъ оркестра.

Толпа все прибывала. Изъ-за стѣнъ слышно было, какъ она живымъ потокомъ вливалась въ театръ, растекалась по ложамъ, партеру и галлереймъ, съ топотомъ и съ тѣмъ же своеобразнымъ гуломъ отдаленнаго моря.

— Давно такого сбора не было, — замѣтилъ съ подострастнымъ восторгомъ парикмахеръ: — и-ни одного мѣстечка!

Костромской вздохнулъ.

Еще увѣренный въ своемъ громадномъ талантѣ, еще полный откровеннаго самообожанія и безграничной артистической гордости, онъ уже смутно, почти не смѣя самому себѣ въ этомъ сознаться, чувствовалъ, какъ начинаютъ увядать его лавры. Прежде, бывало, онъ и въ театрѣ не соглашался ѣхать, если ему антрепренеръ не привезетъ въ номеръ условленной полутысячи разовыхъ, а то и прямо раскапризничается въ серединѣ спектакля и уѣдетъ домой, обругавъ на чемъ свѣтъ стоитъ и директора, и режиссера, и всю труппу

Замѣчаніе парикмахера очень живо и больно напомнило ему эти годы колоссальнаго, сказочнаго успѣха. Теперь уже ни одинъ антрепренеръ не привезъ бы ему денегъ впередъ, да и самъ онъ объ этомъ не рѣшился бы заговорить.

— Налей! — приказалъ Костромской парикмахеру.

Больше въ графинѣ уже ничего не оставалось. Однако вино возбудило артиста. Глаза его, на которыхъ нижнія и верхнія вѣки были подведены тонкими и рѣзкими черными чертами, ожили и увеличились, согнутый станъ выпрямился, въ опухшихъ ногахъ, плотно стянутахъ трико, появились упругость и сила.

Окончивъ туалетъ, онъ привычной рукой быстро прошелся по лицу пуховкой, обмакнутой въ пудру, поглядѣлъ, слегка прищуривъ глаза, въ послѣдній разъ въ зеркало и вышелъ изъ своей уборной.

Когда медленной, самоувѣренной походкой, высоко поднявъ голову, спускался онъ съ лѣстницы — каждое его движеніе казалось проникнутымъ той легкой и граціозной простотой, которой онъ, бывший приказчикъ суровской лавки, приводилъ въ Москвѣ въ изумленіе видѣвшихъ его актеровъ французской труппы.

II.

Навстрѣчу Костромскому уже мчался сценаріусъ.

Въ зрительной залѣ ярко и весело вспыхнулъ газъ. Нестройный хаосъ оркестра вдругъ смолкъ. Гулъ толпы на мгновеніе прокатился сильнѣе и вдругъ точно ослабѣлъ.

Раздались звуки торжественнаго и громкаго марша.

Костромской подошелъ къ занавѣсу и приложилъ глазъ къ продѣланной въ немъ на высотѣ человѣческаго роста маленькой круглой дырочкѣ. Театръ былъ переполненъ. Только въ первыхъ трехъ рядахъ можно было разсмотрѣть лица. А дальше, куда только ни обращался глазъ,—налѣво, направо, вверху, внизу,—колыхалась въ какомъ-то синеватомъ туманѣ бездна пестрыхъ человѣческихъ пятенъ. Только бѣлые съ золотыми арабесками и бархатными малиновыми барьерами бока ложъ выступали изъ этой волнующейся тьмы. Но, глядя сквозь дырку въ занавѣсъ, Костромской не нашелъ въ своей душѣ ощущенія — прежде такъ знакомаго и всегда одинаково свѣжаго и могучаго ощущенія — мгновеннаго и радостнаго подъема всѣхъ нравственныхъ силъ. Вотъ уже ровно годъ, какъ онъ пересталъ испытывать его, объяснялъ свое равнодушіе привычкой къ сценѣ и не подозрѣвалъ, что это — начинающійся параличъ истрепанной и усталой души.

На сцену влетѣлъ режиссеръ, весь красный, въ поту, со взъерошенными волосами

— Чортъ! Идіотство! Все къ чорту пошло! Зарѣзали! — вопилъ онъ неистовымъ голосомъ, подбѣгая къ Костромскому. — Эй, вы, дьяволы, давай занавѣсъ! Выйду и анонсирую сейчасъ, что спектакля не будетъ. Нѣтъ Офеліи! Понимаете? Вѣдь Офеліи нѣтъ!

— То-есть какъ это Офеліи нѣтъ? — изумился Костромской и нахмурилъ брови. — Да вы шутите, что ли, мой другъ?

— Вовсе мнѣ не до шутокъ, — огрызнулся режиссеръ. — Вотъ сейчасъ только, за пять минутъ всего, полюбуйтесь-ка, чтò эта идиотка пишетъ! «Угорѣла, лежу въ постели и играть не могу». А? Нѣтъ, каково вамъ это покажется? Это, батенька, не фунтъ изюму, съ вашего позволенія, а отмѣна спектакля.

— Замѣните же ее кѣмъ-нибудь, — вспыхнулъ Костромской. — Какое мнѣ дѣло до ея фокусовъ?

— А вотъ извольте замѣнить: Боброва — Гертруда, Марковичъ и Смоленская — свободны и уѣхали съ драгунами за городъ. Не комическую же старуху заставить играть сейчасъ Офелію? Какъ вы думаете? Или вотъ еще, если угодно, — дѣвица на выходахъ, не предложить ли ей?

Онъ прямо ткнулъ пальцемъ на проходившую по сценѣ дѣвушку въ скромной шубкѣ и барашковой палочкѣ, съ блѣднымъ нѣжнымъ личикомъ и большими синими глазами.

Дѣвушка, удивленная этимъ неожиданнымъ обращеніемъ, остановилась.

— Кто это? — освѣдомился вполголоса Костромской, пытливо вглядываясь въ лицо дѣвушки.

— Юрѣва. Тутъ у насъ на выходахъ. Страстью къ драматическому искусству воспылала, извольте ли видѣть! — отвѣтилъ режиссеръ громко и совершенно не стѣсняясь.

— Послушайте-ка, Юрѣва, вы «Гамлета» читали когда-нибудь? — спросилъ Костромской, приближаясь къ ней.

— Конечно, читала, — произнесла дѣвушка тихимъ, смущеннымъ голосомъ.

— Могли бы сыграть вотъ сейчасъ Офелію?

— Я ее знаю наизусть, но не знаю, въ состоянїи ли сыграть.

Костромской подошелъ вплотную къ ней и взялъ ее за руку.

— Видите ли... Милевская отказалась играть, а театръ переполненъ. Рѣшайтесь, голубушка! Вы насъ всѣхъ выручите!

Юрѣва колебалась и молчала, хотя ей хотѣлось сказать много, очень много знаменитому артисту. Онъ впервые, года три тому назадъ, своей удивительной игрой пробудилъ въ ея молодомъ сердцѣ, самъ, конечно, того не подозревая, неудержимое влеченіе къ сценѣ. Она не пропускала ни одного спектакля, въ которомъ онъ принималъ участіе, и часто послѣ того, какъ видѣла его въ «Кинѣ», или въ «Семьѣ преступника», или въ «Уріэлѣ Акоста», она плакала по ночамъ. Величайшимъ и никогда, повидимому, недостижимымъ счастьемъ она считала тогда возможность... не говорить съ Костромскимъ, нѣтъ, нѣтъ, объ этомъ она не смѣла и мечтать, а только видѣть его вблизи, въ обыденной обстановкѣ.

Это обожаніе не исчезло и до сихъ поръ, и только такой избалованный славой и пресыщенный женскимъ вниманіемъ артистъ, какъ Костромской, могъ не замѣтить во время репетицій двухъ синихъ большихъ глазъ, постоянно слѣдившихъ за нимъ съ неотступнымъ и открытымъ обожаніемъ.

— Ну, такъ какъ же? Можно принять ваше молчаніе за согласіе? — настаивалъ Костромской, съ пытливой лаской заглядывая въ лицо дѣвушкѣ и придавая своему нѣсколько носовому голосу ту неотразимую задушевность, передъ которой — онъ зналъ! — невозможно устоять женщинѣ.

Рука Юрѣвой дрогнула въ рукѣ артиста, рѣсницы ея глазъ опустились, и она отвѣтила покорно:

— Хорошо! Я сейчасъ одѣнусь.

III.

Занавѣсъ поднялся, и, какъ только публика увидѣла своего любимца, театръ задрожалъ отъ рукоплесканій и восторженныхъ криковъ.

Костромской, стоя около трона короля, много разъ раскланивался, прижимая руку къ сердцу и обводя взоромъ ярусы театра съ верху до низу.

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, королю удалось, воспользовавшись моментомъ, когда шумъ нѣсколько утихъ, возвысить голосъ и начать свой монологъ :

„Сколько намъ ни драгоцѣнна память брата,
Похищеннаго смертью, и прилично бѣ было
Предаться скорби о его потерѣ,
Но благо общее и мудрость наша
Заставили насъ поступить иначе...“

Энтузіазмъ толпы взволновалъ Костромского, и когда король, обращаясь къ нему, назвалъ его братомъ и любезнымъ сыномъ, то слова Гамлета:

„Побольше брата и поменьше сына...“

прозвучали такой мрачной пропіей и скорбью, что невольный трепетъ пробѣжалъ по сердцамъ зрителей.

И на лицемѣрное утѣшеніе королевы Гертруды:

„Таковъ нашъ жребій, всѣхъ живущихъ, умирать“, онъ медленно, съ упрекомъ поднялъ на нее свои длинные, до сихъ поръ низко опущенныя рѣсницы, а затѣмъ отвѣтилъ, слегка покачивая головой:

„Да, королева,—всѣмъ живущимъ умирать,
Таковъ нашъ жребій“.

Послѣ этихъ словъ, проникнутыхъ тоской по умершемъ отцѣ, отвращеніемъ къ жизни, покорившейся предѣломъ, и горькой насмѣшкой надъ легкомысліемъ ма-

тери, Костромской почувствовалъ особымъ, тонкимъ, необъяснимымъ чутьемъ опытнаго актера, что теперь публика всецѣло принадлежитъ ему, потому что между нимъ и ею образовалась неразрывная связь.

Казалось, никогда и никто не произносилъ еще съ такой удивительной силой отчаянія монологъ, который Гамлетъ говорить по уходѣ короля и королевы:

„Для чего ты не растаешь, ты не распадешься прахомъ,
О, для чего ты крѣпко, тѣло человѣка!“

Носовой голосъ Костромскаго сдѣлался гибокъ и послушенъ. Онъ то звенѣлъ мощнымъ металломъ, то спускался до нѣжнаго бархатнаго полупшопота, то переходилъ въ рыданія, едва сдерживаемыя усиліями воли.

И театръ взревѣлъ, когда съ простымъ и изящнымъ жестомъ Костромской проговорилъ послѣднія слова:

„Но сокрушайся, сердце
Когда языкъ мой говорить не смѣетъ!“

— Нѣтъ-съ, публика знаетъ Костромскаго, и Костромской знаетъ публику, — сказалъ артистъ, выходя послѣ перваго акта за кулисы. — Эй, ты, крокодилъ, водки! — обратился онъ тотчасъ же къ подошедшему парикмахеру.

IV.

— Ну, что же, папаша, развѣ, по вашему мнѣнію, не хорошъ? — спросилъ маленькій актеръ на выходахъ у Яковлева, патріарха провинціальныхъ театровъ, игравшаго сегодня короля.

Оба стояли на лѣстницѣ, ведущей изъ уборной на сцену.

Яковлевъ пожевалъ своими толстыми, отвисшими губами.

— Хорошъ! Хорошъ-то хорошъ, а все-таки... мальчикъ. Кто видѣлъ въ «Гамлетѣ» Мочалова, того, бра-

тець ты мой, уже ничѣмъ не удивишь. А я, братецъ мой, еще вотъ такимъ поросенкомъ, какъ ты, былъ, когда удостоился этого счастья. И когда умирать буду, такъ вспомню этотъ самый мигъ, какъ блаженнѣйшій въ моей жизни. Понимаешь ли, когда на сценѣ онъ вставалъ съ полу и говорилъ: «Оленя ранили стрѣлой», такъ зрители, какъ одинъ человекъ, поднимались, не смѣядохнуть, со своихъ мѣстъ. А вотъ ты нарочно посмотри, что онъ сдѣлаетъ въ этой сценѣ.

— Очень ужъ вы строги, Валерій Николаичъ.

— Ничего не строго. Да вы и смотрите-то, по правдѣ говоря, не умѣете. Ты думаешь, я на кого гляжу?

— А на кого-съ?

— Ты посмотри-ка, братецъ мой, на Офелію... Вотъ это — актриса!

— Да вѣдь она, Валерій Николаичъ, на выходахъ.

— Идѣютъ! Ты вѣдь, небось, и не замѣтилъ, какъ она это сказала:

„Онъ о любви мнѣ говорилъ, но такъ

былъ нѣженъ, такъ почителенъ и робокъ!“

Конечно, не замѣтилъ. А я вотъ скоро тридцатый годъ на сценѣ и скажу тебѣ, что еще ничего подобнаго не слыхалъ. Это — талантъ. И помани мое слово, что ее въ четвертомъ актѣ публика такъ приметъ, что твоему Костромскому жарко сдѣлается. То-то!

V.

Трагедія шла. Предсказаніе патріарха, повидимому, сбывалось. Увлеченія Костромского хватило только на первый актъ. Его уже не могли возбудить вторично ни вызовы, ни рукоплесканія, ни зрѣлище громадной толпы поклонниковъ, набившейся за кулисы и съ нѣжнымъ благоговѣніемъ созерцавшей его. У него теперь въ его рас-

пораженіи оставался лишь крошечный запасъ той энергии и чувствъ, которыя онъ всего года два-три тому назадъ разбрасывалъ съ царственной щедростью въ каждой сценѣ.

Костромской, опьяненный первымъ шумнымъ крикомъ, который ему сдѣлала публика, уже растратилъ въ первомъ дѣйствіи этотъ незначительный запасъ. Его воля ослабла, приподнятые нервы размякли, и даже усиленные приемы алкоголя не могли оживить ихъ. Незримая связь, возникшая сначала между нимъ и публикой, постепенно таяла, и хотя послѣ второго акта зрители аплодировали такъ же искренно, какъ и въ концѣ перваго, но было ясно, что аплодируютъ уже не ему, а обаянію его знаменитаго имени.

Зато съ каждымъ своимъ выходомъ выдвигалась впередъ Офелія — Юрѣва. Съ этой незамѣтной актриской, исполнявшей до сихъ поръ самыя невыигрышныя роли напереницъ и гостей, точно произошло какое-то чудо. Кажалось, она цѣликомъ воплотилась въ обликъ дочери Полонія — нѣжной, кроткой и послушной дѣвушки, съ ея глубокими чувствами и сильной любовью, съ ея душой, отравленной ядомъ печали.

Юрѣвой еще не рукоплескали, но за ней уже слѣдили, и, когда она появлялась на сценѣ, театръ внимательно смолкалъ. Сама того не подозревая, она боролась съ великимъ артистомъ, вырывая у него вниманіе толпы и успѣхъ, а зрители такъ же бессознательно слѣдили за этой борьбой.

Третій актъ былъ роковымъ для Костромского.

Въ немъ появленію Гамлета предшествуетъ короткая сценка, въ которой король и Полоній условливаются, спрятавшись, подслушать разговоръ Гамлета съ Офеліей, чтобы судить о настоящей причинѣ безумія принца. Костромской вышелъ изъ-за кулисъ медленными шагами, со

скрещенными на груди руками, съ низко упавшей головой, съ чулкомъ, развязавшимся и спустившимся на правой ногѣ.

„Быть или не быть—вотъ въ чемъ вопросъ!“—

произнесъ онъ едва слышно, весь погруженный въ тяжелую задумчивость, не замѣчая Офеліи, стоявшей въ глубинѣ сцены съ раскрытой книгой въ рукахъ.

Этотъ пресловутый монологъ былъ всегда въ исполненіи Костромскаго лучшимъ мѣстомъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ этомъ же городѣ, на этой же самой сценѣ, послѣ того, какъ Костромской заканчивалъ монологъ воззваніемъ къ Офеліи, въ театрѣ наступала на нѣсколько мгновеній та странная, чудная тишина, которая говоритъ краснорѣчивѣе самыхъ шумныхъ аллодисментовъ. Зато потомъ какой восторгъ охватывалъ всѣхъ зрителей, начиная отъ скромнаго посѣтителя послѣдняго ряда галереи и кончая изысканнымъ обществомъ ложъ бенуара!..

Увы, теперь и самъ Костромской и публика оставались холодными, хотя онъ и не чувствовалъ этого.

„Ужасное сознанье робкой думы!
И яркій цвѣтъ могучаго ршенья
Влѣднѣетъ передъ мракомъ размышленья,
И смѣлость быстрого порыва гибнетъ,
И мысль не переходитъ въ дѣло“,—

читалъ онъ, жестикулируя и перемѣняя интонацію по старой памяти, и ему казалось, что вотъ сейчасъ онъ замѣтитъ Офелію, упадетъ передъ ней на колѣни, произнесетъ послѣднія слова, и театръ заплачетъ и закричитъ въ сладкомъ безуміи.

И вотъ онъ замѣтилъ Офелію, обернулся къ зрителямъ съ осторожнымъ предупрежденіемъ: «тише!», затѣмъ, быстро перейдя черезъ всю сцену, опустился на колѣни и воскликнулъ:

„Офелія! О, нимфа,
Помяни грѣхи мой въ молитвахъ!“

и тотчасъ же всталъ, ожидая взрыва рукоплесканій.

Но рукоплесканій не было. Публика недоумѣвала, оставалась холодна и все вниманіе перенесла на Офелію.

Костромской нѣсколько секундъ ничего не могъ сообразить, и только, когда услышалъ около себя нѣжный женскій голосъ, спрашивавшій его: «Принцъ, здоровы ли вы?»—голосъ, въ которомъ дрожали слезы сожалѣнія о погибшей любви,—онъ сразу, въ одинъ мигъ понялъ все.

Это былъ моментъ страшнаго просвѣтлѣнія. Костромской ярко и безпощадно созналъ: и равнодушіе публики, и собственное безвозвратное паденіе, и безусловно близкій конецъ своей шумной, но короткой славы.

О, съ какой ненавистью взглянулъ онъ на эту дѣвушку, такую стройную, прекрасную, невинную и—онъ мучительно чувствовалъ это—такую талантливую! Ему захотѣлось броситься на нее, ударить, свалить на землю, истоптать ногами это нѣжное лицо съ большими синими глазами, смотрѣвшими на него съ любовью и жалостью. Но онъ сдержалъ себя и упавшимъ голосомъ отвѣтилъ:

„Благодарю покорно, я—здоровъ“.

Послѣ этой сцены Костромского вызывали; но онъ слышалъ, что гораздо громче, чѣмъ его имя, раздавалось съ галереи, переполненной студентами, имя Юрьевой, которая однако отказалась выйти.

VI.

Странствующие актеры играли «Убійство Гонзаго». Костромской, въ сторонѣ отъ придворныхъ, полгулежалъ на землѣ, прислонясь головой къ колѣнамъ Офеліи. Вдругъ онъ поднялъ лицо кверху и, отдавая Юрьеву запахомъ вина, прошепталъ пьянымъ голосомъ:

— Послушайте, мадамъ! Какъ васъ? Послуште!

Она слегка наклонилась къ нему и отозвалась также шопотомъ:

— Что?

— Какія у васъ красивыя ноги! Послуште... Вообще вы вся... этакая милочка.

Юрѣва молча отвернула отъ него лицо.

— Ей-Богу, милочка, — не унимался Костромской. — Скажите, у васъ въ трушѣ навѣрно есть любовникъ?

Она продолжала молчать.

Костромскому хотѣлось какъ можно сильнѣе обидѣть ее, сдѣлать ей больно, и молчаніе еще больше раздражало его.

— Есть? Это оч-чень, оч-чень глупо съ вашей стороны. Такая мордочка, какъ у васъ, цѣлый капиталъ... Актриса вѣдь вы — простите за откровенность — никакая. Что же вамъ на сценѣ-то дѣлать?

Къ счастью, ему нужно было давать реплику. Онъ оставилъ Юрѣву въ покоѣ, и она отодвинулась отъ него. На глазахъ у нея показались слезы. Въ лицѣ Костромского она почувствовала безпощаднаго и завистливаго врага.

А Костромской ослабѣвалъ съ каждымъ явленіемъ, и когда кончился актъ, то ему пришлось довольствоваться весьма жидкими аплодисментами. Да и аплодировали только свои.

VII.

Начался четвертый актъ. Какъ только безумная Офелія вбѣжала на сцену въ бѣломъ платьѣ, убранная соломой и цвѣтами, смутный ропотъ пробѣжалъ по рядамъ, и вслѣдъ затѣмъ въ театрѣ наступила жуткая тишина.

И, когда Офелія запѣла нѣжнымъ и наивнымъ голосомъ свою пѣсенку о миломъ другѣ, странное дунове-

ніе пронеслось среди публики, точно общій тяжелый вздохъ вырвался изъ тысячи грудей.

„Моего вы знали ль друга?
Онъ былъ бравый молодець.
Въ бѣлыхъ перьяхъ, статный воинъ,
Первый Даніи боець“.

— Ахъ, бѣдная Офелія! Что ты поешь?—спросила ее съ участіемъ королева.

Безумные глаза Офеліи съ изумленіемъ остановились на королевѣ, точно она раньше не замѣчала ея.

— Что я пою?—спросила она съ изумленіемъ.—Послушайте, какая пѣсня:

„Но далеко за морями,
Въ страшной онъ лежитъ могилѣ;
Холмъ на немъ лежитъ тяжелый,
Ложе—хладная земля“.

Во всемъ театрѣ больше уже не оставалось ни одного равнодушнаго зрителя, всѣ были охвачены однимъ общимъ чувствомъ, всѣ застыли, приковавшись глазами къ сценѣ.

Но пристальнѣе, жаднѣе всѣхъ слѣдилъ изъ-за кулисъ за каждымъ движеніемъ Офеліи Костромской. Въ его душѣ, въ этой больной и гордой душѣ, не знавшей никогда ни удержа ни предѣла своимъ прихотямъ и страстямъ, разгоралась теперь страшная, нестерпимая ненависть. Онъ чувствовалъ, что успѣхъ вечера окончательно вырвала изъ его рукъ эта блѣдная, скромненькая дѣвица на выходахъ. Хмель точно совсѣмъ вышелъ изъ его головы. Онъ еще не зналъ, чѣмъ разразится кипѣвшая въ немъ завистливая злоба, но съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода Юрьевой у среднихъ дверей.

«Все это будетъ хорошо, повѣрьте, только потерпите... А мнѣ хочется плакать, какъ подумаю, что его зарыли въ холодную землю, — слышалъ онъ проникнутыя безумной тоской слова Офеліи. — Братъ все это узнаеть,

а васъ благодарю за совѣтъ. Скорѣе карету! Доброй ночи, моя милая, доброй ночи!..»

Юрѣва выбѣжала за кулисы, взволнованная, задышающаяся, поблѣднѣвшая даже подѣ гримомъ. Вслѣдъ ей неслись оглушительные крики зрителей. Въ дверяхъ она столкнулась съ Костромскимъ. Онъ умышленно не посторонился, но Юрѣва, ударившись плечомъ о его плечо, даже не замѣтила этого: до такой степени она была возбуждена своей ролью и восторженною оваціей публики.

— Юрѣва-а! Брав-о-о!...

Она вышла и раскланялась.

Возвращаясь вторично за кулисы, она опять лицомъ къ лицу столкнулась съ Костромскимъ, не дававшимъ ей дороги. Юрѣва испуганно взглянула на него и робко сказала:

— Позвольте мнѣ пройти.

— Будьте осторожнѣе, молодая особа!—возразилъ онъ злобно и заносчиво.—Если вамъ хлопаеть кучка какихъ-то идиотовъ, то это не значить, что вы можете безнаказанно толкаться!—И, видя ея молчаливый испугъ, онъ, еще болѣе раздраженный, грубо взялъ ее за руку, оттолкнулъ въ сторону и крикнулъ:— Да проходите же, чортъ возьми, окаменѣлость вы этакая!..

VIII.

Когда послѣ этой дерзкой выходки первоначальное озлобленіе Костромского нѣсколько утихло, онъ тотчасъ же ослабѣлъ, опустился и сталъ еще пьянѣе, чѣмъ прежде; онъ даже позабылъ, что пьеса еще не кончилась, ушелъ въ уборную, медленно раздѣлся и началъ лѣниво стирать гримъ вазелиномъ.

Режиссеръ, озадаченный его долгимъ отсутствіемъ, выбѣжалъ къ нему и остановился въ изумленіи.

— Александръ Евграфычъ! Помилуйте! Чтò вы дѣ-
лаете? Сейчасъ же вашъ выходъ!

— Оставьте меня, оставьте!—слезливо и въ носъ про-
бормоталъ Костромской, вытирая лицо полотенцемъ.—Я
уже все сыгралъ... оставьте меня въ покоѣ!

— Да какъ же оставьте? Вы съ ума, что ли, сошли?
Публика ждетъ.

— Оставьте же меня! — закричалъ Костромской.

Режиссеръ пожалъ плечами и вышелъ изъ уборной.
Черезъ минуту занавѣсъ былъ опущенъ, и публика,
узнавшая о внезапной болѣзни Костромского, стала рас-
ходиться молча и медленно, будто она только-что при-
сутствовала на похоронахъ.

Она дѣйствительно возвращалась съ похоронъ громад-
наго самобытнаго таланта, и Костромской былъ правъ,
говоря, что онъ сыгралъ «все». Онъ сидѣлъ теперь
одинъ, запершись на ключъ въ своей уборной, передъ
зеркаломъ, между двумя горѣвшими съ легкимъ тре-
скомъ газовыми рожками, и по старой привычкѣ тща-
тельно вытиралъ лицо, размазывая по немъ пьяныя, но
горькія слезы. Точно въ туманѣ вспоминался ему цѣ-
лый рядъ блестящихъ триумфовъ, сопровождавшихъ пер-
вые годы его карьеры. Вѣнки... букеты... тысячные по-
дарки... вѣчные восторги толпы... лестъ газетъ... зависть
товарищей... баснословные бенефисы... обожаніе красивѣй-
шихъ женщинъ... Неужели все это прошло? Неужели его
талантъ выдохся, исчезъ? Можетъ-быть, даже давно вы-
дохся: годъ или два тому назадъ? А онъ, Костромской,
чтò же онъ теперь такое? Тема для грязныхъ закулис-
ныхъ анекдотовъ, предметъ общихъ насмѣшекъ и недо-
брожелательства, человѣкъ, оттолкнувшій отъ себя
всѣхъ близкихъ своей черствой мелочностью, эгоиз-
момъ, нетерпимостью и разнузданной заносчивостью...
Кончено!

«И если бы Всесильный, — мелькало привычными обрывками въ умѣ Костромского: — не запретилъ грѣха самоубійства... О, Боже, Боже!..» — И жгучія, бессильныя слезы текли по его когда-то красивому лицу, смѣшиваясь съ несошедшей еще краской.

Уже всѣ актеры разошлись изъ театра, когда Костромской вышелъ изъ своей уборной. На сценѣ было почти темно. Нѣсколько рабочихъ возились, убирая послѣднія декорации. Ощупью, нетвердыми шагами, пошелъ Костромской, минуя кучи наваленнаго всюду бутафорскаго хлама, къ выходу.

Вдругъ до его слуха донеслись сдержанныя, несомнѣнно женскія рыданія.

— Кто здѣсь? — окликнулъ Костромской и подошелъ къ углу, движимый неяснымъ побужденіемъ жалости.

Темная фигура не отвѣчала, только рыданія усилились.

— Кто тутъ плачетъ? — вторично съ испугомъ спросилъ Костромской и тотчасъ же узналъ въ рыдавшей Юрьеву.

Дѣвушка плакала, и ея худенькія плечи судорожно вздрагивали.

Странно. Первый разъ въ жизни черствое сердце Костромского внезапно наполнилось глубокой жалостью къ этой беззащитной, такъ несправедливо обиженной имъ дѣвушкѣ. Онъ положилъ руку на ея голову и заговорилъ теплымъ, проникновеннымъ голосомъ, не рисуясь и не позируя, противъ обыкновенія:

— Дитя мое! Я сегодня страшно оскорбилъ васъ. Прощенія я у васъ не прошу — я знаю, ничѣмъ нельзя искупить ваши слезы. Но если бы вы знали, что происходитъ въ моей душѣ, можетъ-быть, вы бы простили и пожалѣли меня... Сегодня, только сегодня, я узналъ, что пережилъ свою славу. Какое горе можетъ сравниться

съ этимъ? Что̀ значитъ предъ этимъ потеря матери, любимаго ребенка, любовницы? Мы, артисты, живемъ страшными наслажденіями, мы живемъ и чувствуемъ за сотни, за тысячи зрителей, которые приходятъ насъ смотрѣть. Знаете ли вы... Ахъ, вѣдь вы поймете, что я не рисуюсь предъ вами!.. Да. Знаете ли вы, что въ послѣднія пять лѣтъ не было въ нашемъ актерскомъ мѣрѣ имени славы моего. У ногъ моихъ, у ногъ безграмотнаго приказчика, лежала толпа. И вдругъ въ одно мгновенье кувыркомъ полетѣть съ этой чудовищной высоты!.. — Онъ закрылъ лицо руками. — Ужасно!

Теперь Юрѣва уже перестала плакать и съ глубокимъ состраданіемъ глядѣла на Костромского.

— Видите ли, дорогая моя, — продолжалъ онъ, сжимая руками ея холодныя руки: — у васъ несомнѣнный и очень большой талантъ. Оставайтесь на сценѣ! Я не буду вамъ говорить разныя пошлости про зависть и интриги бездарностей, про двусмысленное покровительство театральныхъ меценатовъ, про сплетни того болота, которое называется обществомъ. Все это — вздоръ! Все это — ничто въ сравненіи съ тѣми дивными радостями, которыми даритъ насъ эта презрѣнная, эта обожаемая толпа. Но, — голосъ Костромского нервно задрожалъ: — не переживайте своей славы! Бѣгите со сцены тотчасъ же, какъ вы почувствуете, что угасаетъ въ васъ священный огонь! Не дожидайтесь, дитя мое, пока васъ прогонитъ сама публика.

И, быстро отвернувшись отъ Юрѣвой, хотѣвшей что-то сказать ему и даже уже протянувшей вслѣдъ ему руки, онъ поспѣшно вышелъ со сцены.

— Послушайте, Александръ Евграфычъ, — догналъ его на подѣздѣ режиссеръ: — идите же въ кассу получить деньги.

— Отвяжитесь отъ меня! — досадливо отмахнулся рукой Костромской. — Я кончилъ... Я все кончилъ.

ЛЕНОЧКА.

Проѣздомъ изъ Петербурга въ Крымъ, полковникъ генеральнаго штаба Возницынъ нарочно остановился на два дня въ Москвѣ, гдѣ прошли его дѣтство и юность. Говорять, что умныя животныя, предчувствуя смерть, обходятъ всѣ знакомыя, любимыя мѣста въ жильѣ, какъ бы прощаясь съ ними. Близкая смерть не грозила Возницыну, — въ свои сорокъ пять лѣтъ онъ былъ еще крѣпкимъ, хорошо сохранившимся мужчиной. Но въ его вкусахъ, чувствахъ и отношеніяхъ къ міру совершался какой-то незамѣтный уклонъ, ведущій къ старости. Самъ собою сузился кругъ радостей и наслажденій, явились оглядка и скептическая недоувѣрчивость во всѣхъ поступкахъ, вывѣтрилась безсознательная, безсловесная звѣриная любовь къ природѣ, замѣнившись утонченнымъ смакованіемъ красоты, перестала волновать тревожнымъ и острымъ волненіемъ обаятельная прелесть женщины, а главное — первый признакъ душевнаго увяданія! — мысль о собственной смерти стала приходиться не съ той прежней беззаботной и легкой мимолетностью, съ какой она приходила прежде, — точно долженъ былъ рано или поздно умереть не самъ онъ, а кто-то другой, по фамиліи Возницынъ, — а въ тяжелой, рѣзкой, жестокой, безповоротной и беспощадной ясности, отъ которой по ночамъ холодѣли волосы на головѣ и пугливо падало сердце. И

вотъ его потянуло побывать въ послѣдній разъ на прежнихъ мѣстахъ, оживить въ памяти дорогія, мучительно-нѣжныя, обвѣяныя такой поэтической грустью воспоминанія дѣтства, растравить свою душу сладкой болью по ушедшей навѣки невозвратимой чистотѣ и яркости первыхъ впечатлѣній жизни.

Онъ такъ и сдѣлалъ. Два дня онъ разъѣзжалъ по Москвѣ, посѣщая старыя гнѣзда. Заѣхалъ въ пансіонъ на Гороховомъ полѣ, гдѣ когда-то съ шести лѣтъ воспитывался подъ руководствомъ классныхъ дамъ по фребелевской системѣ. Тамъ все было передѣлано и перестроено: отдѣленія для мальчиковъ уже не существовало, но въ классныхъ комнатахъ у дѣвочекъ попрежнему пріятно и заманчиво пахло свѣжимъ лакомъ ясеневыхъ столовъ и скамеекъ и еще чудеснымъ смѣшаннымъ запахомъ гостинцевъ, особенно яблоками, которыя, какъ и прежде, хранились въ особомъ шкапу на ключѣ. Потомъ онъ завернулъ въ кадетскій корпусъ и въ военное училище. Побывалъ онъ и въ Кудринѣ въ одной домовой церкви, гдѣ мальчикомъ-кадетомъ онъ прислуживалъ въ алтарѣ, подавая кадило и выходя въ стихарѣ со свѣчою къ Евангелію за обѣдней, но также кралъ восковые огарки, допивалъ «теплоту» послѣ причастниковъ и разными гримасами заставлялъ прыскать смѣшливаго дякона, за что однажды и былъ торжественно изгнанъ изъ алтаря батюшкой, величественнымъ, тучнымъ старцемъ, поразительно похожимъ на запрестольнаго Бога-Савооа. Проходилъ нарочно мимо всѣхъ домовъ, гдѣ когда-то онъ испытывалъ первыя наивныя и полудѣтскія томленія любви, заходилъ во дворы, поднимался по лѣстницамъ и почти ничего не узнавалъ — такъ все перестроилось и измѣнилось за цѣлую четверть вѣка. Но съ удивленіемъ и съ горечью замѣтилъ Возницынъ, что его опустошенная жизнью, очерствѣлая душа оставалась холодной и

неподвижной и не отражала въ себѣ прежней, знакомой печали по прошедшему, такой свѣтлой, тихой, задумчивой и покорной печали...

«Да, да, да — это старость, — повторялъ онъ про-себя и грустно киваль головою. — Старость, старость, старость... Ничего не подѣлаешь...»

Послѣ Москвы дѣла заставили его на сутки остановиться въ Кіевѣ, а въ Одессу онъ пріѣхаль въ началѣ Страстной недѣли. Но на морѣ разыгрался длительный весенній штормъ, и Возницынъ, котораго укачивало при самой легкой зыби, не рѣшился садиться на пароходъ. Только къ утру Страстной субботы установилась ровная, безвѣтреная погода.

Въ шесть часовъ пополудни пароходъ «Великій Князь Алексѣй» отошелъ отъ мола Практической гавани. Возницына никто не провожалъ, и онъ былъ этимъ очень доволенъ, потому что терпѣть не могъ этой всегда немного лицемѣрной и всегда тягостной комедіи прощанія, когда, Богъ знаетъ зачѣмъ, стоишь цѣлыхъ полчаса у борта и напряженно улыбаешься людямъ, стоящимъ то-скливо внизу на пристани, выкрикиваешь изрѣдка театральнымъ голосомъ безцѣльные и бессмысленныя фразы, точно предназначенныя для окружающей публики, шлешь воздушные поцѣлуи, и наконецъ-то вздохнешь съ облегченіемъ, чувствуя, какъ пароходъ начинаетъ грузно и медленно отваливать.

Пассажировъ въ этотъ день было очень мало, да и то преобладали третьеклассные. Въ первомъ классѣ, кромѣ Возницына, какъ ему объ этомъ доложилъ лакей, ѣхали только дама съ дочерью. «И прекрасно», — подумаль офицеръ съ облегченіемъ.

Все обѣщало спокойное и удобное путешествіе. Каюта досталась отличная — большая и свѣтлая, съ двумя диванами, стоящими подъ прямымъ угломъ, и безъ верх-

нихъ мѣсть надъ ними. Море, успокоившееся за ночь послѣ мертвой зыби, еще кипѣло мелкой частой рябью, по уже не качало. Однако къ вечеру на палубѣ стало свѣжо.

Въ эту ночь Возницынъ спалъ съ открытымъ иллюминаторомъ и такъ крѣпко, какъ онъ уже не спалъ много мѣсяцевъ, если не лѣтъ. Въ Евпаторіи его разбудилъ грохотъ паровыхъ лебедокъ и бѣготня по палубѣ. Онъ быстро умылся, заказалъ себѣ чаю и вышелъ наверхъ.

Пароходъ стоялъ на рейдѣ въ полупрозрачномъ молочно-розовомъ туманѣ, пронизанномъ золотомъ восходящаго солнца. Вдали чуть замѣтно желтѣли плоскіе берега. Море тихо плескалось о борта парохода. Чудесно пахло рыбой, морскими водорослями и смолой. Съ большого баркаса, приставшаго вплотную къ «Алексѣю», перегружали какіе-то тюки и бочки. «Майна, вира, вира по малу, стоп!»—звонко раздавались въ утреннемъ чистомъ воздухѣ командныя слова.

Когда баркасъ отвалилъ и пароходъ тронулся въ путь, Возницынъ спустился въ столовую. Странное зрѣлище ожидало его тамъ. Столы, разставленные вдоль стѣнъ большимъ покоемъ, были весело и пестро убраны живыми цвѣтами и заставлены пасхальными кушаньями. Зажаренные цѣликомъ барашки и индѣйки поднимали высоко вверхъ свои безобразные голые черепа на длинныхъ шеяхъ, укрѣпленныхъ изнутри невидимыми проволочными стержнями. Эти тонкія, загнутыя въ видѣ вопросительныхъ знаковъ шеи колебались и вздрагивали отъ толчковъ идущаго парохода, и казалось, что какія-то странныя, невиданныя допотопныя животныя, въ родѣ бронтозавровъ или ихтіозавровъ, какъ ихъ рисуютъ на картинахъ, лежатъ на большихъ блюдахъ, подогнувъ подъ себя ноги, и съ суетливой и комической осторожностью оглядываются вокругъ, пригибая головы книзу. А сол-

нечные лучи круглыми яркими столбами текли изъ иллюминаторовъ, золотили мѣстами скатерть, превращали краски пасхальныхъ яицъ въ пурпуръ и сапфиръ и зажигали живыми огнями гіацинты, незабудки, фіалки, лакфіюли, тюльпаны и анютины глазки.

Къ чаю вышла въ салонъ и единственная дама, ѣхавшая въ первомъ классѣ. Возницынъ мимоходомъ быстро взглянулъ на нее. Она была некрасива и немолода, но съ хорошо сохранившейся высокой, немного полной фигурой, просто и хорошо одѣтой въ просторный свѣтлосѣрый сакъ съ шелковымъ шитьемъ на воротникѣ и рукавахъ. Голову ея покрывалъ легкій синій, почти прозрачный, газовый шарфъ. Она одновременно пила чай и читала книжку, вѣрнѣе всего, французскую, какъ рѣшилъ Возницынъ, судя по компактности, небольшому размеру, формату и переплету канареечнаго цвѣта.

Что-то страшно знакомое, очень давнишнее мелькнуло Возницыну не такъ въ ея лицѣ, какъ въ поворотѣ шеи и въ подъемѣ вѣкъ, когда она обернулась на его взглядъ. Но это бессознательное впечатлѣніе тотчасъ же разсѣялось и забылось.

Скоро стало жарко и потянуло на палубу. Пассажирка вышла навѣрхъ и усѣлась на скамьѣ, съ той стороны, гдѣ не было вѣтра. Она то читала, то, опустивъ книжку на колѣни, глядѣла на море, на кувыркавшихся дельфиновъ, на дальній красноватый, слоистый и обрывистый берегъ, покрытый сверху скудной зеленью.

Возницынъ ходилъ по палубѣ, вдоль бортовъ, огибая рубку перваго класса. Одинъ разъ, когда онъ проходилъ мимо дамы, она опять внимательно посмотрѣла на него, посмотрѣла съ какимъ-то вопрошающимъ любопытствомъ, и опять ему показалось, что они гдѣ-то встрѣчались. Мало-по-малу это ощущение стало безпокойнымъ и неотвязнымъ. И главное — офицеръ теперь зналъ, что и

дама испытывает то же самое, что и онъ. Но память не слушалась его, какъ онъ ее ни напрягалъ.

И вдругъ, поровнявшись уже въ двадцатый разъ съ сидѣвшей дамой, онъ внезапно, почти неожиданно для самого себя, остановился около нея, приложилъ пальцы по-военному къ фуражкѣ и, чуть звякнувъ шпорами, произнесъ:

— Простите мою дерзость... но мнѣ все время не даетъ покоя мысль, что мы съ вами знакомы, или, вѣрнѣе... что когда-то, очень давно, были знакомы.

Она была совсѣмъ некрасива — безбровая блондинка, почти рыжая, съ сѣдиной, замѣтной благодаря свѣтлымъ волосамъ только издали, съ бѣлыми рѣсницами надъ синими глазами, съ увядающей веснучатой кожей на лицѣ. Свѣжъ былъ только ея ротъ, розовый и полный, очерченный прелестно изогнутыми линіями.

— И я тоже, представьте себѣ. Я все сижу и думаю, гдѣ мы съ вами видѣлись, — отвѣтила она. — Моя фамилія — Львова. Это вамъ ничего не говоритъ?

— Къ сожалѣнію, нѣтъ... А моя фамилія — Возницынъ. Глаза дамы вдругъ заискрились веселымъ и такимъ знакомымъ смѣхомъ, что Возницыну показалось — вотъ-вотъ онъ сейчасъ ее узнаетъ.

— Возницынъ? Коля Возницынъ? — радостно воскликнула она, протягивая ему руку. — Неужели и теперь не узнаете? Львова — это моя фамилія по мужу... Но нѣтъ, нѣтъ, вспомните же наконецъ!.. Вспомните: Москва, Поварская, Борисоглѣбскій переулокъ — церковный домъ... Ну? Вспомните своего товарища по корпусу... Аргашу Юрлова...

Рука Возницына, державшая руку дамы, задрожала и сжалась. Мгновенный свѣтъ воспоминанія точно ослѣпилъ его.

— Господи... Неужели Леночка?.. Виновать... Елена... Елена...

— Владимировна. Забыли... А вы — Коля, тотъ самый Коля, неуклюжий, застенчивый и обидчивый Коля?.. Какъ странно! Какая странная встрѣча!.. Садитесь же, пожалуйста. Какъ я рада...

— Да,—промолвилъ Возницынъ чью-то чужую фразу:— мѣръ въ концѣ концовъ такъ тѣсенъ, что каждый съ каждымъ непремѣнно встрѣтится. Ну, рассказывайте же, рассказывайте о себѣ. Что Аркаша? Что Александра Милювна? Что Олечка?

Въ корпусѣ Возницынъ тѣсно подружился съ однимъ изъ товарищей — Юрловымъ. Каждое воскресенье онъ, если только не оставался безъ отпуска, ходилъ въ его семью, а на Пасху и Рождество, случалось, проводилъ тамъ всѣ каникулы. Передъ тѣмъ, какъ поступать въ военное училище, Аркаша тяжело заболѣлъ. Юрловы должны были уѣхать въ деревню. Съ той поры Возницынъ потерялъ ихъ изъ виду. Много лѣтъ тому назадъ онъ отъ кого-то вскользь слышалъ, что Леночка долгое время была невѣстой офицера, и что офицеръ этотъ со странной фамиліей Жѣнишекъ—съ удареніемъ на первомъ слогѣ—какъ-то нелѣпо и неожиданно застрѣлился...

— Аркаша умеръ у насъ въ деревнѣ въ девяностомъ году,—говорила Львова.—У него оказалась саркома головы. Мама пережила его только на годъ. Олечка окончила медицинскіе курсы и теперь земскимъ врачомъ въ Сердобскомъ уѣздѣ. А раньше она была фельдшерницей у насъ въ Жмакинѣ. Замужъ ни за что не хотѣла выходить, хотя были партіи и очень приличныя. Я двадцать лѣтъ замужемъ,—она улыбулась грустно-сжатыми губами, однимъ угломъ рта:— старуха ужъ... Мужъ — помѣщикъ, членъ земской управы. Звѣздъ съ неба не хватаетъ, но честный человѣкъ, хорошій семьянинъ, не пьяница, не картежникъ и не развратникъ, какъ всѣ кругомъ... и за это слава Богу...

— А помните, Елена Владимировна, какъ я былъ въ васъ влюбленъ когда-то! — вдругъ перебилъ ее Возницынъ.

Она засмѣялась, и лицо ея сразу точно помолодѣло. Возницынъ успѣлъ на мигъ замѣтить золотое сверканіе многочисленныхъ пломбъ въ ея зубахъ.

— Какія глупости. Такъ... мальчишеское ухаживаніе. Да и неправда. Вы были влюблены вовсе не въ меня, а въ барышенъ Синельниковыхъ, во всѣхъ четверыхъ по очереди. Когда выходила замужъ старшая, вы повергли свое сердце къ ногамъ слѣдующей за нею...

— Ага! Вы все-таки ревновали меня немножко? — замѣтилъ Возницынъ съ шутивымъ самодовольствомъ.

— Вотъ ужъ ничуть... Вы для меня были въ родѣ брата Аркаши. Потомъ, позднѣе, когда намъ было ужъ лѣтъ по семнадцать, тогда, пожалуй... мнѣ немножко было досадно, что вы мнѣ измѣнили... Вы знаете, это смѣшно, но у дѣвчонокъ — тоже женское сердце. Мы можемъ совсѣмъ не любить безмолвнаго обожателя, но ревнуемъ его къ другимъ... Впрочемъ, все это пустяки. Расскажите лучше, какъ вы поживаете и что дѣлаете.

Онъ рассказалъ о себѣ, объ академіи, о штабной карьерѣ, о войнѣ, о теперешней службѣ. Нѣтъ, онъ не женился: прежде пугала бѣдность и отвѣтственность передъ семьей, а теперь уже поздно. Были, конечно, разныя увлеченія, были и серьезные романы.

Потомъ разговоръ оборвался, и они сидѣли молча, глядя другъ на друга ласковыми, затуманенными глазами. Въ памяти Возницына быстро-быстро проносилось прошлое, отдѣленное тридцатью годами. Онъ познакомился съ Леночкой въ то время, когда имъ не исполнилось еще и по одиннадцати лѣтъ. Она была худой и капризной дѣвчонкой, задирой и ябедой, некрасивой со своими веснушками, длинными руками и ногами, свѣт-

лыми рѣсницами и рыжими волосами, отъ которыхъ всегда отдѣлялись и болтались вдоль щекъ прямыя тонкія космы. У нея по десяти разъ на дню происходили съ Возницынымъ и Аркашей ссоры и примиренія. Иногда случалось и поцарапаться... Олечка держалась въ сторонѣ: она всегда отличалась благонаравіемъ и разсудительностью. На праздникахъ всѣ вмѣстѣ ѣздили танцевать въ Благородное Собраніе, въ театры, въ циркъ, на катки. Вмѣстѣ устраивали елки и дѣтскіе спектакли, красили на Пасху яйца и рядились на Рождество. Часто боролись и возились, какъ молодыя собачки.

Такъ прошло три года. Леночка, какъ и всегда, уѣхала на лѣто съ семьей къ себѣ въ Жмакино, а когда вернулась осенью въ Москву, то Возницынъ, увидѣвъ ее въ первый разъ, раскрылъ глаза и ротъ отъ изумленія. Она попрежнему осталась некрасивой, но въ ней было нѣчто болѣе прекрасное, чѣмъ красота, тотъ розовый, сіяющій расцвѣтъ первоначальнаго дѣвчества, который, Богъ знаетъ какимъ чудомъ, приходитъ внезапно и въ какія-нибудь недѣли вдругъ превращаетъ вчерашнюю неуклюжую, какъ подрастающій догъ, большерукую, большеногую дѣвчонку въ очаровательную дѣвушку. Лицо у Леночки было еще покрыто крѣпкимъ деревенскимъ румянцемъ, подъ которымъ чувствовалась горячая, весело текущая кровь, плечи округлились, обрисовались бедра и точныя, твердыя очертанія груди, все тѣло стало гибкимъ, ловкимъ и граціознымъ.

И отношенія какъ-то сразу перемѣнились. Перемѣнились послѣ того, какъ въ одинъ изъ субботнихъ вечеровъ, передъ всенощной, Леночка и Возницынъ, расшалившись въ полутемной комнатѣ, схватились бороться. Окна тогда еще были открыты, изъ палисадника тянуло осенней ясной свѣжестью и тонкимъ виннымъ запахомъ опавшихъ листьевъ, и медленно, ударъ за ударомъ, плыль

рѣдкій, меланхолическій звонъ большого колокола Борисоглѣбской церкви.

Они сильно обвили другъ друга руками крестъ-накрестъ и, соединивъ ихъ позади, за спинами, тѣсно прижались тѣлами, дыша другъ другу въ лицо. И вдругъ, покраснѣвши такъ ярко, что это было замѣтно даже въ синихъ сумеркахъ вечера, опустивъ глаза, Леночка зашептала отрывисто, сердито и смущенно:

— Оставьте меня... пустите... Я не хочу...

И прибавила со злымъ взглядомъ влажныхъ, блестящихъ глазъ:

— Гадкій мальчишка.

Гадкій мальчишка стоялъ, опустивъ внизъ и нелѣпо растопыривъ дрожащія руки. Впрочемъ, у него и ноги дрожали, и лобъ сталъ мокрымъ отъ внезапной испарины. Онъ только-что ощутилъ подъ своими руками ея тонкую, послушную, женственную талію, такъ дивно расширяющуюся къ стройнымъ бедрамъ, онъ почувствовалъ на своей груди упругое и податливое прикосновеніе ея крѣпкихъ, высокихъ дѣвическихъ грудей и услышалъ запахъ ея тѣла — тотъ радостный, пьяный запахъ распускающихся тополевыхъ почекъ и молодыхъ побѣговъ черной смородины, которымъ они пахнутъ въ ясные, но мокрые весенніе вечера, послѣ мгновеннаго дождя, когда небо и лужи пылаютъ отъ зари и въ воздухѣ гудятъ майскіе жуки.

Такъ начался для Возницына этотъ годъ любовнаго томленія, буйныхъ и горькихъ мечтаній, единицъ и тайныхъ слезъ. Онъ одичалъ, сталъ неловокъ и грубоватъ отъ мучительной застѣнчивости, ронялъ ежеминутно ногами стулья, зацѣплялъ, какъ граблями, руками за все шаткіе предметы, опрокидывалъ за столомъ стаканы съ чаемъ и молокомъ. «Совсѣмъ нашъ Коленъ охалгѣлъ», — добродушно говорила про него Александра Миліевна.

Леночка издѣвалась надъ нимъ. А для него не было большей муки и большаго счастья, какъ стать тихонько за ея спиной, когда она рисовала, писала или вышивала что-нибудь, и глядѣть на ея склоненную шею съ чудесной бѣлой кожей и съ вьющимися легкими золотыми волосами на затылкѣ, видѣть, какъ коричневый гимназическій корсажъ на ея груди то морщится тонкими косыми складками и становится просторнымъ, когда Леночка выдыхаетъ воздухъ, то опять выполняется, становится тѣснымъ и такъ упруго, какъ полно округлымъ. А видъ наивныхъ запястій ея дѣвическихъ свѣтлыхъ рукъ и благоуханіе распускающагося тополя преслѣдовали воображеніе мальчика въ классѣ, въ церкви и въ карцерѣ.

Всѣ свои тетради и переплеты исчертилъ Возницынъ красиво сплетающимися инициалами Е. и Ю., и вырѣзывалъ ихъ ножомъ на крышкѣ парты посреди пронзеннаго и пылающаго сердца. Дѣвочка, конечно, своимъ женскимъ инстинктомъ угадывала его безмолвное поклоненіе, но въ ея глазахъ онъ былъ слишкомъ свой, слишкомъ ежедневный. Для него она внезапно превратилась въ какое-то цвѣтущее, ослѣпительное, ароматное чудо, а Возницынъ остался для нея все тѣмъ же вихрястымъ мальчишкой, съ басистымъ голосомъ, съ мозолистыми и шершавыми руками, въ узенькомъ мундирчикѣ и широчайшихъ брюкахъ. Она невинно кокетничала со знакомыми гимназистами и съ молодыми поповичами съ церковнаго двора, но, какъ кошкѣ, острящей свои коготки, ей доставляло иногда забаву обжечь и Возницына быстрымъ, горячимъ и лукавымъ взглядомъ. Но если, забывшись, онъ черезчуръ крѣпко жалъ ея руку, она грозилась розовымъ пальчикомъ и говорила многозначительно :

— Смотрите, Коля, я все мамѣ расскажу.

И Возницынъ холодѣлъ отъ непритворнаго ужаса.

Конечно, Коля остался въ этотъ сезонъ на второй годъ въ шестомъ классѣ, и, конечно, этимъ же лѣтомъ онъ успѣлъ влюбиться въ старшую изъ сестеръ Синельниковыхъ, съ которыми танцевалъ въ Богородскѣ на дачномъ кругу. Но на Пасху его переполненное любовью сердце узнало моментъ райскаго блаженства...

Пасхальную заутреню онъ отстоялъ съ Юрловыми въ Борисоглѣбской церкви, гдѣ у Александры Миліевны было даже свое почетное мѣсто, съ особымъ коврикомъ и складнымъ мягкимъ стуломъ. Но домой они возвращались почему-то не вмѣстѣ. Кажется, Александра Миліевна съ Олечкой остались святить куличи и пасхи, а Леночка, Аркаша и Коля первыми пошли изъ церкви. Но по дорогѣ Аркаша внезапно и, должно-быть, дипломатически исчезъ — точно сквозь землю провалился. Подростки остались вдвоемъ.

Они шли подъ руку, быстро и ловко изворачиваясь въ толпѣ, обгоняя прохожихъ, легко и въ тактъ ступая молодыми, послушными ногами. Все опяняло ихъ въ эту прекрасную ночь: радостное пѣніе, множество огней, поцѣлуи, смѣхъ и движеніе въ церкви, а на улицѣ — это множество необычно-бодрствующихъ людей, темное теплое небо съ большими мигающими весенними звѣздами, запахъ влажной молодой листвы изъ садовъ за заборами, эта неожиданная близость и затерянность на улицѣ, среди толпы, въ поздній предутренній часъ.

Притворяясь передъ самимъ собою, что онъ дѣлаеть это нечаянно, Возницынъ прижалъ къ себѣ локотокъ Леночки. Она отвѣтила чуть замѣтнымъ пожатіемъ. Онъ повторилъ эту тайную ласку, и она опять отозвалась. Тогда онъ едва слышно нащупалъ въ темнотѣ концы ея тонкихъ пальчиковъ и нѣжно погладилъ ихъ, и пальцы не сопротивлялись, не сердились, не убѣгали.

⁴ Сочиненія А. И. Куприна. Т. VI.

Такъ подошли они къ воротамъ церковнаго дома. Аркаша оставилъ для нихъ калитку открытой. Къ дому нужно было итти по узкимъ деревяннымъ мосткамъ, проложеннымъ, ради грязи, между двумя рядами широкихъ, столѣтнихъ липъ. Но когда за ними хлопнула затворившаяся калитка, Возницынъ поймалъ Леночкину руку и сталъ цѣловать ея пальцы — такіе теплые, пѣжные и живые.

— Леночка, я люблю, люблю васъ...

Онъ обнялъ ее вокругъ талии и въ темнотѣ поцѣловалъ куда-то, кажется, ниже уха. Шапка отъ этого у него сдвинулась и упала на землю, но онъ не сталъ ея разыскивать. Онъ все цѣловалъ похолодѣвшія щеки дѣвухи и шепталъ, какъ въ бреду:

— Леночка, я люблю, люблю...

— Не надо, — сказала она тоже шопотомъ, и онъ по этому шопоту отыскалъ губы. — Не надо... Пустите меня... пуст...

Милыя, такія пылающія, полудѣтскія, наивныя, неумѣлыя губы! Когда онъ ее цѣловалъ, она не сопротивлялась, но и не отвѣчала на поцѣлуи и вздыхала какъ-то особенно трогательно — часто, глубоко и покорно. А у него по щекамъ бѣжали, холодя ихъ, слезы восторга. И когда онъ, отрываясь отъ ея губъ, подымалъ глаза кверху, то звѣзды, осыпавшія липовыя вѣтви, плясали, двоились и расплывались серебряными пятнами, преломляясь сквозь слезы.

— Леночка... люблю...

— Оставьте меня...

— Леночка!

И вдругъ она воскликнула неожиданно сердито:

— Да пустите же меня, гадкій мальчишка! Вотъ увидите, вотъ я все, все, все мамѣ расскажу. Непремѣнно!

Она ничего мамѣ не рассказала, но съ этой ночи уже

больше никогда не оставалась одна съ Возницынымъ. А тамъ подошло и лѣто..

* *

*

— А помните, Елена Владимировна, какъ въ одну прекрасную пасхальную ночь двое молодыхъ людей цѣловались около калитки церковнаго дома? — спросилъ Возницынъ.

— Ничего я не помню... Гадкій мальчишка, — отвѣтила она, мило смѣясь. — Однако смотрите-ка, сюда идетъ моя дочь. Я васъ сейчасъ познакомлю... Леночка, это Николай Иванычъ Возницынъ, мой старый-старый другъ, другъ моего дѣтства. А это моя Леночка. Ей теперь какъ разъ столько лѣтъ, сколько было мнѣ въ одну пасхальную ночь...

— Леночка большая и Леночка маленькая, — сказалъ Возницынъ.

— Нѣтъ. Леночка старенькая и Леночка молодая, — возразила спокойно, безъ горечи, Лѣвова.

Леночка была очень похожа на мать, но рослѣе и красивѣе, чѣмъ та въ свои дѣвическіе годы. Рыжіе волосы матери перешли у нея въ цвѣтъ каленаго орѣха съ металлическимъ оттѣнкомъ, темныя брови были тонкаго и смѣлаго рисунка, но ротъ носилъ чувственный и грубоватый оттѣнокъ, хотя былъ свѣжъ и прелестенъ.

Дѣвушка заинтересовалась плавучими маяками, и Возницынъ объяснилъ ей ихъ устройство и цѣль. Потомъ онъ заговорилъ о неподвижныхъ маякахъ, о глубинѣ Чернаго моря, о водолазныхъ работахъ, о крушеніяхъ пароходовъ. Онъ умѣлъ прекрасно рассказывать, и дѣвушка слушала его, дыша полуоткрытымъ ртомъ, не сводя съ него глазъ.

А онъ... чѣмъ больше онъ глядѣлъ на нее, тѣмъ больше его сердце заволакивалось мягкой и свѣтлой грустью — сострадательной къ себѣ, радостной къ ней, къ

этой новой Леночкѣ, и тихой благодарностью къ прежней. Это было именно то самое чувство, котораго онъ такъ жаждалъ въ Москвѣ, только свѣтлое, почти совсѣмъ очищенное отъ себялюбія.

И, когда дѣвушка отошла отъ нихъ, чтобы посмотрѣть на Херсонесскій монастырь, онъ взялъ руку Леночки старшей и осторожно поцѣловалъ ее.

— Нѣтъ, жизнь все-таки мудра, и надо подчиняться ей законамъ,—сказалъ онъ задумчиво.—И, кромѣ того, жизнь прекрасна. Она — вѣчное воскресеніе изъ мертвыхъ. Вотъ мы уйдемъ съ вами, разрушимся, исчезнемъ, но изъ нашего ума, вдохновенія и таланта вырастутъ, какъ изъ праха, новая Леночка и новый Коля Возницынъ... Все связано, все сцѣплено. Я уйду, но я же и останусь. Надо только любить жизнь и покоряться ей. Мы всѣ живемъ вмѣстѣ: и мертвые и воскресающіе.

Онъ еще разъ наклонился, чтобы поцѣловать ея руку, а она нѣжно поцѣловала его въ сильно серебрищійся високъ. И когда они послѣ этого посмотрѣли другъ на друга, то глаза ихъ были влажны и улыбались ласково, устало и печально.

ЛУННОЙ НОЧЬЮ.

Юльская теплая ночь еще не начинала свѣжѣть, а въ воздухѣ уже чувствовалась близость зари. Мы съ Гамовымъ шли въ ногу, тѣмъ скорымъ, эластически-широкимъ шагомъ, который вырабатывается послѣ третьей версты; ни онъ ни я, по обыкновенію, не говорили ни слова, но я чувствовалъ, что мой спутникъ волнуется и хочетъ заговорить со мною.

Каждую субботу мы встрѣчались съ нимъ на дачѣ у Елены Александровны и вмѣстѣ оттуда возвращались пѣшкомъ въ Москву. На этихъ вечерахъ его присутствіе почти не было замѣтно. Маленькій, тщедушный, весь обросшій черными волосами, прямыми и жесткими; съ короткой, чуточку рыжеватой бородой, начинающей подъ самыми глазами; всегда наглухо застегнутый и всегда немного унылый, — онъ былъ самымъ типичнымъ учителемъ математики изъ всѣхъ, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ. Странно то, что даже на глаза его никто не обращалъ вниманія, и я самъ разглядѣлъ ихъ въ первый разъ только въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь. А между тѣмъ это были удивительные глаза: большіе, черные и постоянно грустные, точно у раненаго оленя; на женскомъ лицѣ они заставили бы забыть объ уродливости прочихъ чертъ, некрасивость же мужского лица дѣлала ихъ незамѣтными.

На вечерахъ у Елены Александровны онъ сидѣлъ на террасѣ, затканной дикимъ виноградомъ, въ самомъ дальнемъ углу. До сихъ поръ, когда я вижу вечеромъ освѣщаемую лампой зелень съ ея мертвеннымъ, жидкимъ цвѣтомъ, я не могу не вспомнить при этомъ лица и похурой фигуры Гамова. Мнѣ всегда казалось, что его душа обременена крупнымъ невысказаннымъ горемъ.

По мѣрѣ того, какъ приходило время прощаться, я начиналъ чувствовать на себѣ его просящій взглядъ. Случалось, съ шапкой въ рукахъ, я заговаривался еще на полчаса, совсѣмъ позабывъ о Гамовѣ. Онъ молча стоялъ рядомъ, не напоминая ни однимъ звукомъ о своемъ присутствіи, и только когда я уже окончательно собирался уходить, онъ постоянно однимъ и тѣмъ же, неизмѣнно-робкимъ тономъ предлагалъ себя въ спутники. До сихъ поръ мнѣ неизвѣстно: пользовался ли я его особой симпатіей, или, просто, онъ считалъ меня физически сильнѣе моихъ товарищей.

Перелѣсокъ, которымъ мы до сихъ поръ шли, кончился. Передъ нами открылось ровное, безъ одного кустика, осеребренное луною поле, сливавшееся вдали съ безоблачнымъ куполомъ неба. Мы свернули съ дороги на росистую траву, заглушавшую шумъ нашихъ шаговъ, и я сталъ поневолѣ чутко прислушиваться и приглядываться къ ночи. Гдѣ-то, очень далеко, всполохнулась и завозилась въ кустѣ птичка, чирикнувъ, точно сквозь сонъ, два раза; по вѣтру еле-еле донеслось звонкое, тревожное ржаніе жеребенка. По травѣ низко стлались сѣдые ключья тумана; они пропадали изъ глазъ и окутывали насъ сыростью, когда мы подходили къ нимъ ближе. Въ воздухѣ пахло скошеннымъ сѣномъ, медомъ и росой.

Ночью, въ открытомъ полѣ, при пазойливо-яркомъ свѣтѣ луны, всѣ чувства пріобрѣтаютъ какую-то странную, тонкую воспримчивость. Мнѣ мало-по-малу начало

сообщаться нервное настроеніе моего спутника; я попробоваль-было запѣть, но самъ испугался того напряженнаго, фальшиваго звука, который издало мое горло.

Я почувствовалъ на своемъ лицѣ, сбоку, пристальный взглядъ Гамова и повернулъ къ нему голову; онъ, по видимому, дожидался этого движенія.

— Скажите, пожалуйста, — произнесъ онъ своимъ, по обыкновенію, вѣжливымъ и немного робкимъ тономъ: — вы изволили слышать сегодняшніе разговоры?

Разговоръ въ этотъ вечеръ шелъ о привидѣніяхъ, предчувствіяхъ, таинственныхъ дамахъ въ бѣломъ и храбрыхъ студентахъ и офицерахъ, — одинъ изъ обыкновенныхъ дачныхъ разговоровъ.

— Конечно, все это ерунда, — продолжалъ Гамовъ, не ожидая моего отвѣта: — и говорилось больше для забавы. Но я замѣтилъ, что вы не принимали участія въ этомъ разговорѣ, и потому, смѣю думать, можете отнестись серьезно къ волнующему меня вопросу.

«Эге! — подумалъ я: — похоже на то, что готовится изліяніе чувствительной души».

— Скажите мнѣ... Впрочемъ, если вамъ смѣшно, вы, конечно, можете не отвѣчать... Бойтесь вы чего-нибудь?

Мнѣ показалось, что онъ сразу поблѣднѣлъ, предлагая этотъ вопросъ, и я тогда же замѣтилъ красоту и печальное выраженіе его глазъ, казавшихся еще чернѣе и еще больше на лицѣ, освѣщенномъ луною.

— Я, впрочемъ, не то спрашиваю. Не бояться нельзя, потому что это все отъ нервовъ. Но что для васъ страшнѣе всего? Чего бы вы не могли забыть въ продолженіе всей вашей жизни?

Я по опыту зналъ, какъ взвнчиваютъ воображеніе такіе разговоры, и отвѣчалъ съ памѣреніемъ сухо:

— По правдѣ сказать, я больше всего боюсь маленькихъ зеленыхъ лягушекъ.

— Простите, я не зналъ, что вамъ этотъ разговоръ непріятенъ, — сказалъ Гамовъ и понурилъ покорно голову.

Мнѣ стало тотчасъ же жалко, что я на его учтивый и серьезный вопросъ отвѣчалъ шутовствомъ. Я началъ вывертываться.

— Помилуйте, отчего же? Все равно молча итти скучно. Только я хотѣлъ сказать, что у меня нервы крѣпкіе, и своимъ воображеніемъ я владѣю настолько, что, мнѣ кажется, сумѣю не поддаться никакому страху.

Когда Гамовъ опять заговорилъ ровнымъ, глухимъ голосомъ, то я замѣтилъ странную особенность его рѣчи. Онъ часто переводилъ духъ, но забиралъ очень мало воздуха и какъ будто бы захлебывался. Поэтому фразы у него выходили короткими, отрывистыми, а конецъ ихъ былъ еле слышенъ. Вѣроятно, это происходило отъ какой-нибудь грудной болѣзни.

— А я, голубчикъ, очень многого, почти всего боюсь. Когда я былъ еще ребенкомъ, меня пугали буками разными, трубочистами, ну, знаете, чѣмъ вообще дѣтей пугаютъ. А я былъ мальчишка очень нервный, воспріимчивый. Должно-быть, страхъ-то на всю жизнь во мнѣ и засѣлъ. Повѣрите ли, я дошелъ до наслажденія страхомъ, и когда мной овладѣваетъ припадокъ этой подлой робости, я стараюсь еще больше себя разстроить... Возьмите вы, напримѣръ, самую невинную вещь: лунныя ночи. Развѣ онѣ не ужасны! Холодный свѣтъ, не то бѣлый, не то синеватый, именно мертвый... Мертвая, одинокая луна, лишенная жизни и воздуха... мириады серебряныхъ точекъ... И земля, такая же точка, песчинка, несущаяся въ вѣчный мракъ... Ужасно! Все, все мнѣ говорить яснѣе, что я умру, погибну въ одно прекрасное время, и что моя смерть необходима для какого-то умолимо-точного мірового закона... Ужасно!..

Онъ помолчалъ секундъ десять, часто дыша, и потомъ продолжалъ:

— Вдвоемъ еще ничего. А вотъ, когда одинъ идешь, да въ такомъ ровномъ полѣ, какъ теперь, вотъ тогда напрягаются все чувства. Смотрите, какъ этотъ фальшивый свѣтъ сгладилъ все неровности, точно скатерть—поле, и, кажется, конца ему нѣтъ... А я иду одинъ и думаю, что нѣтъ кругомъ на цѣлыя сотни верстъ, кромѣ меня, ни одного живого существа. И откуда ни посмотри, отовсюду меня видно; захоти я спрятаться, такъ некуда. Но едва я это подумаю, мнѣ уже кажется, что на меня въ самомъ дѣлѣ смотрятъ невидимые для меня глаза, смотрятъ отовсюду, куда я только ни повернусь. И спереди, и съ боковъ, и сзади... Всего страшнѣе, что сзади: такъ и тянетъ обернуться. А сердце стучитъ, такъ стучитъ, что и этому «невидимому», навѣрно, слышно, волосы на головѣ шевелятся... ужасъ, точно холодъ, все тѣло охватываетъ...

Послѣднія слова онъ не произнесъ, а точно выкрикнулъ внезапно зазвенѣвшимъ горловымъ голосомъ. Нервная дрожь пробѣжала у меня по спинѣ, но я не остановилъ Гамова, хотя и чувствовалъ, что онъ сейчасъ разойдется. Мною овладѣло любопытство.

— Всего же, всего страшнѣе для меня (въ голосѣ Гамова послышался отбѣнокъ таинственности) — это чело-вѣкъ. О! Не тотъ чело-вѣкъ, что преграждаетъ вамъ дорогу на перекресткѣ и хватаетъ васъ за горло... Это очень просто: ему хочется ѣсть и не хочется работать. Я мужчина и силу сумѣю отразить силой. Меня, — и го-лосъ Гамова вдругъ понизился до шопота:—меня пугаетъ то, что въ каждомъ изъ насъ есть одна темная, закрытая для всякихъ наблюденій, ужасная сторона. Я долженъ начать издалека. Вамъ не скучно, что я такъ много говорю?

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста. Мнѣ очень интересно...

— Случалось вамъ видѣть во снѣ, будто вы сдаете трудный экзаменъ? Вамъ задають вопросъ, и вы на него никакъ не можете отвѣтить. Вы усиленно думаете, ломаете голову, но отвѣтъ, какъ нарочно, не идетъ на умъ. Тогда учитель обращается къ одному изъ вашихъ товарищей, тотъ отвѣчаетъ самымъ правильнымъ и блестящимъ образомъ, и вамъ становится стыдно за ваше незнаніе. Случалось это съ вами?

— Не помню, — отвѣчалъ я, еще не понимая, къ чему клонить рѣчь Гамовъ.—Во всякомъ случаѣ, если я этого самаго не видалъ, то видалъ подобное. Я понимаю, что вы хотите выразить.

— Понимаете? Ну, и прекрасно. Дальше. Вамъ, навѣрно, приходилось когда-нибудь итти по полю и глубоко задуматься. Такъ задуматься, что, спроси васъ, по какой мѣстности вы шли, вы не сумѣли бы отвѣтить. А между тѣмъ вы старательно переступали ямы, обходили грязныя мѣста и ни разу не упали. А? Отчего это? И много, много такихъ явленій... Я изъ нихъ вывелъ одну, очень странную теорію..

Онъ посмотрѣлъ на небо, на слабо мерцающія звѣзды и помолчалъ.

— Я, видите ли, думаю, что человѣку присуци двѣ воли. Одна — сознательная. Этой волей я ежечасно, ежеминутно управляю своими дѣйствіями и постоянно сознаю въ себѣ ея присутствіе. Ну, однимъ словомъ, она есть то, что всякій привыкъ понимать подъ именемъ воли. А другая воля—безсознательная; она въ нѣкоторыхъ случаяхъ распоряжается человѣкомъ совершенно безъ его вѣдома, иногда даже противъ его желанія. Человѣкъ ея не понимаетъ и не сознаётъ въ себѣ. Во снѣ на экзаменѣ отвѣчаетъ вашъ товарищъ. Но вѣдь товарища-то на самомъ дѣлѣ нѣтъ, отвѣчаете вы же, и вы же удивляетесь

тому, что говорите. Видите, какая двойственность? Даже теперь вотъ, въ настоящую секунду: вы идете, переставляете ноги, махаете руками. Но вѣдь вы о вашихъ рукахъ и ногахъ даже и думать позабыли, потому что заняты разговоромъ. Кто же ими двигаетъ, если не эта вторая, безсознательная воля? А гипнотизмъ, когда одинъ субъектъ, противъ желанія, подчиняется приказаніямъ другого? И много, много... Понимаете вы хоть немного мою мысль?

Глядя на меня своими грустными большими глазами, онъ какъ будто бы извинялся за этотъ странный разговоръ.

— Понимаю отчасти, — отвѣчалъ я неопредѣленно.

— Такъ вотъ этой самой таинственной области въ человѣкѣ я и боюсь, — продолжалъ Гамовъ, опять понижая свой голосъ до шопота.—Разъ эта вторая воля есть, есть и физическій органъ, который на ряду со всѣми прочими органами подверженъ болѣзнямъ. Только человѣкъ ничего объ этой волѣ не знаетъ и болѣзни своей не чувствуетъ: въ этомъ самое страшное. Лунатики, сумасшедшіе, преступники съ наслѣдственными влеченіями, бѣсноватые, одержимые противоестественными похотями, эпилептики — всѣ эти несчастные, у которыхъ такъ дико, такъ неожиданно, такъ ужасно проявляются ихъ болѣзни, всѣ они страдаютъ однимъ и тѣмъ же: разстройствомъ ихъ второй воли. Главное — неожиданно и совершенно непонятно. Я боюсь самого себя, боюсь васъ, боюсь всякаго... Ну, вотъ, напримѣръ, мы съ вами идемъ, а я вдругъ останавливаюсь, беру васъ за рукавъ (Гамовъ, дѣйствительно, дотронулся до моего рукава, отчего по моему тѣлу пробѣжала какая-то брезгливая дрожь) и ни съ того ни съ сего, молча, дѣлаю страшную, отвратительнѣйшую гримасу?.. Развѣ это не страшно? Особенно ночью, въ полѣ, одинъ на одинъ?

Я съ болѣзненнымъ любопытствомъ поглядѣлъ въ лицо Гамову. Я почувствовалъ, что, сдѣлай онъ въ самомъ дѣлѣ сейчасъ гримасу — я съ ужасомъ, но въ ту же секунду повторилъ бы ее на своемъ лицѣ. Отъ одной этой мысли мнѣ стадо холодно, но, къ счастью, гримасы Гамовъ не сдѣлалъ.

Мы подходили къ тому мѣсту, гдѣ дорога развѣтвлялась на двѣ: одна вела въ Москву, а другая — въ одинъ изъ загородныхъ парковъ. На перекресткѣ росли двѣ корявыя березы.

— Есть у васъ папиросы? — спросилъ Гамовъ. — У меня всѣ вышли.

Мы остановились на перекресткѣ, и онъ сталъ закуривать. Закуривалъ онъ торопливо, и я подумалъ, что ему пришла въ голову еще какая-то мысль. Дѣйствительно, затянувшись поспѣшно нѣсколько разъ подъ рядъ, онъ опять заговорилъ:

— Извѣстенъ вамъ тотъ странный фактъ, что убійцу влечетъ къ мѣсту преступления? Это, конечно, давно избито и заѣзжено, но зато еще разъ подтверждаетъ мою, вѣроятно, нелѣпую теорію. Вы подумайте только: вѣдь сознательно убійца ни за что не пошелъ бы. Это и неблагоприятно, и мучительно, и, наконецъ, совсѣмъ не нужно. Однако онъ идетъ, идетъ и идетъ, и потомъ ни за что не скажетъ, почему пришелъ... Ну, что вы на это скажете?

Я не зналъ, чѣмъ отвѣтить, кромѣ неопредѣленнаго мычанія; мнѣ становилось неловко. Когда Гамовъ снова торопливо затянулся нѣсколько разъ подъ рядъ, — его лицо, то освѣщаемое огнемъ папиросы, съ длинными тѣнями отъ носа и бровей, то опять тонувшее въ темнотѣ, показалось мнѣ страшнымъ. Къ сожалѣнію, я не могъ теперь его остановить, потому что чувствовалъ себя не въ силахъ сдѣлать это.

Предразсвѣтныи легкій вѣтерокъ тронулъ листьа въ верхушкѣ березы, подѣ которой мы стояли, и они затрепетали съ тревожнымъ шумомъ. Гамовъ съ силою швырнулъ недокуренную папиросу объ землю и кинулъ на меня безпокойный взглядъ.

— Да вотъ, напримѣръ, чтѣ. Вообразите, что вы идете не со мной, а съ кѣмъ-нибудь другимъ, при совершенно такихъ же обстоятельствахъ и послѣ такого же разговора, какой былъ у насъ съ вами. Точно такъ же, какъ и сейчасъ, вы останавливаетесь подѣ этими самыми березами... И вдругъ вашъ спутникъ, обыкновенно молчаливый и робкій на видъ, начинаетъ вамъ рассказывать, какъ онъ два года тому назадъ на этомъ, на вотъ этомъ самомъ мѣстѣ (Гамовъ показалъ пальцемъ передъ собою; голосъ его ослабѣвалъ и обрывался)... убилъ женщину... И, главное, вы видите, что онъ не шутитъ, потому что сообщаетъ такія мелочныя, такія тонкія и своеобразныя подробности, какихъ ни одинъ психологическій писатель не придумаетъ... Ну, хоть вотъ такъ...

Гамовъ задумался, какъ будто бы что-то припоминая. Давешній ужасъ опять проползъ у меня по спинѣ своими мохнатыми лапами...

— Я все это очень умно устроилъ (я говорю отъ имени этого вашего знакомаго). Представьте себѣ: ни отецъ ни мать не знали, что она со мной знакома. О! Даже больше: она меня ненавидѣла, питала ко мнѣ отвращеніе, какъ къ гадинѣ, но я все-таки сумѣлъ овладѣть ея волей и воображеніемъ до невѣроятной степени. Если я въ полдень проходилъ мимо ея окна, она ужъ непременно выходила передъ вечеромъ на Тверской бульваръ. Это условный знакъ у насъ былъ такой (видите, какая мелкая подробность). Покорность такая была оттого, что я случайно проникъ въ ея тайну, очень простую тайну: эта дѣвушка имѣла ребенка. У меня въ ру-

какъ находились вещественныя доказательства, а дѣвуха эта была единственнымъ утѣшеніемъ нѣжныхъ родителей, да, кромѣ того, сюда и патриціанская гордость примѣшивалась. Да, чортъ! Много было подробностей. (Замѣтьте, все это вамъ говорить вашъ предполагаемый знакомый). И все это я сумѣлъ одѣть нѣкоторымъ туманнымъ покровомъ таинственности... Шантажъ, вы хотите сказать? Вотъ именно, именно шантажъ; самое подходящее слово, хотя все это дѣлалось не изъ-за выгоды матеріальной, а потому, что вашъ знакомый дѣвуху любилъ, какъ сорокъ тысячъ... и такъ далѣе... Такимъ образомъ я ей приказалъ однажды лѣтомъ прійти на опредѣленное мѣсто; мы взяли извозчика и поѣхали за городъ на дачу. Дача-то, конечно, была пустымъ предлогомъ: мы тамъ никого не застали. Пришлось возвращаться назадъ пѣшкомъ, вотъ какъ теперь мы съ вами. Даже ночь была такая же лунная, теплая и душистая... Только теперь (Гамовъ вынулъ изъ кармана часы и посмотрѣлъ на нихъ, близко поднеся къ глазамъ) пять минутъ четвертаго, а тогда мы подошли къ перекрестку не позже, какъ въ половинѣ второго...

«Понимаете? Я ее любилъ! Она была изумительно хороша, изумительно! Что-то въ ней было страстное, нецокорное и очень сильное: какъ женщина, она обѣщала бездну наслажденія. Она была выше меня ростомъ, гибкая, съ высокой таліей и маленькимъ бюстомъ, точно у классической богини, съ сильными маленькими руками. Ея пышная натура, особенно сказывалась въ волосахъ. Эти золотые, нѣжные волосы, мѣстами цвѣта спѣлаго орѣха, просто мѣшали ей. Они не слушались прически и лѣзли ей на глаза; у нея была милая, граціозная привычка откидывать ихъ назадъ быстрымъ движеніемъ головы. Это была необыкновенная женщина!

«Вы не испытывали никогда этого захватывающаго

духъ сладострастія, когда сознаёшь, что любимая тобой женщина, которая тебя презираетъ, находится въ твоихъ рукахъ, и ты ее можешь взять силой? Вѣрно, не испытывали? А у меня въ карманѣ былъ америкапскій револьверъ Мервинга, и каждый разъ, опуская руку въ правый карманъ пальто и ощущая холодъ металлическаго дула, я думалъ, что если здѣсь выстрѣлить, то ни одна душа не услышитъ. И каждый разъ мнѣ хотѣлось потянуться отъ какого-то чертовски-сладкаго предчувствія... Здѣсь вашъ знакомый кстати сообщить вамъ еще одну деталь: револьверъ онъ взялъ изъ того расчета, что отъ него во всякомъ случаѣ меньше крови...

«Боже мой! Какое это наслажденіе! Говорить ей о любви, грозить убить ее, вымогать у нея ласки съ револьверомъ у виска! Ахъ, это необъяснимое сладострастіе... Но знаете (Гамовъ вдругъ остановился и хрипло, растянута засмѣялся; я не могъ пошевелинуться)... все это, конечно, къ примѣру... Знаете, что она сдѣлала, когда я вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь стоимъ съ вами, приставилъ къ ея виску револьверъ и грубо, ну, такъ грубо, какъ развѣ можетъ только пьяный солдатъ, потребовалъ, чтобы она мнѣ отдалась? Знаете, что она сдѣлала? Она расхохоталась и назвала меня трусомъ, неспособнымъ даже на такую подлость. И не то, что расхохоталась искусственно, а на самомъ дѣлѣ, громко, презрительно такъ... О, какъ она была великолѣпна въ эту минуту, и какъ я сознавалъ свою собственную мерзость... Но мнѣ было все равно... Я сказалъ, что сію секунду выстрѣлю; она не шевельнулась ни однимъ мускуломъ и все продолжала смѣяться. Глаза у нея стали большіе такіе и дерзкіе... Я едва надавилъ собачку... у меня пальцы обезсилѣли, и затерпли губы... Мысль работала страшно сильно. Я все испытывалъ себя: могу или не могу? Мнѣ какъ будто бы интересно было: сильно

нужно нажать, чтобы выстрѣлить? Я жалъ потихоньку, а со стороны точно самъ за собою наблюдалъ... И вдругъ ея лицо всыхнуло... По долинѣ грохотъ какой-то дробный прокатился. Я сначала ничего не понималъ... И какая подробность чудовищная мнѣ въ память успѣла вѣзаться: когда ея лицо освѣтилось, я еще успѣлъ на немъ разглядѣть улыбку!..

«Когда я къ ней нагнулся, ея високъ и часть лба были въ крови. Кровь была лужей и на землѣ, а на ея поверхности какія-то бѣловатыя жирныя струйки... Не знаю, можетъ-быть, мнѣ это и показалось. Одна прядь ея золотыхъ волосъ прилипла къ ранѣ. Эта подробность у меня нѣсколько мѣсяцевъ не выходила изъ головы: все хотѣлось взять и отвести эту прядь осторожноенько назадъ... Смерть гадка, страшна и таинственна... Но стоять возлѣ... созерцать, какъ молодая, красивѣйшая женщина, за минуту передъ тѣмъ смѣявшаяся, становится холодной вещью!.. И когда я самъ, самъ, своими руками произвелъ это таинственное явление!.. Ужасно!!!...»

Гамовъ задышался. Послѣднія слова онъ произнесъ еле слышно, точно въ раздумьѣ. или въ бреду, и закрылъ лицо руками. Когда же онъ отнялъ руки, то я увидѣлъ, что его лицо искажено кривой, измученной улыбкой.

— Ну-съ! А знаете, чтѣ всего страшнѣе, мой молодой другъ? Всего страшнѣе то, что я знаю ваши теперешнія мысли. Вы думаете, что вся эта исторія произошла не съ вашимъ выдуманымъ другомъ, а съ самимъ Гамовымъ. А убійцу-то вотъ и потянуло на самомъ мѣстѣ преступления рассказать все первому встрѣчному подъ видомъ аллегоріи, такъ сказать, заглянуть въ пронасть? Ну, чтѣ, правда? Правда?

Когда онъ это сказалъ, я въ тотъ же мигъ съ поразительной ясностью понялъ ту мысль, которая меня давно

уже угнетала и которую я боялся представить себѣ отчетливѣе.

Наши глаза встрѣтились и не могли оторваться; наши лица сошлись страшно близко. Ужасъ нечеловѣческій, — чудовищный ужасъ сковалъ мое тѣло, сжалъ ледяной рукой мое горло, сдвинулъ къ затылку кожу на моемъ черепѣ. Продлись это состояніе еще секунды три — произошло бы что-нибудь нелѣпое. Можетъ-быть, я бросился бы бѣжать и бѣжалъ бы до изнеможенія, трясясь и падая. Можетъ-быть, мы оба съ крикомъ кинулись бы другъ на друга, какъ два дикихъ звѣря...

Вдали по дорогѣ послышался стукъ колесъ. И я и Гамовъ одновременно вздохнули всей грудью, точно пробудясь отъ страшнаго сна, и отвели глаза.

— Ну, я не зналъ, что вы такой нервный, — замѣтилъ было шутливо Гамовъ, но я не отвѣчалъ ему.

Во всю дорогу мы не сказали другъ другу ни слова и разошлись, не подавъ другъ другу руки.

А на востокѣ уже пылали багряные, желтые и розовые тона. Сизая тяжелая туча одна напоминала объ уходящей ночи, но и она кое-гдѣ была прорѣзана тонкими, длинными полосками червоннаго золота, и края ея играли нѣжными переливами розоваго перламутра.

Гамовъ пересталъ бывать у Елены Александровны, а я хоть и бывалъ, но возвращался съ ея дачи въ Москву другою дорогою.

БЛАЖЕННЫЙ.

Мы сидѣли въ маленькомъ кругломъ скверикѣ, куда насъ загналъ нестерпимый полуденный зной. Тамъ было гораздо прохладнѣе, чѣмъ на улицѣ, гдѣ камни мостовой и плиты тротуаровъ, пронизанные отвѣсными лучами июльскаго солнца, жгли подошву ноги, а стѣны зданій казались раскаленными. Кромѣ того, и мелкая горячая пыль не проникала туда сквозь сплошную ограду изъ густыхъ старыхъ липъ и раскидистыхъ каштановъ, похожихъ, съ длинными, торчащими кверху розовыми цвѣтами, на гигантскія царственные люстры. Рѣзвая нарядная дѣтвора наполняла скверъ. Подростки играли въ серсо и веревочку, гонялись другъ за другомъ, или попарно съ важнымъ видомъ ходили, обнявшись, скорыми шагами по дорожкамъ. Меньшіе играли въ «краски», въ «барыня прислала сто рублей» и въ «короля». Наконецъ самые маленькіе копошились на большой кучѣ желтаго теплаго песку, лѣпя изъ него гречичники и куличи. Няньки и бонны, собравшись кучками, судачили про своихъ господъ, а гувернантки сидѣли на скамеечкахъ, прямыя, какъ палки, углубленные въ чтеніе или работу.

Вдругъ дѣтвора побросала свои развлечения и стала пристально смотрѣть по направленію входной калитки. Мы тоже обернулись туда. Рослый бородатый мужикъ катилъ передъ собою кресло, въ которомъ сидѣло жалкое, беспомощное существо: мальчикъ лѣтъ 18—20-ти, съ рых-

лымъ, блѣднымъ лицомъ, съ отвисшими губами, красными, толстыми и мокрыми, и со взглядомъ идіота. Бородатый мужикъ провезъ кресло мимо насъ и скрылся за поворотомъ дорожки. Я замѣтилъ, какъ тряслась во всѣ стороны огромная остроконечная голова слабоумнаго и какъ она при каждомъ толчкѣ то падала на плечи, то безсильно опускалась внизъ.

— Ахъ, бѣдный, бѣдный человѣкъ!—произнесъ тихо мой спутникъ.

Въ его словахъ мнѣ послышалось такое глубокое и такое истинное сочувствіе, что я невольно посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ. Я зналъ Зимина давно: это былъ добродушный, сильный, мужественный и веселый человѣкъ. Онъ служилъ въ одномъ изъ полковъ, расположенныхъ въ нашемъ городѣ. Говоря по правдѣ, я не ожидалъ отъ него такого неподдѣльнаго состраданія къ чужому несчастію.

— Бѣдный-то онъ, конечно, бѣдный, но какой же онъ человѣкъ?—возразилъ я, желая вызвать Зимина на разговоръ.

— Почему же вы отказываете ему въ этомъ?—спросилъ въ свою очередь Зиминъ.

— Ну... какъ вамъ сказать? Это же всемъ ясно... У идіотовъ вѣдь нѣтъ никакихъ высшихъ побужденій и свойствъ, отличающихъ человѣка отъ животнаго: ни разума, ни рѣчи, ни воли... Собака или кошка обладаютъ этимъ качествомъ въ гораздо большей степени...

Но Зиминъ прервалъ меня.

— Извините, пожалуйста, я, наоборотъ, глубоко убѣжденъ, что идіотамъ вовсе не чужды человѣческіе инстинкты. Они у нихъ только затуманены... Живутъ гдѣ-то глубоко подъ звѣриными ощущеніями... Видите ли... со мной былъ одинъ случай, послѣ котораго, мнѣ кажется, я имѣю право такъ говорить. Воспоминаніе о немъ ни-

когда не покидаетъ меня, и каждый разъ, когда я вижу такого вотъ блаженнаго, я чувствую себя растроганнымъ чуть ли не до слезъ.. Если вы позволите, я расскажу вамъ, почему идиоты внушаютъ мнѣ такую жалость.

Я поспѣшилъ попросить его объ этомъ, и онъ началъ:

— Въ 18.. году я поѣхалъ ранней осенью въ Петербургъ держать экзаменъ въ академію генеральнаго штаба. Я остановился въ первой попавшейся гостиницѣ, на углу Невскаго и Фонтанки. Изъ оконъ моихъ были видны бронзовые кони Аничкова моста, всегда мокрые и блестящіе, точно обтянутые новой клеенкой. Я часто рисовалъ ихъ на мраморныхъ подоконникахъ моего номера.

«Петербургъ меня непріятно поразилъ: все время онъ былъ окутанъ унылымъ сѣрымъ покровомъ затяжного дождя. Но академія, когда я впервые туда явился, прямо меня подавила, ошеломила и уничтожила своей грандіозностью. Я, какъ теперь, помню ея огромную швейцарскую, широкую лѣстницу съ мраморными перилами, анфилады высокихъ, строгихъ аудиторій и павощенные, блестящіе, какъ зеркала, паркеты, по которымъ мои провинціальныя ноги ступали такъ неувѣренно. Офицеровъ въ этотъ день собралось человѣкъ до четырехсотъ. На скромномъ фонѣ армейскихъ зеленыхъ мундировъ сверкали гремящіе палаши кирасировъ, красныя груди улаповъ, бѣлые колеты кавалергардовъ; пестрѣли султаны, золотые орлы на каскахъ, разноцвѣтные обшлага, серебряныя пашки. Все это были соперники, и, поглядывая на нихъ, я съ гордостью и волненіемъ пощипывалъ то мѣсто, гдѣ предполагались у меня въ будущемъ усы. Когда мимо насъ, застѣнчивыхъ пѣхотинцевъ, пробѣгали съ портфелями подъ мышкой необыкновенно озабоченные полковники генеральнаго штаба, мы сторонились отъ нихъ въ благоговѣйномъ ужасѣ.

«Экзамены должны были тянуться болѣе мѣсяца. У меня не было ни одной знакомой души во всемъ Петербургѣ, и по вечерамъ, приходя домой, я испытывалъ скуку и томленіе одиночества. Съ товарищами же и говорить не стоило: всѣ они было помѣшаны на синусахъ и тангенсахъ, на качествахъ, которымъ должна удовлетворять боевая позиція, и на среднемъ квадратическомъ отклоненіи снарядовъ. Вдругъ я случайно вспомнилъ, что мой отецъ совѣтовалъ мнѣ разыскать въ Петербургѣ Александру Ивановну Грачеву, нашу дальнюю родственницу, и зайти къ ней. Я взялъ справку въ адресномъ столѣ, отправился куда-то на Гороховую и съ трудомъ, но все-таки нашелъ комнату Александры Ивановны, жившей на заднемъ дворѣ у своей сестры.

«Я вошелъ и остановился, почти ничего не видя. Спичкой къ мнѣ, у единственнаго маленькаго окна съ мутно-зелеными стеклами, стояла полная женщина. Она нагнулась надъ керосиновой плитой, отъ которой шелъ густой чадъ, застилавшій комнату и наполнявшій ее запахомъ керосина и пригорѣлаго масла. Женщина обернулась назадъ и стала присматриваться. Въ это время откуда-то изъ угла выскочилъ и быстро подошелъ ко мнѣ мальчикъ, въ распоясанной блузѣ и босикомъ. Взглянувъ на него пристальнѣй, я сразу догадался, что это идиотъ, и хотя не отступилъ передъ нимъ, но скажу откровенно, что въ сердце мое стукнуло чувство, похожее на трусость. Идиотъ глядѣлъ на меня безсмысленно и издавалъ странные звуки, нѣчто въ родѣ: урлы, урлы...

«— Не бойтесь, онъ не тронетъ, — сказала женщина, идя мнѣ навстрѣчу. — Чѣмъ могу служить?»

«Я назвалъ себя и упомянулъ про своего отца. Она обрадовалась, оживилась, разохалась и стала извиняться, что у нея не прибрано. Идиотъ принялся еще громче кричать свое: урлы, урлы...

«— Это сыночекъ мой, онъ такой отъ рожденія, — сказала Александра Ивановна съ грустной улыбкой. — Что жь... Божья воля... Степаномъ его зовутъ...

«Услышавъ свое имя, идиотъ крикнулъ какимъ-то птичьимъ голосомъ:

«— Папанъ!

«Александра Ивановна похлопала его ласково по плечу.

«— Да, да. Степанъ, Степанъ... Видите, догадался, что о немъ говорятъ, и рекомендуется.

«— Папанъ! — крикнулъ еще разъ идиотъ, переводя глаза то на мать, то на меня.

«Чтобы оказать Александрѣ Ивановнѣ вниманіе, я сказала ему: «Здравствуй, Степанъ», и взяла его за руку. Она была холодна, пухла и безжизненна. Я почувствовала брезгливость и только изъ вѣжливости спросила:

«— Ему, навѣрно, лѣтъ шестнадцать?

«— Ахъ, нѣтъ, — отвѣтила Александра Ивановна. — Это всѣмъ такъ кажется, что ему шестнадцать, а ему уже двадцать девятый идетъ... Ни усы, ни борода не растутъ.

«Мы разговорились. Грачева оказалась тихой, робкой женщиной, забитой неудачами и долгой нуждой. Суровая борьба съ бѣдностью совершенно убила въ ней смѣлость мысли и способность интересоваться чѣмъ-нибудь выходящимъ за узкіе предѣлы этой борьбы. Она жаловалась мнѣ на дороговизну мяса и на дерзость извозчиковъ, рассказывала объ извѣстныхъ ей случаяхъ выпрыска въ лотерею и завидовала счастьемъ богатыхъ людей. Во все время нашего разговора Степанъ не сводилъ съ меня глазъ. Видимо, его поразили и заинтересовали видъ моего военного сюртука. Раза три онъ исподтишка протягивалъ руку, чтобы притронуться къ блестящимъ пуговицамъ, и тотчасъ же отдергивалъ ее съ лицомъ испуга.

«— Неужели вашъ Степанъ такъ и не говоритъ ни одного слова? — спросилъ я Александру Ивановну.

«Она печально покачала головой.

«—Нѣтъ, не говоритъ. Есть у него нѣсколько собственныхъ словъ, да что же это за слова! Такъ, бормотанье! Вотъ, на примѣръ, Степанъ у него называется «Папанъ», кушать хочется — «мня», деньги у него называются «тэки»... Степанъ,—обратилась она къ сыну:— гдѣ твои тэки? Покажи намъ твои тэки.

Степанъ вдругъ спрыгнулъ со стула, бросился въ темный уголъ и присѣлъ тамъ на корточки. Я услышалъ оттуда звонъ мѣдной монеты и тѣ же «урлы, урлы», но на этотъ разъ ворчливые, угрожающіе.

«— Бойтся, — пояснила Александра Ивановна. — Хотя и не понимаетъ, что такое деньги, а ни за что не позволить дотронуться... Даже меня къ нимъ не подпускаетъ... Ну, ну, не будемъ трогать тэки, не будемъ, — принялась она успокаивать сына...

«Я сталъ довольно часто бывать у Грачевой. Ея Степанъ заинтересовалъ меня, и мнѣ пришла въ голову мысль вылѣчить его по системѣ какого-то швейцарскаго доктора, пробовавшаго дѣйствовать на своихъ слабоумныхъ пациентовъ медленнымъ путемъ логическаго развитія. «Вѣдь есть же у него нѣсколько слабыхъ представленій о внѣшнемъ мірѣ и объ отношеніи явленій, — думалъ я. — Неужели къ этимъ двумъ-тремъ идеямъ нельзя съ помощью комбинаціи прибавить четвертую, пятую и т. д.? Неужели, путемъ упорной гимнастики нельзя хотя немного укрѣпить и расширить этотъ бѣдный умъ?»

«Я началъ съ того, что принесъ Степану куклу, изображающую ямщика. Онъ очень обрадовался, расхохотался и закричалъ, указывая на куклу: «Папанъ!» Повидимому, однако, кукла возбудила въ его головѣ какія-то сомнѣнія, и въ тотъ же вечеръ Степанъ,

всегда благосклонный ко всему маленькому и слабому, попробоваль на полу крѣпость ея головы. Потомъ я приносилъ ему картинки, пробоваль заинтересовать его кубиками, разговариваль съ нимъ, называя разные предметы и показывая на нихъ. Но, или система швейцарскаго доктора была невѣрна, или я не умѣль ее примѣнить на практикѣ, только развитіе Степана не подвигалось ни на шагъ.

«Зато онъ необыкновенно полюбилъ меня въ эти дни. Когда я приходилъ, онъ кидался мнѣ навстрѣчу съ восторженнымъ ревомъ. Онъ не спускалъ съ меня глазъ; когда я переставаль обращать на него вниманіе, онъ подходилъ и лизаль, какъ собака, мои руки, сапоги или одежду. Послѣ моего ухода онъ долго не отходилъ отъ окна и испускалъ такіе жалобные вопли, что другіе квартиранты жаловались на него хозяйкѣ.

«А мои личныя дѣла были очень плохи. Я провалился— и провалился съ необычайнымъ трескомъ— на предпоследнемъ экзаменѣ по фортификаціи. Мнѣ оставалось только собрать пожитки и отправляться обратно въ полкъ. Мнѣ кажется, я во всю мою жизнь не забуду того ужаснаго момента, когда, выйдя изъ аудиторіи, я проходилъ величественный вестибюль академіи. Боже мой! какимъ маленькимъ, жалкимъ и униженнымъ казался я самъ себѣ, сходя по этимъ широкимъ ступенямъ, устланнымъ сѣрымъ байковымъ ковромъ съ красными каемками по бокамъ и съ бѣлой холщевой дорожкой посрединѣ.

«Нужно было какъ можно скорѣе ѣхать. Къ этому меня побуждали и финансовыя соображенія: въ моемъ бумажникѣ лежали всего-навсего: гривенникъ и билетъ на одинъ разъ въ нормальную столовую...

«Я думаль: получить поскорѣе обратные прогоны (о, какая свирѣпая иронія заключалась для меня въ последнемъ словѣ!)—и въ тотъ же день маршь на вок-

заль. Но оказалось, что самая трудная вещь въ мірѣ — именно получить прогоны въ Петербургѣ. Изъ канцеляріи академіи меня посылали въ главный штабъ, изъ главнаго штаба — въ комендантское управление, оттуда — въ окружное интендантство, а оттуда — обратно въ академію, и наконецъ — въ казначейство. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ были различные часы приѣма: гдѣ отъ 9 час. утра до 12, гдѣ отъ 3 до 5 час. Я всюду опаздывалъ, и положеніе мое становилось критическимъ.

«Вмѣстѣ съ билетомъ въ нормальную столовую я истратилъ легкомысленнымъ образомъ и гривенникъ. На другой день при первыхъ приступахъ голода я рѣшилъ продать учебники. Толстый баронъ Вега въ обработкѣ Бреммера и въ переплетѣ пошелъ за четвертакъ, администрація проф. Лобко за 20 копеекъ, солиднаго генерала Дуропа никто не бралъ.

«Еще два дня я былъ въ полусытомъ состояніи. На третій день изъ прежнихъ богатствъ осталось только три копейки. Я, скрѣпя сердце, пошелъ просить займы у товарищей, но они всѣ отговаривались «торричеллиевой пустотой» кармановъ, и только одинъ сказалъ, что хотя у него и есть нѣсколько рублей, но все-таки онъ займы ничего не дастъ, «потому что, — объяснилъ онъ съ нѣжной улыбкой: — часто, давъ другу въ долгъ денегъ, мы лишаемся и друга и денегъ, — какъ сказалъ однажды великій Шекспиръ въ одномъ изъ своихъ безсмертныхъ произведеній»...

«Три копейки! Я предавался надъ ними трагическимъ размышленіямъ: истратить ли ихъ на полдесятка палирость, или подождать, когда голодъ сдѣлается невыносимымъ, и тогда купить на нихъ хлѣба?

«Какъ я былъ уменъ, что рѣшился на послѣднее! Къ вечеру я проголодался, какъ Робинзонъ Крузе на своемъ островѣ, и вышелъ на Невскій. Я разъ десять прошелъ

мимо булочной Филиппова, пожирая глазами выставленные въ окнахъ громадныя хлѣбы: у нѣкоторыхъ тѣсто было желтое, у другихъ розовое, у третьихъ перемежалось со слоями мака. Наконецъ я рѣшился войти. Какіе-то гимназисты ѣли жареные пирожки, держа ихъ въ кусочкахъ сѣрой промаслившейся бумаги. Я почувствовалъ ненависть къ этимъ счастливымъ...

«— Что вамъ угодно? — спросилъ меня приказчикъ.

«Я принялъ самый небрежный видъ и сказалъ фатовскимъ тономъ:

«— Отрѣжьте-ка мнѣ фунтъ чернаго хлѣба...

«Но я далеко не былъ спокоенъ, пока приказчикъ широкоимъ ножомъ красиво рѣзалъ хлѣбъ. «А вдругъ, — думалось мнѣ:— фунтъ хлѣба стоитъ не 2¹/₂ копейки, а больше? Или что будетъ, если приказчикъ отрѣжетъ съ походцемъ? Я понимаю, можно задолжать въ ресторанѣ пять-десять рублей и приказать буфетчику: «Запиши тамъ за мной, любезный», но какъ быть, если нехватитъ одной копейки?

«Ура! Хлѣбъ стоитъ ровно три копейки. Я переминался терпѣливо съ ноги на ногу, когда его завертывали въ бумагу. Какъ только я вышелъ изъ булочной, чувствуя въ карманѣ теплое и мягкое прикосновеніе хлѣба, мнѣ хотѣлось отъ радости закричать и съежиться, какъ дѣлаютъ маленькія дѣти, ложась въ постель послѣ цѣлаго дня бѣготни. И я не могъ утерпѣть, чтобы еще на Невскомъ не сунуть украдкою въ ротъ двухъ большихъ, вкусныхъ кусковъ.

«Да-съ. Я все это рассказываю въ почти веселомъ тонѣ... Но тогда мнѣ было вовсе не до веселья. Прибавьте къ мученіямъ голода острый стыдъ провала, близкую перспективу насмѣшекъ полковыхъ товарищей, очаровательную любезность чиновниковъ, отъ которыхъ зависѣла выдача проклятыхъ прогоновъ... Я вамъ скажу

искренно, что въ эти дни я все время былъ лицомъ къ лицу съ мыслью о самоубійствѣ.

«На другой день голодъ опять сдѣлался невыносимымъ. Я пошелъ къ Александрѣ Ивановнѣ... Степанъ, увидѣвъ меня, пришелъ въ неистовый восторгъ. Онъ рычалъ, подпрыгивалъ и дизалъ рукава моего сюртука. Когда наконецъ я сѣлъ, онъ помѣстился около меня на полу и прижался къ моимъ ногамъ. Александра Ивановна на силу отогнала его.

«Мнѣ очень было тяжело просить бѣдную, испуганную суровой жизнью женщину о деньгахъ, но я рѣшился сдѣлать это.

«— Александра Ивановна, — сказалъ я:— мнѣ ѣсть нечего. Дайте мнѣ, сколько можете, взаймы...

«Она всплеснула руками.

— Голубчикъ мой—ни копеечки. Вчера сама заложила брошку... Сегодня еще было кое-что на базаръ, а завтра ужъ не знаю, какъ быть...

«— Не можете ли вы взять немного у сестры? — посоветовалъ я.

«Александра Ивановна боязливо оглянулась кругомъ и зашептала съ ужасомъ:

«— Чтѣ вы, чтѣ вы, дорогой. Да вѣдь я и такъ изъ милости живу у нея. Нѣтъ, ужъ лучше подумаемъ, нельзя ли какъ-нибудь иначе обойтись?

«Но, чтѣ мы ни придумывали, все оказывалось несбыточнымъ. Потомъ мы оба замолчали. Наступалъ вечеръ, и по комнатѣ расплзалась унылая, тяжелая мгла. Отчаяніе, ненависть и голодъ терзали меня. Я чувствовалъ себя заброшеннымъ на край свѣта, одинокимъ и униженнымъ.

«Вдругъ кто-то толкнулъ меня въ бокъ. Я обернулся. Это былъ Степанъ. Онъ протягивалъ мнѣ на ладони кучку мѣдныхъ монетъ и говорилъ:

«— Тэки, тэки, тэки...

«Я не понималъ. Тогда онъ бросилъ свои деньги мнѣ на колѣно, крикнулъ еще разъ «тэки» и убѣжалъ въ свой уголокъ.

«Ну, чтò скрывается? Я заплакалъ, какъ маленькій мальчикъ. Ревѣлъ я очень долго и громко. Александра Ивановна также плакала вмѣстѣ со мною отъ умиленія и жалости, а Степанъ изъ темнаго угла испускалъ жалобные, совершенно осмысленные: «урлы, урлы, урлы»...

«Когда я успокоился, мнѣ стало легче. Неожиданное сочувствіе блажененькаго вдругъ согрѣло и приласкало мое сердце, показало мнѣ, что еще можно и должно жить, пока есть на свѣтѣ любовь и состраданіе.

«Такъ вотъ почему,—закончилъ Зиминъ свой разсказъ:— вотъ почему я такъ жалѣю этихъ несчастныхъ и не смѣю имъ отказывать въ человѣческомъ достоинствѣ. Да и кстати: его сочувствіе принесло мнѣ счастье. Теперь я очень радъ, что не сдѣлался «моментомъ». Это такъ у насъ въ арміи называли офицеровъ генеральнаго штаба. У меня впереди и въ прошломъ большая, широкая, свободная жизнь. Я суетвренъ».

СЛАВЯНСКАЯ ДУША.

Чѣмъ дальше я углубляюсь памятью въ прошлое и дохожу наконецъ до событій, сопровождавшихъ мое дѣтство, тѣмъ сбивчивѣе и недостовѣрнѣе становятся мои воспоминанія. Многое, вѣроятно, было мнѣ рассказано впоследствии, въ болѣе сознательное время, тѣми, кто со вниманіемъ и любовью наблюдалъ мои первые шаги; многого со мною и не было вовсе, а, слышанное или читанное когда-то, оно слишкомъ тѣсно приросло къ моей душѣ. Кто поручится, гдѣ въ этихъ воспоминаніяхъ кончается фактическая сторона, гдѣ начинается давнишняя, обратившаяся въ привычную истину, сказка, и гдѣ наконецъ граница, на которой та и другая такъ причудливо мѣшались?

Особенно ярко встаетъ въ моемъ воображеніи оригинальная фигура Яся и двухъ его товарищей — даже скажу больше: друзей — на жизненномъ пути: Мацька — стараго кавалерійскаго бракованнаго мерина и дворовой собаки Бутона.

Ясь отличался серьезной медленностью въ словахъ и поступкахъ и всегда имѣлъ видъ челоуѣка въ самомъ себѣ сосредоточеннаго. Говорилъ онъ очень рѣдко, взвѣшивая сказанное; рѣчь свою старался сдѣлать русской и только въ минуты сильныхъ душевныхъ движеній прорывался малорусскими ругательствами и цѣлыми фразами. Благодаря платьямъ степеннаго покроа и темныхъ цвѣ-

товъ, благодаря торжественному, немного унылому выраженію бритаго лица со значительно поджатыми тонкими губами, онъ производилъ впечатлѣніе дворцоваго пеловѣка стараго, добраго времени.

Изъ всего рода человѣческаго, кромѣ самого себя, Ясъ, кажется, только моего отца и удостоивалъ своимъ уваженіемъ. Къ намъ же, дѣтямъ, къ маменькѣ и ко всеѣмъ, какъ своимъ, такъ и нашимъ знакомымъ, онъ относился хотя и почтительно, но съ отгѣнкомъ пѣкотораго жалостливаго и презрительнаго списхожденія. Изъ какого пункта воздвигалась его непомѣрная гордость—было всегда для меня загадкой. Бываетъ, что слуги съ извѣстною наглостью одѣваются въ часть того обаянія власти, которое исходитъ отъ ихъ господъ. Но отецъ мой, бѣдный докторъ въ еврейскомъ мѣстечкѣ, жилъ такъ скромно и тихо, что ужъ никакъ не могъ подать Ясю повода смотрѣть свысока на окружающее. Не было у Ясы также ни одного изъ обыкновенныхъ мотивовъ лакейской наглости: ни столичнаго лоска съ иностранными словцами, ни самоувѣренной неотразимости у окрестныхъ горничныхъ, ни сладкаго искусства бренчать на гитарѣ трогательные романсы — искусства, уже погубившаго столько неопытныхъ сердець. Свободные отъ занятій часы онъ проводилъ, лежа въ полномъ бездѣйствіи на своемъ сундукѣ. Книгъ Ясъ не только не читалъ, но искренно презиралъ ихъ. Все прочитанное, кромѣ Библии, было, по его мнѣнію, написано не по правдѣ, а «видѣ себѣ», для того только, чтобы деньги выдуривать, а потому всякой книгѣ Ясъ предпочиталъ тѣ свои длинныя, тягучія мысли, которыя онъ переворачивалъ во время долгаго лежанія на сундукѣ.

Мацька исключили изъ военной службы за многочисленныя пороки, въ числѣ которыхъ самымъ главнымъ была его старость, дошедшая до возмутительныхъ размѣровъ; кромѣ того, переднія ноги были у него согнуты велѣд-

ствіе опоя и въ мѣстахъ соединенія съ туловищемъ украшались мѣшкообразными приростами, а задними онъ «пѣтушилъ» на ходу, благодаря старинному шпату. Голову съ верблюжьимъ профилемъ по старой военной привычкѣ онъ дралъ кверху, выставляя впередъ острый кадыкъ, и это, вмѣстѣ съ громаднымъ ростомъ, необыкновенной худобой и отсутствіемъ одного глаза, придавало ему видъ воинственно-жалкій и комически-серьезный. Такихъ коней, задирающихъ на ходу голову вверхъ, зовутъ въ полкахъ «звѣздочетами».

Мацько со стороны Яся пользовался гораздо бѣльшимъ уваженіемъ, нежели Бутонъ, который иногда проявлялъ псеводивинную своему возрасту легкомысленность. Это былъ одинъ изъ тѣхъ большихъ длинношерстныхъ и лохматыхъ псовъ, которые отчасти напоминаютъ крысоловку, увеличенную въ десять разъ, отчасти пуделя, а по природѣ суть самая породистыя дворняжки. Дома Бутонъ отличался отъиной серьезностью и разсудительностью во всѣхъ поступкахъ, но на улицѣ держалъ себя положительно неблагопристойно. Если онъ отпраплялся съ отцомъ, то не бѣжалъ скромно сзади экипажа, какъ это дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ порядочные псы. Онъ кидался на всѣхъ встрѣчныхъ лошадей, подпрыгивалъ съ громкимъ лаемъ къ самымъ ихъ мордамъ и только тогда пугливо отскакивалъ въ сторону, если одна изъ нихъ съ тревожнымъ храпомъ нагибала быстро шею, чтобы схватить зубами нахала. Онъ забирался въ чужіе дворы и черезъ нѣсколько секундъ кубаремъ выкатывался оттуда, преслѣдуемый десятками озлобленныхъ собакъ. Онъ заводилъ наконецъ самыя темныя знакомства съ псами, давно пріобрѣтшими низменную репутацію.

У насъ въ Подоліи и на Волыни ничто человѣку не сообщаетъ такого шика, какъ выѣздъ. Иной помѣщикъ давнымъ-давно заложилъ и перезаложилъ имѣніе и ждетъ

со дня на день посѣщенія судебного пристава, но если онъ въ воскресенье ѣдетъ «до святаго костела», то непременно въ легкомъ тарантасикѣ, запряженномъ цугомъ четырьмя, а то и шестью прекрасными, горячими польскими лошадьми, и, вѣзжая на главную площадь мѣстечка, обязательно прикажетъ кучеру: «Паль съ бича, Юзефъ». Я увѣренъ однако, что ни одному изъ богатыхъ окрестныхъ пановъ не подавали съ такой помпой его выѣзда, какъ это дѣлалъ Ясь, когда отецъ собирался куда-нибудь. Во-первыхъ, самъ Ясь надѣвалъ высокій клеенчатый картузь съ четырехугольнымъ козырькомъ и широкій желтый поясъ. Затѣмъ Мацько, запряженный въ рессорный рыдванъ время процвѣтанія Рѣчи Посполитой, отводился шаговъ на сто отъ дома. Едва отецъ показывался на крыльцѣ, Ясь торжественно палилъ съ бича; Мацько нѣкоторое время въ раздумѣ вертѣлъ хвостомъ и потомъ трогался степенной рысцою, вскидывая и поднимая заднія ноги высоко, какъ пѣтухъ. Ровняясь съ крыльцомъ, Ясь дѣлалъ видъ, что съ трудомъ сдерживаетъ нетерпѣливыхъ лошадей, и изо всѣхъ силъ вытягивалъ впередъ руки съ вожжами. Все его вниманіе было поглощено лошадьми, и, что бы ни произошло вокругъ, Ясь не повернулъ бы головы. Вѣроятно, все это дѣлалось для поддержанія нашей фамильной чести.

Вообще о моемъ отцѣ Ясь былъ чрезмѣрно высокаго мнѣнія. Случалось, что какому-нибудь бѣдному еврею или крестьянину приходилось дожидаться своей очереди въ передней, пока отецъ занимался съ другими больными. Ясь часто заводилъ съ нимъ разговоръ, клонившійся единственно къ расширенію докторской популярности отца.

— Ты что думаешь? — спрашивалъ онъ, принявъ на табуреткѣ независимую позу и оглядывая съ ногъ до головы почтительно стоявшаго передъ нимъ пациента. — Ты, можетъ-быть, думаешь, до волостного писаря при-

шелъ, или до становаго? Мой панъ, братику, не только повыше становаго, а главнѣе самого исправника будетъ. Онъ, братику, все знаетъ на свѣтѣ. Вотъ какъ. У тебя чтѣ болить?

— У мене шо-сь у середкѣ болить, — сконфуженно мялся больной: — и у грудяхъ пече...

— Ну, вотъ видишь. А отчего? Чѣмъ ее пользо-вать? Ты не знаешь, и я не знаю. А панъ на тебя поглядитъ только, — такъ сейчасъ и скажетъ, чи ты будешь живъ, чи помрешь.

Жилъ Ясь очень бережливо и всѣ свои деньги употре-блялъ на покупку разныхъ хозяйственныхъ вещицъ, которыя онъ бережно укладывалъ въ своемъ большомъ сундукѣ, окованномъ жестью. Ничто намъ, дѣтямъ, не доставляло такого удовольствія, какъ позволеніе Яся присутствовать при переборкѣ этихъ вещей. Изнутри крышка сундука была оклеена картинами самаго разнообразнаго содержанія. Тутъ, рядомъ съ грозными отечественными генералами въ зеленыхъ усахъ, помѣщались: и хожденіе души по мытарствамъ, и гравюра изъ «Нивы», изображающая этюдъ женской головки, и Соловей-разбойникъ на дубу, старательно раскрывающій правый глазъ навстрѣчу стрѣлѣ Ильи-Муромца. Затѣмъ изъ сундука послѣдовательно выгружалась коллекція пиджаковъ, жилетовъ, полушубковъ, бараньихъ шалоковъ, чашекъ и блюдецекъ, проволочныхъ коробокъ, украшенныхъ бисеромъ и тафтяными цвѣточками, и маленькихъ круглыхъ зеркала. Нерѣдко изъ бокового отдѣленія сундука вынималось яблоко, или пара маковниковъ, которые для насъ всегда казались особенно вкусными.

Ясь вообще былъ очень аккуратенъ и старателенъ. Однажды онъ разбилъ большой графинъ отъ воды, и отецъ сдѣлалъ ему выговоръ. На другой день Ясь явился съ двумя цѣлыми графинами. «Все равно, можетъ-быть, я и еще разо-

бю, — пояснилъ онъ : — а въ домѣ все-таки не лишнее». Въ комнатахъ онъ самъ завелъ и постоянно поддерживалъ образцовую чистоту. Онъ ревниво оберегалъ свои права и обязанности и былъ глубоко убѣжденъ, что никто не сумѣетъ лучше его вычистить половъ. Какъ-то между Ясемъ и новой горничной, Евкой, возникъ горячій споръ, кончившійся состязаніемъ на то, кто лучше и чище убереетъ комнаты. Мы были приглашены, какъ эксперты, и, изъ желанія немного посердить Яся, отдали пальму первенства женщинѣ. Мы, дѣти, по незнанію человѣческой души, и не подозрѣвали, какой ударъ нанесли Ясю своимъ жестокимъ рѣшеніемъ. Онъ ушелъ, не сказавъ ни слова, и на другой день всѣмъ въ мѣстечкѣ стало извѣстно, что Ясь запылъ.

Это случалось съ нимъ приблизительно разъ въ два-три года и составляло какъ его, такъ и всей нашей семьи несчастье. Некому было ни нарубить дровъ, ни напоить лошадь, ни принести воды. Пять или шесть дней мы не видѣли Яся и не слыхали о немъ. На седьмой день онъ явился безъ картуза и чемерки, страшный, растрепанный. За нимъ, шагахъ въ тридцати, слѣдовала галдящая толпа евреевъ. Мальчишки кричали и кривлялись. Всѣ знали, что сейчасъ будетъ происходить аукціонъ. Дѣйствительно, черезъ минуту Ясь, выбѣгалъ изъ дома на улицу, держа въ рукахъ почти все содержимое запытнаго сундучка. Толпа немедленно окружала его.

— Какъ? Вы мнѣ водки не даете? — кричалъ Ясь, потрясая брюками и жилетами, нанизанными на рукахъ. — Що? У меня денегъ нема? А это що? А це? А це? Це?

И въ толпу однѣ за другими летѣли его одежды и подхватывались десятками хищныхъ рукъ:

— Сколько даешь? — кричалъ Ясь какому-нибудь еврею, завладѣвшему пиджакомъ : — сколько даешь, кобылячья твоя голова?

— Ну-у-у? Пятьдесятъ копеекъ я могу дать, — говоришь еврей, прищуривая глаза.

— Пятьдесятъ? Пятьдесятъ!? — Отчаяніе Яся дошло до крайнихъ предѣловъ. — Не хочу пятьдесятъ! Давай двадцать копеекъ! Давай злотъ! Это що? Утиральники? Давай за всѣ гривенникъ. Щобъ вамъ очи по-вылазили! Щобъ васъ болячка задушила! Щобъ вы маленькими булы здохлы!

Полиція въ напемъ мѣстечкѣ есть, но всѣ ея обязанности заключаются въ томъ, чтобы крестить у «хозяевъ» дѣтей, и въ подобныхъ случаяхъ она, не принимая никакого участія въ безпорядкѣ, играетъ скромную роль гостя безъ рѣчей. Отецъ, видя расхищеніе Ясиного имущества, не выдерживалъ болѣе своего гнѣвнаго презрѣнія (напился, молъ, идіотъ, и пусть теперь раздѣлывается) и самоотверженно кидался въ галдящую толпу. Черезъ секунду на сценѣ только и оставались: Ясь и отецъ, держащій въ рукахъ какую-нибудь жалкую бритвенницу. Ясь нѣсколько минутъ качался отъ изумленія на мѣстѣ, высоко и безпомощно подымая кверху брови, и вдругъ грохался на колѣни.

— Пана! Пана мой коханный! Чтò жъ ото вони мини зробили! Пана мой коханный!..

— Иди въ сарай! — сердито приказывалъ отецъ и отталкивалъ отъ себя Яся, который хваталъ и цѣлѣвалъ полы его сюртука. — Иди въ сарай, проспись! И чтобы духу твоего завтра же здѣсь не было.

Ясь покорно отправлялся въ сарай, и тогда для него начинались мучительные часы похмелья, отягченные и усугубленные муками раскаянія. Онъ лежалъ на животѣ, подперевъ голову ладонями и устремивъ глаза въ одну точку передъ собой. Онъ отлично зналъ, что теперь происходитъ дома. Ему ясно представлялось, какъ всѣ мы просимъ у отца за Яся, и какъ отецъ нетерпѣливо отма-

живается отъ насъ руками. Ясь отлично зналъ, что уже на этотъ разъ отецъ навѣрно останется непреклоннымъ.

Иногда, прислушиваясь изъ любопытства у дверей сарая, мы различали доносившіеся оттуда звуки, — странные звуки, похожіе на рычаніе и всхлипываніе.

Въ эти минуты паденія и скорби Бутонъ считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ навѣстить страждущаго Яся. Умный песь отлично понималъ, что въ обыкновенное, трезвое время Ясь не допустилъ бы съ его стороны даже намекъ на фамиллярныя отношенія. Поэтому всегда, встрѣчаясь на дворѣ съ суровымъ слугою, Бутонъ дѣлалъ видъ, будто бы онъ что-то внимательно разглядываетъ вдали, или озабоченно ловилъ ртомъ пролетающую муху. Одно обстоятельство меня всегда удивляло. Мы часто ласкали и порою кормили Бутона, вытаскивали у него изъ шерсти колючіе репяхи, что онъ мужественно и безмолвно переносилъ, несмотря на очевидныя страданія, даже цѣловали его въ холодный, мокрый носъ. И однако всѣ симпатіи и привязанности его цѣликомъ принадлежали Ясю, отъ котораго онъ, кромѣ пинковъ, ничего не видѣлъ. Увы, теперь, когда жестокій опытъ учитъ меня заглядывать во всемя и на изнанку, я начинаю подозрѣвать, что источникъ Бутоновой привязанности во все не былъ такъ загадоченъ: все-таки не мы, а Ясь приносилъ ежедневно Бутону миску послѣобѣденныхъ остатковъ.

Въ мирное время, повторяю, Бутонъ ни за что не рискнулъ бы такъ непосредственно обратиться къ чувствамъ Яся. Но въ дни покаянія онъ смѣло заходилъ въ сарай, садился рядомъ съ лежащимъ Ясемъ и, глядя въ уголь, вздыхалъ глубоко и сочувственно. Если это не помогало, Бутонъ начиналъ лизать сначала робко, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе, руки и лицо своего покровителя. Кончалось тѣмъ, что Ясь, рыдая, обхватывалъ Бутона за шею;

Бутонъ принимался потихоньку подвывать ему, и вскорѣ они сливали свои голоса въ странный, но трогательный дуэтъ.

На другой день Ясь являлся въ комнаты чуть свѣтъ, мрачный и не смѣющій поднять глазъ. Полы и мебель доводилъ онъ до блистательной чистоты къ приходу отца, при одной мысли о которомъ Ясь трепеталъ. Но отецъ оставался неумолимъ. Онъ вручалъ Ясю паспортъ и деньги и приказывалъ немедленно очистить кухню. Мольбы и клятвы оказывались тщетными.

Тогда Ясь рѣшался на крайнее средство.

— Такъ, значить, кажете мнѣ, пане, уходить?—спрашивалъ онъ дерзко.

— Да. И немедленно.

— Такъ вотъ не уйду же. Теперь вы гоните, а безъ меня пропадете всѣ, какъ тараканы. Не пойду, тай поди!

— Съ полиціей выведутъ.

— Выведутъ меня?..—возмущался Ясь. — Ну и пусть выводятъ. Пусть весь городъ видитъ, что Ясь двадцать лѣтъ служилъ вѣрой и правдой, а его за это при полиціи въ буцыгарню тянутъ. Пусть выводятъ. Не мнѣ будетъ стыдно, а пану!

И дѣйствительно Ясь оставался. Угрозы отъ него отскакивали безъ воздѣйствія. Не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, онъ работалъ безъ устали, работалъ преувеличенно много, стараясь наверстать потерянное время. Вечеромъ онъ не шелъ спать въ кухню, а ложился въ стойлѣ около Мацька, и конь всю ночь стоялъ, растопыривъ ноги и боясь переступить ими въ прежнее русло. Отецъ мой былъ добродушный и лѣнивый человекъ, котораго совершенно подчиняли себѣ привычныя условія, люди и вещи. Къ вечеру онъ прощалъ Яся.

Собою Ясь былъ красавецъ — брюнетъ украинскаго меланхолическаго типа. Дѣвки и молодицы заглядывались.

на него, хотя ни одна, пробѣгая перепелкой по двору, не рисковала кокетливо ткнуть Яся въ бокъ кулакомъ или вызывающе улыбнуться: слишкомъ много въ немъ было надменнаго, ледяного презрѣнія къ прекрасному полу. И сладости семейнаго очага также мало прельщали его. «Какъ эта самая баба заведется въ хатѣ, — говорилъ брезгливо Ясь: — такъ сейчасъ воздухъ дурной пойдетъ». Впрочемъ, и то одинъ только разъ, онъ сдѣлалъ попытку въ этомъ направленіи, при чемъ ему суждено было удивить насъ болѣе, чѣмъ когда-либо.

Однажды, когда мы сидѣли за вечернимъ чаемъ, Ясь вошелъ въ столовую совершенно трезвый, но съ взволнованнымъ лицомъ и, таинственно указывая черезъ плечо большимъ пальцемъ правой руки на дверь, спросилъ шопотомъ:

— Можно «имъ» войти?

— Кто тамъ такой? — спросилъ отецъ. — Пусть входитъ.

Мы всѣ съ ожиданіемъ устремили глаза на дверь, изъ которой медленно выползло странное существо. Это была женщина лѣтъ пятидесяти съ лишнимъ, въ лохмотьяхъ, избитая и безсмысленная.

— Благословите насъ, пане, вступить въ бракъ, — сказалъ Ясь, опускаясь на колѣни. — Становись, дура, — крикнулъ онъ на женщину и потянулъ ее грубо за рукавъ.

Отецъ съ трудомъ пришелъ въ себя отъ изумленія. Онъ долго и горячо толковалъ Ясю, что надо сойти съ ума, чтобы жениться на такой твари. Ясь слушалъ молча, не вставая съ колѣнъ; безсмысленная женщина также не поднималась.

— Такъ не велите, пане, жениться? — спросилъ наконецъ Ясь.

— Не только не велю, — отвѣчалъ отецъ: — но я увѣренъ, что ты этого не сдѣлаешь.

— Значить, такъ и будетъ, — сказалъ рѣшительно Ясь. — Вставай, дура! — обратился онъ къ женщинѣ. — Слышишь, что панъ говоритъ? Ну, и пошла вонъ!

И съ этими словами, держа неожиданную гостью за шиворотъ, онъ быстро скрылся вмѣстѣ съ нею изъ столовой.

Это была единственная попытка Яся на брачномъ поприщѣ. Объяснялъ ее себѣ каждый различно, но никто не шелъ дальше догадокъ, а когда спрашивали объ этомъ у Яся, онъ только досадливо отмахивался руками.

Еще таинственнѣе и неожиданнѣе была его смерть. Она произошла такъ внезапно и загадочно и такъ мало имѣла, повидимому, связи съ предшествующими событіями Ясиной жизни, что, поставленный въ необходимость рассказать о ней, я чувствую себя не совѣмъ ловко. Но все-таки я ручаюсь, что все мною рассказанное не только въ самомъ дѣлѣ было, но даже не прикрашено для яркости впечатлѣнія ни однимъ лишнимъ штрихомъ.

Однажды на вокзалѣ, находящемся въ трехъ верстахъ отъ мѣстечка, повѣсился въ уборной какой-то проѣзжій — хорошо одѣтый и не старый господинъ. Ясь въ тотъ же день попросилъ у отца позволенія пойти посмотреть.

Часа черезъ четыре онъ вернулся, прямо прошелъ въ гостиную, гдѣ въ это время сидѣли гости, и остановился у притолоки. Онъ только два дня, какъ отбылъ срокъ своего покаянія въ сараѣ, и былъ совершенно трезвъ.

— Что тебѣ? — спросила маменька.

— Гы-гы-гы! — захохоталъ внезапно Ясь. — Языкъ-то у него наружу вылѣзъ... у пана...

Отецъ прогналъ тотчасъ же его на кухню. Гости поговорили немного о странностяхъ Яся и скоро позабыли объ этомъ маленькомъ случаѣ.

На другой день, проходя въ 8 час. вечера мимо дѣтской, Ясь подошелъ къ моей сестренкѣ и обнялъ ее.

— Прощай, доня, — сказалъ онъ и погладилъ ее по головѣ.

— Прощай, Ясь, — отвѣтила сестра, не подымая головы отъ куклы.

Черезъ полчаса къ отцу въ кабинетъ вбѣжала Евка, блѣдная, трясущаяся.

— Пане... тамъ... на чердакѣ... зависися... Ясь.

И упала.

На чердакѣ висѣлъ на тонкомъ шпагатѣ мертвый Ясь.

Когда слѣдователь допрашивалъ кухарку, она показала, что въ день смерти Ясь былъ очень страненъ.

— Станетъ онъ передъ зеркаломъ, — рассказывала она: — сожметъ себѣ горло руками, ажъ весь покраснѣетъ, а самъ языкъ высунетъ и глаза приплющить... Видно, все самъ себѣ представлялся.

Такъ слѣдователь и отнесъ причину смерти Яся къ умственному разстройству.

Когда похоронили Яся въ специальномъ для этой цѣли оврагѣ за рощей, то на другой день не могли отыскать Бутона. Оказалось, что вѣрный песъ убѣжалъ на могилу и лежалъ тамъ и вылъ, оплакивая смерть своего суроваго друга. А потомъ исчезъ безъ вѣсти.

Теперь, ставши почти старикомъ, я иногда перебираю свои пестрые воспоминанія и, задерживаясь мыслью надъ Ясемъ, каждый разъ думаю: какая странная душа, — вѣрная, чистая, противорѣчивая, вздорная и больная, — настоящая славянская душа, жила въ Ясиномъ тѣлѣ!

ИСКУШЕНІЕ.

Вотъ вы все говорите: случай, случай... Да вѣдь въ томъ-то и дѣло, что на всякій пустячный случай можно взглянуть поглубже.

Позвольте замѣтить, что мнѣ теперь уже шестьдесятъ лѣтъ. А это — какъ разъ такой возрастъ, когда человеку, послѣ всѣхъ его мыканій, страстей и бурленія, остаются три пути: стяжательство, честолюбіе и философія. Даже, собственно, два. Честолюбіе, какъ-никакъ, а все-таки состоитъ въ стяжаніи, накопленіи и расширеніи мірскихъ или небесныхъ возможностей.

Философомъ я себя называть, конечно, не смѣю: слишкомъ громоздкій титулъ и... какъ-то не къ лицу-сь. Къ тому же всегда на меня можете цыкнуть: «А покажи твой багажъ и твой аттестатъ!» Но зато прожилъ я жизнь чрезвычайно большую и весьма пеструю. Видѣлъ богатство и нищету, и болѣзнь, и войну, и утрату близкихъ, и тюрьму, и любовь, и паденіе, и вѣру, и безвѣріе. И даже — хотите вѣрьте, хотите нѣтъ, — даже людей видѣлъ. Это немудрено по-вашему? Мудрено-сь. Чтобы другого человека разсмотрѣть и понять, нужно первымъ деломъ умѣть совершенно забыть о собственной персонѣ: о томъ, какое плѣнительное впечатлѣніе произвожу я на окружающихъ и сколь я великолѣпенъ на лонѣ природы. А это мало кто умѣетъ, увѣряю васъ.

И вотъ, грѣшный человекъ, люблю я на склонѣ моихъ

дней поразмышлять надъ жизнью. Къ тому же я теперь одинокъ и старъ; ночи-то наши, стариковскія, знаете, какія длинныя? А память и сердце сохранили мнѣ живьемъ тысячи событій — своихъ и всяческихъ. Но одно дѣло пережевывать воспоминаія, какъ корова крапиву, а другое — сопоставлять ихъ умно и съ толкомъ. Чтò я и называю философіей.

Вотъ мы съ вами коснулись случая и судьбы. Охотно соглашусь съ вами: случай безтолковъ, капризенъ, слѣпъ, безцѣленъ, попросту, глупъ. Но надъ жизнью, т.-е. надъ милліонами сдѣлавшихся случаевъ, господствуетъ — я въ этомъ твердо увѣренъ — непреложный законъ. Все проходитъ и опять возвращается, рождается изъ малаго, изъ ничего, разгорается, мучитъ, радуетъ, доходитъ до вершины и падаетъ внизъ, и опять приходитъ, и опять, и опять, точно обвиваясь спирально вокругъ бѣга времени. А этотъ спиральный путь, сдѣлавъ, въ свою очередь, многолѣтній оборотъ, возвращается назадъ и проходитъ надъ прежнимъ мѣстомъ и дѣлаетъ новый завитокъ, — спираль спиралей... И такъ безъ конца.

Вы, конечно, возразите мнѣ, что если бы этотъ законъ на самомъ дѣлѣ существовалъ, — люди давным-давно открыли бы его и читали бы будущее, какъ по какой-нибудь картограммѣ. Нѣтъ, не то. Мы, люди, знаете ли, похожи на ткачей, посаженныхъ вплотную около безконечно длинной и безконечно широкой основы. Какія-то краски передъ глазами, цвѣточки, лазурь, пурпуръ, зелень, и все это бѣжитъ, бѣжитъ и уходитъ... но рисунокъ, по близости разстоянія, намъ не разобрать. Только людямъ, стоящимъ выше жизни, надъ нами, — гениальнымъ ученымъ, пророкамъ, сновидцамъ, блаженнымъ, юродивымъ и поëтамъ иногда удается уловить въ жизненной суматохѣ острымъ и вдохновеннымъ взоромъ начало гармоничнаго узора и предсказать его конецъ.

Вы находите, что я пышно выражаюсь? Не правда ли? Подождите, дальше будетъ еще курчавѣе. Конечно, если вамъ не скучно... Впрочемъ, что же и дѣлать въ вагонѣ, какъ не болтать?..

Съ закономъ, управляющимъ одинаково мудро какъ теченіемъ созвѣздій, такъ и пищевареніемъ таракана, я охотно мирюсь, вѣрю ему и благословляю его. Но есть Нѣкто или Нѣчто, что сильнѣе судьбы и міра. Если оно Нѣчто, то я назвалъ бы его закономъ логической нелѣпости или нелѣпой логичности, какъ хотите... Я не умѣю выразиться. Если же это Нѣкто, то это такой Духъ, передъ которымъ нашъ библейскій дьяволъ и романтическій сатана оказываются маленькими шутниками и всѣмъ незлобивыми проходимцами.

Вообразите себѣ власть надъ міромъ, почти божескую, и рядомъ отчаянную мальчишескую проказливую, не вѣдающую ни зла ни добра, но всегда безпощадно жестокую, остроумную и, чортъ возьми, какъ-то странно справедливую! Можетъ-быть, вамъ непонятно? Тогда позвольте высказаться пообразнѣе.

Возьмемъ Наполеона: сказочная жизнь, невѣроятно грандіозная личность, неистощимая власть, — и, глядь, подъ конецъ: крошечный островишко, болѣзнь мочевого пузыря, жалобы на пищу и докторовъ, старческое брюзжаніе въ одиночествѣ... Конечно, этотъ жалкій закатъ былъ только насмѣшкой, одной кривой улыбкой моего таинственнаго Нѣкто. Однако вдумайтесь хорошенько въ эту трагическую біографію, отбрасывая толкованія ученыхъ (у нихъ вѣдь все объясняется просто и законно), и вотъ, не знаю, какъ вы, но я ясно вижу, что въ ней уживаются рядомъ нелѣпость и логичность, а объяснить этого себѣ я не могу.

Генераль Скобелевъ. Крупная, красивая фигура. Отчаянная храбрость и какаля-то преувеличенная вѣра въ

свою судьбу. Вѣчная насмѣшка надъ смертью. Эффектная бравада подъ убійственнымъ огнемъ и вѣчное стремленіе къ риску, какая-то неудовлетворенная жажда опасности. И вотъ—смерть на публичной кровати, въ захвачанномъ номерѣ гостиницы, въ присутствіи потаскушки. Опять повторяю: нелѣпо, жестоко, но почему-то логично. Какъ будто объ эти жалкія смерти своимъ контрастомъ округлили, оттѣнили, дорисовали два пышныхъ существованія.

Древніе знали этого таинственнаго Нѣкто и боялись его (вспомните Поликратовъ перстень), но они ошибочно принимали его шутки за зависть судьбы.

Увѣряю васъ, т.-е. не увѣряю, а я самъ глубоко въ этомъ увѣренъ, что когда-нибудь, лѣтъ тысячъ черезъ тридцать, жизнь на нашей землѣ станетъ дивно прекрасною. Дворцы, сады, фонтаны... Прекратится тяготѣніе надъ людьми рабства, собственности, лжи и насилія... Конецъ болѣзнямъ, безобразію, смерти... Не будетъ больше ни зависти, ни пороковъ, ни ближнихъ, ни дальнихъ, — всѣ сдѣлаются братьями. И вотъ тогда-то Онъ (замѣтьте, я даже въ разговорѣ называю его съ большой буквы), пролетая однажды сквозь мірозданіе, посмотритъ, лукаво прищурясь, на землю, улыбнется идохнетъ на нее, — и старой, доброй земли не станетъ. Жалко прекрасной планеты, не правда ли? Но подумайте только, къ какому ужасному, кровавому, оргіастическому концу привела бы эта всеобщая добродѣтель тогда, когда люди успѣли бы ею объѣсться по горло.

Впрочемъ, къ чему намъ такіе пышные примѣры, какъ паша земля, Наполеонъ и древніе греки? Я самъ улавливалъ изрѣдка проявленіе этого страшнаго, неисповѣдимаго закона при самыхъ обыденныхъ обстоятельствахъ. Хотите, я вамъ расскажу объ одномъ простомъ случаѣ, гдѣ я въявь почувствовалъ насмѣшливое дыханіе этого бога?

Дѣло было такъ. Я ѣхалъ изъ Томска въ общемъ вагонѣ I-го класса. Со мной, въ числѣ сосѣдей, былъ молодой путейскій инженеръ, чудесный малый, добродушный толстякъ. Простоватое русское лицо, холеное и круглое, бѣлобрысый, волосы ежикомъ, и сквозь нихъ просвѣчиваетъ розовая кожа... этакій ласковый, добрый юрксширчикъ! И глаза у него были какого-то мутно-голубого пороссячьяго цвѣта.

Онъ оказался очень пріятнымъ сосѣдомъ. Я рѣдко видѣлъ такихъ предупредительныхъ людей. Сразу онъ уступилъ мнѣ нижнее мѣсто, самъ помогалъ мнѣ взгромоздить мой чемоданъ на сѣтку и вообще былъ такъ любезенъ, что становилось даже немного неловко. На станціяхъ онъ запасался провизіей и виномъ и съ милымъ радушіемъ угощалъ попутчиковъ.

Я сразу же замѣтилъ, что въ немъ киится и рвется наружу какое-то большое внутреннее счастье, и что ему хочется видѣть вокругъ себя всѣхъ людей также счастливыми.

Такъ это и оказалось на самомъ дѣлѣ. Черезъ десять минутъ онъ уже началъ выкладывать предо мной свою душу. Правда, я замѣтилъ, что при первыхъ же его изліяніяхъ сосѣди какъ-то неловко заерзали на своихъ мѣстахъ и ужъ слишкомъ преувеличенно-усердно начали наблюдать дорожные пейзажи. Впослѣдствіи я узналъ, что они слышали этотъ рассказъ, по крайней мѣрѣ, по десяти разъ каждый. Ихъ участи не избѣгъ и я.

Ѣхалъ этотъ инженеръ съ Дальняго Востока, гдѣ провелъ пять лѣтъ, и, стало-быть, не видѣлся пять лѣтъ со своей семьей, оставленной въ Петербургѣ. Онъ, собственно, рассчитывалъ пробыть въ командировкѣ самое большее годъ, но сначала задержала казенная работа, потомъ подвернулось выгодное частное предпріятіе, потомъ оказалось невозможнымъ оставить дѣло, которое

стало ужъ черезчуръ большимъ и прибыльнымъ. Теперь, ликвидировавъ всѣ дѣла, онъ возвращался домой. Гдѣ же тутъ было обвинять его за болтливость: пробыть пять лѣтъ вдали отъ любимой семьи и возвращаться домой молодымъ, здоровымъ, съ большой удачей и съ неиспользованнымъ запасомъ любви! Какой человѣкъ могъ бы подавить въ себѣ молчаніе, смирить этотъ страшный зудъ нетерпѣнія, которое возрастаетъ съ каждымъ часомъ, съ каждой сотнею пройденныхъ верстъ?

Я скоро отъ него узналъ всѣ семейныя подробности. Его жену зовутъ Сусанной или «Санночкой», а дочь носить странное имя «Юрочка». Онъ оставилъ дочку трехлѣтнимъ ребенкомъ. — «Воображаю, — восклицалъ онъ: — теперь совѣмъ ужъ барышня, — невѣста!» Узналъ я и дѣвическую фамилію его жены, и всѣ бѣдствія, которыя они испытали вдвоемъ, когда онъ женился, будучи студентомъ послѣдняго курса, не имѣя даже двухъ паръ панталонъ, и какимъ прекраснымъ товарищемъ, нянькой, матерью и сестрой была въ это время для него жена.

Онъ билъ себя въ грудь кулакомъ, краснѣлъ отъ гордости, сіялъ глазами и кричалъ:

— Если бы вы знали! Кр-расавица!.. Будете въ Петербургѣ, я васъ познакомлю. Непремѣнно заходите ко мнѣ, непременно. Безъ всякихъ церемоній и отговорокъ, Кирочная, 156. Я васъ познакомлю, и, вотъ вы сами увидите мою старуху. Королева! У насъ на путейскихъ балахъ всегда была королевой бала. Ей-Богу же, приходите, иначе обидите.

И всѣмъ намъ онъ раздавалъ свои визитныя карточки, гдѣ карандашомъ зачеркивалъ свой манчжурскій адресъ и надписывалъ петербургскій, и тутъ же сообщалъ, что эта шикарная квартира была нанята его женою всего лишь годъ тому назадъ по его настоянію, когда дѣла шибко пошли въ гору,

Да... водопадомъ изъ него било! Раза по четыре въ день на большихъ станціяхъ онъ посылалъ домой телеграммы съ отвѣтомъ, уплаченнымъ на другую большую станцію или просто въ поѣздъ номеръ такой-то, пассажиру 1-го класса такому-то. И надо было видѣть его въ тотъ моментъ, когда входилъ кондукторъ и возглашалъ нараспѣвъ: «Телеграмма пассажиру перваго класса такому-то». Увѣряю васъ, у него вокругъ лица образовывался сіяющій нимбъ, какъ у святыхъ угодниковъ. Кондукторовъ онъ награждалъ по-царски; впрочемъ, не однихъ только кондукторовъ. У него была непреодолимая потребность всѣхъ обласкать, осчастливить, одарить. Онъ и намъ совалъ на память разныя бездѣлушки изъ сибирскихъ и уральскихъ камней, въ родѣ брелоксъвъ; запонокъ и булавокъ, китайскихъ колечекъ, нефритовыхъ божжовъ и другія мелочи. Были между ними вещи очень цѣнныя, какъ по стоимости, такъ и по рѣдкой художественной работѣ, и, знаете, невозможно было отвязаться отъ него, несмотря на стѣснительность и неловкость принимать подобные подарки, — такъ ужъ онъ убѣдительно и пастойчиво просилъ. Вѣдь это все равно, какъ не устоишь, когда ребенокъ спрашиваетъ васъ взять у него конфетку.

Съ собой же онъ везъ пропасть вещей какъ въ багажѣ, такъ и въ вагонѣ, и все это были подарки для «Саночки» и для «Юрочки». Чудныя вещи были: курмы китайскія шелковыя безцѣнныя, слоновая кость, золото, миниатюры на сардониксѣ, мѣха, расписанныя вѣера, лакированныя шкатулочки, альбомы, — и надо было видѣть и слышать, съ какою нѣжностью, съ какимъ восторгомъ говорилъ онъ о своихъ близкихъ людяхъ, показывая эти вещи. Пусть его любовь была немного слѣпа, черезчуръ шумна и слишкомъ эгоистична, пусть она была даже чуть-чуть истерична, но, клянусь вамъ, что сквозь эти услов-

пья и пошлыя завѣсы я прозрѣвалъ настоящую громадную любовь, — любовь острой и жгучей напряженности.

Тоже помню. На одной станціи дѣлали прицѣпку вагона, и стрѣлочнику отрѣзало ступню. Немедленно вагонная публика, — самая праздная и дикая, самая жестокая публика въ мірѣ, — полѣзла глазѣть на кровь. Но инженеръ, не останавливаясь въ толпѣ, подошелъ скромно къ начальнику станціи, поговорилъ съ нимъ немного и передалъ ему изъ бумажника какую-то сумму, должно-быть, немалую, такъ какъ красная шапка была приподнята очень почтительно. Сдѣлалъ онъ это чрезвычайно скоро: одинъ только я и видѣлъ его поступокъ, — у меня на эти вещи вообще глазъ замѣчательный. Впрочемъ, видѣлъ я также и то, какъ онъ, воспользовавшись поддержкой поѣзда, успѣлъ все-таки юркнуть въ телеграфъ.

Вотъ какъ сейчасъ помню его идущимъ поперекъ платформы: форменная бѣлая фуражка на затылкѣ; широкая, длинная рубаха-косоворотка изъ прекрасной чесу-чи; черезъ одно плечо ремень съ биноклемъ, черезъ другое, накрестъ, ремень съ сумкой, — идетъ изъ телеграфа такой свѣжій, мясистый, крѣпкій и румяный, со своимъ видомъ раскормленнаго, простоватаго деревенскаго парня.

И чуть большая станція — сейчасъ же ему телеграмма. Кондукторы такъ избаловались, что уже сами бѣгали справляться на телеграфъ, — нѣтъ ли для него депеши. Бѣдный мальчикъ! Не могъ онъ скрыть въ себѣ своей радости и читалъ намъ телеграммы вслухъ, точно у насъ и другихъ заботъ не могло быть, кромѣ его семейнаго счастья. «Будь здоровъ, цѣлуемъ, ждемъ нетерпѣливо, Санночка, Юрочка». Или: «Съ часами въ рукахъ слѣжу по расписанію отъ станціи до станціи твоей путь, душой и мыслью съ тобой», — и все въ этомъ родѣ. Ей-Богу, была даже одна такая телеграмма: «Поставь часы по пе-

тербургскому времени, ровно въ 11 гляди на звѣзду Альфа Большой Медвѣдицы, — я тоже».

Между нами былъ одинъ пассажиръ — владѣлецъ, бухгалтеръ или управляющій золотого прииска, сибирякъ, ликомъ въ родѣ Моисея Мурина: сухое, длинное лицо, густыя, черныя, суровыя брови и длиннѣйшая, пышная, сѣдѣющая борода, — человекъ, какъ видно, чрезвычайно искушенный жизненнымъ опытомъ. Онъ осторожно замѣтилъ инженеру:

— А знаете, молодой человекъ, вы напрасно телеграммами такъ злоупотребляете.

— Чтò вы? Какимъ образомъ напрасно?

— А такъ, что нельзя же все время дамочку держать въ такомъ приподнятомъ и взвинченномъ настроеніи. Надо и чужіе нервы шадить.

Но онъ только разсмѣялся и похлопалъ мудраго человека по колѣну.

— Эхъ, батенька, знаю я васъ, людей стараго завѣта. Вы въ дорогу-то собираетесь тишкомъ-тишкомъ, поровите нагрянуть нежданно-негаданно. А все ли, молъ, у меня въ порядкѣ около домашняго очага? А?

Но иконописный человекъ только шевельнулъ своими бровищами и ухмыльнулся.

— Ну-къ чтò жъ. И это иногда невредно.

Отъ Нижняго съ нами ѣхали уже другіе пассажиры, отъ Москвы — опять новые. Волненіе моего инженера все нарастало, — чтò съ нимъ было дѣлать? Онъ умѣлъ быстро со всѣми перезнакомиться. Съ женатыми людьми говорилъ о святости очага, холостымъ пенялъ на неряшливость и разоръ холостой жизни, съ дѣвками сводилъ разговоръ на единую и вѣчную любовь, съ дамами толковалъ о дѣткахъ. И сейчасъ же переходилъ къ своей Санючкѣ и своей Юрочкѣ. До сего времени у меня въ памяти осталось, какъ его дочурка говорила: «А я въ жол-

тыфъ сапогафъ», «противъ насъ ваптекарскій магазинъ». И еще одинъ разговоръ. Она тискала кошку, а кошка мяукала. Мать ей говоритъ: «Оставь, Юрочка, кошку, ей больно». А она отвѣчаетъ: «Нѣтъ, мама, это кошкее удовольствіе». И еще, какъ она увидѣла на улицѣ воздушные шары и вдругъ сказала: «Мама, какіе они восторгательные!»

Мнѣ все это казалось нѣжнымъ, трогательнымъ, но немного, признаюсь, и скучноватымъ.

Утромъ мы подѣзжали къ Петербургу. День былъ мутный, дождливый, кислый. Туманъ не туманъ, а какая-то грязная заволока окутывала ржавыя, жидкія сосенки и похожія на лохматыя бородавки мокрыя кочки, тянувшіяся налѣво и направо вдоль пути. Я всталъ раньше, чтобы успѣть умыться, и въ коридорѣ столкнулся съ инженеромъ. Онъ стоялъ у окна и поглядывалъ то на дорогу, то на часы.

— Добраго утра, — сказалъ я: — что вы дѣлаете?

— Ахъ, здравствуйте, добраго утра. Да вотъ я провѣряю скорость поѣзда, — теперь идемъ около 60-ти верстъ въ часъ.

— По часамъ провѣряете?

— Да. Это очень просто. Отъ столба до столба, видите ли, 25 сажень — двадцатая часть версты. Стало-быть, если мы проѣхали эти 25 сажень со скоростью четырехъ секундъ, то часовая скорость равна 45-ти верстамъ; если въ три — то шестидесяти, а въ двѣ — девяноста. Впрочемъ, можно узнать скорость и безъ часовъ, — нужно только умѣть отсчитывать секунды: надо какъ можно скорѣе, но однако явственно, считать до шести, вотъ такъ: разъ, два, три, четыре, пять, шесть... разъ, два, три, четыре, пять, шесть... — это способъ австрійскаго генеральнаго штаба.

Такъ онъ говорилъ, бѣгая глазами и переминаясь на

мѣстѣ, но я, конечно, отлично зналъ, что весь этотъ счетъ австрійскаго генеральнаго штаба — одинъ только отводъ глазъ, и что просто-напросто инженеръ обманывалъ свое нетерпѣніе.

За станціей «Любань» на него даже жалко стало смотреть. Онъ на моихъ глазахъ поблѣднѣлъ, осунулся и какъ будто постарѣлъ. Онъ даже говорить пересталъ. Притворялся, будто бы читаетъ газету, но видно было, что это занятіе ему противно и тошно, да и держалъ онъ газету иногда вверхъ ногами. Посидить-посидить на мѣстѣ минутъ пять и снова бѣжить къ окну, и опять сядетъ и дергается на мѣстѣ, точно подталкиваетъ поѣздъ впередъ, и опять подойдетъ къ окну въ проходѣ и давай провѣрять по часамъ, — такъ и вертитъ головой влѣво и вправо. Ахъ, какъ я знаю, — да и кто не знаетъ? — что дни и недѣли ожиданія пустяки въ сравненіи съ этимъ послѣднимъ получасомъ, съ послѣднею четвертью часа.

Но вотъ наконецъ семафоръ, безконечная путаница пересѣкающихся рельсовъ, вотъ длинная деревянная платформа, бородатые артельщики въ бѣлыхъ фартукахъ... Инженеръ надѣлъ свое форменное пальто, взялъ ручной сакъ и вышелъ на переднюю площадку. Я же взглянулъ въ окно, чтобы крикнуть носильщика, какъ только поѣздъ остановится. Изъ своего окна я отлично видѣлъ инженера, который также высунулся изъ открытой двери, что ведетъ на ступеньки. Онъ замѣтилъ меня, закивалъ головой и улыбнулся, но я успѣлъ издали замѣтить, что онъ былъ поразительно, неестественно блѣденъ въ эту минуту.

Мимо нашего вагона мелькнула высокая дама въ какой-то серебристой кофточкѣ, въ большой бархатной шляпѣ, подъ синей вуалю. Была съ ней и дѣвочка въ короткомъ платьѣ, съ длинными ножками, въ бѣлыхъ га-

машахъ. Обѣ онѣ тревожно посматривали, одновременно провожая головами каждое окошко. Но онѣ пропустили. Я слышалъ, какъ инженеръ крикнулъ страннымъ, глухимъ и вздрагивающимъ голосомъ:

— Санночка!

Кажется, обѣ обернулись. И вдругъ... Короткій, страшный вопль... Никогда не забуду... Какой-то ни на что непохожій крикъ недоумѣнія, ужаса, боли и жалобы...

На секунду я увидѣлъ голову инженера, безъ шалки, гдѣ-то между низомъ вагона и платформой, увидѣлъ не лицо, а его свѣтлые волосы ежикомъ и розоватое темя, но голова только мелькнула, и больше ничего не осталось...

Потомъ меня допрашивали, какъ свидѣтеля. Помню, какъ я все пытался успокоить его жену, но что въ такихъ случаяхъ скажешь? Я видѣлъ и его: расплюснутый, исковерканный, красный кусокъ мяса. Онъ уже и дышать пересталъ, когда его вынули изъ-подъ вагона. Передавали, что ему сначала отрѣзало ногу, но онъ инстинктивно хотѣлъ поправиться, повернулся и попалъ подъ колеса грудью и животомъ.

И вотъ подходитъ самое страшное во всемъ томъ, что я вамъ рассказываю. Въ эти тяжелыя, никогда не забываемыя минуты меня ни на моментъ не оставляло странное сознание: глупая смерть,—думалъ я,—нелѣпая смерть, жестокая, несправедливая, но почему-то съ самаго перваго момента, сейчасть же послѣ его крика, мнѣ стало яснымъ, что это непременно должно было случиться, что эта нелѣпость логична и естественна. Почему это было такъ? Объясните мнѣ. Развѣ здѣсь не чувствовалась равнодушная улыбка моего дьявола?

Вдова его (я потомъ былъ у нея; она меня очень подробно и много спрашивала о немъ) такъ и говорила, что оба они искушали судьбу своей нетерпѣливой лю-

бовью, увѣренностью въ свиданіи, увѣренностью въ завтрашнемъ днѣ. Что же... можетъ-быть... я ничего вѣрпаго не знаю... На Востокѣ (а вѣдь это истинный кладезь древней мудрости) человекъ никогда не скажетъ, что онъ намѣренъ сейчасъ или завтра сдѣлать, не прибавивъ «инш-Алла», что значитъ: «во имя Бога», или же: «да будетъ воля Бога».

Но мнѣ все-таки кажется, что здѣсь было не искушеніе судьбы, а все та же нелѣпая логичность таинственнаго бога. Вѣдь большей радости, чѣмъ это взаимное ожиданіе, когда, побѣждая разстояніе, они издали сливались вмѣстѣ, — большей радости эти люди, навѣрное, никогда бы не испытали. Богъ знаетъ, что ихъ ждало завтра! Разочарованіе? Утомленіе? Скука? Можетъ-быть, ненависть?

ВЪ ТРАМВАѢ.

Уголь Невскаго и Литейнаго. Зима. Вечерь. Оттепель.

Влажный туманъ поднимается изъ земли и давить улицу. Сквозь его завѣсу не видно домовъ, но огромными голубыми и оранжевыми пятнами сияють электрическіе фонари, багрово горять окна кинематографовъ, и вдругъ вырастають золотые злобные глаза ревущихъ автомобилей. Пѣшеходы, экипажи, моторы, трамваи, мальчишки съ ручными лавами вливаются въ этотъ перекрестокъ, задерживаются и кружатся въ немъ, какъ въ водоворотѣ, и растекаются дальше. Шерсть на лошадахъ вскурчавлена и дымится. И надъ людьми колеблются ихъ испаренія.

Какая толпа! Точно весь городъ безконечными лентами развертывается передъ глазами. Говоръ, смѣхъ, кашель, топотъ, звонки, окрики, гудки и непрерывное, головокружительное движеніе. Лишь въ самомъ центрѣ сутолоки, величественный и спокойный, какъ монументъ, дирижируетъ толпою, при помощи своей бѣлой палочки, краснолицый и толстый городской.

Мнѣ сегодня некуда итти и нечего дѣлать. Весь вечеръ я бродилъ по улицамъ, пока не зарябило въ гла-

захъ. Въ душѣ у меня какая-то свѣтлая, легкая и грустная пустота, и въ памяти звучать, не отставая, чеканные стихи А. Блока о городѣ.

Трамвай останавливается, не доходя до перекрестка. Я вспоминаю о своей усталости и хочу сѣсть въ вагонъ, отдохнуть. Но, Боже мой, какая дикая, яростная орда осаждаеть вагонныя ступеньки! Угрожающе поднятые вверхъ локти, цѣпляющіеся пальцы, тѣснящіеся бедра, лица, искривленные злостью и нетерпѣніемъ. Ахъ, въ эти хмурые, ослизлые петербургскіе вечера—какъ блѣдны, противны и вульгарны бываютъ человѣческія лица. Даже самыя тонкія, самыя нѣжныя изъ нихъ...

Господа мужчины! Интеллигенты! Джентльмены! Покровители слабыхъ!.. Вопросъ всего въ пятакѣ— не толкайте женщинъ, не давите дѣтей! Дамы! вы! украшеніе міра, лучшіе перлы въ коронѣ Создателя, образъ ангеловъ на землѣ! Вообразите себѣ самихъ себя, лѣзущихъ на площадку съ мужествомъ и манерами пожарнаго солдата, стремящагося по лѣстницѣ въ огонь. Руки ваши растопырены врозь, шляпки набоку, а торопливо вздѣтый кверху подолъ платья позволяетъ видѣть побурѣвшій отъ уличной грязи край нижней юбки, и кончикъ другой нижней юбки изъ краснаго толстаго гаруса, и тотъ глубокій ботинокъ на резинахъ, съ торчащими ушками, который почему-то называется «уткой»... Подумайте, съ какой грустью созерцаеть это зрѣлище случайный юноша-прохожій— въ душѣ идеалистъ и романтикъ.

Да не изъ чего было и ссориться. Вагонъ тронулся, и— посмотрите— всѣ утряслись, умялись, разсѣлись, всѣмъ хватило мѣста. Недавнее озлобленіе понемногу стихаетъ въ насъ. Нѣкоторое время всѣ мы еще ненавидимъ, по инерціи, почтенную даму, которая ѣдетъ съ пятилѣтнимъ мальчуганомъ. Она за него не заплатила и, собственно говоря, должна была бы держать его на

колѣняхъ, но она посадила его рядомъ съ собою. Конечно, мы были бы въ правѣ сдѣлать ей замѣчаніе и потребовать... Но наши нервы уже отмякли. Да и мальчишка очарователенъ. На немъ бѣлая шапочка и бѣлое пальтецо изъ мохнатого блестящаго плюша. Такой прелестный бѣлый медвѣжонокъ съ розовой мордочкой и умными черными глазками.

Косимся мы также довольно непріязненно и на дѣвушку отъ портнихи. У нея длинное, блѣдное лицо худо кормленнаго подростка, вздернутый удивленный носъ и пропасть веснушекъ. Она сидитъ на самомъ кончикѣ скамьи съ картонками на колѣняхъ, въ обычной прямой и выжидательной позѣ швейки-ученицы, разносящей заказы. Она занимаетъ слишкомъ много мѣста въ проходѣ своимъ багажомъ. Можно было бы попросить ее на площадку. Но стѣитъ ли? Такъ и быть, мы и ей прощаемъ. Всѣ прощаемъ, кромѣ педагога, который сидитъ напротивъ меня и — я знаю — страдаетъ давнишнимъ разстройствомъ печени. Я вижу, какъ онъ поглядываетъ на медвѣжонка и на швею. Если бы онъ могъ рассчитывать на общее сочувствіе, онъ давно возстановилъ бы законный порядокъ въ вагонѣ.

Но мы уже благодущны. Время отъ времени насъ, правда, соединяетъ общее чувство вражды къ новымъ пассажирамъ, влѣзающимъ въ вагонъ на остановкахъ. вмѣстѣ съ ними къ намъ вторгается сырая уличная мгла... Стучитъ отодвигаемая и задвигаемая дверь, раздражая наши больные петербургскіе нервы... Приходится передвигаться съ насиженнаго, привычнаго мѣста... Но проходитъ минута — двѣ, и пришлецы становятся какъ будто уже своими и вмѣстѣ съ нами начинаютъ ненавидѣть новыхъ, позднѣйшихъ спутниковъ, и вмѣстѣ съ нами привыкаютъ къ нимъ.

Отъ-нечего-дѣлать приглядываюсь къ сосѣдямъ, при-

сматриваюсь къ ихъ ногтямъ, ушамъ, морщинамъ, подбородкамъ, наблюдаю мелкія движенія ихъ пальцевъ и глазъ, когда они берутъ билеты и рассчитываются. Мнѣ кажется, что теперь, издали, по одному только виѣшнему виду я острѣе проникаю въ ихъ души, чѣмъ могъ бы это сдѣлать послѣ десяти лѣтъ тѣснаго знакомства, которое медленно, но неизбѣжно ткеть между близкими людьми непроницаемую стѣну взаимной лжи, компромиссовъ, лести, рабства, ревности, собственности, скуки, подавляемаго раздраженія и привычки.

Вотъ сидитъ толстый сѣдоусый отставной полковникъ. У него вздрагивающія щеки покрыты сѣтью мелкихъ красныхъ жилочекъ, въ ушахъ вата и на рукахъ вязаные напульсники отъ ревматизма. Добрый человекъ, крикунъ и хлѣбосоль. Любитъ собственноручно готовить шашлыкъ и вышиваетъ крестиками по канвѣ. Вся жизнь его въ прошломъ, въ службѣ, и онъ не прочь приврать о томъ, какъ было «у насъ въ полку».

Барышня съ «Musique» подъ мышкой: матовая, мечтательная блѣдность лица, усталые, свѣтлые, многознающіе столичные глаза, безмолвная влюбленность въ профессора, чувственное влеченіе къ музыкѣ, мигрень, плохой желудокъ, шоколадныя конфеты, неразборчивое чтеніе и малокровіе.

Два подрядчика по малярной, а можетъ-быть, и по дровяной части. На толстыхъ головахъ картузы; узко прорѣзанные глаза запухли отъ сна и жира, челюсти, какъ желѣзныя сковороды, мощные желваки на скулахъ, обросшихъ рыжей курчавой шерстью. Оба они посѣтители бѣговъ и темныхъ трактировъ, оба деспоты въ семьяхъ, истязатели дѣтей, а набожны, не пропустятъ ни одного поста — ни Великаго, ни Филиппово^{ва}, ни Петрово^{ва}, ни Спажинокъ, но оба способны задавить человека, какъ муху, за копейку и притомъ отличные патріоты...

Вотъ старушка — маленькая, толстая. Все ея лицо исчерчено вдоль и поперекъ морщинами, а губы вѣчно движутся, точно жуютъ или шепчутъ заклинанія, а вѣки подозрительныхъ, живыхъ и быстрыхъ глазъ — глазъ старой опытной мыши — красны и лишены рѣсницъ. И ее я знаю отлично. Это — сутяга... Всегда вы ее встрѣтите въ судѣ — въ коридорахъ, въ канцеляріи, въ залѣ, всегда съ векселями, претензіями, жалобами, встрѣчными исками. Судъ — ея алкоголь, морфій, гашишъ, на который она ухлопываетъ послѣднія крохи отъ своей жалкой пенсіи и отъ продажи домика съ мезониномъ. А откуда-нибудь, изъ Уржума или изъ Гадяча, ея пожилая, многолѣтняя дочь, жена эзекутора, пишетъ ей письма съ горькимъ упрекомъ: «Мамаша, для васъ судиться — одно развлеченіе, въ родѣ театра, а вы подумали бы, что теперь зима, а мои ребятишки бѣгають безъ калошъ и кашляютъ».

Дальше сидитъ молодой, чистенькій и юркій аптекарскій ученикъ, а еще дальше — акушерка со своимъ спеціальнымъ сакомъ. За ней, ближе къ углу, двое, — мужъ и жена, — оба крупные, мясистые, съ большими твердыми лицами — онъ земець, статистикъ, можетъ-быть, редакторъ журнала «Сыровареніе», она — женщина-врачъ, съ вышуклымъ, массивнымъ, импонирующимъ бюстомъ. И онъ и она въ пенснѣ. Смѣшная мысль приходитъ мнѣ въ голову. Въ минуты супружескихъ ласкъ они оба, должно-быть, снимають свои стекла, и отъ этого у каждаго глаза сразу становятся добродушными, мутными и косыми, а на переносицѣ съ двухъ сторонъ остаются красные рубцы.

Въ самомъ углу, слегка прислонившись къ стѣнкѣ, полузакрывъ глаза, спрятавъ руки въ муфточку изъ сѣренькаго, шелковистаго, нѣжнаго шеншиля, сидитъ дама или дѣвушка, съ милымъ-милымъ, ласковымъ лицомъ,

созданнымъ для улыбки счастья. А противъ нея златокудрый, румянощекій студентъ; у него ясные голубые глаза, обликъ красиваго, простоватаго и бойкаго деревенскаго парня, но при этомъ — тонкія, изгибисто вырѣзанныя, породистыя ноздри. И вотъ я вижу, какъ онъ и она невинно и невольно ищутъ взглядовъ другъ друга, встрѣчаются на мигъ, точно нечаянно, глазами и сейчасъ же разбѣгаются, и опять сталкиваются, и опять уклоняются куда-то въ сторону. Старая, какъ мѣръ, знакомая каждому, наивная, прелестная игра!

Но всѣ пассажиры хранятъ упорное, настороженное подозрительное молчаніе. Мужъ и жена — оба въ стеклахъ — изрѣдка шопотомъ обмѣняются двумя словами и замолчатъ, озираясь искоса на чужихъ. Подрядчики прогудятъ что-то вполголоса, близко наклоняясь другъ къ другу, картузами, и тоже замолчатъ, вздыхая, сонно оглядывая публику, вертя большими пальцами сѣпленныхъ на колѣняхъ рукъ.

Нѣтъ! Будь въ моей власти, и не бойся я наскочить на оскорбленіе, я бы оживилъ ихъ всѣхъ. Я бы далъ старому полковнику нѣсколько чудесныхъ рецептовъ отъ ревматизма и поговорилъ бы съ нимъ о грязевыхъ курортахъ. Съ супругами въ стеклахъ длинно и скучно побесѣдовалъ бы о политикѣ и о Думѣ. Выслушалъ бы внимательно и сочувственно о всѣхъ судебныхъ передрагахъ, постигшихъ маленькую старушонку.

Для того, чтобы дать исходъ желчи, переполняющей печень педагога, я вынулъ бы медленно изъ кармана портсигаръ, методично досталъ бы оттуда папиросу, постучалъ бы ею о крышку и съ невиннымъ видомъ взялъ бы ее въ ротъ. Воображаю, какъ онъ сразу пожелтѣетъ, заблеститъ очками и зашипитъ на меня: «Здѣсь нельзя курить. Видите надпись!» Но я такъ же спокойно вытащу коробку со спичками и молча потрясу ею. Педагогъ изъ

желтаго сдѣлается буримъ, потомъ краснымъ и закричить: «Кондукторъ, выведите этого нахала. Опъ позволяеть себѣ курить въ вагонѣ». Тогда съ христіанскимъ смиреніемъ я выйду на площадку, буду курить и молча радоваться, что принесъ хоть минутное облегченіе застоявшейся педагогической душѣ...

А красивой дѣвушкѣ съ муфтой и студенту, чтѣ сидитъ напротивъ, я сказалъ бы:

— Дѣти мои, вотъ я вижу, вы нравитесь другъ другу— отчего бы вамъ не заговорить тутъ же, попросту, сердечно и весело.

Но кондукторъ просовываетъ голову въ вагонную дверь и возглашаетъ:

— Бассейная улица!

И студентъ вышелъ, бросая послѣдній робкій взглядъ на сосѣдку. Мнѣ кажется, я вижу, какъ грудь его подъ форменнымъ пальто незамѣтно, но глубоко вздыхаетъ. Опъ выходитъ. Трамвай трогается. А дама поворачивается къ окну, быстро протираетъ маленькой рукой въ желтой шведской перчаткѣ черное вспотѣвшее окно и глядитъ на улицу.

Право, все это какъ въ жизни, въ большой настоящей жизни, въ которой такъ же бессмысленно тѣснятся и толкаются люди, такъ же подозрительно и злобно встрѣчаютъ вновь приходящихъ, такъ же пугливо и замкнуто, со взглядомъ исподлюбья, жмутся къ своимъ, къ близкимъ, уже привычнымъ; такъ же приходятъ и испугъ и обида отъ каждой мысли и cadaго слова, высказаннаго въ необычномъ порядкѣ, и такъ же пропускаютъ навѣки изъ-за нелѣпныхъ, мелочныхъ житейскихъ правилъ то величайшее счастье, которое озаряетъ сердца людей только благодаря случаю, мимоходомъ.

И вотъ вся наша планета, прекрасная Земля, представляется мнѣ маленькимъ трамваемъ, несущимся по какой-то загадочной спирали въ вѣчность. Вагоновожатый впереди нея—незримое никѣмъ, покорное своимъ таинственнымъ законамъ Время. Кондукторъ — Смерть.

Да и въ самомъ дѣлѣ: сравнительно съ безконечными вѣками, бывшими до насъ, и тѣми, которые останутся послѣ насъ — не одинаково ли коротки: нашъ путь въ трамваѣ и наша человѣческая жизнь?

— Синимъ билетамъ конецъ! — возглашаетъ Судьба, просунувъ голову въ дверь.

У меня какъ разъ синій. «Конецъ, такъ конецъ, — думаю я. — Вѣдь мнѣ все равно было, куда ѣхать». И я выхожу изъ трамвая на улицу, въ туманъ, тьму и грязь.

Милая барышня съ серебристой муфточкой! Клянусь вамъ, что жизнь страшно коротка. Теперь, въ вашемъ возрастѣ, вы и представить себѣ не можете, до чего она мгновенна. Вы не бойтесь, я не скажу пошлой фразы резервнаго поручика: «а потому надо пользоваться ею во-всю», или «а потому надо брать отъ нея все, что можно»... О, нѣтъ, человѣку надлежитъ быть цѣломудреннымъ въ любви, вѣрнымъ въ дружбѣ, милостивымъ къ больному и падшему, ласковымъ къ звѣрямъ. Но если сердце вдругъ неудержимо потянетъ васъ за собою, не противьтесь его чудесной власти, не вѣрьте ни совѣтамъ дряхлаго опыта, ни расчетамъ, ни принятымъ обычаямъ: вѣрьте сердцу и идите за нимъ. Тѣло обманеть, сердце — никогда.

А когда настанетъ конецъ вашему билету, ступайте безъ ропота въ темноту. Теперь васъ, навѣрно, дома ждетъ обычный чай съ крендельками и недоѣвшія картины на стѣнахъ, разговоры о театрѣ, о литературѣ, о сегодняшнихъ газетахъ. А тамъ, на Главной Станціи — почему

знать?—можетъ-быть, мы увидимъ сіяющіе дворцы подъ вѣчнымъ небомъ, услышимъ нѣжную, сладкую музыку, насладимся ароматомъ невиданныхъ цвѣтовъ. И всѣ будемъ прекрасны, веселы, цѣломудренно-паги, чисты и преисполнены любви.

Но объ одномъ умоляю: не сходите съ трамвая до полной остановки. Нерасчетливо, глупо и некрасиво.

СКАЗКА.

— Папа, расскажи мнѣ какую-нибудь сказку... Да слушай же, что я тебѣ говорю, папочка-аа...

При этомъ семилѣтній Котикъ (его имя было Константинъ), сидѣвшій на колѣняхъ у Холщевникова, старался обѣими руками повернуть къ себѣ голову отца. Мальчика удивляло и даже немного беспокоило, зачѣмъ это папа. вотъ уже цѣлыхъ пять минутъ смотреть на огонь лампы такими странными глазами, неподвижными, какъ будто бы улыбающимися и влажными.

— Да па-па же-е, — протянулъ Котикъ плаксиво. — Ну, чего ты со мной не разговариваешь?

Иванъ Тимоѣевичъ слышалъ нетерпѣливыя слова своего сына, но никакъ не могъ сбросить съ себя того страннаго очарованія, которое овладѣваетъ человѣкомъ, засмотрѣвшимся на блестящій предметъ. Кромѣ яркаго свѣта лампы, къ этому очарованію примѣшивались и обаяніе тихаго, теплаго, лѣтняго вечера, и уютность небольшой, но миленькой дачной террасы, затканной дикимъ виноградомъ, неподвижная зелень котораго, при искусственномъ освѣщеніи, приобрѣла фантастическій, блѣдный и рѣзкій оттѣнокъ.

Лампа подъ зеленымъ матовымъ абажуромъ бросала на скатерть стола яркій ровный кругъ... Иванъ Тимоѣевичъ видѣлъ въ этомъ кругѣ двѣ близко склонившіяся

головы: одну — женскую, бѣлокурую, съ нѣжными и тонкими чертами лица, другую — гордую и красивую голову юноши, съ которой черные волнистые волосы падали небрежно на плечи, на смуглый смѣлый лобъ и на большіе черные глаза, такіе горячіе, выразительные, правдивые глаза. На своихъ щекахъ и на своей шеѣ Холщевниковъ чувствовалъ прикосновеніе нѣжныхъ рукъ Котика и его теплое дыханіе, даже слышалъ запахъ его волосъ, слегка выгорѣвшихъ за лѣто на солнцѣ и напоминавшихъ запахъ перьевъ маленькой птички. Все это вмѣстѣ сливалось въ такое гармоничное, такое радостное и свѣтлое впечатлѣніе, что глаза Холщевникова невольнo начали щипать благодарныя слезы.

Двѣ головы, склонившіяся около лампы и почти касавшіяся волосами, принадлежали женѣ Холщевникова и Григорію Баханину, его лучшему другу и ученику. Иванъ Тимоѣевичъ съ искренней, горячей и заботливой любовью относился къ этому пылкому и безпорядочному молодому человѣку, въ картинахъ котораго опытный глазъ учителя давно уже прозрѣлъ ударъ широкой и дерзкой кисти громаднаго таланта. Въ душѣ Холщевникова совсѣмъ не было зависти, столь свойственной бурной и вульгарной средѣ художниковъ. Наоборотъ, онъ гордился тѣмъ, что будущая знаменитость — Баханіяъ бралъ у него первые уроки, и что его жена, Лидія, раньше всѣхъ признала и оцѣнила его ученика.

Баханинъ, молча и не отрываясь, чертилъ карандашомъ на лежавшемъ передъ нимъ листѣ брестольской бумаги, и изъ-подъ его руки выходили карикатуры, виньетки, животныя въ человѣческихъ костюмахъ, изящно сплетенные инициалы, пародіи на картины, выставленныя въ академіи художествъ, тонкіе женскіе профили... Эти небрежные наброски, на которыхъ каждый штрихъ порождалъ смѣлостью и талантомъ, быстро смѣнялись одинъ

за другимъ, вызывая на лицѣ Лидіи Львовны, внимательно слѣдившей за карандашомъ художника, то усиленное вниманіе, то веселую улыбку.

— Ну, вотъ какой ты, папа. Самъ общаешься, а самъ теперь молчишь, — протянулъ обидчиво Котикъ. При этомъ онъ надулъ губки, опустилъ низко голову и, тербя свои пальцы, замоталъ ногами.

Холщевниковъ обернулся къ нему и, чтобы загладить свою вину, обнялъ его.

— Ну, хорошо, хорошо, Котикъ. Я тебѣ расскажу сейчасъ сказку. Не сердись... Только... Что бы тебѣ рассказать?..

Онъ задумался.

— Про медвѣдя, которому отрубили лапу? — сказалъ Котикъ, облегченно вздыхая. — Только я это уже знаю.

Внезапно въ головѣ Холщевникова сверкнула вдохновенная мысль. Развѣ жизнь его не можетъ послужить темой для хорошей, трогательной сказки? Развѣ давно это было?— всего двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, — когда онъ, бѣдный, неизвѣстный художникъ, затираемый начальствомъ, оскорбляемый самообожаніемъ, невѣжествомъ и рекламированіемъ бездарностей, не разъ ослабѣвалъ, терялъ голову въ жестокой борьбѣ съ жизнью и проклиналъ тотъ часъ, когда взялся за кисть. Въ это тяжелое время на его пути встрѣтилась Лидія. Она была гораздо моложе его, она была ослѣпительно красива, умна, окружена поклонниками. Онъ, бѣдный, невзрачный, болѣзненный, испуганный жизнью, и мечтать не смѣлъ о любви этого высшаго обворожительнаго существа. Но она первая увѣровала въ него, первая протянула ему руку. Когда, утомленный неудачами и бѣдностью, потерявшій силу и надежду, онъ падалъ духомъ, она ободряла его лаской, нѣжной заботой, веселой шуткой. И ея любовь восторжествовала... Теперь имя Холщевникова извѣстно всякому

грамотному человѣку, его картины украшаютъ галлерей коронованныхъ особъ,—онъ единственный изъ академикъ, котораго обожаютъ ни во что не вѣрящая среда молодыхъ художниковъ... О матеріальномъ успѣхѣ и говорить нечего... И онъ и Лидія съ избыткомъ вознаграждены за долгіе унижительные годы свирѣпой экономіи, почти нищенства.

Въ то бѣдственное время Иванъ Тимофеевичъ и представить себѣ не могъ бы всей этой тихой прелести, этой довольной жизни, согрѣтой неизмѣнной лаской красавицы-жены и нѣжной любовью милаго Котика, этого радостнаго сознанія семейности, которой крѣпкая дружба съ Баханинымъ придавала еще бѣольшую глубину и значеніе.

Тема сказки быстро сложилась въ его головѣ.

— Ну, хорошо, слушай, Котикъ, — началъ онъ, глядя сына по мягкимъ, тонкимъ волосамъ. — Только, чуръ, не перебивать... Ну, такъ вотъ-съ. Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жилъ-былъ король съ королевой.

— И у нихъ не было дѣтей?.. — спросилъ Котикъ тонкимъ голосомъ.

— Нѣтъ, Котикъ, у нихъ были дѣти... Не перебивай, пожалуйста... Наоборотъ, у нихъ дѣтей было чрезвычайно много. Такъ много было дѣтей, что когда король раздѣлилъ всѣмъ сыновьямъ свои богатства, то младшему-то сыну ничего не досталось. Какъ есть ничего не досталось, ни одежды, ни лошадей, ни домовъ, ни слугъ... Ничего... Да... Ну, вотъ, когда король почувствовалъ, что близокъ его конецъ, созвалъ онъ своихъ сыновей и говорить имъ: «Милыя дѣти, можетъ-быть, я скоро умру, и потому хочу выбрать изъ васъ наслѣдника... но непременно самаго достойнаго... Вы знаете, что на границѣ моего королевства есть большой-пребольшой дремучій лѣсъ... А въ самой серединѣ лѣса стоитъ мрамор-

ный дворецъ. Только проникнуть туда очень трудно. Многие пробовали сдѣлать это, но назадъ не возвращались. Ихъ пожирали дикіе звѣри, щекотали до смерти русалки, кусали ядовитыя змѣи... Но вы идите смѣло впередъ... Пусть ни страхъ, ни благоразумные совѣты близкихъ, ни соблазнъ безопасности не останавливаютъ васъ... У воротъ мраморнаго дворца вы увидите трехъ львовъ, прикованныхъ на цѣпяхъ: одному имя — Зависть, другому — Бѣдность, третьему — Сомнѣніе. Львы кинутся на васъ съ оглушительнымъ ревомъ. Но вы идите все прямо и прямо. Во дворцѣ, въ серебряной комнатѣ, на золотомъ треножникѣ, усыпанномъ звѣздами, горитъ вѣчный священный огонь. Итакъ, запомните мои слова: кто изъ васъ зажжетъ отъ этого огня свѣтильникъ и возвратится съ нимъ домой, тотъ и будетъ послѣдникомъ моего царства».

Иванъ Тимофеевичъ, не выпуская Котика изъ своихъ объятий, закурилъ папиросу. Баханинъ и Лидія, повидавшему, съ интересомъ прилушались къ его сказкѣ; Баханинъ даже приложилъ ладонь зонтикомъ къ своимъ глазамъ, стараясь изъ свѣта разглядѣть Холщевникова, сидѣвшаго въ темномъ углу въ качалкѣ.

— Ну-съ, хорошо, — продолжалъ Холщевниковъ: — пустились королевскіе сыновья въ путь. Поѣхалъ и младшій принцъ. Ужъ придворные отговаривали его, отговаривали: ты и молодъ, и слабъ, и болѣзненъ, куда тебѣ за старшими итти? Но онъ отвѣчалъ имъ: «Нѣтъ, и я хочу быть въ мраморномъ дворцѣ и зажечь свой свѣтильникъ у священнаго огня».

«И поѣхалъ. Ну-съ, хорошо. Долго ли, коротко ли, но только доѣхали братья до лѣса. Вотъ старшіе и говорятъ: «Черезъ лѣсъ ѣхать и страшно, и трудно, и далеко, поѣдемъ-ка вокругъ, можетъ-быть, найдемъ другую дорогу». А младшій говоритъ: «Вы, братцы, какъ

хотите, а я поѣду прямо, потому что другой дороги черезъ лѣсъ нѣтъ». Братья ему отвѣчаютъ: «Ты, извѣстно, Иванушка-дурачокъ, нечего съ тобою и разговаривать; съѣдятъ тебя въ лѣсу дикіе звѣри, или самъ умрешь отъ голода». Да. Ну, вотъ, ѣдетъ младшій сынъ, ѣдетъ одинъ день, ѣдетъ другой, ѣдетъ третій. А лѣсъ все гуще и гуще становится. Колочіе кусты клещутъ ему въ лицо вѣтвями, рвутъ на немъ одежду, волки воютъ ему вслѣдъ, вурдалаки гонятся за нимъ, а онъ все ѣдетъ. На деревьяхъ качаются русалки съ зелеными волосами и манятъ его къ себѣ: «Иди къ намъ. Куда ты ѣдешь? И дворца-то мраморнаго никакого нѣтъ. Все это сказки однѣ, выдумки глупцовъ и мечтателей. Иди къ намъ. Ты будешь жить весело и беззаботно, мы будемъ улаживать слухъ твой музыкой и пѣніемъ. Иди къ намъ». Но онъ не слушаетъ и ѣдетъ все дальше и дальше. Наконецъ пала у него лошадь... А лѣсъ все гуще и гуще; на каждомъ шагу непроходимыя болота, крутые овраги, чаща лѣсная... Не хватило у принца силъ... Повалился онъ на сырую землю и ужъ думаетъ, что ему конецъ приходитъ. «Вѣрно, думаетъ, впрямь дворца никакого нѣтъ мраморнаго, лучше бы вовсе мнѣ было не ходить сюда, или остаться по дорогѣ у русалокъ. А то теперь погибну я ни за что, и некому меня даже похоронить»... Только это онъ подумалъ, какъ вдругъ, откуда ни возмись, появляется передъ нимъ фея въ бѣлоспѣжныхъ одеждахъ и говоритъ ему: «Зачѣмъ ты, принцъ, отчаиваешься и рещишь? Возьми мою руку и иди». И какъ онъ только дотронулся до ея руки, то сразу почувствовалъ облегченіе, всталъ и пошелъ вмѣстѣ съ прекрасной феей. И когда по дорогѣ онъ ослабѣвалъ и готовъ былъ упасть отъ усталости, фея все крѣпче сжимала его руку. И онъ собирался съ духомъ и шель, превозмогая утомленіе.

Холщевниковъ остановился.

— Ну, а что же, папа, дальше?—спросилъ Котикъ, глядя на него темными, внимательными, широко-раскрытыми глазами.

Иванъ Тимоѳеевичъ встряхнулъ волосами, и голосъ его зазвучалъ почти гордо:

— Пришелъ принцъ во дворецъ. Онъ не испугался страшныхъ львовъ: Сомнѣнія, Бѣдности и Зависти, сидѣвшихъ на цѣпяхъ у воротъ, потому что съ нимъ была прекрасная фея. Онъ зажегъ священный огонь отъ золотого жертвенника, усѣяннаго брилльянтовыми звѣздами, и пошелъ съ нимъ домой, въ свое королевство. И когда онъ возвращался изъ дворца, то львы лежали у воротъ, какъ ручныя собаки, и лизали слѣды его ступней, лѣсъ разступился въ стороны, образуя широкую гладкую дорожку, а прекрасная фея превратилась въ принцессу (она была раньше заколдована злой волшебницей) и съ тѣхъ поръ никогда уже больше не покидала принца. Что же касается остальныхъ братьевъ, то нѣкоторые испугались трудной дороги и остановились на серединѣ, а иные возвратились домой, и надъ ними всегосударство смѣялось. А младшій принцъ со своей прекрасной принцессой стали жить да поживать, да добра наживать. Такъ-то, мой Котикъ.

— И все, папа? — спросилъ разочарованнымъ голосомъ мальчикъ, потихоньку сползая съ отцовскихъ колѣнъ.

— Все, мой мальчикъ. Иди-ка теперь лучше, мой маленький принцъ, спать. Попрощайся съ мамочкой и съ Гришей.

— Нехорошая сказка, — сказалъ мальчикъ, однако послушно всталъ, поцѣловалъ Лидію Львовну, которая заботливо и бережно его перекрестила, потомъ поцѣловалъ Баханина и, взявши за руку отца, пошелъ въ дѣтскую.

Съ помощью няньки онъ раздѣлъ Котика и уложилъ его въ постель. Въ дѣтской было полутемно. Слабо мерцала розовая лампада у образа, отражаясь дрожащими наивными искрами на золотой ризѣ темполикаго угодника.

Котикъ улегся на правый бокъ, подложивъ подъ щеку сложенные ладони, и спросилъ :

— Ты, папа, всю эту сказку рассказалъ? До конца?

— Всею, Котикъ. А что?

— Да такъ. А гдѣ же теперь этотъ сынъ?

— Сынъ? Сынъ еще не сдѣлался королемъ, но зато онъ женился на феѣ, и у нихъ есть маленькій сыночекъ, вотъ въ родѣ моего Котика... Только Котикъ не любитъ писать подъ диктовку, а сынъ принца пишетъ съ удовольствіемъ.

— А отчего же, папа, они называли его Иванушкой-дурачкомъ?

— Потому, голубчикъ, что онъ былъ советъ простой и бѣдный. Да онъ и впрямь былъ бы дурачкомъ, если бы не повстрѣчался съ прекрасной феѣй. Заблудился бы онъ, дикіе бы звѣри его...

Глубокое и ровное дыханіе Котика говорило, что онъ заснулъ, не дослушавъ отвѣта на свой вопросъ. Холщениковъ съ умиленнымъ и растроганнымъ сердцемъ перекрестилъ сына и, тихо ступая своими лайковыми туфлями, вышелъ изъ дѣтской на террасу.

Ни Лидія ни Баханинъ не слышали его шаговъ. Она лежала у него на плечѣ и, закинувъ назадъ голову, съ полуоткрытыми, смѣющимися влажными губами уклонялась отъ его поцѣлуевъ. Черные кудри и пепельные завитки смѣшались... Видно было, что сопротивление Лидіи волнуетъ обоихъ: она поблѣднѣла, а смуглое лицо Баханина покрылось розовыми пятнами и приняло умоляющее выраженіе. Наконецъ она, точно обезсилѣвъ, со страстнымъ вздохомъ, похожимъ на стонъ, прижалась губами къ его губамъ и порывисто обвила его шею своей прекрасной полубнаженной рукой...

Сказка окончилась...

ЧУЖОЙ ХЛѢБЪ.

— Подсудимый, вамъ закономъ предоставлено послѣднее слово, — сказалъ предсѣдатель суда равнодушнымъ тономъ, съ полузакрытыми отъ утомленія глазами. — Что вы можете прибавить въ разъясненіе или оправданіе вашего поступка?

Обвиняемый вздрогнулъ и нервно схватился длинными, тонкими пальцами за перила, отдѣляющія скамью подсудимыхъ. Это былъ невзрачный, худенькій человѣкъ, съ робкими движеніями и затаенной испуганностью во взглядѣ. Свѣтлые, рѣдкіе, какъ будто свалаявніеся волосы на головѣ и бородѣ и совершенно бѣлые рѣсницы придавали его блѣдному лицу болѣзненный, анемичный видъ... Онъ обвинялся въ томъ, что, проживая у своего дальняго родственника, графа Венцпольскаго, въ ночь съ 23-го на 24-е января произвелъ въ квартирѣ послѣдняго поджогъ съ заранѣе обдуманымъ намѣреніемъ. Медицинская экспертиза опредѣлила полную нормальность его душевныхъ и умственныхъ качествъ. По ея словамъ, замѣчалась нѣкоторая повышенная чувствительность нервной системы, склонность къ неожиданнымъ слезамъ, слабость задерживающихъ центровъ, — но и только.

До сихъ поръ подсудимый казался равнодушнымъ, почти безучастнымъ къ разбирательству его дѣла. Торжественная, подавляющая обстановка судебного засѣда-

нія, расшитые мундиры судей, красное съ золотой бахромой сукно судейскаго стола, огромная двухсвѣтная не топлёная зала, величественные портреты по стѣнамъ, публика за барьеромъ, суетливые пристава, исполненные достоинства присяжные, олимпійская небрежность прокурора, безсодержательная развязность защитника — все это произвело на него ошеломляющее впечатлѣніе. Ему казалось, что онъ попалъ подъ зубья какой-то гигантской машины, остановить которую, хотя бы на мгновение, не въ силахъ никакая человѣческая воля.

Много разъ во время рѣчи защитника ему хотѣлось встать и крикнуть: «Вы не то, совсѣмъ не то говорите, господинъ адвокатъ. Дѣло было иначе. Замолчите и дайте мнѣ самому рассказать всю исторію моего преступленія», — и вслѣдъ за тѣмъ увѣреннымъ голосомъ, въ ясныхъ и трогательныхъ выраженіяхъ передать всѣ свои тогдашнія мысли, всѣ, даже самыя тонкія, неуловимыя ощущенія... Но машина продолжала вертѣться такъ правильно и такъ безучастно, что сопротивляться ей было невозможно.

Однако послѣднія слова предсѣдателя вдругъ пробудили въ подсудимомъ судорожную энергію отчаянія, являющуюся у людей въ моментъ окончательной гибели, — ту самую энергію, съ которой осужденный на смерть иногда борется на эшафотѣ съ палачомъ, надѣвающимъ на шею веревку.

И умоляющимъ голосомъ онъ воскликнулъ:

— О, да, господинъ предсѣдатель!.. Ради Господа, ради самого Бога, выслушайте меня... позвольте мнѣ рассказать все, все!..

Присяжные засѣдатели изобразили на лицахъ сосредоточенное вниманіе, судьи углубились въ рисованіе пѣтушковъ на лежавшихъ передъ ними листахъ бумаги, публика напряженно затихла. Подсудимый началъ:

— Когда я въ началѣ прошлаго года пріѣхалъ въ этотъ городъ, у меня не было никакихъ плановъ на будущее. Я, кажется, и родился неудачникомъ. Мнѣ никогда ни въ чемъ не везло, и въ сорокъ лѣтъ я оставался такимъ же безпомощнымъ и непрактичнымъ, какъ и во время моей юности.

«Я обратился къ графу Венцепольскому съ просьбой о протекціи для полученія какого-нибудь мѣста. Я считывалъ найтц у него помощь, такъ какъ онъ приходился дальнимъ родственникомъ моей покойной матери. Графъ, человѣкъ щедрый и снисходительный къ чужимъ, устроить меня въ то время никуда не могъ, но зато предложилъ мнѣ, до перваго удобнаго случая, поселиться у него въ домѣ.

«Я переѣхалъ къ нему. Сначала онъ оказывалъ мнѣ нѣкоторые знаки вниманія, но вскорѣ я пріѣлся ему, и онъ пересталъ со мною стѣсняться. Должно-быть, онъ такъ привыкъ къ моему присутствію, что считалъ меня чѣмъ-то въ родѣ мебели. Тогда-то для меня и началась ужасная жизнь приживальщика, — жизнь, полная горькихъ униженій, безсильной злобы, подобострастныхъ словъ и улыбокъ.

«Чтобы понять всю мучительность этой жизни, надо испытать ее. Напрасно независимые и гордые люди думаютъ, что привычка къ прихлебательству въ конецъ притупляетъ у человѣка способность дрожать отъ обиды, плакать отъ оскорбленія. Никогда, никогда не былъ я такъ болѣзненно чувствителенъ къ каждому слову, казавшемуся мнѣ намекомъ на мое паразитство. Душа моя въ это время была сплошной воспаленной раной, — другаго сравненія я не могу найти, — и каждое прикосновеніе къ ней терзало ее, какъ обжогъ раскаленнымъ желѣзомъ. Но, чѣмъ больше проходило времени, тѣмъ меньше я чувствовалъ въ себѣ энергіи, чтобы вырваться изъ этого

унизительнаго положенія. Я всегда былъ слабъ, трусливъ, и вялъ. Сытая жизнь на графскихъ хлѣбахъ окончательно меня парализовала и развратила, развѣла, какъ ржавчина, остатки моей самостоятельности. Иногда ночью, дожась спать и переживая вновь безконечный рядъ дневныхъ униженій, я задыхался отъ злобы и говорилъ себѣ: «Нѣтъ, завтра конецъ! Я ухожу, ухожу, бросивъ въ лицо графу много горькихъ и дерзкихъ истинъ. Лучше голодь и колодь и платье въ заплатяхъ, чѣмъ это подлое существованіе».

«Но наступало «завтра». Рѣшимость моя пропадала. Опять мои губы искривлялись въ жалкую, напряженную улыбку, опять я не смѣлъ и не умѣлъ положить руки на столъ во время обѣда, опять чувствовалъ себя неловкимъ и смѣшнымъ. Когда я отваживался напоминать графу о его обѣщаніи пристроить меня, онъ возражалъ со своимъ барскимъ видомъ:

«— Ну, чего вамъ торопиться, мой милый?.. Развѣ вамъ плохо у меня?.. Поживите пока, а тамъ мы увидимъ...

«Я замолкалъ. Я даже не пробовалъ отказываться, когда графъ дарилъ мнѣ какой-нибудь изъ своихъ немного поношенныхъ костюмовъ. Эти костюмы были великолѣпны, но слишкомъ широки для меня. Одинъ изъ графскихъ гостей какъ-то замѣтилъ, что платье на мнѣ «точно съ двоюроднаго братца»; другой — грязный, циничный господинъ и, какъ говорили, шулеръ — громко расхохотался на это замѣчаніе и нагло спросилъ меня:

«— Вы, Федоровъ, вѣроятно, заказываете платье у одного портного съ графомъ?»

«Никто изъ нихъ не звалъ меня по имени-отчеству. Графъ почти всегда забывалъ представлять меня своимъ знакомымъ, изъ которыхъ большинство были такими же приживальщиками около него, какъ и я, но только опи

умѣли держать себя съ графомъ на равной ногѣ, почти фамиллярно, а я всегда оставался робкимъ и подобострастнымъ. Они ненавидѣли меня той острой, уродливой ненавистью, которая только и можетъ быть между людьми, соперничающими изъ-за милости патрона.

«Прислуга графа относилась ко мнѣ со всей высокомерной, хамской наглостью, составляющей особенность людей этой профессіи. За столомъ меня обносили кушаньемъ и винами. Въ ихъ лакейскихъ взглядахъ и словахъ я чувствовалъ презрѣніе, которое они ко мнѣ чувствовали,—презрѣніе работника къ трутню. Я самъ убиралъ свою постель и чистилъ свое платье.

«По вечерамъ иногда составлялся винтъ. Когда не хватало партнера, графъ предлагалъ карточку и мнѣ. У меня никогда не было своихъ денегъ, но я садился, страстно мечтая о выигрышѣ. Я игралъ съ жадностью, съ расчетомъ, съ рискомъ, и даже доходило до того, что внутренне молилъ Бога о помощи. Какъ обыкновенно бываетъ въ этихъ случаяхъ, я проигрывалъ — всегда больше всѣхъ.

«Когда игра кончалась и партнеры рассчитывались, я сидѣлъ съ потушенными глазами, красный отъ стыда, и судорожно ломалъ мѣлокъ. Когда молчать долѣе становилось невозможно, я, стараясь казаться небрежнымъ, говорилъ :

«— Графъ... Пожалуйста... Будьте такъ добры... Я въ настоящую минуту не при деньгахъ... Примите на себя мой проигрышъ... Я вамъ завтра возвращу...

«Конечно, это обѣщаніе никого не обманывало. Всѣ знали, что ни завтра ни послѣзавтра я своего долга не отдамъ.

«Случалось, что вечеромъ графъ и его гости отправлялись въ ресторанъ, а оттуда къ женщинамъ. Меня приглашали вскользь, мимоходомъ, такимъ тономъ, который

уже самъ по себѣ говорилъ объ отказѣ. Я зналъ, что скажи я «нѣтъ», и меня съ удовольствіемъ оставятъ въ покоѣ. Но, клянусь истиннымъ Богомъ, я никогда не могъ понять, какая сила заставляла меня раньше всѣхъ бѣжать въ переднюю и суетливо надѣвать пальто.

«За ужиномъ много острили и безобразничали. Я долженъ былъ громко и часто смѣяться, но смѣхъ доставлялъ мнѣ столько же удовольствія, какъ ученой собакѣ. Если же меня самого осѣняла веселая мысль или удачный каламбурь,—я не находилъ для нихъ слушателей. Едва я раскрывалъ ротъ, какъ меня тотчасъ же перебивали. Всѣ отворачивались отъ меня, и я, начиная въ десятый разъ одну и ту же фразу, тщетно перебѣгалъ глазами отъ одного собесѣдника къ другому: ни одни глаза не встрѣчались съ моими.

«Всего ужаснѣе были для меня ночи. Я спалъ въ проходной узкой комнатѣ, скорѣе похожей на коридоръ. Постелью мнѣ служила старая кушетка съ вылѣзшей наружу мочалой, съ горбомъ посрединѣ и съ продавленными пружинами. Двѣ отсутствующія переднія ножки замѣняли мой же собственный чемоданъ.

«О, какъ я ненавидѣлъ эту кушетку! Никогда ни къ одному человѣку я не питалъ такой безумной злобы, какъ къ этой старой рухляди, отъ которой отказался бы любой старьевщикъ. По мѣрѣ того, какъ приближалась ночь, меня все болѣе и болѣе охватывалъ невыносимый ужасъ передъ длинной безсонной ночью, ожидавшей меня. Наконецъ я ложился. Горбъ по срединѣ кушетки впирался въ мою спину, заставляя ее выгибаться, пружины рѣзали бока, подушка казалась низкой и ежеминутно сползала. Черезъ пять минутъ начиналась тупая, жестокая боль въ затылкѣ и поясницѣ. Голова разгорячалась, и въ моемъ бѣдномъ мозгу мысли скакали и кружились въ лихорадочномъ вихрѣ... Создавались несбыточные, фан-

гастическіе планы на будущее; ночью я имъ вѣрилъ, этимъ планамъ, но на другое утро они меня пугали, какъ горячечный бредъ.

«Всѣ дневныя впечатлѣнія, каждое мое и чужое слово, каждая обида, каждый плевокъ, каждое униженіе вновь проходили въ моей памяти. Я разбирался въ нихъ съ тѣмъ жгучимъ наслажденіемъ и съ той глубокой, страшной послѣдовательностью, на которую только способнѣумъ одинокаго, оскорбленнаго человѣка, и, воскрешая всѣ эти подлыя мелочи, я выкапывалъ со дна моей души такую гадкую грязь, что... Нѣтъ... о такихъ вещахъ даже и на судѣ, даже и въ свою защиту нельзя говорить...»

«Друзья графа, проходя мимо моей кушетки, любили потѣпаться надъ ея убогимъ видомъ. Они называли ее Прокрустовымъ ложемъ.

«Въ тотъ день, когда я совершилъ преступленіе, одинъ изъ знакомыхъ графа, г. Лбовъ, пригласилъ всю компанію въ ресторанъ вспырнуть полученное имъ наслѣдство. Я тоже сталъ одѣваться. Когда мы вышли на лѣстницу, я печаянно толкнулъ г. Лбова и извинился. Онъ отвѣчалъ:

«— Ничего, пустяки...

«И потомъ вдругъ прибавилъ:

«— Да вы, Федоровъ, напрасно и вѣхать-то беспокоитесь. Никто васъ не приглашалъ.

«Я остановился на крыльцѣ, раздавленный этими жестокими словами. Гости шумно выходили на крыльцо. Въ дверяхъ кто-то изъ нихъ крикнулъ:

«— Идите и возьмите на ваше Прокрустово ложе.

«А другой подхватилъ:

«— На ваше прохвостово ложе!

«Они ушли, громко смѣясь; я возвратился назадъ и легъ на кушетку. У меня была смутная надежда, что они по-

жалѣють о своихъ словахъ и пришлютъ за мной, но никто не приходилъ... Два или три часа я проплакалъ ѣдкими слезами безсильнаго бѣшенства. «Прохвостово» ложе причиняло мнѣ боль. Я поднялся. Ненависть къ кушеткѣ переполнила мое сердце. Я собралъ нѣсколько картонокъ изъ-подъ шляпъ, набилъ ихъ старой газетной бумагой, облилъ керосиномъ, поставилъ подъ кушетку и зажегъ. Все это время я былъ въ какомъ-то забытьѣ...

«Когда я очнулся, вся комната пылала. Я ужаснулся своего поступка и сталъ звать на помощь. Остальное вамъ уже извѣстно, господа присяжные...»

БРЕГЕТЬ.

Я необыкновенно живо помню этот длинный декабрьский вечер. Я сидѣлъ у круглаго обѣденнаго стола и при яркомъ свѣтѣ висячей лампы читалъ толстый, истрепанный томъ «Сѣверной Пчелы», тотъ самый милый мнѣ по воспоминаніямъ томъ, который я непременно каждый разъ заставлялъ и терпѣливо прочитывалъ съ начала до конца, пріѣзжая на рождественскія каникулы въ Ружичную. Дядя Василій Филипповичъ сидѣлъ противъ меня въ низкомъ и глубокомъ кожаномъ креслѣ, протянувъ вдоль ковровой скамеечки свои подагрическія ноги, обвернутыя одѣяломъ тигроваго цвѣта. Его лицо оставалось въ тѣни; только страшные бѣлые усищи и трубка между ними попали въ свѣтлый кругъ и рисовались чрезвычайно отчетливо. Иногда я отрывался отъ книги и прислушивался къ мятели, разгулявшейся на дворѣ. Всегда есть что-то ужасное, какая-то угрюмая и злобная угроза въ этихъ звукахъ, начинающихся глухимъ рыданіемъ, восходящихъ по хроматической гаммѣ до пронзительнаго визга и опять спускающихся внизъ. А деревья въ это время качаются и гудятъ своими вершинами, вѣтеръ свиститъ и плачетъ въ трубахъ, и при каждомъ новомъ порывѣ бури кажется, будто кто-то бросаетъ въ ставни горсти мелкаго сухого снѣга. И, когда я прислушивался къ этому

дьявольскому концерту, моя мысль невольно останавливалась на томъ, что, вотъ я сижу теперь въ ветхомъ помѣщичьемъ домѣ, затерянномъ среди унылыхъ снѣжныхъ равнинъ, сижу глазъ-на-глазъ съ дряхлымъ, больнымъ старикомъ, далеко отъ города, отъ привычнаго общества, и мнѣ начинало казаться, что никогда, никогда ужъ больше не окончится это завываніе вьюги, и эта длительная тоска, и однозвучный ходъ маятника...

— Ты говоришь — случайности, — произнесъ вдругъ Василій Филипповичъ, грузно повертываясь въ своемъ креслѣ и заслоняясь рукой отъ свѣта:—а ты знаешь ли, что жизнь иногда возьметъ да удереть такую шутку, что никакой твой романистъ ничего подобнаго не придумаетъ?..

Я сначала не понималъ, къ чему относилось это восклицаніе, но потомъ вспомнилъ, что у насъ за обѣдомъ былъ разговоръ о безбрежности книжнаго вымысла, и спросилъ:

— Почему вы вдругъ объ этомъ заговорили, дядя?

— Да такъ себѣ... сижу я вотъ теперь... тихо кругомъ... на дворѣ погода... ну и того, знаешь, разная старина въ голову лѣзетъ... Припомнился мнѣ одинъ случай, вотъ я и сказалъ...

Дядя замолчалъ и долго съ томительнымъ кряхтѣніемъ укутывалъ больныя ноги. Потомъ онъ началъ:

— Собрались мы разъ у ротмистра фонъ-Ашенберга на именины. Было дѣло зимой. А мы, надо тебѣ сказать, т.-е. нашъ N-скій гусарскій полкъ только-что воротился тогда изъ венгерской кампаніи, и начальство насъ расквартировало по омерзительнымъ деревушкамъ. Глушь и тоска — просто невѣроятныя. Ъздили мы, правда, по окрестнымъ поймамъ — ну, да посуди самъ, чтò жъ тутъ веселаго? Оставалось намъ только одно—безпросвѣтное пьянство и карты, карты и пьянство. Такъ мы и положили себѣ за правило, что:

...кто въ день два раза не пьянь,
Тоть, извините, не улань...

«Ну, такъ вотъ, собрались мы. Во-первыхъ, штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й... Теперь въ полкахъ старики плачутся, что измельчалъ народъ, и что молодежь нигуда не годится. Также и штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й на насъ плакался. А надо тебѣ сказать, что по лѣтамъ онъ былъ самый старшій офицеръ въ полку, и всѣ знали (и весь полкъ этимъ гордился), что онъ въ свое время съ самимъ Денисомъ былъ на ты, а съ Бурцовымъ пилъ и дебоширилъ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ подъ рядъ. Затѣмъ былъ майоръ Кожинъ, — этотъ славился по всей легкой кавалеріи своимъ изумительнымъ голосомъ. Чортъ знаетъ, что за голосъ былъ! Иной разъ во время хорошей выпивки возьметъ стаканъ, приставитъ ко рту, да какъ гаркнетъ. Ну, вотъ ты смѣешься, — а у него, честное слово, одни осколки оставались въ рукахъ. Были два поручика — Рѣзниковъ и Бѣлаго; мы ихъ звали «инсепараблями», или мужемъ и женой, потому что они никогда не разставались и всегда жили на одной квартирѣ. Былъ еще казачій есаулъ Сиротко, или иначе — «ежова голова», — потому что онъ ко всякому слову прибавлялъ — «ежова голова». Потомъ былъ корнетъ графъ Ольховскій — такъ себѣ, телятина, однако ничего... добрый малый, хотя и наивный и глуповатый; его къ намъ только-что изъ юнкеровъ произвели... Былъ также въ этой компаніи поручикъ Мекмаревъ, нашъ общій любимецъ и баловень. Про него даже штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й говорилъ иногда, въ добрую минуту: «Вотъ этотъ мальчишка... еще куда ни шло, у него кишки въ головѣ гусарскія... Этотъ не выдастъ...» Веселый, щедрый, ловкій, красавецъ собою, великолѣпный танцоръ и наѣздникъ, — словомъ, чудесный малый. И что къ нему особенно привлекало наши грубоватыя сердца, такъ это — какая-то

удивительная нѣжность, почти женственность въ улыбкѣ и обращеніи. Кромѣ того, надо тебѣ сказать, что онъ былъ очень богатъ, и его кошелекъ всегда былъ въ общемъ распоряженіи

«Собрались мы все люди холостые (у насъ въ полку женатыхъ всего только двое было) и выпили страшно много. Пили за здоровье хозяина, пили круговую, пили «аршинную»—выстраивали рюмки въ длину на аршинъ и пили,—позвали пѣсенниковъ и съ пѣсенниками пили, вызвали оркестръ полковой—подъ оркестръ пили... Есаулъ Сиротко—ежова голова—къ каждой рюмкѣ говорилъ присловья: «два сапога—пара, безъ троицы домъ не строится, безъ четырехъ угловъ домъ не становится», и такъ чуть ли не до пятидесяти, и большая часть изъ нихъ были совсѣмъ неприличныя.

«Въ это время кто-то, кажется, одинъ изъ «инсепараблей», вспомнилъ, что вчера графъ Ольховскій ѣздилъ къ помѣщику играть въ дьябелокъ, иначе ландскнехтъ. Оказалось, что онъ выигралъ полторы тысячи деньгами, караковаго жеребца и золотые часы-брегетъ. Ольховскій намъ эти часы сейчасъ же и показалъ. Дѣйствительно, хорошіе часы: съ рѣзбой, съ украшеніями, и когда сверху надавить пуговку, то они очень мелодично прозвоняютъ, сколько четвертей и который часъ. Старинные часы.

«Ольховскій пемного заважничалъ.

«— Это, говоритъ, очень рѣдкая вещь. Я ее ни за что изъ рукъ не выпущу. Весьма вѣроятно, что подобныхъ часовъ во всемъ свѣтѣ не больше двухъ-трехъ экземпляровъ.

«Чекмаревъ на это улыбнулся.

«— Напрасно вы такого лестнаго мнѣнія о вашихъ часахъ. Я вамъ могу показать совершенно такіе же. Они вовсе не такая рѣдкость, какъ вы думаете.

«Ольховскій недовѣрчиво покачалъ головой:

«— Гдѣ же вы ихъ достанете? Простите, но я сомнѣваюсь...

«— Какъ вамъ угодно. Хотите — пари?»

«— Съ удовольствіемъ... Когда же вы ихъ достанете?»

«Но это пари показалось обществу неинтереснымъ. Есаулъ Сиротко взялъ Ольховскаго за воротъ и оттацилъ въ сторону со словами:

«— Ну, вотъ, ежовы головы, затѣяли ерунду какую-то. Пить, такъ пить, а не пить, такъ ужъ лучше въ карты играть...

«Попойка продолжалась. Вдругъ Кожинъ скомандовалъ своимъ ужасающимъ басомъ:

«— Драбанты — къ чорту! (Драбантами у насъ назывались денщики). Двери на запоръ! Чикчиры долой! Жженка идетъ!..

«Прислуга была тотчасъ же выслана, двери заперты, и огонь потушенъ. Утвердили сахарную голову надъ тремя скрещенными саблями, подъ которыми помѣстили большой котелъ. Ромъ вспыхнулъ синимъ огонькомъ, и штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й затанулъ фальшивымъ баритономъ:

Гдѣ гусары прежнихъ лѣтъ?

Гдѣ гусары удалые?

«Мы подтягивали ему нестройнымъ хоромъ. Когда же дошелъ до словъ:

Дѣды, помню васъ и я,

Испивающихъ ковшами

И сидящихъ вокругъ огня

Съ красно-сизыми носа-а-ами,—

голосъ его задрожалъ и зафальшивилъ больше прежняго.

«Жженка еще не сварилась, какъ вдругъ есаулъ Сиротко ударилъ себя по лбу и воскликнулъ:

«— Братцы мои! Ежовы головы! А вѣдь я совсѣмъ-было забылъ, что у меня нынче приѣмка обоза. Удирать надо, ребята.

«— Сиди, сиди, врешь все,—сказалъ штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й.

«— Ей-Богу же, голубчикъ, нужно... Пустите, ежовы головы. Къ восьми часамъ надо быть непремѣнно, я вѣдь все равно скоро вернусь. Ольховскій, сколько часовъ теперь? Позвони-ка!

«Мы слышали, какъ Ольховскій шарилъ по карманамъ. Вдругъ онъ проговорилъ озабоченнымъ тономъ:

«— Вотъ такъ штука!..

«— Чтò такое случилось?—спросилъ фонъ-Ашенбергъ.

«— Да часовъ никакъ не найду. Сейчасъ только положилъ ихъ около себя, когда снималъ ментикъ.

«— А ну-ка, освѣтите, господа.

«Зажгли огонь, принялись искать часы, но ихъ не находилось. Всѣмъ намъ почему-то сдѣлалось неловко, и мы избѣгали глядѣть другъ на друга.

«— Когда вы у себя ихъ послѣдній разъ помните?—спросилъ фонъ-Ашенбергъ.

«— Да вотъ, какъ только дверь заперли... вотъ сію минуту. Я еще снималъ мундиръ и думаю: положу ихъ около себя: въ темнотѣ, по крайней мѣрѣ, можно будетъ часъ узнать...

«Всѣ замолчали и потупились. Ивановъ 1-й внезапно ударилъ кулакомъ по столу съ такой силой, что стоявшія на немъ рюмки зазвенѣли и попадали.

«— Чортъ возьми!—закричалъ онъ хрипло.—Давайте же искать эти поганые часы. Ну, живо, ребята, лѣзь подъ столъ, подъ лавки. Чтобы были!..

«Мы искали около четверти часа и совершенно безплодно. Ольховскій, растерянный, сконфуженный, повторялъ ежеминутно: «Ахъ, господа, да чортъ съ ними...

да ну ихъ къ бѣсу, эти часы, господа»... Но Ивановъ 1-й прикрикнулъ на него, страшно выкатывая глаза:

«— Дуракъ! Наллевать намъ на твои часы. Понимаешь ли ты, что при-слу-ги здѣсь не бы-ло.

«Наконецъ мы сбились съ ногъ въ поискахъ за этими проклятыми часами и сѣли вокругъ стола въ томительномъ молчаніи. Кожинъ тоскливо обвелъ насъ глазами и спросилъ еле слышно:

«— Что же теперь дѣлать, господа?

«— Ну, ужъ это ваше дѣло, что дѣлать, майоръ,—сурово возразилъ Ивановъ 1-й.—Вы между нами старшій... А только часы должны непременно найтись.

«Было рѣшено, что каждый изъ насъ позволить себя обыскать. Первымъ подошелъ есаулъ Сиротко, за нимъ штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й. Лицо стараго гусара побагровѣло, и шрамъ отъ сабельнаго удара, шедшій черезъ всю его сѣдую голову и черезъ лобъ до переносицы, казался широкой бѣлой полосой. Дрожащими руками онъ выворачивалъ карманы съ такой силой, точно хотѣлъ ихъ совсѣмъ выбросить изъ чикчиръ, и бормоталъ, кусая усы:

«— Срамъ! Мерзость! Въ первый разъ Н-цы другъ друга обыскиваютъ... Позоръ!.. Стыдно моимъ сѣдинамъ, стыдно...

«Такимъ образомъ мы всѣ поочередно были обысканы. Остался одинъ только Чекмаревъ.

«— Ну, Оедюша, подходи... что же ты?—подтолкнулъ его съ суровой и грустной лаской Ивановъ 1-й.

«Но онъ стоялъ, плотно прислонившись къ стѣнѣ, блѣдный, съ вздрагивающими губами, и не двигался съ мѣста.

«— Ну, иди же, Чекмаревъ,—ободрялъ его майоръ Кожинъ. — Видишь, всѣ подходили...

«Чекмаревъ медленно покачалъ головой. Я никогда не

забуду кривой, страшной улыбки, искажившей его губы, когда онъ съ трудомъ выговорилъ:

«— Я... себя... не позволю... обыскивать...»

«Штабъ-ротмистръ Ивановъ 1-й вспыхнулъ:

«— Какъ, чортъ возьми? Пять старыхъ офицеровъ позволяютъ себя обыскивать, а ты нѣтъ? У меня вся морда, видишь, какъ исполосована, и зубы выбиты прикладомъ, и однако меня обыскивали... Чтò же ты лучше насъ всѣхъ? Или у тебя понятія о чести щепетильнѣе, чѣмъ у насъ? Сейчасъ подходи, Оедька, слышишь?»

«Но Чекмаревъ опять отрицательно покачалъ головой.

«— Не пойду,—прошепталъ онъ.

«Было что-то ужасное въ его неподвижной позѣ, въ мертвенномъ взглядѣ его глазъ и въ его напряженной улыбкѣ.

«Ивановъ 1-й вдругъ перемѣнилъ тонъ и заговорилъ такимъ ласковымъ тономъ, какого никто не могъ ожидать отъ этого стараго пьяницы и грубаго солдата:

«— Оедюша, голубчикъ мой, брось глупости... Ты знаешь, я тебя, какъ сына, люблю... Ну, брось, милый, прошу тебя... Можетъ-быть, ты какъ-нибудь... ну, знаешь, того... изъ-за этого дурацкаго пари... понимаешь, пошутилъ... а? Ну, пошутилъ, Оедюша, ну, и конечно, ну, прошу тебя...»

«Вся кровь бросилась въ лицо Чекмареву и сейчасъ же отхлынула назадъ. Губы его задергались. Онъ молча съ прежней страдальческой улыбкой покачалъ головой... Стало ужасно тихо, и только сердитое сопѣнье майора Кожина оглушительно раздавалось въ этой тишинѣ.

«Ивановъ 1-й глубоко, во всю грудь, вздохнулъ, повернулся бокомъ къ Чекмареву и, не глядя на него, сказалъ глухо:

«— Въ такомъ случаѣ, знаете, поручикъ... мы хотя и не сомнѣваемся въ вашей честности... но, знаете...»

(онъ быстро взглянулъ на Чекмарева и тотчасъ же опять отвернулся) знаете, вамъ какъ-то неловко оставаться между нами...

«Чекмаревъ пошатнулся. Казалось, онъ вотъ-вотъ грохнется на полъ. Но онъ справился съ собой и, поддерживая лѣвой рукой саблю, глядя передъ собой неподвижными глазами, точно лунатикъ, медленно прошелъ къ двери. Мы безмолвно разступились, чтобы дать ему дорогу.

«О продолженіи попойки нечего было и думать, и фонъ-Ашенбергъ даже и не пробовалъ уговаривать. Онъ позвалъ денщиковъ и приказалъ имъ убирать со стола. Всѣ мы—совершенно отрезвленные и грустные—сидѣли молча, точно еще ожидали чего-то.

«Вдругъ Байденко, денщикъ хозяина, воскликнулъ:

«— Вашъ выс-кродь! Тутечка якись часы!

«Мы бросились къ нему. Дѣйствительно, на полу, подъ котелкомъ, предназначеннымъ для жженки, лежалъ брегетъ Ольховскаго.

«— Чортъ его знаетъ,—бормоталъ смущенный графъ:— должно-быть, я ихъ какъ-нибудь нечаянно ногой, что ли, туда подтолкнулъ.

«Прислуга была вторично удалена, чтобы мы могли свободно обсудить положеніе дѣла. Молодежь подавала сочувствующіе голоса за Чекмарева, но старики смотрѣли на дѣло иначе.

«— Нѣтъ, господа, онъ оскорбилъ насъ всѣхъ и вмѣстѣ съ нами весь полкъ,— сказалъ своимъ густымъ, рѣшительнымъ басомъ майоръ Кожинъ.—Почему мы позволили себя обыскать, а онъ—нѣтъ? Оскорби одного офицера—это рѣшилось бы очень просто: пятнадцать шаговъ, пистолеты, и дѣло съ концомъ. А тутъ совсѣмъ другое дѣло. Нѣтъ-съ, онъ долженъ оставить Н-скій полкъ и оставить его.

«Фонъ-Ашенбергъ, Ивановъ 1-й и есаулъ подтвердили это мнѣніе, хотя видно было, что имъ жаль Чекмарева. Мы стали расходиться. Медленно, безмолвно, точно возвращаясь съ похоронъ, вышли мы на крыльцо и остановились, чтобы проститься другъ съ другомъ.

«Какой-то человекъ быстро бѣжалъ по дорогѣ, по направленію къ дому фонъ-Ашенберга. Ивановъ 1-й раньше всѣхъ насъ узналъ въ немъ денщика поручика Чекмарева. Солдатъ былъ безъ шапки и казался страшно перепуганнымъ. Еще на ходу онъ закричалъ, еле переводя духъ:

«— Вашъ-скородь... несчастье!.. Поручикъ Чекмаревъ застрѣлился!..

«Мы кинулись на квартиру Чекмарева. Двери были не заперты. Чекмаревъ лежалъ на полу, бокомъ. Весь полъ былъ залитъ кровью, дуэльный большой пистолетъ валялся въ двухъ шагахъ... Я глядѣлъ на прекрасное лицо самоубійцы, начинавшее уже принимать окаменѣлость смерти, и мнѣ чудилась на его губахъ все та же мучительная, кривая улыбка.

«— Посмотрите, нѣтъ ли записки, — сказалъ кто-то.

«Записка дѣйствительно нашлась. Она лежала на письменномъ столѣ, придавленная сверху... чѣмъ бы ты думалъ?.. золотыми часами, брегетомъ, и—что всего ужаснѣе—брегетъ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на брегетъ графа Ольховскаго.

«Записку эту я помню наизусть. Вотъ ея содержаніе:

«Прощайте, дорогіе товарищи. Клянусь Богомъ, клянусь страданіями Господа Иисуса Христа, что я не виновенъ въ кражѣ. Я только потому не позволилъ себя обыскать, что въ это время въ карманѣ у меня находился точно такой же брегетъ, какъ и у корнета графа Ольховскаго, доставшійся мнѣ отъ моего покойнаго дѣда. Къ сожалѣнію, не осталось никого въ живыхъ, кто могъ

бы это засвидѣтельствовать, и потому мнѣ остается выбирать только между позоромъ и смертью. Въ случаѣ, если часы Ольховскаго найдутся, и моя невинность будетъ такимъ образомъ доказана, прошу штабъ-ротмистра Иванова 1-го всѣ мои вещи, оружіе и лошадей раздать на память милымъ товарищамъ, а самому себѣ оставить мой брегетъ»

«И затѣмъ подпись».

Дядя Василій Филипповичъ совсѣмъ ушелъ въ тѣнь лампы. Опъ очень долго сморкался и кашлялъ подъ ея прикрытіемъ и наконецъ сказалъ:

— Вотъ видишь, какія случайности есть въ запасѣ у жизни, голубчикъ...

МАРИАННА.

— Удивительное дѣло, господа, какъ глупа бываетъ иногда зеленая юность,—сказалъ задумчиво нашъ хозяинъ.—Боже мой! Если бы теперь къ нашей опытности старыхъ грѣшниковъ да прибавить тогдашнюю силу, смѣлость, тогдашнюю пылкость желаній! Чтò бы это такое вышло! Подумайте только: какъ часто мы сослѣбнужили на стѣны крѣпости въ то время, когда ея ворота были гостепріимно растворены настежь. Сколько разъ мы принимали за суровый отказъ самые рѣшительные авансы... И я не сомнѣваюсь, что каждый изъ насъ проходилъ съ разинутымъ ртомъ мимо сотни милыхъ, веселыхъ приключеній, которыя оставили бы на всю жизнь нѣжныя воспоминанія!

Говоря это, онъ тихо раскачивалъ въ вольтеровскомъ креслѣ свое массивное тѣло съ огромнымъ животомъ, и его глаза, щурясь отъ дыма сигары, мечтательно улыбались какимъ-то давно исчезнувшимъ образомъ.

Мы все хорошо знали, что Левъ Максимовичъ—этотъ знаменитый на весь Петербургъ обжора, игрокъ, гениальный творецъ и разрушитель всехъ анонимныхъ акціонерныхъ обществъ—былъ въ свое время не послѣднимъ спеціалистомъ по части женскаго вопроса.

Поэтому мы ожидали услышать отъ него одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ пикантныхъ разсказовъ, которыми

опъ насъ нерѣдко угощалъ послѣ своихъ великолѣпныхъ обѣдовъ.

И дѣйствительно онъ началъ?

— Произошло это, господа, очень давно... Я только-что окончилъ университетъ и отбывалъ воинскую повинность. Полкъ мяѣ попался прекрасный, офицеры держались со мной вѣжливо и, насколько позволяла дисциплина, на товарищеской ногѣ. По крайней мѣрѣ у меня и до сихъ поръ сохранились къ нимъ самыя пріятныя чувства.

«Полкъ этотъ стоялъ въ городѣ М., но не весь; каждый изъ четырехъ батальоновъ по очереди отправлялся на зиму въ грязное мѣстечко, котораго я теперь и имени не упомяну. Находилось оно на границѣ, и по плотинѣ, соединяющей оба государства, день и ночь ходили двое-часовыхъ.

«Мой ротный командиръ—необыкновенно свирѣпый съ виду, но очень добрый усачъ—однажды пригласилъ меня приходить къ нему ежедневно обѣдать, но сдѣлалъ это въ очень оригинальной формѣ. Подозвавъ меня какъ-то послѣ ученья къ себѣ, онъ закричалъ, выкатывая сурдито глаза:

«— Ефрейторъ Лаврищевъ! Ты явишься ко мнѣ послѣ ученья на квартиру!

«Я испугался, вытянулся въ струнку и, держа подъ козырекъ, отвѣтилъ:

«— Слушаю, ва-ско-бродіе...

«По правдѣ говоря, я думалъ, что мнѣ предстоитъ длинная распеканція за невытянутый носокъ, за выпадъ, сдѣланный «не отъ сердца», или за какую-нибудь иную тонкость солдатской науки. Но я ошибся. Капитанъ принялъ меня очень внимательно, хотя и вращалъ глазами такъ же свирѣпо, какъ и всегда.

«Едва мы сѣли, какъ вошла его жена.

«— Вотъ, Манечка, — сказалъ капитанъ? — представляю тебѣ нашего ефрейтора.

«Ахъ, какая она была миленькая, эта Маріанна Оаддеевна! Лицо у нея было такое бѣлое — именно не блѣдное и не матовое, а бѣлое — и все какъ будто бы въ рамкѣ пышныхъ, волнистыхъ волосъ, цвѣта — ну, какъ бы вамъ сказать — цвѣта рыжеватаго соболя. Кожа подѣ ея тонкими, но пушистыми бровями слегка розовѣла, точно такъ же, какъ и края ладони, — признакъ, говорятъ, нервной природы. Глаза темно-каріе, того оттѣнка, который нѣкоторые зовутъ рыжимъ, а другіе — золотымъ, ласковые и дерзкіе... А губы! Именно въ губахъ и заключалось (по крайней мѣрѣ для меня) все очарованіе ея лица. Я никогда потомъ въ жизни не видалъ такихъ губъ? выпуклыхъ, прекрасно-изогнутыхъ, свѣжихъ и выразительныхъ.

«Она протянула мнѣ руку. Странно, — для меня пожатіе руки всегда говоритъ о человѣкѣ гораздо болѣе, нежели его лицо, голосъ, походка и почеркъ. Для меня существуютъ: равнодушныя, презрительныя, обнадеживающія, скупыя, сладострастныя, вѣроломныя, наглыя, гордыя — какія угодно пожатія. Рука Маріанны — теплая, нѣжная, немного длинная и крѣпкая рука — сказала мнѣ: «Я женщина и не обижаюсь, если на меня смотрятъ, какъ на женщину. Скорѣе мнѣ это даже пріятно».

«Съ перваго же дня она установила между мной и собой игриво-легкія отношенія. За обѣдомъ она уже повязывала мнѣ вокругъ шеи салфетку, называя меня «младенцемъ», хлопая меня по рукамъ и т. д. Въ то же время ея дерзкіе глаза смѣялись, а яркія губы смущали меня.

«Я ежедневно обѣдалъ у Завилковскихъ и скоро сдѣлался у нихъ своимъ человѣкомъ. Она со мной совѣмъ не стѣснялась: заставляла меня держать ей мотки шер-

сти, посылала по разнымъ своимъ порученіямъ, таскала меня за собой по лавкамъ въ качествѣ провожатаго и добровольнаго носильщика... Я цѣлые дни проводилъ около нея. Каждый разъ, когда капитанъ, возвращаясь со службы, заставлялъ насъ вмѣстѣ (видить Богъ, что ничего «дурного» здѣсь не было), я вскакивалъ, краснѣлъ, какъ мальчишка, и начиналъ громко говорить о постороннихъ предметахъ. Онъ же шевелилъ усами, фыркалъ носомъ, и глаза его вращались со свирѣпымъ выраженіемъ.

«Когда мы играли по вечерамъ въ преферансъ, она постоянно пожимала кончикомъ ботинка мою ногу. Дерзкое сіяніе ея глазъ волновало меня. Ей доставляло удовольствіе играть со мною, какъ кошка играетъ съ мышью. Да и вообще въ ней было много кошачьяго: и зябкость, и осторожная медлительность движеній, и грація, и гибкость, и лукавость

«Вѣроятно, она сознавала мою полную для нея безопасность и потому безнаказанно пробовала на мнѣ свои когти... А я?... Я только млѣлъ и мучился...

«Трудно вѣдь, госнода, въ 22 года, когда кровь такъ горяча, выносить ежедневно подобныя вылазки красивой женщины. Часто, очень часто, уходя отъ Завилковскихъ поздней ночью и шатаясь, какъ пьяный, я съ горечью думалъ о томъ, что она, наэлектризованная этой игрой, остается теперь наединѣ съ мужемъ..

«Если иногда, возбужденный чуть не до потери разсудка кошачьимъ кокетствомъ Маріанны, я хваталъ ея руки и крѣпко сжималъ ихъ съ какимъ-нибудь страстнымъ восклицаніемъ, она мгновенно отрезвляла меня:

«— Чтѣ съ вами? Чтѣ съ вами, Левъ Максимовичъ? Вы нездоровы? Можетъ-быть, вамъ надо холодной воды? Я сейчасъ прикажу, чтобы Оомичевъ принесъ...

«Прошла зима. Въ маѣ нашъ батальонъ долженъ былъ

выступать изъ мѣстечка и идти въ лагери на соединеніе съ полкомъ.

«Кажется, это случилось 3-го числа. Рано утромъ, въ то время, когда капитанъ кричалъ и ругался на казарменномъ дворѣ, наблюдая за укладкой ротнаго имущества, я забѣжалъ къ Маріаннѣ, чтобы проститься съ нею. Я зналъ, что она на другой день уѣзжаетъ въ деревню къ своимъ роднымъ.

«Въ квартирѣ оставались лишь голыя стѣны. Всѣ вещи были еще съ разсвѣтомъ отправлены на вокзалъ. Маріанна сидѣла на полу около окна на большой охапкѣ соломы.

«— Я пришелъ проститься съ вами, Маріанна Ѳаддеевна. Мы больше никогда не увидимся, — сказалъ я грустно.

«Она показала мнѣ знакомъ, чтобы я сѣлъ рядомъ съ ней. Я опустился на солому.

«— Вы будете обо мнѣ изрѣдка вспомиать? — спросила она.

«— Развѣ можно объ этомъ спрашивать? Конечно, буду всегда.

«— И, конечно, дурно?

«— Маріанна Ѳаддеевна!

«Я взялъ ее за руку. Она не сопротивлялась. Я привлекъ ее къ себѣ, хотя это для насъ обоихъ, благодаря вытянутымъ ногамъ, было очень неловко. Ея рѣсницы опустились внизъ, губы раскрылись, дышала она тяжело и часто.

«Я точно обезумѣлъ и сталъ безъ перерыва цѣловать ея щеку, високъ и волосы...

«Она отталкивала меня, но я не обращалъ на это вниманія. Тогда она шопотомъ сказала:

«— Оставьте... Я буду кричать... Я позову прислугу. Оставьте меня...

«Я опомнился и, весь красный, всталъ, отряхаясь отъ приставшихъ къ моей одеждѣ соломинокъ. Мы простились очень холодно. Идя въ казармы, я думалъ: «Чортъ знаетъ, чтò такое... дернула же меня нелегкая!.. Обидѣлъ ни за что ни про что такую хорошую, милую женщину. Ужъ навѣрно капитанъ будетъ знать объ этомъ приключеніи. Чтò за позорное положеніе!..»

«Мы выступили изъ мѣстечка, сопровождаемые толпами оборванныхъ мальчишекъ. День былъ жаркій и блестящій. Когда черезъ четыре часа батальонъ дошелъ до большого привала, люди уже утомились и заскучали... Даже пѣсенники пѣли неохотно, только по принужденію начальства.

«Приваль былъ назначенъ въ тѣнистой и сырой грабовой рощѣ, покрывавшей пологіи длинный скатъ. Насъ ожидалъ тамъ очень милый сюрпризъ. Наши батальонныя дамы, заранѣе сговорившись, выѣхали впередъ и приготовили въ рощѣ маленькій завтракъ.

«Я не запомню, чтобы мнѣ было когда-нибудь такъ весело, какъ во время этого завтрака, подъ благоухающимъ навѣсомъ жидкой, веселой, ранней зелени, когда мы сидѣли на землѣ, еще покрытой кое-гдѣ прошлогодними листьями... Наконецъ барабаны забили сборъ. Я послѣшно схватилъ свое ружье и, прежде чѣмъ итти въ ряды, подошелъ къ Маріаннѣ.

— Простите меня, Маріанна Ѡаддеевна, — сказалъ я виноватымъ голосомъ: — мнѣ не хочется, чтобы у васъ осталось ко мнѣ дурное чувство.

«Она бросила на меня быстрый, лукавый взглядъ и отвѣчала:

«— Да я на васъ вовсе и не думала сердиться...»

«Я оторопѣлъ. Я ждалъ гнѣвныхъ словъ, упрековъ, можетъ-быть, даже угрозъ...

«— Какъ? Вы не сердитесь?.. Но я позволилъ себѣ... черезчуръ много... Вы были такъ недовольны...»

«Она расхохоталась громкимъ, нервнымъ смѣхомъ:

«— Ха-ха-ха... Это вы были слишкомъ нерѣшительны...
Милый мальчикъ, вы совсѣмъ не знаете женщинъ...

«Къ намъ подходилъ капитанъ. Я прошепталъ взволнованно:

«— Но раньше, Марианна? Раньше? Еще зимой?

«— Да... и зимой, — отвѣчала она, взглянувъ прямо въ лицо своими дерзкими, блестящими глазами.

«Капитанъ подошелъ и закричалъ, теребя часы:

«— Въ строй, ефрейторъ! Въ строй! Что это за болтовня!

«Мы тронулись съ привала. Поднялась пыль. Отдохнувшіе пѣсенники грянули залихватскую пѣсню.

«Я долго-долго оглядывался назадъ, туда, гдѣ изъ-за облаковъ пыли бѣлѣлъ кружевной зонтикъ съ розовой подкладкой. Мою душу терзало позднее сожалѣніе...»

КАПРИЗЪ.

Огромная двухсвѣтная (актовая зала университета, казалась, утопала въ цѣломъ морѣ огня, который яркими потоками бросали три газовыя люстры, увѣшенные сверкающими хрустальными призмочками, и десятки четырехлапыхъ бра, горѣвшихъ въ простѣнкахъ между окнами и дверями. Въ одномъ концѣ залы возвышалась просторная эстрада, красиво замаскированная флагами и густой стѣной живыхъ растений... На эстрадѣ блестялъ свѣжимъ лакомъ концертный рояль съ поднятой вверхъ крышкой.

Повидимому, не оставалось болѣе ни одного свободнаго мѣста, но все новыя и новыя волны зрителей непрерывно вливались изъ входныхъ дверей. Глядя на тѣхъ, которые уже сидѣли, чувствовалось, что взгляды теряется въ этомъ волнующемся морѣ головъ, лысинъ, причесокъ, черныхъ фраговъ, мундировъ, свѣтлыхъ дамскихъ платьевъ, медленно движущихся вѣровъ, тонкихъ рукъ въ бѣлыхъ длинныхъ перчаткахъ, плавныхъ жестовъ и кокетливыхъ, праздничныхъ женскихъ улыбокъ.

На эстраду взобрался и увѣренно, почти гордо подошелъ къ ея краю красивый пѣвецъ. Онъ былъ во фракѣ съ широкимъ вырѣзомъ и съ красной гарденіей въ петличкѣ. Слѣдомъ за нимъ тѣню, незамѣтно, очутился на своемъ мѣстѣ аккомпаниаторъ, у котораго длинныя, прямыя и жидкіе волосы падали на оба плеча.

Зала затихла.

Нѣсколько особенно франтоватыхъ студентовъ, кото-

рыхъ можно было по бантикамъ на груди признать за распорядителей вечера, нетерпѣливо толпились въ холодной швейцарской между вѣшалками, загроможденными верхней одеждой,—они ожидали приѣзда Генриетты Дюкруа, примадонны Парижской Оперы, гастролировавшей въ городѣ весь зимній сезонъ. Хотя знаменитая пѣвица и приняла съ очаровательной любезностью депутацію отъ молодежи и увѣряла, что сочтетъ за большую честь для себя пропѣть на студенческомъ вечерѣ, однако началось уже третье отдѣленіе, въ которомъ именно и должна была участвовать дива, а она до сихъ поръ еще не приѣзжала.

«Неужели надула?»—мелькала тревожная, но не высказываемая мысль въ умахъ озябшихъ распорядителей, и они то и дѣло одинъ за другимъ подбѣгали къ окнамъ и, прижимаясь лицомъ къ стеклу, напряженно вглядывались въ темноту зимней ночи. Дюкруа, назначавшая въ дни своихъ представленій безумныя цѣны на мѣста, была, безъ сомнѣнія, гвоздемъ вечера, главной приманкой для большинства приѣхавшей публики...

На улицѣ послышался грохотъ подѣзжающаго экипажа, и мимо оконъ въ одно мгновеніе мелькнули два большихъ яркихъ фонаря. Распорядители быстро кинулись къ дверямъ, волнуясь и оттѣсня другъ друга.

Дѣйствительно, это была Дюкруа. Она впорхнула въ швейцарскую, улыбаясь студентамъ и указывая рукой на свое горло, укутанное въ тысячные мѣха. Этотъ жестъ означалъ, что она охотно объяснила бы уважительную причину своей неаккуратности, но боится говорить въ нетопленной комнатѣ.

Такъ какъ Дюкруа давно пропустила свой номеръ и разочарованная публика уже перестала ее ожидать, то внезапное появленіе ея на эстрадѣ вышло великолѣп-

нымъ сюрпризомъ. Нѣсколько сотенъ молодыхъ глотовъ и вдвое большее количество здоровыхъ ладоней устроили ей такую долгую и оглушительную встрѣчу, что даже и она, привыкшая быть повсюду кумиромъ публики, почувствовала въ душѣ пріятное щекотаніе лести... Она стояла у края эстрады, слегка наклонившись всѣмъ тѣломъ впередъ и обводя ряды зрителей своими большими, черными, смѣющимися глазами. На ней было бѣлое шелковое глянцовитое платье, корсажъ котораго держался на плечахъ при помощи узенькихъ ленточекъ. Прекрасныя обнаженныя руки, низко открытая высокая грудь и длинная, круглая, гордая шея казались выточенными изъ какого-то теплаго, бархатнаго мрамора.

Нѣсколько разъ буря аплодисментовъ утихала, но едва только Дюкруа подходила къ роялю, какъ новый взрывъ восторга заставлялъ ее возвращаться къ рампѣ. Наконецъ она со своей очаровательной улыбкой сдѣлала руками просительный жестъ, указывая на рояль. Крики постепенно стихли, но вся зала продолжала глядѣть на нее влюбленными глазами. И среди полнѣйшей, но живой, внимательной тишины она заплѣла одинъ изъ романсовъ Сень-Санса.

Алѣксѣй Сумиловъ, студентъ-медикъ II-го курса, стоялъ, прислонившись къ боковой колоннѣ, и слушалъ съ закрытыми глазами пѣніе, нѣжно и страстно раздававшееся съ эстрады. Онъ любилъ музыку какой-то удивительной, болѣзненно-страстной любовью, ощущая ее не только ушами, но всѣмъ тѣломъ, всѣми нервами, всей своей душой... И теперь каждый звукъ чуднаго голоса проникалъ въ самую глубь его существа и отзывался тамъ такой сладкой дрожью, что Алексѣю мгновеніями казалось, будто эти звуки раздаются изъ его собственной груди.

Когда восторженный ревъ толпы подымался послѣ каж-

даго оконченнаго романса, Алексѣй испытывалъ чувство почти физической боли, и глаза его смотрѣли на кричащую публику съ выраженіемъ испуга, мольбы и страданія. Но Дюкруа начинала новую арію, и Алексѣй опять опускалъ вѣки, весь отдаваясь, точно теплымъ морскимъ волнамъ, чарующей музыкѣ. Въ это время онъ страстно желалъ, чтобы вѣчно не смолкало это божественное пѣніе, и чтобы онъ самъ вѣчно стоялъ у своей колонны, жадно наслаждаясь каждой нотой...

Дюкруа должна была биссировать около десяти разъ. Ее отпустили только тогда, когда она все съ той же очаровательной улыбкой показала рукой на горло и сдѣлала головой и плечами жестъ отказа и сожалѣнія. Слѣдомъ за ней на эстраду выскочила какая-то бритая и кудлатая личность въ потертомъ фракѣ стараго фасона и закричала: «Около воздушнаго шара». Сцена изъ народнаго быта, Ивана Федоровича Горбунова.

Сумиловъ глубоко и прерывисто вздохнулъ, какъ будто только-что очнувшись отъ долгаго сладостнаго сновидѣнія.

Онъ сходилъ съ лѣстницы, запруженной кричащимъ, суевающимся народомъ, и старался не наступать на дамскія платья. Кто-то хлопнулъ его сзади по плечу. Сумиловъ обернулся и увидѣлъ юриста Бибера, своего товарища по гимназій, сына извѣстнаго въ городѣ миллионера. Биберь былъ чѣмъ-то радостно взволнованъ. Онъ обнялъ Сумилова за талію и, крѣпко прижимая его къ себѣ, быстро зашепталъ ему на ухо:

— Согласилась!.. Сейчасъ тройки пріѣдутъ... Я послалъ...

— Кто согласился? — спросилъ Сумиловъ.

— Она... Дюкруа... Мы въ «Европейской» ужинъ заказали... Сначала-было ни за что не соглашалась, а по-

томъ ничего... смилостивилась. Тамъ все наши будутъ... Ты поѣдешь, конечно?

— Я? Нѣтъ, не поѣду.

Сумиловъ никогда не принадлежалъ къ компаніи Бибера, состоявшей изъ золотой молодежи университета: сыновей крупныхъ помѣщиковъ, банкировъ и коммерсантовъ. Биберъ самъ это отлично понималъ, но онъ находился въ томъ припадкѣ беспорядочнаго восторга, когда хочется каждому сдѣлать-что-нибудь пріятное. Поэтому онъ запротестовалъ:

— Брось глупости. Ты долженъ... Почему ты не хочешь?

Сумиловъ разсмѣялся.

— Потому что... Ну, просто... Потому что, вѣдь ты знаешь, мой...

— Ну, ладно, ладно... Подробности письмомъ,—воскликнулъ Биберъ, увлекая Сумилова.—Ѣдемъ, Ѣдемъ, Ѣдемъ!..

У крыльца стояли тройки. Лошади въ темнотѣ фыркали и мотали головами, отчето бубенчики на ихъ шеяхъ весело звенѣли. Студенты суетливо разсаживались, и въ мерзломъ воздухѣ ихъ голоса раздавались рѣзко и возбужденно.

Сумиловъ сидѣлъ рядомъ съ Биберомъ. Алексѣй до сихъ поръ находился подъ впечатлѣніемъ музыки. Странная иллюзія овладѣла имъ въ то время, когда тройки неслись вперегонку по пустыннымъ улицамъ. Свистъ вѣтра въ ушахъ, визгъ подмерзшаго снѣга подъ полозьями, крики студентовъ и непрерывный звонъ бубенчиковъ сливались для него въ какую-то удивительную, переливчатую мелодію... Въ то же время минутами онъ не постигалъ, или, вѣрнѣе, забывалъ, что съ нимъ дѣлается или куда онъ ѣдетъ.

Ужинъ, на которомъ сначала всё, кромѣ Дюкруа, стѣснялись, подъ конецъ принялъ характеръ «оргіи мальчишекъ изступленныхъ». Студенты непрерывно цѣловали у пѣвицы руки и говорили ей на плохомъ французскомъ языкѣ самые дерзкіе комплименты. Близость красивой, сильно декольтированной женщины опяняла ихъ всёхъ гораздо больше, чѣмъ шампанское; въ ихъ глазахъ свѣтилось нескрываемое желаніе. Дюкруа отвѣчала сразу пѣтерымъ, громко хохотала, откидываясь головой на спинку малиноваго бархатнаго дивана, и била своихъ собесѣдниковъ вѣеромъ по рукамъ и губамъ.

Сумиловъ не привыкъ къ вину, и теперь два бокала, вышитые имъ, приятно кинулись ему въ голову. Онъ сидѣлъ въ углу и, заслоняя ладонью отъ свѣта канделябра, неотступно глядѣлъ на Дюкруа восхищенными глазами. Внутренно онъ удивлялся смѣлости своихъ товарищей, такъ развязно болтавшихъ съ знаменитой пѣвицей... Эта смѣлость одновременно возбуждала въ немъ и зависть и какое-то ревнивое чувство.

Сумиловъ былъ очень скромнъ, даже болѣе—застѣнчивъ по своей нѣжной натурѣ и по воспитанію, которое онъ получилъ въ хорошей патріархальной семьѣ. Близкіе товарищи называли его барышней. И дѣйствительно, въ немъ было много дѣвственной, наивной, свѣжей непосредственности мысли и чувства.

— Кто этотъ господинъ, что сидитъ въ углу, точно мышь? — спросила вдругъ Дюкруа, указывая на Алекса.

Бибертъ тотчасъ же отвѣтилъ:

— Это одинъ изъ нашихъ студентовъ. Его фамилія—Сумиловъ.

— Онъ, должно-быть, поэтъ, этотъ господинъ? Послушайте, господинъ поэтъ, подойдите сюда!—крикнула пѣвица.

Сумиловъ подошелъ и неловко остано­вился противъ нея, чувствуя, что горячая краска заливаетъ его лицо.

— Ахъ, Боже мой! Да вашъ поэтъ прехорошенькій, — засмѣялась Дюкруа. — У него видъ свѣженькой пансіонерки... Глядите, глядите, онъ даже краснѣетъ... Ахъ, какъ это мило!

Она дѣйствительно съ удовольствіемъ глядѣла на Сумилова, на его стройную, юношески-гибкую и худо­щавую фигуру, на его раз­румянившееся, нѣжное и красивое лицо, все покрытое легкимъ пушкомъ, на бѣлокурые мягкіе волосы, падающіе непослушными прядями на лобъ. И вдругъ, схвативъ быстрымъ, граціознымъ движеніемъ руку Сумилова, Дюкруа заставила его сѣсть рядомъ съ собою на диванъ.

— Отчего это вы не хотѣли подойти ко мнѣ? Вы слишкомъ горды, молодой человекъ. Неужели женщина должна дѣлать къ вамъ первый шагъ!

Алексѣй молчалъ. Кто-то изъ студентовъ, никогда не видѣвшій Сумилова въ своей компаніи, вставилъ съ на­глою усмѣшкой:

— Madame, нашъ коллега не понимаетъ по-французски ни слова.

Это замѣчаніе подѣйствовало на Алексѣя, какъ ударъ хлыста. Онъ рѣзко повернулся къ говорящему и, глядя на него въ упоръ, отчеканилъ также по-французски, но съ тою изысканностью языка, которая нѣкогда составляла преимущество русской знати и которая еще удѣляла кое-гдѣ въ хорошихъ фамиліяхъ:

— Вы совершенно напрасно, милостивый государь, берете на себя трудъ объясняться за меня, тѣмъ болѣе, что даже не имѣю чести быть съ вами знакомымъ.

Когда онъ это говорилъ, его брови гнѣвно сдвинулись, и большіе голубые глаза съ длинными стрѣлами рѣсницъ потемнѣли.

— Bravo, bravo, молодой поэтъ! — засмѣялась Дюкруа, не выпуская изъ своихъ рукъ руки Алексѣя. — Какъ васъ зовутъ, мой поэтъ?

Сумиловъ, вешпка! котораго уже улеглась, опять сконфузился и опять покраснѣлъ:

— Алексѣй.

— Какъ? Какъ? Але..?

Сумиловъ повторилъ.

— Ахъ, это все равно, что Алексисъ! Ну такъ вотъ, m-g Алексисъ, въ наказаніе за то, что вы не хотѣли ко мнѣ подойти, вы должны меня будете проводить до дома. Я хочу пройтись немного пѣшкомъ, а то боюсь завтра встать съ головной болью.

Карета остановилась у подъѣзда первоклассной гостиницы. Сумиловъ помогъ пѣвицѣ выйти изъ экипажа и сталъ прощаться.

Она взглянула на него исподлобья лукавымъ и пѣжымъ взоромъ и спросила:

— Развѣ вы не зайдете посмотрѣть мою берлогу?

— Madame... я очень счастливъ.... — залепеталъ смущенно Алексѣй: — но я боюсь... такъ поздно...

— Идемъ! — скомандовала Дюкруа. — Я васъ хочу окончательно наказаль...

Пока она переодѣвалась въ будуарѣ, Сумиловъ осматривался кругомъ. Онъ замѣтилъ, что пѣвица сумѣла придать шаблонно-пышной обстановкѣ дорогого номера то кокетливое изящество, на которое способна только парижанка. Всюду были ковры, цвѣты, вѣера, дорогія бездѣлушки, мебель, болѣе удобная для лежанія, чѣмъ для сидѣнья... Воздухъ благоухалъ тонкими духами, пудрой и запахомъ красивой женщины. Этотъ запахъ Сумиловъ слышалъ еще въ то время, когда сидѣлъ въ каретѣ, прикасаясь плечомъ къ плечу пѣвицы.

Дюкруа вышла въ просторномъ бѣломъ, затканномъ золотомъ, ченюарѣ. Замѣтивъ горничную, неслышно и ловко приготовлявшую на мраморномъ столикѣ чай, она сказала:

— Идите спать, я больше не имѣю надобности въ васъ.

Горничная—некрасивая, подвижная, какъ обезьяна, парижанка—вышла, скользнувъ по Сумилову пронизательно-насмѣшливымъ взглядомъ. Дюкруа усѣлась съ ногами на низкій и широкій турецкій диванъ, расправляя около ногъ складки своего бѣлаго платья, и повелительнымъ жестомъ указала Алексѣю на мѣсто рядомъ съ собою.

Сумиловъ повиновался.

— Ближе, ближе!—приказала Дюкруа.—Еще ближе!.. Вотъ такъ... Ну, теперь давайте разговаривать, m-g Алексисъ. Во-первыхъ, гдѣ вы научились такъ хорошо владѣть французскимъ языкомъ? Вы выражаетесь, точно маркизь.

Сумиловъ рассказалъ ей, что у него съ самаго ранняго дѣтства были гувернантки-французенки, и что этотъ языкъ принятъ почти исключительно въ его семьѣ.

— О, значить, вы изъ богатаго семейства?—воскликнула Дюкруа.

— Нѣтъ, мы лѣтъ пять тому назадъ разорились.

— Ахъ, бѣдненькій! Значить, вы живете своими трудами? Вамъ, должно-быть, это очень тяжело? У васъ есть друзья? Вы, вѣроятно, рѣдко бываете въ обществѣ?

И она засыпала его цѣлой кучей вопросовъ, на которые онъ едва успѣвалъ отвѣчать. Потомъ вдругъ, совершенно неожиданно, она спросила низкимъ и протяжнымъ голосомъ:

— Скажите, вы любили когда-нибудь женщину?

Онъ посмотрѣлъ на нее, полусмѣясь, полуудивленно.

— Да, любилъ... Когда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, я былъ влюбленъ въ свою кузину...

— И только?

— Да.

— Честное слово?

— Честное слово.

— И вы никогда не любили женщину совсѣмъ?

Онъ понялъ и, нервно теребя бахрому скатерти, прошепталъ:

— Нѣтъ. Никогда.

— А я?—тѣмъ же замирающимъ шепотомъ спросила Дюкруа, наклоняясь къ нему такъ близко, что онъ почувствовалъ теплоту ея лица.— А я нравлюсь вамъ? Нравлюсь? Да глядите же въ глаза, когда васъ спрашиваютъ!

Она схватила его голову руками и повернула къ себѣ... Ея горячіе и жуткіе глаза сначала испугали Сумилова, потомъ смутили, а потомъ вдругъ и въ его глазахъ зажгли такой же огонь.

Она опустила рѣсницы и со вздохомъ притянула голову Сумилова еще ближе къ себѣ. Губы ея пылали и были влажны.

— Дома г-жа Дюкруа?..

— Нѣту дома.

— Можетъ-быть, вы не замѣтили? Можетъ-быть, она уже вернулась?

Толстый ливрейный швейцаръ съ красной, опухшей и заспанной мордой почесалъ спину о косякъ двери.

— Какъ же это я, напримѣръ, не видаль, ежели я къ тому обязанъ, чтобы смотрѣть? Да что вы хлопчете? Вотъ уже, почитай, вторую недѣлю каждый день бѣгаете... Коли сказано нѣтъ, такъ, стало-быть, и нѣтъ...

Чего же тутъ еще? Не хотите васъ видѣть, и дѣло съ концомъ...

Сумиловъ торопливо вытащилъ изъ кармана кошелекъ. При видѣ рублевой бумажки швейцаръ пересталъ чесать спину и произнесъ снисходительно:

-- Попробуйте... подымитесь наверхъ. Можетъ-быть, и есть...

Сумиловъ быстро взбѣжалъ по лѣстницѣ, шагая черезъ двѣ ступеньки. Но передъ дверью номера онъ остановился и схватился инстинктивно за то мѣсто груди, гдѣ такъ судорожно и мучительно колотилось сердце. При этомъ его рука ощутила прикосновеніе лежащаго въ боковомъ карманѣ небольшого револьвера.

Сумиловъ постучался. «Entrez» — послышалось изъ-за двери. Закрывъ на секунду глаза отъ смутнаго предчувствія какого-то ужаса, Алексѣй толкнулъ ручку.

Сегодняшній день онъ считалъ рѣшительнымъ, потому что терпѣть дальше эти мученія неудовлетворенной любви и ревности становилось невозможнымъ.

Когда на утро послѣ перваго вечера Алексѣй пришелъ къ Дюкруа, весь еще полный счастья, она встрѣтила его съ холоднымъ удивленіемъ. На другой день ея не было дома, на третій—то же самое... Камеристка съ наглымъ видомъ захлопывала дверь передъ самымъ его носомъ. Онъ сталъ писать письма, но на первое не получилъ отвѣта, а прочія возвращались ему, распечатанными.

Алексѣй страдалъ невыносимо. Онъ исхудалъ, осунулся и пожелтѣлъ. И днемъ и ночью его преслѣдовалъ образъ прекрасной парижанки; вездѣ ему рисовалась ея бархатная кожа, ея поцѣлуги.

Дюкруа была не одна. Рядомъ съ ней на диванѣ, такъ хорошо знакомомъ Алексѣю, сидѣлъ какой-то толстый господинъ, судя по лицу, грекъ или армянинъ, съ

масляными черными глазами, горбатым носомъ и густыми черными усами.

Увидѣвъ вошедшаго Сумилова, Генриетта быстро поднялась и съ гнѣвнымъ видомъ сдѣлала нѣсколько шаговъ ему навстрѣчу, не протягивая руки.

— Что васъ заставляетъ преслѣдовать меня всюду, милостивый государь? — спросила она, вызывающе щури глаза.

Кровь кинулась въ голову Алексѣю. Все потемнѣло передъ его глазами. Онъ рѣзко схватилъ Дюкруа за руку выше кисти и прошепталъ съ искривленными губами:

— Мнѣ надо говорить съ вами... наединѣ... два слова.

Въ его голосѣ и въ выраженіи лица чувствовалась такая страшная настойчивость, что Генриетта невольно повиновалась.

— Хорошо, идите за мной, — сказала она, направляясь въ свой будуаръ. — Но помните, что это послѣднее объясненіе.

Въ полутемномъ будуарѣ онъ опять схватилъ ее за руки, но она быстро вырвалась отъ него.

— Я васъ безумно люблю! — воскликнулъ Алексѣй. — Пощадите меня!

— Это все, что вы хотѣли мнѣ сказать?

— Да... впрочемъ, нѣтъ... не все... Я самъ не знаю, что говорю. Я не сплю по ночамъ... Зачѣмъ, зачѣмъ вы все это сдѣлали?

Она расхохоталась наглымъ, искусственнымъ смѣхомъ опытной актрисы.

— Вотъ какъ! Вы пришлі упрекать меня...

Изъ гостиной послышался сдержанный кашель.

— Кто это? — спросилъ грубо Алексѣй.

— Развѣ я вамъ должна давать отчетъ въ моихъ знакомствахъ? — отвѣтила Дюкруа, пожимая презрительно плечами.

Сумиловъ вдругъ почувствовалъ въ душѣ приливъ бѣшенства.

— Отвѣчайте мнѣ: кто этотъ господинъ? Это вашъ любовникъ? Говорите сейчасъ...

— А? Вы непременно хотите знать?

Генриетта приблизила къ нему свое лицо, искаженное злобой, и трясущимися блѣдными губами произнесла:

— Да, это мой любовникъ...

Послышался выстрѣлъ, потомъ отчаянный женскій крикъ, потомъ другой выстрѣлъ, потомъ испуганный вопль изъ сосѣдней комнаты... Отовсюду изъ номеровъ сбѣжали люди... Генриетта еще была жива и, лежа на полу въ лужѣ крови, протяжно и тихо стонала. Сумиловъ лежалъ рядомъ съ ней ничкомъ, касаясь окровавленной головой ея платья. Правая рука его была подвернута подъ тѣло, а плечо лѣвой судорожно вздрагивало, какъ крыло подстрѣленной птицы...

КЛЯЧА.

Моросилъ мелкій дождикъ. Улица казалась пропитанной туманомъ. Незамѣтная холодная влага осѣдала на лица прохожихъ. Всѣ эти люди, куда-то торопливо бѣгущіе съ поднятыми воротниками и раскрытыми зонтиками, имѣли скучный или угрюмый видъ. Встрѣчаясь съ нашей процессіей, они снимали шапки и съ холоднымъ любопытствомъ осматривали: оборванныхъ факельщиковъ съ рапухшими, сизыми, звѣрскими лицами, идущихъ парами, подобравъ подола траурныхъ кафтановъ и шлепая дырявыми сапогами по лужамъ; пару лошадей въ черныхъ пополахъ, съ чехлами для ушей и съ огромными страшными отверстиями для глазъ; черный, обшитый серебрянымъ позументомъ катафалкъ, на вершинѣ котораго стоялъ бѣлый глазетовый гробъ, а на немъ жестяной зеленый вѣнокъ; наконецъ длинный рядъ наемныхъ экипажей, наполненныхъ равнодушными, немного скучающими, немного конфузющимися мужчинами и женщинами.

Въ этой процессіи, медленно ползущей по грязи, подъ сплошнымъ, мелкимъ, осеннимъ дождемъ, было что-то жалкое, подавляющее, ужасное. Мнѣ представлялось, что если бы то, что было раньше бѣднымъ Пашкевичемъ, а теперь плавно колыхалось вмѣстѣ съ бѣлымъ глазетовымъ гробомъ на катафалкѣ, если бы это холодное, уже тлѣющее тѣло могло какъ-нибудь выразить свои жела-

нія, оно раньше всего потребовало бы: «Оставьте меня въ покоѣ, разойдитесь по домамъ, зачѣмъ играть эту страшную комедію?»

— Вы будете на могилѣ говорить рѣчь?—спросилъ я моего сосѣда по извозчику, публициста одной изъ мѣстныхъ газетъ, Васютина—маленькаго желчнаго человѣка, котораго я всегда любилъ за его великодушное горячее сердце, скрывавшееся подъ напускнымъ цинизмомъ.

Онъ нервно поморщился.

— Конечно, не буду.

— Почему же?

Онъ съ досады схватился руками за лицо, ожесточенно стиснулъ его нѣсколько разъ между ладонями, покряхтѣлъ, точно отъ внезапной зубной боли, и заговорилъ съ волненіемъ:

— Почему? А по тому самому, что тамъ и безъ меня этихъ говорильщиковъ найдется пропасть... О, чортъ! Тартюфы, лицемеры проклятые! Я напередъ знаю всѣ пошлости, которыя они будутъ произносить съ ихъ жреческимъ видомъ. «Святое знамя искусства!.. Неугасимый огонь на священномъ алтарѣ поэзіи!.. Честный сѣятель на нивѣ просвѣщенія!..» Нѣтъ! Если бы я ужъ сталъ говорить, я бы дѣйствительно сказалъ имъ пару теплыхъ словъ.

— Что бы вы имъ сказали, Антонъ Захаровичъ?

— А вотъ что я имъ сказалъ бы... «Всѣ мы, литераторы, веземъ впередъ нашу пресловутую колесницу прогресса. Въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, но въ этомъ также нѣтъ и ничего удивительнаго. И волы и ослы везятъ тяжести, потому что они послушны, упорны, выносливы и въ концѣ концовъ увѣрены, что за свой трудъ они найдутъ въ ясляхъ охапку сѣна... Но знаете ли, что выйдетъ, если въ телѣгу, нагруженную булыжникомъ, запрячь кровную арабскую лошадь? Благородное жи-

вотное будетъ лѣзть изъ кожи, надорветъ спину, разобьетъ грудь, искалѣчитъ ноги и сдѣлается клячей. Тогда его выгонять въ поле околѣвать, и оно издохнетъ. А трудолюбивые волю дома еще долго будутъ жевать свое сѣно, возить тяжести и равнодушно отмахиваться хвостомъ, когда ихъ бьютъ по бокамъ палкой...» И я бы кончилъ свою рѣчь такъ: «Милостивые государи! Пашкевичъ былъ талантливѣ насъ всѣхъ, здѣсь собравшихся... Это была избранная натура, нѣжная, возвышенная и пламенная. И хотя онъ, потерявшій всякую способность къ работѣ, терзаемый жестокимъ недугомъ, скончался, ни кѣмъ не оплаканный, на грязной больничной койкѣ, я все-таки ему завидую».

— Вы его близко знали, Антонъ Захаровичъ?

— На что же еще ближе! Я былъ въ тотъ самый день въ редакціи, когда онъ принесъ свой первый рассказъ. Онъ краснѣлъ, бѣдняга, какъ дѣвочка, и заикался, объясняясь съ секретаремъ. Въ его фигурѣ и словахъ было что-то виноватое; точно онъ совершилъ какой-то несерьезный, дѣтскій поступокъ, надъ которымъ мы, авгуры печатнаго слова, должны будемъ засмѣяться. Когда онъ бралъ свой первый гонораръ, на него было жалко по-смотреть. Мнѣ кажется, что съ такимъ видомъ человѣкъ совершаетъ свое первое воровство. Скажите мнѣ, сдѣлайте милость, отчего это я всегда самъ испытывалъ и на другихъ наблюдалъ эту странную неловкость у писателей при полученіи гонорара? Оттого ли, что мы, русскіе, не созрѣли для печатнаго слова, или отъ сомнѣнія въ своихъ силахъ и слѣдовательно, въ своемъ правѣ жить литературнымъ трудомъ?

«Я отлично помню его первыя произведенія. Сколько въ нихъ было огня, яркой и смѣлой, почти дерзкой своеобразности. И какъ онъ работалъ надъ ними! Съ любовью, съ безконечнымъ терпѣніемъ. Онъ трудился надъ

ними, какъ ювелиръ надъ драгоценнымъ алмазомъ, но читателямъ казалось, что они выливались у него съ одного почерка, такъ они были легки и изящны по формѣ.

«Успѣхъ опьянилъ его, и онъ рѣшилъ отдать все свои силы и самого себя литературѣ. То болото, въ которомъ мы съ вами барахтаемся, ему казалось храмомъ. Компания бездарныхъ плагиаторовъ, избравшихъ литературу только потому средствомъ къ жизни, что у нихъ не хватало ни ума, ни знаній, ни даже простой грамотности для другихъ профессій, эти господа, рекламирующіе рестораторовъ и шансонетныхъ пѣвицъ, рисовались въ его чистомъ воображеніи борцами, подвижниками...

«Нѣтъ! Онъ ни разу не приложилъ руки къ позору газетнаго дѣла. Но мало-по-малу его произведенія стали принимать характеръ спѣшной работы. Нужно было жить. Вѣдь никто не накормилъ бы его обѣдомъ и не купилъ бы ему ботинокъ за одну только его талантливость... Онъ хватался за первую попавшуюся тему и часто начиналъ писать, не зная, чѣмъ кончить. Онъ писалъ на краешкѣ редакціоннаго стола, заваленнаго газетами, подъ шумъ, смѣхъ и телефонные звонки. И все-таки, несмотря на эту лихорадочную торопливость, порою въ его рассказѣ вспыхивала такая искра таланта, попадалось такое удивительное сравненіе, такое мастерское описаніе, что радость у меня разливалась по душѣ...

«Я знаю, иные беллетристы выдерживаютъ такое ужасное напряженіе цѣлыми годами. Но Пашкевичъ былъ въ этомъ отношеніи похожъ на тѣ великолѣпные, но черезчуръ нѣжные экзотическіе цвѣты, которые вянутъ безъ оранжерейнаго ухода, тепла и свѣта. Напрасно онъ прибѣгалъ къ вину и морфію. Черезъ полтора года послѣ перваго рассказа онъ уже не могъ выжать изъ своего больного, переутомленнаго мозга ни одного, даже самаго шаблоннаго сюжета

«А жить опять-таки было нужно. Къ тому же онъ женился. Знаете, такъ женился, какъ женятся всѣ эти талантливые безумцы, дѣти въ практической жизни... Какая-то бѣлошвейка, или шляпница, или что-то въ этомъ родѣ... сосѣдство, темная лѣстница и наконецъ глупая... да, положительно, глупая честность, какая-то дурацкая строгость къ самому себѣ... Эта красивая тварь, кажется, презирала Пашкевича всѣми силами своей низкой, мѣщанской душонки, презирала за его кротость и великодушіе, за его неловкость, малокровіе, непрактичность. Она дѣлала ему скандалы на улицѣ и обманывала его со всей мѣстной литературой и военщиной. У нихъ рождались дѣти — писательскія дѣти: блѣдныя, золотушныя, рахитическія. Она кричала ему на своемъ базарномъ жаргонѣ: «Вотъ они, твои дѣти, ты долженъ ихъ кормить, почему же ты не пишешь? Садись сейчасъ же за столъ и пиши!»

«Ахъ, какъ онъ много писалъ въ то время, мой милый, кроткій Пашкевичъ! Онъ сдѣлался репортеромъ и пробовалъ писать передовыя статьи: Но ему было труднѣе этотъ специальный напыщенный языкъ, несравненно болѣе нелѣпый, чѣмъ языкъ полицейскихъ рапортовъ. Иногда онъ по цѣлому часу сидѣлъ въ безсильномъ отчаяніи, стараясь связать два предложенія, оба начинающіяся съ мѣстоименія «который».

«Ну, да что толковать, — воскликнулъ Васютинъ съ озлобленіемъ и горемъ. — Извѣстная исторія: упадокъ силъ, чахотка, слѣпота...

«Въ четыре года сгорѣлъ человѣкъ до тла, что называется. О, подлость!»

Мы пріѣхали на кладбище. У всѣхъ были дѣланныя, торжественныя лица. Земля глухо застучала о крышку гроба. Могильщики торопились кончить.

Изъ толпы вышелъ высокій, плотный господинъ въ

пенснэ, съ маленькой рыжей бородкой на круглѣмъ лицѣ. Онъ оглянулся по сторонамъ, откашлялся и заговорилъ языкомъ плохихъ некрологовъ:

— Милостивые государи! Еще одна горестная утрата, еще одинъ честный борецъ сошелъ въ безвременную могилу... Покойный Пашкевичъ всегда высоко держалъ то святое знамя, подъ которымъ всѣ мы работаемъ на общественную пользу, онъ сѣялъ «разумное, доброе, вѣчное»... И въ немъ никогда не угасалъ тотъ священный огонь, который...

Сзади слышались странные звуки. Всѣ обернулись. Это Васютинъ рыдалъ, облокотившись на рѣшетку какого-то богатаго мавзолея.

СТРАШНАЯ МИНУТА.

Просторная новая терраса дачи была очень ярко освещена лампой и четырьмя канделябрами, разставленными на длинном чайномъ столѣ. Июльскій вечеръ быстро темнѣлъ. Старый липовый садъ, густо обступившій со всѣхъ сторонъ дачу, потонулъ въ тепломъ мракѣ. Только листья сирени, въ упоръ освѣщаемые лампой, рѣзко и странно выступали изъ темноты, неподвижные, гладкіе и блестящіе, точно вырѣзанные изъ зеленой жести. Ни шороха ни звука не доносилось изъ заснувшаго сада. Несмотря на раздвинутыя полотняныя занавѣси, свѣчи горѣли ровнымъ, немигающимъ пламенемъ. Было душно, и чувствовалось, что въ нагрѣтомъ, наэлектризованномъ воздухѣ медленно надвигается ночная гроза. Пахло медомъ, цвѣтущей липой и бузиной.

Варвара Михайловна Рязанцева приготовляла на террасѣ съ помощью горничной чай для собравшихся гостей. Перебравшись на дачу, она и ея мужъ не прекратили по вторникамъ своихъ интимныхъ вечеровъ, которые сдѣлались только малолюднѣе и тѣснѣе, потому что собирались на нихъ исключительно дачные знакомые. Городскимъ было неудобно ѣздить за пятнадцать верстъ на какіе-нибудь три-четыре часа.

Варвара Михайловна веселыми, возбужденными глазами оглядывала столъ, покрытый новой, нигдѣ не смятой ска-

тертью, на снѣжной бѣлизнѣ котораго такъ пріятно веселили глазъ серебряныя сухарницы, молочники и ложки и блестящія хрустальныя вазы съ вареньемъ, конфетами и фруктами. Въ продолженіе всѣхъ четырехъ лѣтъ замужества она интересовалась своимъ небольшимъ хозяйствомъ съ живой и искренней любовью, свойственной молодымъ женщинамъ, привыкшимъ окружать мужа нѣжной заботливостью.

Она обожала своего мужа, несмотря на двадцатилѣтнюю разницу въ ихъ годахъ. Этотъ человѣкъ, извѣстный всему ученому міру крупными работами въ области бактериологіи, былъ въ частной жизни большимъ ребенкомъ, болѣзненнымъ, хилымъ, безконечно добрымъ, разсѣяннымъ до анекдотической степени и деликатнымъ до робости. Варвара Михайловна гордилась честью носить его славную фамилію неумоимаго ученаго и безукоризненно честнаго человѣка, но еще больше гордилась тѣмъ, что она создала для него и постоянно поддерживала комфортъ и порядокъ семейной жизни и что сумѣла незамѣтно сдѣлаться во всемъ ему необходимою: его нянькою, его памятной книжкой, его другомъ. И теперь, занятая хлопотливыми обязанностями хозяйки, она часто съ заботливой любовью поглядывала черезъ двери въ гостиную, гдѣ въ углу надъ шахматнымъ столикомъ склонилась большая, характерная голова Рязанцева съ открытымъ шишковатымъ лбомъ мыслителя и съ дѣтскими глазами, голубыми и ясными.

Когда чай былъ готовъ, Варвара Михайловна пригласила гостей на террасу. Въ гостиной остались только ея мужъ и его всегдашній партнеръ, старый профессоръ Ильченко, оканчивавшіе партію. Она подошла къ нимъ и, облокотившись сзади на стулъ мужа, спросила, гдѣ они будутъ пить чай. Ильченко, проигравшій уже двѣ партіи и теперь видѣвшій, что никакъ не можетъ защи-

титъ своего короля отъ лады Рязанцева, всталъ изъ-за стола.

— Я положительно не въ состояніи сегодня скомбинировать двухъ самыхъ простыхъ ходовъ, — сказалъ онъ съ досадою. — Голова — точно свинцовая. Вѣроятно, ночью будетъ гроза.

Онъ вышелъ на террасу. Рязанцевъ, весь вечеръ не выдавшій жены, взялъ ее за руку и слегка притянулъ къ себѣ.

— Какая ты сегодня красавица, моя дѣвочка, — сказалъ онъ, ласково ей улыбаясь.

Она стояла передъ мужемъ легкая и граціозная, во всемъ пышномъ расцвѣтѣ своей двадцативосьмилѣтней красоты, съ высокою грудью и гибкой таліей. Легкая кофточка изъ тонкаго бѣлаго крепа, лежавшаго на ней свободными складками и не скрывавшая стройныхъ очертаній ея молодого тѣла, оставляла открытыми по локоть круглыя и крѣпкія, чуть пушистыя руки. У нея было нѣжное, матовое лицо темной шатенки; губы маленькія, полныя и круто изогнутыя, какія встрѣчаются только у женщинъ на картинахъ Рубенса; большіе глаза, казавшіеся вечеромъ совсѣмъ черными, благодаря расширившимся зрачкамъ; пышные, немного жесткіе, черно-рыжеватые волосы, вьющіеся мелкими завитками на вискахъ и на затылкѣ...

— Ты мной доволенъ, папа? — спросила она, нѣжно притрагиваясь пальцами къ его маленькой, жилистой рукѣ.

— Знаешь, — сказалъ Рязанцевъ, любуясь женой: — мнѣ иногда начинаетъ казаться, что ты черзчуръ хороша для такого стараго гриба, какъ я.

Варвара Михайловна покраснѣла. Ей было больно и непріятно слышать такія слова отъ него, котораго она обожала до самозабвенія. Ей часто казалось, что она

еще слишкомъ мало платитъ ему за его трогательную и довѣрчивую любовь къ ней. У нея вдругъ явилось педержимое желаніе стать передъ нимъ на колѣни и обнять руками его ноги.

— Не смѣй такъ никогда говорить, — прошептала она.

И жестомъ ребенка, берущаго что-нибудь украдкой, она быстро поднесла къ губамъ его руку и поцѣловала ее два раза — сверху и снизу ладони.

Потомъ она вышла на террасу и принялась разливать чай, прислушиваясь къ общему разговору, готовая подержать его, если онъ ослабѣетъ. Но разговоръ не клеился. Всѣ жаловались на жару и истому передъ грозю. Нѣкоторые поговаривали уже о томъ, какъ бы попасть домой до дождя.

— А что же вашего Андрея Лукича сегодня нѣтъ? — спросила у Варвары Михайловны жена Ильченки, полная, суровая на видъ дама, любившая винтъ и сплетни и державшая своего мужа подъ башмакомъ.

— Я не знаю, отчего его нѣтъ до сихъ поръ, — отвѣтила Варвара Михайловна. — Онъ обѣщаль быть и даже не одинъ. Съ нимъ придетъ его пріятель... Позвольте, какъ его фамилія?.. Онъ еще такъ извѣстенъ своимъ голосомъ. Ахъ, да, вспомнила: Ржевскій.

— Развѣ вы до сихъ поръ не были съ нимъ знакомы? — спросила удивленно Ильченко.

— Нѣтъ. Но зато я объ немъ очень много слышала.

Ильченко сдѣлала лукавое лицо и погрозила Рязанцевой пальцемъ.

— Смотрите, не влюбитесь. Этотъ господинъ очень опасенъ для молодыхъ женъ и старыхъ мужей.

Госпожа Ильченко принадлежала къ числу тѣхъ привилегированныхъ сплетницъ, которыя подъ предлогомъ «высказыванія всей правды въ глаза» говорятъ повсюду дерзости и гадости, разсѣивая за собою грязь, смуту.

и ненависть. Ея никто не любилъ, большинство терпѣть не могло и всё побаивались.

Варвара Михайловна ничего не отвѣтила на это циничное предостереженіе и только улыбнулась немного свысока и презрительно, съ сознаниемъ чистоты и ничѣмъ не запятнанной репутаціи. Зато словами Ильченко очень заинтересовалась Марія Федоровна Тиль, гимназическая подруга Рязанцевой, красивая, глупая и сентиментальная вдовушка, за которой считались уже три-четыре всѣмъ извѣстныхъ связи.

— А онъ очень хорошъ, этотъ Ржевскій? — спросила она.

Многіе изъ гостей улыбнулись. Репутація Ржевскаго была очень хорошо извѣстна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Ильченко обязательно сообщила все, что о немъ знала. Хорошъ ли онъ? Это—какъ кому нравится, но, по ея мнѣнію, у него лицо слишкомъ выставочное, такъ сказать, парикмахерское. Нравственности у него нѣтъ никакой, и это-то, кажется, и привлекаетъ къ нему искаательницъ приключеній, какъ бабочекъ на огонь, хотя въ то же время, надо ему отдать справедливость, онъ очень молчаливъ относительно своихъ связей. Что касается до его пѣнія, то, правда, поетъ онъ изумительно хорошо. Его съ удовольствіемъ приняли бы на любую сцену, если бы только онъ выразилъ желаніе. Но онъ предпочитаетъ вести свою праздную и легкомысленную жизнь, потому что не нуждается въ средствахъ и не желаетъ себя стѣснять никакими условіями...

Варвара Михайловна не дослышала окончанія характеристики Ржевскаго. Ея чуткое ухо заботливой матери уловило за двѣ комнаты возню, всегда сопровождавшую укладыванье ея четырехлѣтней дочери въ постель. Она извинилась передъ гостями и поспѣшила въ дѣтскую.

Въ полутемной дѣтской, слабо освѣщаемой трепетнымъ

мерцаньемъ лампы передъ образомъ. Аля стояла на колѣняхъ въ своей постели, обнесенной вокругъ высокой сѣткой, въ одной нижней рубашкѣ, съ голой шеей и голыми, милыми дѣтскими ручонками. Старая няня, когда-то носившая на рукахъ Рязанцева, со старческимъ кроткимъ терпѣниемъ уже цѣлыхъ полчаса добивалась, чтобы Аля прочла, какъ слѣдуетъ, «Богородицу». Аля не хотѣла молиться и барахталась въ рукахъ няни, закидывая назадъ голову и звонко смѣясь. Увидѣвъ входящую мать, она быстро вскочила на ноги и протянула ей навстрѣчу руки съ растопыренными пальчиками.

— Молись, Аля, молись... Боженька будетъ сердиться, если узнаетъ, что ты не слушаешься няни, — сказала притворно-строгимъ голосомъ Варвара Михайловна, освобождая свою шею отъ объятий дѣвочки.

— А ты, мама, мнѣ сказку расскажешь? — спросила Аля, лукаво заглядывая снизу въ глаза матери и не выпуская ея шеи.

— Расскажу, расскажу, если ты только будешь умницей.

Варвара Михайловна начала вполголоса, тщательно выговаривая слова, читать молитву, Аля повторяла за ней громко, тоненькимъ голосомъ, забавно коверкая слова и быстро махая рукой все въ одномъ направленіи, отъ плеча къ животу. Окончивъ молитву, она сама добавила обычное: «Спаси, Господи, папу, маму, няню, бабушку, младенца Елену и всѣхъ моихъ родныхъ», и сейчасъ же улеглась на правый бокъ, подложивъ ладони обѣихъ рукъ подъ голову, «какъ спать умныя дѣвочки».

— Ну, мама, сказку, — потребовала она.

Варвара Михайловна никогда, рассказывая дочери сказки, не затруднялась выборомъ сюжета. Она начинала прямо: въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, жили-были... и затѣмъ вставляла первое по-

павшееся слово: старый-престарый король съ большой сѣдой бородою, или — жиль-быль страшный волкъ, который бѣгалъ вожругъ деревни и таскалъ бѣлыхъ овецъ.

Теперь ей почему-то пришла въ голову волшебница, и она начала тягучимъ, немного таинственнымъ голосомъ, глядя Алю по открытой теплой груди:

— Однажды жила-была волшебница. Она была такая большая-большая.. выше колокольни, и во рту у нея было два ряда острыхъ бѣлыхъ зубовъ и длинный-предлинный красный языкъ со стрѣлою на концѣ...

— Мама, значить, она кушала дѣвочекъ? — спросила озабоченно Аля.

— Кушала, только не всѣхъ, а непослушныхъ и замарашекъ. И у нея была еще сова, большая такая птица съ круглыми глазами, которая днемъ ничего не видитъ и сидитъ на деревѣ, а ночью все летаетъ и кричитъ, и достааетъ себѣ пищу. Потомъ у нея была еще черная кошка, а сама волшебница была одноглазая. Только она была не злая, и кто къ ней приходилъ за добрымъ дѣломъ, тому она всегда помогала. Вотъ однажды сидитъ эта волшебница въ своей избушкѣ на курьихъ ножкахъ и слышитъ, что кто-то выходитъ изъ лѣсу...

Она продолжала еще нѣсколько минутъ говорить, что приходило на умъ, пока не услышала ровнаго, глубокаго дыханія заснувшей дѣвочки. Тогда она ее перекрестила, подтыкала подъ ея размякшее тѣльце ссунувшееся одѣяло и вышла изъ дѣтской той мягкой, неслышной походкой, какой умѣютъ ходить однѣ только матери.

Одновременно съ ея возвращеніемъ двое мужчинъ взошли на террасу со стороны сада. Первымъ поднимался Андрей Лукичъ Норичъ, двоюродный братъ Рязанцева, старый, услужливый и хлопотливый холостякъ, преподававшій въ гимназіи греческій языкъ. Слѣдомъ за нимъ

шелъ легкой, самоувѣренной походкой очень высокій, стройный и сильный на видъ господинъ лѣтъ тридцати съ лишкомъ. Онъ былъ красивъ эффектной, сразу бросающейся въ глаза красотою смуглаго брюнета, выхоленного, здороваго, самонадѣяннаго, съ темными глазами, влажными и дерзкими, съ яркими чувственными губами подъ небольшими красивыми черными усами: трафаретъ итальянскаго красавца.

Варвара Михайловна невольно съ любопытствомъ остановила на немъ глаза. Ей первый разъ въ жизни приходилось видѣть человѣка съ такой дурной, опасной и всегда необъяснимо-привлекательной для женщины репутацией, какъ Ржевскій. Но она сейчасъ же поймала себя на этомъ любопытствѣ и сконфузилась и разсердилась на себя. Что ей за дѣло до этого дачнаго Донъ-Жуана? Неужели она позволить себѣ спуститься до мелкаго и дурнаго любопытства, какъ Ильченко или неразборчивая Марья Федоровна? И сейчасъ же ей пришло въ голову сравненіе между Ржевскимъ и ея мужемъ. Тотъ — фактъ, — это сразу видно, — дюжинный, ограниченный человѣкъ, правда, красивый, но именно въ парикмахерскомъ стилѣ, между тѣмъ какъ ея мужъ такой интеллигентный, такой простой, широкій и великодушный. Наконецъ, эта репутация... Развѣ она въ ея глазахъ можетъ имѣть другое значеніе, чѣмъ рядъ грязненькихъ, «дешевыхъ амуровъ», какъ называетъ этотъ сортъ любви какой-то писатель?

Поэтому, когда Андрей Лукичъ подвелъ къ ней и представилъ Ржевскаго, она поздоровалась съ нимъ довольно холодно. Ржевскій поклонился ей почтительно, но все съ той же самоувѣренной улыбкой красавца, знающаго, что онъ безукоризненъ съ внѣшней стороны, прекрасно одѣтъ и любимъ женщинами.

Потомъ Варвара Михайловна нашла, что все сразу,

даже какъ-то неприлично, почти льстиво лакинулись на Ржевскаго, хотя онъ разговаривалъ гораздо скромнѣе, чѣмъ можно было предполагать, судя по его улыбкѣ и побѣдоносной манерѣ держать себя. Кто-то спросилъ, правда ли, что онъ знакомъ лично съ Мазини, и Ржевскій очень просто и занимательно рассказалъ о своемъ знакомствѣ съ знаменитымъ пѣвцомъ.

— Мнѣ довелось,—говорилъ онъ:—познакомиться съ нимъ передъ однимъ частнымъ спектаклемъ, который устраивалъ для очень ограниченного кружка меломановъ извѣстный Мейеровскій, отличающійся, кстати сказать, въ музыкальномъ отношеніи колоссальнымъ невѣжествомъ. Я тоже былъ приглашенъ участвовать и потому явился на репетицію, назначенную въ домѣ Мейеровскаго. Мнѣ пришлось пѣть послѣднимъ, такъ какъ я немного опоздалъ. Артистовъ собралось человѣкъ десять, все люди мнѣ незнакомые. Пою я, право, теперь ужъ не помню что, кажется, арію изъ «Ренегата» Доницетти. Пропѣлъ свое и отхожу отъ рояля. Въ это время подходитъ ко мнѣ какой-то господинъ, такъ средняго роста, крѣпышъ, брюнетъ, волосы и борода черные, въ живописномъ безпорядкѣ. Вообще лицо энергичное и красивое — разбойничье, подъ глазами складки въ родѣ мѣшковъ. Одѣтъ небрежно. Подходитъ онъ ко мнѣ,—замѣтите, я его въ первый разъ вижу,—беретъ меня подъ руку и начинаетъ дѣлать на ломаномъ французскомъ языкѣ замѣчанія относительно моего пѣнія. Замѣчанія самаго рѣзкаго свойства, хотя, правда, очень точныя и выразительныя. Мнѣ это показалось немного неумѣстнымъ, и кромѣ того, вы, конечно, знаете, что у каждаго артиста есть свое самолюбіе. Я его перебиваю: «Извините, но, прежде всего, я не имѣю чести васъ знать». Онъ улыбается и самымъ увѣреннымъ тономъ отвѣчаетъ: «Напротивъ, я убѣжденъ, что вы меня знаете. Я — Мазини». И дѣйствительно, онъ

мнѣ далъ много очень мѣткихъ указаній, какихъ я никогда не слышалъ ни отъ одного профессора пѣнія. Помоему, рассказы, существующіе въ публикѣ о дерзости и грубости Мазини, совершенно неосновательны. Онъ на меня произвелъ самое пріятное впечатлѣніе. Языкъ у него очень живой, образный, и все, чтò онъ говоритъ, онъ пересыпаетъ характерными итальянскими проклятіями и восклицаніями: «Porrche misere!» Съ публикой, въ особенности со своими назойливыми поклонницами, онъ, правда, немного заносчивъ и небреженъ, но этотъ недостатокъ можно ему извинить, если принять во вниманіе его громадную извѣстность, избалованность и не менѣе громадное самолюбіе.

Ржевскій рассказалъ еще нѣсколько своихъ воспоминаній изъ міра оперныхъ знаменитостей. Какъ ни страстно отнеслась къ нему съ перваго раза Варвара Михайловна, однако она не могла не оцѣнить, что, рассказывая, онъ все время оставлялъ себя въ тѣни, чтò совсѣмъ не вязалось съ его самоувѣреннымъ видомъ. И рассказывалъ онъ очень интересно, умѣло передавая изъ своеобразнаго закулиснаго быта такія мелкія, но характерныя стороны, для него самого давно уже ставшія обыденными и скучными, которыя однако (онъ это зналъ) должны были увлечь слушателей своею для нихъ новизной.

Но Варвару Михайловну тревожилъ и волновалъ взглядъ Ржевскаго, неотступно обращенный на нее, какъ будто бы онъ рассказывалъ только для нея одной. Она, не оборачиваясь, чувствовала этотъ внимательный, нѣжный, любующійся взглядъ на своемъ лицѣ, на рукахъ, на тѣлѣ, чувствовала тѣмъ особымъ, тонкимъ инстинктомъ, которымъ одарено большинство женщинъ и который всегда безошибочно имъ говоритъ, насколько онѣ нравятся мужчинамъ. Несмотря на безпричинное враждебное

чувство къ Ржевскому, она все-таки два или три раза, увлеченная тѣмъ, что онъ говорилъ, встрѣтилась съ нимъ глазами и оба раза быстро опустила ихъ въ замѣшательствѣ.

«Надо постараться, чтобы онъ у насъ больше не бывалъ, — вдругъ неожиданно мелькнуло въ головѣ Варвары Михайловны, но она тотчасъ же спохватилась. — Да неужели я въ самомъ дѣлѣ боюсь этого «неотразимаго»? Онъ и въ самомъ дѣлѣ можетъ это подумать, если я буду сидѣть, какъ въ воду опущенная. Надо быть естественнѣе и хоть что-нибудь изъ простой вѣжливости сказать ему».

Въ это время госпожа Ильченко выразила увѣренность, что Ржевскій, конечно, доставить обществу удовольствіе своимъ пѣніемъ.

— Я всегда охотно пою, — сказалъ просто Ржевскій: — но, право, я не увѣренъ, вѣзмъ ли мое пѣніе доставить удовольствіе?

При этомъ онъ совсѣмъ уже повернулся въ сторону Варвары Михайловны, вызывая ее на отвѣтъ.

— Вы слишкомъ скромны, — сказала Рязанцева, стараясь казаться непринужденной и безотчетно робѣя. — Я такъ много слышала рассказовъ о вашемъ пѣніи, что вамъ было бы совѣстно отказываться.

Когда она говорила эти незначачія слова, глаза ихъ опять встрѣтились. Это былъ одинъ изъ тѣхъ странныхъ, непонятныхъ для психолога, неумовимыхъ для присутствующихъ взглядовъ, которые говорятъ гораздо больше словъ и которые между людьми, въ первый разъ встрѣчающимися, внезапно, помимо ихъ воли, устанавливаютъ взаимную-близость; разрывая условную завѣсу приличій. Такой взглядъ иногда-незнакомымъ еще между собою мужчинѣ и женщинѣ смутно, но безошибочно предсказываетъ, что рано или поздно они будутъ принадлежать другъ другу.

— Хорошо, но я надеюсь, что вы мнѣ будете аккомпанировать? — спросилъ Ржевскій.

— Боюсь, вы останетесь мною недовольны. Но я все-таки попытаюсь...

— О, вы слишкомъ скромны. Въ такомъ случаѣ, если вы окончили свой чай, то начнемте.

Они пошли въ гостиную къ роялю, на которомъ грудами лежали ноты.

— Вы знакомы съ романсами Чайковского? — спросила Варвара Михайловна, перебирая тетради и чувствуя очень близко за своей спиной присутствіе Ржевскаго.

— О, конечно.

— Вы ихъ любите?

— А вы?

— А вы?

Она засмѣялась, достала толстый томъ въ шагреновомъ переплетѣ, положила его на пюпитръ и сѣла передъ роялемъ.

— Откройте наугадъ, — посоветовалъ Ржевскій. — Чайковский во всемъ одинаково прекрасенъ.

Она развернула тетрадь на серединѣ и сразу узнала романсъ «Страшная минута», который на нее всегда производилъ сильное впечатлѣніе своей оригинальной мелодіей, страстной и робкой въ одно и то же время.

— Вы это знаете? — спросила она, поднимая къверху голову, чтобы взглянуть на Ржевскаго, и поправляя подъ собою стулъ.

— Да. Начнемте.

Она легко и выразительно сыграла трудную интродукцію и слегка остановилась передъ вступительнымъ тактомъ. Разговоры въ гостиной и на террасѣ сразу притихли.

Ты внимаешь, внизъ склонивъ головку,

Очи опустивъ... —

раздались въ гостиной, точно сразу наполнивъ ее, сильные и нѣжные звуки прекраснаго свѣжаго баритона.

И, тихо вздыхая,
Ты не знаешь, какъ мгновенья эти
Страшны для меня...

Опять Варвара Михайловна почувствовала, что горячій взглядъ Ржевскаго не отрывается отъ ея лица, и что поеть онъ только для нея одной, какъ за чаемъ для нея одной рассказывалъ. «Зачѣмъ онъ это дѣлаетъ? Вѣдь всѣмъ въ глаза бросается»,—подумала она съ испугомъ. Въ то же время она съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за аккомпанементомъ, и — странно — никогда еще подъ ея руками рояль не отгѣнялъ такъ красиво и послушно пѣнія, какъ теперь.

Ею понемногу овладѣвало какое-то странное забытье. И комната, и гости, и мужъ, и Аля,—все это отошло куда-то въ глубокую даль, подернулось туманомъ, перестало существовать. На всемъ свѣтѣ остались только двое: онъ, этотъ незнакомый красавецъ, странный и такой близкій къ ней, и—она, взволнованная, испуганная, точно совершающая преступленіе.

Отчего же робкое признанье
Въ сердце такъ тебѣ запало глубоко?
Ты вздыхаешь, ты молчишь и плачешь,—

пѣлъ Ржевскій, и въ голосѣ его звучала такая горячая, тоскливая мольба о взаимной любви, такой настойчивый призывъ, которымъ, казалось, невозможно было противиться.

Въ это время они оба протянули руки, чтобы перевернуть страницу, и пальцы ихъ встрѣтились. Варвара Михайловна почувствовала нѣжное пожатіе, ни для кого, кромѣ ихъ двоихъ, незамѣтное. Она быстро отдернула задрожавшую руку и въ замѣшательствѣ приблизила вспыхнувшее лицо къ нотамъ. А надъ нею все настойчи-

вѣе, гипнотизируя и призывая, лились прекрасные, чарующіе звуки:

Иль слова любви въ устахъ твоихъ нѣмѣютъ?
Или ты меня жалѣешь? Не любишь?

«Это оттого, что гроза приближается», — обманывала себя Варвара Михайловна, чувствуя, какъ жаркая истома разливается по всему ея тѣлу и какъ трудно и прерывисто дышитъ ея грудь:

Послѣднія слова романса:

Я приговоръ твой жду! Я жду рѣшенья!

Ржевскій пропѣлъ съ такимъ глубокимъ волненіемъ и такъ умоляюще-властно, слегка даже протягивая къ Варварѣ Михайловнѣ руки, что она невольно закрыла глаза, чувствуя, какъ ея сердце забилося часто и тревожно. Окончивъ аккомпанементъ, она, вся потрясенная, усталая, съ блестящими глазами, откинулась на спинку стула. Гости стали настойчиво просить Ржевскаго еще что-нибудь спѣть, но Рязанцева быстро встала изъ-за рояля.

— Я не могу больше аккомпанировать, — сказала она: — слишкомъ душно.

Ее упрасивали долго, но напрасно. Она не хотѣла, потому что боялась этихъ горячихъ глазъ и этого мучнаго, властнаго голоса, и со стыдомъ сознавала, что эта боязнь уже не возмущаетъ ея, какъ раньше. Наконецъ вызвалась аккомпанировать Марья Ѳедоровна, но на первыхъ же тактахъ рубинштейновской «Азры» она сбилась сама, сбила пѣвца и сконфузилась. Второй романсъ она знала еще меньше и въ концѣ концовъ заявила, что она сегодня не въ расположеніи.

Ржевскій самъ сѣлъ за рояль. Нѣкоторое время онъ съ разсѣяннымъ видомъ перебиралъ клавиши, точно что-то припоминая. Варвара Михайловна, стоя въ дверяхъ террасы, видѣла, какъ на его губахъ блуждала неопре-

дѣленная улыбка. Потомъ вдругъ лицо его сдѣлалось сразу серьезнымъ, даже какъ будто бы поблѣднѣло. Онъ медленно поднялъ свои прекрасные глаза на Варвару Михайловну и, глядя на нее въ упоръ, прямо обращаясь къ ней, запѣлъ послѣ бурной прелюдіи, придавая своему голосу и фразировкѣ яркій, своеобразный, цыганскій колоритъ, извѣстный романсъ Тарновскаго :

Чаруй меня! Чаруй меня!
Дай счастье мнѣ, дай жизни радость!
Хотя на мигъ влюбись въ меня,
Твоей любви вкусить дай сладость.

Дикая, огненная, не знающая границъ страсть зазвучала въ его гибкомъ голосѣ вмѣстѣ съ изступленной мольбой, и Варвара Михайловна, точно очарованная, не могла отвести глазъ отъ пристальнаго, говорящаго взгляда Ржевскаго. Ея голова горѣла и тихо кружилась, кровь напряженно билась въ вискахъ, грудь дышала высоко и часто, мгновенно высохшія губы полуоткрылись. Она была точно во снѣ, или въ опьянѣніи. Этотъ красивый человѣкъ, сильный и страстный, сразу, въ продолженіе одного вечера, съ какой-то ужасной и плѣнительной дерзостью перешагнулъ черезъ всѣ препятствія, лежащія между ними, и съ каждой минутой она себя чувствовала болѣе и болѣе охваченной его опасной, грѣховной властью, не имѣя силъ сопротивляться.

А онъ между тѣмъ пѣлъ дальше, все ярче и смѣлѣе отгѣняя слова:

Люби меня! Люби меня!
Отдайся мнѣ безъ размышленья;
Твоя любовь полна огня...
Люби меня для наслажденья!

Варвара Михайловна видѣла крупную, мужественную фигуру Ржевскаго, его выразительное лицо съ нервно раздувающимися ноздрями и яркими чувственными гу-

бами, его широкую грудь, сильныя плечи и руки, и волнующія слова романса проникали ее желаніемъ той страсти, которую эти слова и эта наружность обѣщали. Жажда новыхъ, безстыдныхъ поцѣлуевъ, долгихъ объятій, отъ которыхъ захватываетъ дыханіе, жажда всего того, что она встрѣчала до сихъ поръ только въ романахъ и что ей казалось раньше выдуманнѣмъ, приподнятымъ, даже смѣшнымъ, проснулась въ ней съ безсознательной силой. Глаза ея увлажнились, и сердце ныло тѣмъ особеннымъ, сладкимъ, замирающимъ чувствомъ, которое она испытывала только въ дѣтствѣ, когда, качаясь на качеляхъ, летѣла внизъ съ четырехсаженной высоты.

Когда Ржевскій окончилъ романсъ, изъ сада блеснула дальняя молнія. Дамы испуганно разомъ поднялись со своихъ мѣсть и принялись торопливо искать шляпы и накидки. Онѣ не слушали приглашеній Рязанцева поужинать, быстро одѣвались, цѣловали одна за другой Варвару Михайловну и поспѣшно уходили, съ оханьемъ и выкрикиваньями, какъ всегда женщины передъ грозой.

Варвара Михайловна разсѣянно прощалась съ гостями. Ее мучила и волновала мысль, что Ржевскому и Андрею Лукичу, пріѣхавшимъ изъ Москвы, мужъ ея, по всей вѣроятности, предложить переночевать на дачѣ. «Ни за что! Ни за что!—нетерпѣливо повторяла она себѣ.—Если мужъ будетъ просить, я не скажу ни одного слова, и, я думаю, у него не хватитъ дерзости остаться». Смутное, зародившееся гдѣ-то въ сокровенныхъ тайникахъ души предчувствіе говорило ей, что если только Ржевскій проведетъ эту ночь подъ одной съ ней кровлей, то все ея семейное счастье, накопленное четырьмя годами тихой, ничѣмъ не омраченной жизни, должно грубо рушиться и погибнуть.

Когда всѣ гости разошлись, Ржевскій, до сихъ поръ

медлившей, взялъ съ подоконника свою легкую соломенную шляпу. Но Рязанцевъ тотчасъ же запротестоваль:

— Неужели вы хотите ѣхать въ городъ? Да я васъ ни за что не пущу. Вы даже извозчика теперь нигдѣ не достанете.

Ржевскій повернулъ голову къ Варварѣ Михайловнѣ. Она видѣла, что его глаза просятъ и въ то же время выражаютъ покорную готовность подчиниться ея рѣшенію. Она быстро отвернулась отъ него и, дѣлая видъ, будто не слышитъ словъ мужа, вышла на террасу. Но, лицомъ къ лицу съ жуткимъ молчаніемъ деревьевъ, застывшихъ въ тягостномъ томленіи, среди душной темноты, ей сдѣлалось страшно, и вмѣстѣ съ тѣмъ она почувствовала жалость къ Ржевскому. Варвара Михайловна воротилась въ комнату.

— Черезъ полчаса разразится страшная гроза, — сказала она сухо и избѣгая глядѣть на Ржевскаго. — Вамъ придется остаться.

Онъ молча поклонился ей и положилъ шляпу. Варвара Михайловна рѣшила не оставаться больше съ гостями ни одной минуты. Ей хотѣлось поскорѣе уйти въ свою комнату, лечь, успокоиться, забыться сномъ.

— Развѣ ты не будешь ужинать? — спросилъ ее Рязанцевъ, когда она подошла къ нему, чтобы поцѣловать его въ лобъ, что она всегда дѣлала, прощаясь съ нимъ.

— Нѣтъ, — отвѣтила она кротко: — я устала.

И, цѣлуя мужа, она точно въ первый разъ замѣтила и его большую лысину, испещренную тоненькими красными жилками, и глубокія морщины на лицѣ, и дряблую желтизну щекъ. «Я на него всегда смотрѣла только какъ на отца», — подумала съ грустью Варвара Михайловна.

Придя къ себѣ, въ свою маленькую комнатку съ веселыми обоями и узкой дѣвичьей кроватью (Рязанцевы всегда спали въ разныхъ комнатахъ), она зазгла передъ

зеркаломъ двѣ свѣчи и стала раздѣваться. Медленными, лѣнивыми движеніями она сняла верхнее платье, съвободилась отъ корсета и, вынувъ изъ головы шпильки, быстрымъ, привычнымъ движеніемъ руки распустила по плечамъ и спинѣ волны густыхъ темныхъ волосъ.

Прижавъ крѣпко ладони къ груди, закинувъ назадъ голову и полузакрывъ глаза, она долго оглядывала въ зеркалѣ свою прекрасную полунагую фигуру, и смутное чувство жалости къ себѣ закралось въ первый разъ въ ея душу. Года черезъ четыре, много черезъ пять, думала она, завянетъ это упругое розовое тѣло, старость проведетъ на лицѣ морщины, яркія губы поблѣднѣютъ... А любила ли она хоть одинъ часъ той соблазнительной любовью, къ которой сейчасъ такъ пламенно призывалъ ее Ржевскій? Знала ли она наслажденіе отдать всю свою пышно расцвѣтшую красоту, отдать всю себя сладкимъ ласкамъ? Нѣтъ. Рѣдкія минуты физической близости къ мужу она вспоминала съ холоднымъ отвращеніемъ. Она шла къ нему, исполняя тяжелый долгъ, и ему всегда бывало потомъ неловко передъ ней, и онъ робко уходилъ, прося извиненія, догадываясь о томъ, что его жена испытываетъ въ эти минуты.

— Пропадаетъ молодость, пропадаетъ красота, — шептала съ горечью Варвара Михайловна, глядя на свое отраженіе глазами, затуманившимися тоской. — За что же? За что?

Внезапно ее охватилъ стыдъ. «Господи! Что со мною дѣлается?—пронеслось у нея въ головѣ.—Неужели я такая гадкая, безнравственная? Неужели я развратна, и сама до сихъ поръ не знала себя? О, Господи, научи меня! Господи, поддержи меня!»

Она опустила на колѣни передъ маленькимъ образомъ, висѣвшимъ въ изголовьѣ ея кровати. Но губы ея машинально шептали привычныя слова, а мысли упрямо

бѣжали отъ молитвы. «Пропадаютъ мои молодость и красота,—печально думала Варвара Михайловна:—и никто, никто не насладится ими».

Окончивъ молитву, она потушила свѣчи и легла. Холодное прикосновеніе простынь и подушекъ сначала нѣсколько успокоило ее, но черезъ пять минутъ она уже металась по постели съ горящей головой, постоянно перевортывая подушки, чтобы найти холодное мѣстечко. Сладкія и грѣшныя мечты, которыя она гнала прочь отъ себя вечеромъ, теперь, въ тишинѣ и темнотѣ, овладѣвали ея воображеніемъ и распяляли его — тѣ фантастическія мечты, которыя хоть разъ въ жизни обуревали ночной порою каждаго смертнаго, которыя недоступны для признаній и которыя утромъ кажутся чудовищнымъ кошмаромъ. Теперь уже поведеніе Ржевскаго не возмущало, не оскорбляло чистоты Варвары Михайловны. Наоборотъ, она всѣми силами души жаждала теперь, чтобы этотъ опьяняющій вечеръ продолжался безъ конца. Она сожалѣла о томъ, что Ржевскій не былъ еще смѣлѣе, а она—еще уступчивѣе. Въ забытѣ, задыхаясь среди душной и пѣмой темноты, она охватывала руками подушку и тѣсно прижималась къ ней. Порою ей казалось, что она слышитъ въ комнатѣ странные, крадущіеся звуки и чье-то осторожное дыханіе; она прислушивалась, зажимая ротъ рукою, и убѣждалась, что то стучитъ въ ея груди сердце.

«Что, если онъ осмѣлится проникнуть ко мнѣ?—спрашивала она себя въ эти мгновенія. — Что можетъ помѣшать этому дерзкому и страстному человѣку? Ну, а что же, если онъ и войдетъ? Одна ночь въ жизни, одна только ночь, полная счастья... Развѣ за нее не стоить заплатить цѣною долгаго раскаянья, цѣною самоотверженія въ продолженіе всей остальной жизни?»

Молнія блистала все чаще и ярче, громъ рокоталъ глухо и непрерывно, точно приближающійся голодный

звѣрь, но дождь еще медлилъ, собираясь съ силами, прежде чѣмъ обрушиться на землю. Вдругъ Варвара Михайловна явственно услышала противъ своего окна въ саду, шагахъ въ десяти отъ дома, осторожное и нѣжное пѣніе:

Отчего же робкое признанье
Въ сердце такъ тебѣ запало глубоко?

Чуткимъ ухомъ она сразу узнала и слова и мотивъ и, быстро сѣвъ на кровати, прошептала, точно говоря кому-то на ухо:

— Онъ не знаетъ моего окна. Я отворю.

Но странная тяжесть такъ сковала всѣ ея члены, что она не шевельнулась и замерла, охвативъ колѣни руками.

Ты вздыхаешь, ты молчишь и плачешь...
Иль слова любви въ устахъ твоихъ нѣмѣютъ? —

продолжалъ напѣвать голосъ за окномъ едва слышно, но неотразимо-настойчиво.

— Я отворю, — опять прошептала Варвара Михайловна, глядя расширившимися глазами въ темноту и слыша горячее бѣненіе сердца.

Или ты меня жалѣешь? Не любишь?

Голосъ удалялся... «Онъ уйдетъ», — быстро подумала Варвара Михайловна и, поспѣшно перебѣжавъ босыми ногами отъ кровати къ окну, откинула штору и, стараясь не шумѣть, пріотворила ставни.

Страшный порывъ вѣтра вырвалъ ставни изъ ея дрожащихъ рукъ и съ ожесточеніемъ хлопнулъ ими объ стѣну. Въ то же время все небо мгновенно сдѣлалось ослѣпительно-синимъ, и на немъ рѣзко вырисовались черныя верхушки деревьевъ. Варвара Михайловна зажмурила глаза и, оглушенная раскатомъ грома, грянувшимъ вмѣстѣ съ молніей, отпрянула назадъ.

— Варвара Михайловна... Varbe!.. Ради Бога... Только два слова... — услышала она изъ сада взволнованный шопоть Ржевскаго.

Она — вся дрожащая, испуганная, съ пересохшимъ ртомъ, стояла нерѣшительно среди комнаты и не отвѣчала на этотъ призывъ.

— Прелестная, чудная!.. — умолялъ подъ самымъ окномъ осторожный шопоть.

«Ахъ, все равно! — рѣшила внезапно Варвара Михайловна, судорожно стиснувъ руками голову. — Это судьба».

Она сдѣлала два шага къ окну и вдругъ остановилась на мѣстѣ, объятая ужасомъ и стыдомъ.

— Мама! Мама! Мама! — услышала она изъ-за стѣны нетерпѣливые, призывающіе звуки дѣтскаго голоса. — Мама, я боюсь! Мама, гдѣ ты?

Она бросилась въ дѣтскую, сразу позабывъ и объ открытомъ окнѣ, и о стоявшемъ подъ нимъ Ржевскомъ, и о своихъ ночныхъ волненіяхъ. Въ дѣтской было темно, лампадка погасла, няня спала неслышнымъ старческимъ сномъ, а Аля заливалась слезами, призывая мать.

Варвара Михайловна наклонилась надъ кроватью Али, обхватила руками ея маленькое тѣльце, теплое и душистое, и съ горячей любовью крѣпко, какъ только могла, прижала къ себѣ.

— Чтò съ тобой, моя дочечка? Чтò, моя славная? — спрашивала она, осыпая поцѣлуями шею, руки и ноги ребенка.

— Мама, я боюсь... темно, страшно... Богъ на небѣ гремитъ... — жаловалась дѣвочка, разомъ стихая и тѣсно прижимаясь къ матери.

— Не бойся, не бойся, глупенькая. Я всегда съ тобою, моя дѣвочка, моя кошечка, моя звѣздочка. Хочешь, я сама съ тобой лягу? Хочешь? Ну вотъ такъ, видишь, какая ты умница...

Она долго говорила ей нѣжныя, простыя фразы. Дѣвочка перестала плакать и только изрѣдка нервно, прерывисто вздыхала. Наконецъ она успокоилась совсѣмъ и заснула, слушая ласковыя, баюкающія слова.

Варвара Михайловна долго еще называла заснувшую дочь нѣжными именами, между тѣмъ какъ изъ глазъ ея лились чистыя, радостныя слезы, — первыя слезы выздоровѣшаго отъ тяжелой болѣзни человѣка.

Гроза разразилась, и дождь освѣжилъ томящуюся землю.

Страшная минута прошла.

КАРТИНА.

I.

На вечерѣ у одного извѣстнаго литератора, послѣ ужина, между собравшимися гостями затѣялся неожиданны горячій споръ о томъ, бываетъ ли въ наше, скудное высокими чувствами, время настоящая, непоколебимая дружба? Всѣ единогласно высказались, что — нѣтъ, такой дружды не бываетъ, и что теперешняя дружба многихъ испытаній совѣмъ не можетъ выдержать. Въ опредѣленіи же причинъ, расторгающихъ дружбу, спорщики разошлись. Одинъ говорилъ, что дружбѣ мѣшаютъ деньги, другой — женщина, третій — сходство характеровъ, четвертый — бремя и заботы семейной жизни, и все въ такомъ родѣ.

Когда же спорщики, накричавшись вдоволь и ничего не выяснивъ, устали, тогда одинъ почтенный человѣкъ, до сихъ поръ въ пренія не вступавшій, сказалъ:

— Все, господа, сказанное вами, очень вѣско и замѣчательно. Однако я знаю въ жизни примѣръ, когда дружба прошла сквозь всѣ перечисленные препятствія и осталась неприкосновенною.

— И что же, — спросилъ хозяинъ: — эта дружба такъ до гроба и продолжалась?

— Нѣтъ, не до гроба. А тому, что она пресѣклась, была особая причина.

— Какая же? — спросилъ хозяинъ.

— Причина очень простая и въ то же время удивительная. Дружбу эту расторгнула святая Варвара.

Такъ какъ изъ гостей никто не понялъ, какъ это святая Варвара могла въ нашъ меркантильный вѣкъ разорвать дружбу, то всѣ просили Аѳанасія Силыча (такъ звали почтеннаго человѣка) объяснить свои загадочныя слова.

Аѳанасій Силычъ на это улыбуясь и отвѣтилъ:

— Тутъ загадочнаго ничего нѣтъ. Исторія эта простая и печальная, исторія страданій большого сердца. И если вамъ дѣйствительно угодно будетъ послушать, то я сейчасъ ее съ удовольствіемъ и разекажу.

Всѣ приготовились слушать; и Аѳанасій Силычъ началъ свой разеказъ:

II.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія была извѣстна богатствомъ, знатностью рода и большою гордостью фамилія князей Бѣлоконъ-Бѣлоноговыхъ. Но сама судьба эту фамилію осудила на вымираніе, такъ что теперь объ ней уже нѣтъ и помину. Послѣдній ея боковой отпрыскъ — не въ осужденіе говорю — кончилъ недавно свое земное поприще въ аржановскомъ домѣ (есть такой извѣстный ночлежный вертепъ въ Москвѣ) среди золоторотцевъ, пьяницъ и разбойниковъ. Но до него мой разеказъ не коснется, потому что предметомъ его будетъ князь Андрей Львовичъ, съ которымъ и прекратилась прямая лінія.

При жизни отца — а это было еще во время крѣпостной зависимости — князь Андрей служилъ въ гвардіи и считался однимъ изъ самыхъ блестящихъ офицеровъ. Деньгамъ счету не зналъ, танцоръ, красавецъ, женскій любимецъ, дуэлистъ, — ну, чего еще, кажется? Однако, когда папаша скончался, князь Андрей службу бросилъ, какъ его ни уговаривали остаться. «Я, говорить, съ вами

пропаду здѣсь, а мнѣ любопытно узнать все, что мнѣ отъ судьбы опредѣлено».

Странный онъ былъ человекъ; своеобразный и, такъ сказать, фантастическій. Лестно ему казалось: всякую свою мечту сейчасъ же и на дѣлѣ доказать. Какъ только схоронилъ онъ князя Льва Андреевича, такъ сейчасъ и закатился по границамъ. Удивительно, гдѣ его ни носило! Высылались ему деньги черезъ всякія агентства и банкирскіе дома, то въ Парижъ, то въ Калькутту, то въ Нью-Йоркъ, то въ Сидней. Это все, опять повторяю, мнѣ доподлинно извѣстно, такъ какъ мой отецъ былъ у него главнымъ управляющимъ надъ всѣми его двумястами тысячъ десятичь.

Черезъ четыре года воротился князь Андрей, исхудалый, бородицей обросъ, самъ отъ загара коричневымъ, — и узнать трудно. Какъ пріѣхалъ, да засѣлъ въ своей Пнищевской усадьбѣ, да надѣлъ халатъ, только его и видѣли. Заскучалъ.

А я въ то время къ князю очень сдѣлался вхожъ, потому что онъ меня полюбилъ за мой характеръ веселый, и все-таки я кое-какое образованіе получилъ, такъ что могъ ему собесѣдникомъ служить. Опять же я свободный человекъ былъ: отецъ меня еще при князѣ Львѣ Андреевичѣ откупилъ.

Всегда князь Андрей встрѣчалъ меня ласково и садиться велѣлъ. Даже сигарами потчевалъ. Сидѣть я при немъ скоро привыкъ, а къ сигарамъ никакъ притерпѣться не могъ — все у меня отъ нихъ въ родѣ морской болѣзни дѣлалось.

Любопытно мнѣ было всѣ эти вещи разсматривать, какія князь изъ путешествія съ собою привезъ. Шкуры тигровыя и львиныя, сабли кривыя, божковъ, чучела звѣрей разныхъ, дорогіе камни и матеріи. А князь, бывало, лежитъ на диванѣ своемъ огромномъ, курить и, хотъ

надъ моимъ любопытствомъ смѣется, однако все это сейчасъ же объяснить. А потомъ, какъ увлечется самъ да начнетъ свои приключенія рассказывать, такъ, повѣрите ли, у меня отъ восторга мураши по спинѣ бѣгали. Только онъ говоритъ-говоритъ, да вдругъ сморщится и замолкнетъ. Ну и я молчу. Тогда князь вдругъ и скажетъ:

— Скучно мнѣ, Аѳанасій. Ну вотъ я весь свѣтъ объѣхалъ, все видѣлъ, въ Мексикѣ лошадей дикихъ ловилъ, въ Индїи на тигровъ охотился, и тонулъ, и пескомъ меня засыпало — ну, а дальше что же? Нѣтъ, говоритъ, ничего на свѣтѣ новаго.

А я ему на это, знаете, по простотѣ отвѣчаю:

— Вамъ бы жениться, князь.

Онъ на это только засмѣется.

— Я бы, говоритъ, женился, когда бы нашелъ женщину такую, чтобы я ею дорожилъ и уважалъ бы ее. Я вотъ всѣхъ націй и сословій женщинъ видѣлъ, и все-таки я не уродъ, и не глупъ, и богатъ, такъ что онѣ мнѣ знаки своего вниманія очень оказывали, а такой женщины, какую мнѣ нужно, я не видѣлъ. Всѣ онѣ либо продажны, либо развратны, либо глупы, либо ужъ черезчуръ добродѣтельны, и съ ними одна тоска. А мнѣ все-таки скучно. Вотъ, другое дѣло, если бы у меня какой-нибудь талантъ или даръ былъ...

Я на это обыкновенно говорю:

— Да какого же вамъ еще, князь, таланта надобно? Слава Богу, изъ себя красавецъ, земли, сами говорите, больше, чѣмъ у иного нѣмецкаго принца, силищей этакой Богъ наградилъ. Я бы и никакого таланта не желалъ.

А князь усмѣхнется на это и скажетъ:

— Глупъ ты, Аѳанасій, и еще черезчуръ молодъ. Поживешь и, коли не исподличаешься, вспомнишь мои эти самыя слова.

III.

Впрочемъ, у князя Андрея былъ свой талантъ и, на мой взглядъ, даже очень большой, а именно — живописный, къ чему онъ еще въ дѣтствѣ оказывалъ склонности. Будучи за границей, князь почти съ годъ провель въ Римѣ, учился рисовать картины и даже, какъ онъ самъ рассказывалъ, одно время думалъ сдѣлаться настоящимъ художникомъ, но почему-то раздумалъ, или залѣнился. Сидя у себя въ Пнищахъ, онъ про свои занятія вспомнилъ и опять принялся рисовать красками. Нарисовалъ рѣку, мельницу, образъ святителя Николая для церкви, — очень хорошо нарисовалъ.

А кромѣ этого занятія было у князя еще одно развлечение — ходить на медвѣдя. Въ нашихъ мѣстахъ этого звѣря — страсть сколько. И ходилъ всегда по-мужицки, съ рогатиной и съ ножомъ, а съ собой бралъ только охотника Никиту Драпаго. «Драпымъ» его называли за то, что ему медвѣдь съ черепа кожу своротилъ, такъ онъ навѣки и остался.

Съ народомъ былъ простъ и привѣтливъ. Такъ простъ, что, если понадобится мужику лѣсу на избу, или лошадь пала, сейчасъ такъ прямо къ князю и идетъ, — знаетъ, что отказу не будетъ. Только рабства и лакейства не любилъ и, вотъ тоже; лжи никогда не прощалъ никому.

За что его еще крѣпостные обожали, такъ это за то, что озорства по части женской за нимъ не водилось, — извините за грубое слово. Дѣвки въ нашей сторонѣ на всю Россію красавицы, и другіе господа помѣщики цѣлые гаремы держали, такъ что и для себя и для гостей. А у насъ ни-ни. То-есть; конечно, безъ этого не обходилось, по человѣческой слабости, впрочемъ, тихо и скромно, на сторонѣ, и никому обиды не выходило изъ этого.

Однако, какъ ни былъ князь Андрей съ низшими простъ

и плѣнителенъ, а съ равными и съ начальствомъ былъ гордъ и дерзокъ, даже и безъ надобности. Особенно не любилъ чиновниковъ. Бывало, пріѣдетъ какой-нибудь по откупной части, или по полицейской, или по акцизной (а тогда дворяне еще службу для себя почитали, кромѣ военной, унижительной), пріѣдетъ да, какъ иногда чело-вѣкъ еще новый, и начнетъ пѣтушиться. «Почему то не такъ, да то не этакъ!» Управляющій ему вѣжливо докладываетъ, что, молъ, князево распоряженіе, и отмѣнять никакъ нельзя. Значить, понятно: получай свою положенную мзду и удаляйся. А тотъ все храбрится: «Да чтò мнѣ вашъ князь, я самъ здѣсь закона представитель!» И сейчасъ, чтобы его до самого князя вели. Отецъ, бывало, ужъ изъ жалости остерегаетъ: князь, дескать, у насъ на руку тяжеленекъ. Куда! И слушать не хочетъ. Ну, такимъ манеромъ, онъ и къ князю Андрею наскокомъ является. «Помилуйте, чтò это за беспорядки! Да гдѣ это видано? Да я, да мы!» Князь все молчитъ-молчитъ, да вдругъ какъ побагровѣетъ, да глазами сверкнетъ — страшный былъ во гнѣвѣ чело-вѣкъ. «На конюшню каналью!»—крикнетъ. Ну, сейчасъ, натурально, расправа. Въ то время многіе помѣщики это одобряли и почему-то все на конюшнѣ. По обычаю предковъ. А потомъ, черезъ дня два, отецъ тайно отъ князя ѣдетъ въ городъ и наказанному везетъ пакетикъ съ радужными. Я, бывало, ужъ осмѣляю да и скажу ему: «Князь, а вѣдь чиновникъ-то жаловаться будетъ, какъ бы вамъ въ отвѣтъ быть не пришлось». А онъ мнѣ на это: «Ну, такъ чтò же? Пусть съ меня взыскиваетъ Богъ и мой великій государь, а я за продерзость наказанъ обязанъ».

Да на что же лучше, помилуйте, вѣдь онъ разъ такую штуку губернатору отлилъ. Прибѣгаетъ къ князю Андрею однажды рабочій съ парома и докладываетъ, что на той сторонѣ рѣки губернаторъ. Князь и говорить:

— Ну, такъ что же изъ этого?

— Да онъ, говорить, паромъ требуетъ, ваше сіятельство.

Умный былъ мужикъ, зналъ князевъ характеръ.

— Какъ это онъ требуетъ паромъ?

— Исправникъ послалъ сказать, чтобы немедленно паромъ былъ.

Князь сейчасъ же распорядился:

— Не давать парома.

Такъ и не дали. Тогда губернаторъ догадался и присылаетъ записку, что, молъ, такъ и такъ, дорогой Андрей Львовичъ (а они были между собою троюродные кузены), окажи твою любезность, дай мнѣ паромъ. И подписалъ имя и фамилію. Ну, ужъ тутъ самъ князь его любезно на берегу встрѣтилъ и такой банкетъ ему задалъ, что цѣлую недѣлю губернаторъ выѣхать изъ Пнищей не могъ.

А дворянамъ, даже самымъ захудалымъ, князь въ случаѣ недоразумѣній не отказывалъ въ сатисфакціи. Однако его остерегались, потому что знали его характеръ неукротимый, и знали, что онъ въ восемнадцати дуэляхъ на своемъ вѣку участвовалъ. Дуэли же въ ту пору между дворянами были даже очень обыкновеннымъ дѣломъ.

IV.

Такъ и прожилъ князь Андрей въ Пнищевской усадьбѣ года два съ лишкомъ. А тутъ какъ разъ подошелъ царскій освободительный манифестъ, и начался среди господъ помѣщиковъ переполохъ. Многіе даже очень недовольны были, засѣли у себя въ глуши и принялись докладныя записки писать. Другіе, которые поскупѣе и подальновиднѣе, норовили какъ бы со своими выкупными свидѣтельствами да съ землей какую ни на есть выгоду соблюсти. А были и такіе, что въ ту пору очень опасались бунта

крестьянского и просили для ихняго огражденія у начальства хоть какихъ-нибудь мѣстныхъ инвалидовъ.

Князь Андрей, когда пришелъ манифестъ, собралъ своихъ мужиковъ и очень простыми словами, однако безъ искательства, имъ объяснилъ: «Вы, молъ, теперь свободны, такъ же, какъ и я. Это такъ и должно было случиться. А вы свободу свою во зло не обращайтесь, потому что начальство вамъ всегда можетъ заглянуть туда, откуда ноги растутъ. Да помните, что какъ былъ я вамъ раньше помощникомъ, такъ и теперь буду. А землю берите на выкупъ, какой сможете поднять».

И съ этими словами уѣхалъ внезапно въ Петербургъ.

А вамъ, господа, я думаю, хорошо извѣстно, что въ то время въ обѣихъ столицахъ дѣлалось. Сразу тогда у дворянъ очутились въ рукахъ цѣлые вороха деньжищъ, и пошла катавасія. На что ужъ удивляли всю Россію откупщики да концессионеры съ банкирами, однако передъ господами помѣщиками оказались они мальчишками и щенками. Ужасъ, что творилось! Иной разъ за однимъ ужиномъ цѣлыя состоянія пускались на вѣтеръ.

Вотъ такъ князь Андрей въ самый водоворотъ и попалъ и закрутился. Да еще вдобавокъ съ товарищами полковыми встрѣтился и потомъ ужъ никакого удержи знать не хотѣлъ. Однако прожужировалъ недолго, потому что вскорѣ не своей охотой долженъ былъ Петербургъ оставить. И все изъ-за лошадей.

V.

Ужиналъ онъ въ компаніи большой со своими офицерами въ самомъ, что ни на есть, модномъ ресторанѣ. Пили очень много и все больше шампанское. Только вдругъ зашла у нихъ рѣчь о лошадяхъ,—извѣстно, постоянный

разговоръ офицерскій,—у кого въ Петербургѣ лошади самыя рѣзвыя. Одинъ казакъ,— фамиліи его не помню, только знаю, что былъ онъ изъ кавказскихъ владѣтельныхъ князей,—этотъ казакъ и скажи въ ту пору, что рѣзвѣе всѣхъ пара вороныхъ жеребцовъ у...—и назваль чрезвычайно высокопоставленную особу.

— Это, говорить, не кони, а варвары. Съ ними одинъ только Илья и можетъ управиться, и никому тѣхъ злодѣевъ не обогнать.

А князь Андрей засмѣялся на это.

— Да я, говорить, ихъ на своихъ соловыхъ обгоню.

А казакъ говорить:

— Нѣтъ, не обгонишь.

— Анъ нѣтъ, обгоню.

— Не обгонишь.

— Обгоню.

— Ну, въ такомъ разѣ,— говорить казакъ:— мы съ тобой объ закладъ сейчасъ пойдемъ.

И пошли объ закладъ. Поставили условіе, что ежели князь Андрей осрамится, то онъ казаку пару соловыхъ отдаетъ, и къ нимъ сани и карету съ серебряной сбруей, а если князь Илью обгонитъ, то казакъ долженъ всѣ билеты въ театрѣ оперномъ купить, когда госпожи Барбы представленіе пойдетъ, и самому казаку чтобы забратъся на галерею и никого въ театръ не пускать. А въ то время госпожой Барбо весь бомондъ сильно плѣнялся.

Ну-съ, прекрасно. На другой день князь просыпается и велитъ лошадей соловыхъ закладывать. Коньки на видъ были неважные, такъ себѣ—степнячки косматенькіе, однако довольно прыткіе, а главное—угонистые и въ скачкѣ имѣли чрезвычайно долгій духъ.

Гуть уже товарищи видятъ, что дѣло не на шутку идетъ, стали князя отговаривать. «Брось ты это самое

пари, потому что какъ бы тебя не упекли за твою фантазію куда-нибудь». Однако князь ихъ не послушалъ и велѣлъ позвать кучера Вареоломея.

Кучеръ Вареоломей былъ человѣкъ мрачный и, такъ сказать, отвлеченный. Силищей его Господь наградилъ ни съ чѣмъ несоразмѣрной, такъ что онъ могъ тройку на всемъ скаку остановить. Ажъ лошади на заднія ноги падуть. Пилъ ужасно, разговаривать ни съ кѣмъ не любилъ, а князя своего, хоть и обожалъ всей душой, по былъ съ нимъ грубъ и заносчивъ, за что ипогда свою порцію березовой каши и получалъ. Призвалъ князь Вареоломея и говоритъ ему:

— Можешь ты, Вареоломей, нынче одну пару па нашихъ соловыхъ обогнать?

Вареоломей спрашиваетъ: какую?

Князь ему рассказалъ, какъ и что. Вареоломей затылокъ почесалъ.

— Знаю я, говоритъ, эту пару, да и Илья довольно мѣхъ хорошо извѣстенъ. Человѣкъ опасный. Однако, ежели вашему сіятельству угодно, обогнать можемъ. Только въ случаѣ соловые пропадутъ — не гнѣвайтесь.

Князь Андрей ему отвѣчаетъ:

— Хорошо. Сколько же тебѣ теперь надо водки въ твое горло влить?

Но Вареоломей отъ водки отказался.

— Меня, говоритъ, пьянаго лошади не уважаютъ.

Сѣли и поѣхали. Стали на концѣ Невскаго проспекта. Дожидаются. Заранѣе было извѣстно, что особа въ полдень должна была проѣхать. Такъ и случилось. Въ полдень показалась пара вороныхъ, Илья кучеромъ, и въ саняхъ — особа.

Только далъ имъ князь маленько отъѣхать и говоритъ:

— Валяй!

Пустиль Вареоломей соловыхъ. Какъ услышалъ Илья за собой топъ конскій — обернулся; обернулась и особа. Илья далъ конямъ вожжи, и Вареоломей тоже надбавилъ ходу. А хозяинъ тѣхъ вороныхъ былъ человѣкъ пламенный, безстрашный и до лошадей большой охотникъ. Онъ Ильѣ и говорить :

— Чтобы этотъ нахаль насъ обогнать не смѣлъ.

Что тутъ началось, я и сказать не умѣю. И кучера и кони точно сбѣсались : снѣгъ прямо тучей надъ ними. Сначала-то вороные какъ будто и обогнали, однако долго выдержать не могли, пристали. Князь Андрей около самаго вокзала впередъ выскочилъ, а особа ему этакъ гнѣвно пальцемъ погрозила.

А на другой день князя вызвалъ къ себѣ петербургскій губернаторъ, господинъ свѣтлѣйшій князь Суворовъ, и сказалъ ему такъ :

— Уѣзжайте-ка вы, князь, скорѣе изъ Петербурга. Если васъ не наказали примѣрно, то это потому только, что особа, которой вы вчера дерзость оказали, имѣетъ большое пристрастіе къ людямъ отчаяннымъ и смѣлымъ. И объ вашемъ пари ей также все извѣстно. Но ужъ больше въ Петербургъ ни ногой, и то благодарите Господа, что дешево отдѣлались :

Однако, господа, я о князѣ Андреѣ заболтался, а къ тому, что обѣщалъ доказать, еще и не приступалъ. Впрочемъ, скоро и конецъ моему повѣствованію. А главное, я хоть и разбросанно, но все-таки личность князя Андрея описалъ, какъ могъ.

VI.

Послѣ знаменитой своей скачки поѣхалъ князь въ Москву и тамъ продолжалъ вести петербургскую линію, только въ увеличенномъ размѣрѣ. Одно время только объ

его причудахъ и было по всему городу разговоръ. Вотъ тутъ-то и случилось съ нимъ то, надъ чѣмъ онъ въ Пнищахъ издѣвался. Стала на его пути женщина.

Да какая же, я вамъ доложу, женщина! Королева! Теперь и нѣтъ такихъ больше. Красоты самой удивительной... Была она прежде актрисой, потомъ вышла замужъ за купца-милліонера, а когда купецъ умеръ, то она ни за кого замужъ выйти не пожелала, говорила, что ей свобода дорога.

И чѣмъ она прельстила особенно князя, такъ это своею небрежностью. Никого она знать не хотѣла, ни богатыхъ ни знатныхъ, и своимъ большимъ деньгамъ никакого вниманія не оказывала. Какъ увидѣлъ ее князь Андрей, такъ сразу и влюбился. Привыкъ онъ къ тому, чтобы ему сразу на шею вѣшались, и потому женщинъ мало уважалъ. А тутъ вдругъ точно его и не замѣчаютъ. Весела, привѣтлива, букеты и подарки принимаетъ, а чуть онъ о чувствахъ — она сейчасъ же въ смѣхъ. Это князя и уязвило. Прямо даже до затменія разсудка.

Вотъ какъ-то разъ поѣхалъ князь съ Марьей Гавриловой — королеву-то звали Марьей Гавриловой — въ Яръ, слушать цыганъ, и съ ними — большая компанія, человекъ въ пятнадцать. Тогда вокругъ князя цѣлая толпа прихвостней вѣтшалась, такъ ее и звали Бѣлоноговскимъ штабомъ. Сидятъ они всѣ за столомъ, пьютъ вино, цыгане имъ поютъ и пляшутъ. Вдругъ Марья Гавриловна курить захотѣлось. Взяла она пахитоску — курили тогда изъ соломы вертушки такія — и ищетъ огня. Князь это увидѣлъ и моментально — хватъ билетъ банковый въ тысячу рублей, зажегъ объ свѣчу и подаетъ. Всѣ кругомъ такъ и ахнули, фараоны даже пѣть перестали, и глаза у нихъ отъ жадности блестятъ. Въ это время кто-то за сосѣднимъ столомъ не очень громко, однако довольно явственно сказалъ:

— Дуракъ!

Князь вскочилъ, точно его шиломъ кольнули. А за со-сѣднимъ столомъ сидитъ этакій маленькій, щедушный человекъ и на князя глядитъ прямо въ упоръ самымъ спокойнымъ образомъ. Князь сейчасъ къ нему:

— Какъ вы осмѣлились мнѣ сказать «дуракъ»? Кто вы такой?

Маленькій человекъ ему на это очень хладнокровно:

— Я, говоритъ, художникъ Розановъ. А дуракомъ назвалъ васъ потому, что на эти деньги, что вы сожгли изъ фанфаронства, можно было бы четырехъ больныхъ цѣлый годъ въ больницѣ содержать.

Всѣ сидятъ, ждутъ, что будетъ. Характеръ-то князя неудержимый хорошо былъ извѣстенъ. Или онъ этого маленькаго человека сейчасъ бить начнетъ, или на дуэль вызоветъ, или даже просто прикажетъ посѣчь.

И вдругъ князь, мало помолчавши, обращается къ художнику съ такими неожиданными словами:

— Вы, господинъ Розановъ, совершенно правы. Я дѣйствительно дуракомъ себя передъ хамами показалъ, и теперь, ежели вы мнѣ руки не протянете и отъ меня не возьмете сейчасъ пяти тысячъ для Маринской больницы, то этимъ мнѣ тяжкую нанесете обиду.

А Розановъ отвѣчаетъ:

— И деньги возьму и руку вамъ протяну съ одинаковымъ удовольствіемъ.

Въ это время Марья Гавриловна князю тихонько шепчетъ:

— Позовите художника къ намъ, а штабу своему велите убраться.

Князь учтиво обратился къ господину Розанову и попросилъ къ нимъ подѣсть, а потомъ повернулся къ штабу и сказалъ:

-- Чтобы я васъ здѣсь больше не видѣлъ.

VII.

И завязалась съ той поры между княземъ и Розановымъ тѣснѣйшая дружба. Другъ безъ друга дня провести не могутъ. Либо художникъ у князя, либо князь Андрей у художника. А Розановъ жилъ тогда на Третъей Мѣщанской, на четвертомъ этажѣ, занималъ двѣ комнаты: одна мастерская, другая спальная. Звалъ его все князь къ себѣ переѣхать, но художникъ отказывался. «Ты мнѣ, говорить, и такъ очень дорогъ, а кромѣ того я въ богатствѣ залѣнюсь и свое искусство позабуду». Такъ и не переѣхалъ.

Все имъ другъ въ другѣ интересно было. Начнетъ Розановъ говорить о живописи, о картинахъ разныхъ, о жизни великихъ художниковъ, — князь слушаетъ, слова не проронитъ. А потомъ князь примется про свои приключенія въ дикихъ странахъ рассказывать, — у художника и глаза заблестятъ.

— Постой, скажетъ, вотъ я скоро думаю одну большую картину написать. Тогда у меня хорошія деньги будутъ, и мы вмѣстѣ за границу поѣдемъ.

— Да зачѣмъ тебѣ деньги? — спросилъ князь. — Хочешь, завтра поѣдемъ? Все, что у меня есть, я съ тобой могу подѣлить.

Но художникъ стоялъ на своемъ.

— Нѣтъ, подожди, я картину напишу, а тогда уже и будемъ говорить.

Настоящая была между ними дружба. И даже удивительно: такое вліяніе Розановъ надъ княземъ имѣлъ, что удерживалъ его отъ многихъ горячихъ и необдуманныхъ поступковъ, къ которымъ князь по своей пылкой натурѣ былъ весьма склоненъ.

VIII.

Любовь князя къ Марьѣ Гавриловнѣ не только не уменьшалась, но даже еще болѣе распалаялась, только все ему не было успѣха. Онъ у нея сколько разъ руки и сердца на колѣняхъ просилъ, но она ему все одно отвѣчаетъ: «Что же я, говорить, сдѣлаю, если я васъ не люблю?»— «Ну, не любите,—говорить князь:—можетъ, потомъ слюбится, а безъ васъ я несчастный человѣкъ». А она ему на это отвѣчаетъ: «Мнѣ очень васъ жаль, но вашей бѣдѣ я помочь не могу». — «Да вы, можетъ-быть, кого-нибудь уже любите?»—«Можетъ-быть, и люблю». И сама смѣется.

Затосковалъ князь. Лежитъ у себя дома на диванѣ лицомъ къ стѣнѣ, хмурый, молчитъ, отъ ѣды его даже отбило. Въ домѣ всѣ на цыпочкахъ ходятъ... Въ одну изъ такихъ минутъ какъ-то пріѣзжаетъ Розановъ, тоже лица на немъ нѣтъ. Вошелъ въ князевъ кабинетъ, поздоровался и молчитъ. И оба молчатъ. Наконецъ художникъ съ духомъ собрался и говорить:

— Послушай, Андрей Львовичъ, мнѣ больно, что я тебѣ сейчасъ дружеской рукой ударъ нанесу.

Князь, лежа лицомъ къ стѣнкѣ, отзывается:

— Пожалуйста, безъ прелюдій, говори прямо.

Тогда художникъ прямо и объяснился:

— Теперь мнѣ Марья Гавриловна въ родѣ какъ жена.

Князь спрашиваетъ:

— Можетъ-быть, ты съ ума сошелъ?

— Нѣтъ, — говоритъ художникъ:— я съ ума не сошелъ. Марью Гавриловну я давно любилъ, но не смѣлъ ей своихъ чувствъ открыть. А сегодня утромъ она мнѣ сказала:— «Что намъ другъ отъ друга прятаться? Я давно вижу, что вы меня любите, и сама я также васъ люблю. Только замужъ за васъ не выйду, а будемъ такъ...»

Разсказалъ художникъ всю эту исторію, а князь ле-

жить, не шевелится и ни слова въ отвѣтъ. Розановъ посидѣлъ, поглядѣлъ, да и вышелъ тихонько изъ кабинета.

IX.

Однако черезъ недѣлю переломилъ себя князь Андрей, хотя ему это многого стоило, потому что онъ даже сѣдиной пошелъ. Приѣхалъ онъ къ Розанову и объявилъ ему:

— Я вижу, насильно милъ не будешь, а только я изъ-за бабы не хочу единственнаго друга терять.

Розановъ его обнялъ и заплакалъ. А Марья Гавриловна ему руку протянула (она тутъ же была) и говоритъ:

— Я васъ очень уважаю, Андрей Львовичъ, и тоже хочу быть вашимъ другомъ

Тогда князь совсѣмъ повеселѣлъ, и лицо у него сдѣлалось ясное.

— А вѣдь признайтесь, говоритъ, не назови меня Розановъ тогда въ Ярѣ дуракомъ, вы бы его не полюбили?!

Она только улыбается.

— Очень даже вѣроятно, говоритъ.

А черезъ недѣлю вотъ что случилось. Приѣхалъ къ нимъ князь Андрей скучный, разсѣянный. Говорилъ о томъ, о другомъ, а у самого какъ будто мысль какая-то въ головѣ гвоздемъ сидитъ. Художникъ, зная натуру князя, спрашиваетъ, что съ нимъ?

— Да такъ, пустяки, — говоритъ князь.

— Ну, а все-таки?

— Да, говорю, пустяки. Предпріятіе это, банкъ дурачкій, гдѣ мои деньги лежали...

— Ну?

— Лопнулъ. И теперь у меня всего имущества только то, что на мнѣ есть.

— Это, дѣйствительно пустяки, — сказалъ Розановъ

и сейчас же позвалъ Марью Гавриловну и приказалъ ей очистить верхъ дома для помѣщенія князя.

Х.

Такъ и поселился князь Андрей у Розанова. Цѣлый день лежитъ на диванѣ, читаетъ романы французскіе и ногти шлифуетъ. Но это ему скоро наскучило, и онъ однажды сказалъ Розанову:

— А ты знаешь, я вѣдь тоже рисовать-то учился.

Розановъ удивился.

— Не можетъ быть?

— Нѣтъ, учился. Я тебѣ даже и картины свои покажу.

Посмотрѣлъ Розановъ и говоритъ:

— У тебя очень большія способности, только ты дурацкую школу прошелъ.

Князь такъ и обрадовался.

— Ну, а что, спрашиваетъ, ежели я теперь заниматься буду, могу я что-нибудь путное написать?

— И даже очень можешь.

— А если я до сихъ поръ баклуши билъ?

— Это ничего не значить. Трудомъ одолѣешь.

— А голова моя сѣдая?

— Тоже ничего. Другіе позднѣй начинали. Если хочешь, я и самъ съ тобой займусь.

И начали вдвоемъ заниматься. Розановъ только удивляется, какой у князя развертывается громадный даръ къ живописи. А князь въ работу такъ и вѣлся, отходить не хочетъ, такъ что ужъ художникъ сплкомъ его отрывалъ.

Прошло мѣсяцевъ съ пять. Разъ приходитъ Розановъ къ князю Андрею и говоритъ ему:

— Ну, коллега, теперь ты созрѣлъ и уже понимаешь,

что такое рисунокъ и школа. Прежде ты былъ дикаремъ, а теперь у тебя и вкусъ тонкій вырабатывается. Пойдемъ со мною, я тебѣ покажу ту картину, о которой уже не разъ намекалъ. До сихъ поръ она для всѣхъ была тайной, а тебѣ я ее покажу, и ты мнѣ свое мнѣніе скажешь.

Повелъ онъ князя въ мастерскую, поставилъ его въ надлежащій уголъ зрѣнія и открылъ занавѣсъ, опущенный надъ картиной. А на картинѣ была изображена святая Варвара, омывающая прокаженному на ногѣ язвы.

Долго стоялъ князь передъ картиной, и лицо у него сдѣлалось мрачное, точно потемнѣло.

— Ну, какъ же ты находишь? — спрашиваетъ Розановъ.

А князь отвѣчаетъ со злобой:

— Такъ нахожу, что я теперь больше къ кистямъ никогда и притрогиваться не буду.

XI.

Картина художника Розанова была произведеніемъ высокаго вдохновенія и труда. Представляла она, какъ святая Варвара стоитъ на колѣняхъ передъ прокаженнымъ и омываетъ его ужасную ногу, а лицо у нея свѣтлое, радостное и красоты неземной. А прокаженный смотритъ на нее съ молитвеннымъ восторгомъ и неизъяснимою благодарностью. Удивительная была картина! Розановъ готовилъ ее для выставки, но объ ней заранѣе прокричали газеты и молва. Повалила въ мастерскую Розанова публика. Придутъ, взглянуть на святую Варвару да на прокаженнаго, да такъ и стоять по часу и болѣе. И тѣхъ, которые ничего въ искусствѣ не понимали, слеза прошибала. Одинъ англичанинъ былъ тогда въ Москвѣ, мистеръ Бродлей, такъ онъ съ перваго раза предложилъ

Розанову за картину пятнадцать тысячъ. Однако Розановъ не согласился.

А съ княземъ въ то время что-то странное приключилось. Ходить пасмурный, исхудалый, ни съ кѣмъ не говорить. Запивать началъ. Розановъ пробовалъ его разговаривать — отвѣчаетъ дерзостями. А когда публика изъ мастерской уходила, сядетъ князь Андрей передъ мольбертомъ со святой Варварой и сидитъ цѣлыми часами неподвижно, смотреть...

Такъ это продолжалось недѣли двѣ слишкомъ, а тамъ и случилось неожиданное и, поистинѣ скажу, ужасное дѣло.

Приходить однажды Розановъ домой и спрашиваетъ, дома ли князь Андрей Львовичъ. Слуга ему докладываетъ, что князь спозаранку ушелъ, а самому Розанову записку оставилъ.

Взялъ Розановъ записку и прочелъ. А въ запискѣ вотъ чтò стояло:

«Прости мой ужасный поступокъ. Я былъ въ безуміи и черезъ минуту уже раскаялся. Я уйду совсѣмъ, потому что у меня не хватаетъ силъ убить себя». И затѣмъ подпись:

Тогда Розановъ все понялъ. Кинулся онъ въ мастерскую и увидѣлъ, что его божественное произведеніе лежитъ на полу истерзанное, растоптанное, искрошенное ножомъ...

Тогда онъ заплакалъ и сказалъ:

— Мнѣ не жаль картины, а мнѣ жаль его. Зачѣмъ онъ мнѣ не сказалъ, чтò у него въ душѣ было. Я бы самъ тогда поскорѣе картину продалъ или подарилъ кому-нибудь.

А объ князѣ Андреѣ съ той поры нѣтъ ни слуху ни духу, и никому неизвѣстно, чтò онъ пережилъ послѣ своего безумнаго поступка.

М Я С О.

I.

Борисъ Полубояриновъ, студентъ-медикъ, проснулся, какъ и всегда, въ началѣ восьмого часа. На дворѣ было свѣтло, хотя солнце еще не всходило; замерзшіе на оконныхъ стеклахъ ледяные узоры — снѣжныя елочки, кладбищенскіе кресты и пальмы — окрасились въ розовый нѣжный цвѣтъ утренней зари. День обѣщаль быть морознымъ и яснымъ.

Борисъ вскочилъ съ постели и быстро, съ ощущеніемъ здоровой свѣжести и молодой силы во всемъ тѣлѣ, принялся за свой обычный туалетъ. Прежде всего — сильный холодный душъ, заставившій его затрепетать и громко расхохотаться, затѣмъ — полчаса упражненій съ гирями и каучукомъ, послѣ того — тщательное занятіе зубами и ногтями и въ концѣ концовъ — десять минутъ передъ зеркаломъ, посвященныя прическѣ, галстуку и молодымъ, чуть темнѣющимъ усикамъ.

Покончивъ съ туалетомъ, Борисъ позвонилъ. По давно заведенному обыкновенію, лакей принесъ ему четыре только-что сваренныхъ всмятку яйца, накрытыхъ салфеткой, холодное мясо, полбутылки англійскаго портера и чай. Борисъ, живо интересовавшійся гигиеной и читавшій по этому вопросу все, что выходило у насъ и за грани-

цей, уже цѣлый годъ велъ жизнь въ предѣлахъ строгаго и точнаго режима: аккуратность въ распредѣленіи времени, спортъ всѣхъ родовъ и видовъ, хорошее питаніе и отсутствіе излишествъ и волненій. По положенію и связямъ своихъ родителей Борисъ принадлежалъ къ замкнутому и весьма немногочисленному кружку N — скихъ студентовъ-аристократовъ. Этотъ кружокъ, взявшій за образецъ аристократическіе кружки Кембриджа и Оксфорда, ничего не имѣлъ общаго съ тѣми студентами, которые бѣлыми подкладками, исковерканнымъ, разслабленнымъ произношеніемъ, скандалами, лихачами и лжепатріотическими громкими чувствами приобрѣли себѣ такую некрасивую репутацію. Кружокъ Бориса требовалъ отъ членовъ прежде всего полной корректности и умѣнія держать себя съ той изящной и безукоризненной простотой, которая служитъ лучшимъ доказательствомъ воспитанія и хорошаго тона. Князь Бѣлый-Погорѣльскій, высочайшій типъ истаго джентльмена, первый показывалъ въ этомъ отношеніи товарищамъ недостижимые примѣры порядочности. Онъ пользовался уваженіемъ всего кружка, къ нему обращались, какъ къ третейскому судѣ въ щекотливыхъ случаяхъ, его выбирали делегатомъ во всѣхъ рискованныхъ исторіяхъ, гдѣ надо было пустить въ ходъ громкое имя и связи. Тѣмъ не менѣе Prince Pogorelsky всегда оставался на значительномъ разстояніи отъ обыкновенныхъ смертныхъ. Борисъ втайнѣ обожалъ князя и тщательно копировалъ и покрой его сюртуковъ и его плѣнительную простоту въ обращеніи; отъ него же онъ перенялъ себялюбивую страсть къ гигиенѣ тѣла и къ физическимъ упражненіямъ. Но до высоты своего образца — онъ это чувствовалъ — Борисъ никогда не смогъ бы подняться. Князь Бѣлый-Погорѣльскій изумительно-хорошо владѣлъ рапирой, плавалъ, какъ профессиональ, гребъ, какъ матросъ, считалъ за собою два вело-

сипедныхъ рекорда, «выбрасываль» двумя руками пятипудовую желѣзную штангу, говорилъ по-французски, какъ парижанинъ, и ходилъ пѣшкомъ безъ усталы, несмотря на то, что отецъ недавно подарилъ ему пару отличныхъ вороныхъ рысаковъ. Къ князю Погорѣльскому никто изъ малознакомыхъ не посмѣлъ бы подойти, взять его за талію и фамиллярно сказать: «Escoutez, cher ami», какъ это сдѣлалъ недавно въ курилкѣ по отношенію къ Борису Телѣгинъ — фатишка и скандалистъ изъ купеческихъ сынковъ. Но во всякомъ случаѣ Борису льстило, что онъ такъ радушно принятъ въ кружкѣ князя Бѣлаго.

Окончивъ завтракъ, Борисъ посмотрѣлъ въ свой календарь, гдѣ противъ каждаго дня на бѣломъ листкѣ онъ самъ вписывалъ заранѣе, что въ этотъ день надо предпринять. Сегодня день былъ не особенно занятъ: «Анатомическій театръ непремѣнно», «Лекція Т.», «Вечеромъ у В. К.». Первая отмѣтка заставила Полубояринова брезгливо сморщить носъ: посѣщеніе анатомическаго театра онъ давно уже откладывалъ со дня на день изъ какой-то странной нерѣшительности, такъ что въ концѣ концовъ получилъ даже замѣчаніе отъ профессора. Зато послѣднее — «вечеръ у В. К.» — вызвало на губахъ Бориса довольную улыбку. Подъ этими инициалами подразумевалась жена одного изъ пріятелей его отца. Борисъ недавно, всего мѣсяца два тому назадъ, сошелся съ нею. Третьяго-дня онъ узналъ, что мужъ ея сегодня долженъ отправиться въ командировку, и такимъ образомъ цѣлыхъ двое сутокъ были въ распоряженіи Бориса.

II.

Утро было ясное, сверкающее. Снѣгъ, падавшій ночью и еще не изборожденный полозьями, лежалъ ровными пеленами, розовыми на солнцѣ, синеватыми въ тѣни.

Въ воздухѣ стоялъ прозрачный морозный блескъ, захватывавшій при дыханіи горло.

Борисъ шелъ по направленію къ анатомическому театру большими гимнастическими шагами, засунувъ руки въ карманы лѣтнаго пальто (обыкновеніе носить зимою лѣтнее пальто онъ перенялъ у князя Бѣлаго, который въ этомъ случаѣ тоже подражалъ гвардейскимъ офицерамъ). Его радовало и ясное утро, и чувство бодрости и здоровья во всѣхъ членахъ, и веселое, звонкое поскрипываніе снѣга подъ ногами. Въ иныхъ мѣстахъ упругій снѣгъ такъ плотно слежался, что звенѣлъ подъ каблучкомъ точно чугунная плита. Порою Бориса обгоняли извозчичьи сани, визжа полозьями, но онъ не хотѣлъ садиться, — на ходьбу Борисъ смотрѣлъ, какъ на физическое упражненіе.

Но по мѣрѣ приближенія къ анатомическому театру Борисъ почувствовалъ, что его мысли принимаютъ непріятный оттѣнокъ. Конечно, пойти необходимо, нечего и говорить. И профессоръ на-дняхъ сказалъ, что, кажется, г. Полубояриновъ не посѣщаетъ анатомическаго театра, и товарищи нѣсколько разъ спрашивали, отчего онъ не приходитъ? Могутъ подумать, что изъ трусости. Но эта пачкотня ужасно противна. Потомъ, навѣрное, цѣлый день будетъ казаться, что руки пахнутъ. И наконецъ Борисъ питаетъ рѣшительное отвращеніе къ покойникамъ. Тутъ не трусость, — это, конечно, было бы смѣшно, — нѣтъ, а просто чувство здороваго, сильнаго человѣка при видѣ смерти и разрушенія. Не будь желанія отца, Борисъ непременно выбралъ бы другой факультетъ, тѣмъ болѣе, что «наши» почти всѣ на юридическомъ, кромѣ этого психопата Мельникова, помѣшавшагося на математикѣ, и двухъ филологовъ, которые готовятся куда-то въ китайскіе посланники. Отецъ держится того мнѣнія, что медицинскій факультетъ одинъ только можетъ приучить къ по-

стоянному и упорному труду. Странное мнѣніе. Положимъ, ему простиительно такъ думать, потому что онъ самъ — медицинское свѣтило.

Вдали показалось громадное сѣрое зданіе анатомическаго театра. По дорогѣ начали Борису попадаться студенты. Они шли туда же кучками по три, по четыре человѣка, съ книгами подъ мышками. Съ нѣкоторыми Борисъ былъ знакомъ и издали раскланялся. Одинъ изъ студентовъ, Затонскій, трудолюбивый и скромный молодой человѣкъ, отдѣлился отъ своихъ товарищей и догналъ Бориса.

— Здравствуйте, Полубояриновъ, — сказалъ Затонскій, задыхаясь отъ быстрой ходьбы. — Вы знаете, что мы съ вами въ одной партіи?

— Да, благодарю васъ, — Борисъ пожалъ ему руку и, видя, что Затонскій хочетъ уйти, задержалъ его и добавилъ: — Пожалуйста, пойдѣте вмѣстѣ. Вы знаете, я вѣдь въ первый разъ, такъ не согласитесь ли вы быть моимъ Вергиліемъ?

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ Затонскій, широко улыбаясь. — Мнѣ самому въ первый-то разъ жутко было. Но Борисъ не хотѣлъ признаться въ своей нерѣшительности.

— Мнѣ не то, чтобы жутко, — сказалъ онъ: — а просто я не знаю, куда тамъ нужно итти, что дѣлать, какъ держать инструментъ.

— Э, пустяки! Вамъ и рѣзать-то ничего не придется. Такъ, сначала только посмотрите, пока не привыкнете.

III.

Они вмѣстѣ вошли въ шинельную и раздѣлись. Борису казалось, что онъ уже отсюда слышитъ тяжелый, гнилой запахъ. Онъ вздрогнулъ отъ какого-то ощуще-

нія, похожаго на холодъ, и — странно — послѣ этого уже никакъ не могъ согрѣться и все дрожалъ мелкой нервной дрожью.

— Что вы такой блѣдный, молубояриновъ? — окликнулъ его студентъ, товарищъ Бориса по гимназіи. — Не выспались?

Въ шинельной было тѣсно и шумно. Одни приходили, другіе уходили; дверь поминутно открывалась и закрывалась, впуская каждый разъ рѣзкую холодную струю воздуха. Между молодыми, свѣжими, словно дѣвическими лицами мелькали серьезные, бородачья фізіономіи студентовъ послѣдняго курса. Эти пользовались правомъ носить штатское платье, и молодежь относилась къ нимъ съ оттѣнкомъ нѣкотораго почтенія.

Полубояриновъ и Затонскій изъ шинельной прошли въ длинную анатомическую залу, освѣщенную съ обѣихъ сторонъ высокими окнами; цѣлый потокъ яркаго свѣта лился сверху изъ громаднаго стекляннаго купола. Вдоль обѣихъ стѣнъ и посрединѣ, саженьяхъ въ двухъ одинъ отъ другого, стояли три длинныхъ ряда высокихъ столовъ, сверху обитыхъ цинкомъ. Затонскій, въ качествѣ опытнаго человѣка, давалъ поясненія.

— Видите, по діагоналямъ желобки? — говорилъ онъ, указывая на поверхность одного незанятаго столика. — Это — для стока всякихъ жидкостей. А посрединѣ отверстіе и трубка, проведенная внутрь стола. Вотъ поглядите. — Затонскій выдвинулъ сбоку стола ящикъ, обитый изнутри металломъ. — Въ этотъ ящикъ все и стекаетъ. Цинковые столы — самыя лучшіе. Мраморные, пожалуй, и чище, но зато скользятъ: руку упереть негдѣ. А всего хуже работать на деревянныхъ — тѣ прямо насквозь пронитываются.

Они шли дальше. Запахъ становился все гуще, тяжелѣе и невыносимѣе. Борису казалось, что онъ весь про-

питывается этимъ ужаснымъ запахомъ; голова его слегка кружилась отъ непривычки. Вокругъ одного стола столпились кучкой студенты, и въ просвѣтахъ между ихъ черными сюртуками Борисъ съ содроганіемъ замѣчалъ желтое оголенное тѣло. Онъ подошелъ ближе. На столѣ, лицомъ внизъ, весь голый и—что показалось всего ужаснѣе Борису—безъ подстилки («точно вещь какая»,—подумалъ онъ) лежалъ плотный мужчина съ синей шеей и приподнятыми плечами. Борису особенно бросились въ глаза руки трупа, съ грязными отежшими пальцами, изъ которыхъ большіе были загнуты внутрь, къ ладони. Одинъ изъ студентовъ, въ передникѣ, ловкими движеніями подрѣзывалъ кожу на спинѣ. Отъ разрѣзаннаго свѣжаго трупа пахло сырой говядиной, какъ изъ двери мясной лавки.

Оглянувшись кругомъ, Полубояриновъ замѣтилъ, что почти всѣ столы заняты. Вокругъ двухъ столовъ студентовъ не было—и трупы лежали совсѣмъ на виду, неподвижные, вытянутые, желтые, съ высоко поднятыми грудными клѣтками. И Борисъ съ невольной жадностью и съ выраженіемъ брезгливаго ужаса на лицѣ приковывался глазами къ трупамъ, мимо которыхъ они съ Затонскимъ проходили. И опять его чуткое, повышенное обоняніе различало новый оттѣнокъ запаха: отъ давнишнихъ труповъ, политыхъ дезинфицирующими жидкостями, пахло жаренымъ мясомъ—тѣмъ самымъ запахомъ, который до обѣда дразнить аппетитъ, а послѣ обѣда такъ противенъ.

Голова его кружилась сильнѣй и сильнѣй. Его всего болѣе ужасала своей простотой та мысль, что вотъ эти люди, которые ходили, думали, говорили, надѣялись, любили, точно такъ же, какъ и онъ ходитъ, любить и думаетъ, вдругъ, въ какія-нибудь двѣ-три минуты, въ силу какого-то непостижимаго, но, вѣроятно, очень простаго закона, они стали тѣмъ, чѣмъ они теперь есть: холод-

ными, отвратительными, гніющими предметами. Борисъ, благодаря своему тепличному воспитанію, въ первый разъ столкнулся такъ близко и такъ жестоко съ ужаснымъ лицомъ смерти и съ мыслью о ея неизбѣжности. Конечно, онъ давно зналъ, что люди умираютъ, но зналъ это какъ-то неувѣренно, поверхностно, теоретически, и теперь его привело въ трепетъ то новое для него сознаніе, что и его тѣло, сильное и здоровое, когда-нибудь станетъ такимъ же холоднымъ, страшнымъ предметомъ, какъ и тѣ, что лежатъ на цинковыхъ столахъ. Когда прежде онъ видѣлъ мертвеца при сіяніи свѣтъ, въ кадилльномъ дымѣ, въ парчевомъ гробу, — тогда ужасъ смерти смягчался торжественностью обряда и той надеждой на будущую жизнь, которую обѣщали слова печальныхъ молитвъ. Теперь же Бориса въ первый разъ охватило мгновенно страшное значеніе смерти...

IV.

— А вотъ наша партія. Что вы такъ задумались, Полу-бояриновъ? — сказалъ Затонскій.

Они подошли къ четверемъ стоящимъ въ концѣ залы студентамъ и поздоровались. Кто-то опять замѣтилъ Полу-бояринову про его блѣдность.

— Ну, теперь всѣ въ сборѣ, можно и за трупомъ итти, — сказалъ высокій и плечистый студентъ Дорошенко, занявшій какъ-то неволью въ партіи роль руководителя. — Айда, братцы, въ трупарню. У насъ 105-й номеръ. Помните?

Всѣ тронулись за нимъ слѣдомъ.

— Что это за 105-й номеръ? — спросилъ Борисъ у своего путеводителя.

— Это номеръ трупа. Ихъ всѣхъ здѣсь по номерамъ расписываютъ. Увидите сами. Хорошо, если еще свѣ-

жій трупъ попадется, а то иной разъ... просто мочи нѣтъ...

У дверей трупарни студентовъ встрѣтилъ Захарычъ, старый севастопольскій унтеръ, сѣдой, пьяный и небритый, но съ николаевской выправкой.

— Какой номеръ?

— 105-й, — отвѣтилъ за всѣхъ Дорошенко.

Захарычъ отворилъ дверь и впустилъ партію. Тяжелый, жирный запахъ на нѣсколько секундъ заставилъ Бориса закрыть лицо руками. Вся комната сплошь была, точно дровами, завалена трупами, и тутъ дѣйствительно Борисъ увидѣлъ, что у каждаго трупа на ногѣ была проставлена грубыми чернильными мазками цифра. Въ углу въ безпорядкѣ валялась куча грязнаго, частью кроваваго тряпья. Все это были одежды, въ которыхъ привезли покойниковъ.

Захарычъ, вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, глуповатымъ, вѣчно улыбающимся гигантомъ, положили 105-й номеръ на носилки и подняли. Борисъ видѣлъ, какъ заколыхалась стриженная голова и заколыхались опустившіяся съ носилокъ блѣдныя руки. Но когда несущимъ пришлось около двери сдѣлать поворотъ, то въ кучкѣ студентовъ произошла давка. Кто-то нечаянно толкнулъ Бориса впередъ, и онъ не успѣлъ отстраниться, какъ одна изъ болтающихся холодныхъ каменныхъ рукъ задѣла его по лицу. Борисъ дико вскрикнулъ, затрясся и упалъ безъ чувствъ.

V.

Переодѣвшись дома съ ногъ до головы и надушившись крѣпкой эссенціей модныхъ духовъ, чтобы заглушить преслѣдовавшій его трупный запахъ, Борисъ махнулъ рукой на лекцію и отправился въ «гимнастическое обще-

ство», гдѣ въ эту пору собирався спортсменскій кружокъ князя Бѣлаго-Погорѣльскаго. Его инстинктивно тянуло туда, гдѣ было больше шума и движенія.

Зала, когда въ нее вошелъ Борисъ, была полна. Посрединѣ пять или шесть паръ гимнастовъ въ проводочныхъ маскахъ, въ замшевыхъ пагрудникахъ, съ уродливыми перчатками на рукахъ, фехтовали, громко топая ногами при выпадахъ. Нѣсколько человекъ въ трико работали на трапеціяхъ и турникахъ. Пахло здоровымъ потомъ и деревомъ пола, только-что сбрызнутого водой.

Борисъ прямо прошелъ въ тотъ конецъ залы, гдѣ около пирамиды съ тяжестями собралась густая кучка зрителей, тѣсно обступившая трехъ молодыхъ людей въ трико съ голыми мускулистыми руками и шеями.

— А! Борисъ Ильичъ! Боренька! — послышались навстрѣчу Полубояринову дружескія привѣтствія. — Идите, идите сюда скорѣй! У насъ здѣсь интересное состязаніе.

Борисъ подошелъ ближе и поздоровался съ знакомыми. Состязались: князь Бѣлый, извѣстный мѣстный силачъ податной инспекторъ Шахтинъ и профессиональный геркулесъ изъ цирка — Францъ Ризенкампфъ. Ризенкампфъ внушалъ кружку серьезное опасеніе своими чугунными мышцами, вокругъ которыхъ чуть не лопалась обтягивавшая ихъ кожа.

Состязаніе началось съ пяти пудовъ. Каждый изъ трехъ бралъ, ладонями внутрь, длинную желѣзную штангу съ большими шарами на концахъ, взбрасывалъ ее на грудь, а съ груди толчкомъ всего тѣла выкидывалъ кверху. Послѣ каждаго тура въ шары всыпали горсть или двѣ картечи. Князь отсталъ на $5\frac{1}{2}$ пудахъ. Ризенкампфъ, весь мокрый отъ усилій, еле справлялся со своей тяжестью, пыхтя и багровѣя. Шахтинъ работалъ удивительно чисто и только все болѣе и болѣе блѣднѣлъ, — онъ, какъ и всѣ почти силачи, злоупотребляющіе гириями, страдалъ

порокомъ сердца. Видно было, что побѣда останется за Шахтинымъ.

Но Борисъ на этотъ разъ вяло слѣдилъ за состязаніемъ. Мысли его упорно и однообразно возвращались къ утреннимъ впечатлѣніямъ. Онъ глядѣлъ остановившимися глазами, какъ шарами перекатывались упругія мышцы Ризенкампа подъ тонкой глянцовитой кожей, и думалъ о томъ, какъ въ этой массѣ, состоящей изъ мяса и костей, когда-нибудь угаснетъ жизнь, точно пламя свѣчи отъ дуновенія, провалятся эти маленькіе, голубые, нѣмецкіе глаза, разлѣзутся и сгніютъ страшные мускулы. И для чего стараться устраивать свою жизнь, для чего хлопотать, наслаждаться, огорчаться, если въ концѣ концовъ единственная цѣль жизни, это—сдѣлать изъ человѣка разлагающуюся мертвую матерію? О, какъ это бессмысленно! И красавецъ Погорѣльскій, и блѣдный силачъ Шахтинъ, и Затонскій—всѣ, всѣ, и—что всего ужаснѣе и несправедливѣе—и онъ самъ, Борисъ, когда-нибудь станетъ такимъ же, какъ этотъ 105 номеръ. Какая же цѣль жизни послѣ этого?

Къ Борису подошелъ художникъ Ивичъ, постоянно съ нимъ фехтовавшій, и, взявъ его подъ руку, спросилъ, будетъ ли онъ сегодня драться. Борисъ задержалъ руку Ивича и пошелъ съ нимъ вдоль залы. Ивичъ всегда очень нравился ему какой-то особенной мягкостью, почти нѣжностью, придававшей его лицу, улыбкѣ и голосу чарующее выраженіе, и Борису вдругъ неудержимо захотѣлось рассказать художнику все, что его въ этотъ день волновало. Рассказъ Бориса былъ нестроенъ, мѣстами неясенъ. Онъ очень спѣшилъ и мучился тѣмъ, что не можетъ найти достаточно сильныхъ и точныхъ выраженій для своихъ мыслей, но тѣмъ не менѣе Ивичъ, слушавшій чрезвычайно внимательно, сразу понялъ то главное, что хотѣлъ выразить Борисъ.

— Это впечатлѣніе и мнѣ знакомо, — сказалъ онъ,

ласково улыбаясь. — Однажды, когда я еще былъ въ Москвѣ, при мнѣ какой-то господинъ бросился въ полководѣ съ Чугуннаго моста. Народу на мосту — цѣлая пронасть, и всѣ кричали, охали, подавали совѣты, однако помочь никто не рѣшался. А господинъ этотъ то нырнетъ, то опять покажется, и все руками машетъ, судорожно такъ, видно, ужъ самъ не радъ, что бросился. Ну, пока мѣсть тамъ лодки отвязывали да круги спасательные, онъ послѣдній разъ выплылъ, крикнулъ что-то, — разобрать нельзя было, — пошелъ внизъ точно камень, и только надъ нимъ — буль-буль-буль, пузыри запрыгали. Я тогда еще совѣтъ молодъ былъ, и меня вдругъ точно обухомъ по головѣ хватило: — неужели такая простая штука — человѣческая жизнь? Нѣсколько пузырей — и все кончено, всѣ ощущенія, мысли, чувства! И, помню, меня тогда страшно удивило, что я до тѣхъ поръ какъ будто бы не зналъ, что люди умираютъ, а въ тотъ день вдругъ узналъ и повѣрилъ. Я, знаете, даже думаю, что это ощущеніе долженъ испытать каждый человекъ въ періодъ возмужанія.

— Да, вы это очень хорошо выразили! — промолвилъ задумчиво Борисъ.

— А вамъ, — разсмѣялся художникъ и пожалъ руку Борису: — вамъ я совѣтую теперь какъ можно меньше оставаться наединѣ съ самимъ собой. Отправляйтесь-ка вы въ театръ или куда-нибудь на вечеръ, да поухаживайте за женщинами, да вина хорошаго выпейте. Такъ-то и ладно будетъ.

Борисъ посмотрѣлъ на часы. Уже пора было ѣхать къ Валеріи Карловнѣ, но, противъ обыкновенія, онъ не ощущалъ при этой мысли того сладкаго, истомнаго сердцебіенія, которое онъ всегда испытывалъ, отправляясь въ условленный часъ на свиданіе. Валерія Карловна была его первой настоящей связью.

VI.

— Дома барыня?—спросилъ Полубояриновъ отвори-
вшую на его звонокъ горничную Стасю.

Онъ всегда задавалъ этотъ вопросъ для соблюденія
приличія, такъ какъ отлично видѣлъ по лукавому, хо-
рошенькому личику Стаси, что она посвящена во всѣ
тайны своей госпожи.

— Баринъ уѣхалъ, а Валерія Карловна у себя. По-
жалуйте!

Борисъ былъ сравнительно очень недавно знакомъ съ
Валеріей Карловной. Его представили ей на маленькомъ
вечерѣ у Челищевыхъ мѣсяца два съ половиною тому
назадъ. Ему сразу очень понравилась эта темная ша-
тепка съ копчащими движеніями, вся въ завиткахъ, —
завитки у нея были и на лбу, и на вискахъ, и на бѣлой
прекрасной шеѣ, — съ ртомъ упоительно яркимъ. Если
бы онъ былъ тогда наблюдательнѣе и опытнѣе, онъ за-
мѣтилъ бы, что и онъ ей нравится, — по крайней мѣрѣ
Челищевы въ тотъ же вечеръ пригласили его посѣщать
ихъ домъ. Ему теперь смѣшно было вспомнить, какъ долго
онъ оставался въ наивномъ невѣдѣніи. Она первая взяла
на себя починокъ и анонимнымъ письмомъ назначила ему
свиданіе въ маскарадѣ. Онъ влюбился въ нее такъ слѣпо
и безразсудно, какъ только можетъ влюбиться подростокъ
въ замужнюю женщину, влюбился до такой степени, что
ревновалъ ее даже къ мужу, плѣшивому добродушному
генералу, державшему гдѣ-то на сторонѣ веселую дѣвицу.
Все въ ней ему казалось мило: и едва уловимый польскій
акцентъ въ разговорѣ, и нѣкоторая вульгарность въ интим-
ныя минуты, и легкомысленные, насмѣшливые взгляды
на семью, замужество и обязанности женщины. Кромѣ
того, его мужскому самолюбію чрезвычайно льстила эта
связь съ дамой изъ свѣта, и онъ иногда позволялъ себѣ

въ тѣсномъ товарищескомъ кругу, развалившись въ креслѣ, дымя папиросой и положивъ самымъ невозможнымъ образомъ ногу на ногу, рассказывать нѣкоторыя пикантныя подробности своихъ свиданій, рассказывать тономъ стараго, искусившагося мужчины, не называя, впрочемъ, имени.

Валерія Карловна встрѣтила его въ полутемномъ коридорѣ. На ней былъ атласный черный капотъ съ широкими рукавами, разрѣзанными отъ кисти до плеча.

— Милый, милый! — залепетала она, обвивая его шею голыми руками и прижимаясь къ нему. — Ты у меня сегодня до утра? Да? Правда? И завтра тоже, слышишь, непременно, непременно! Онъ на цѣлыхъ два дня уѣхалъ. Дай мнѣ твою шапку.

Она повела его въ свой будуаръ, идя впередъ и держа обѣими руками его руку, точно боясь, что онъ хочетъ уйти. О, какъ хорошо былъ знакомъ Борису этотъ будуаръ — «спальня баядерки», какъ онъ называлъ его мысленно, весь въ цвѣтахъ, установленный турецкими диванами, на которыхъ удобнѣе было лежать, чѣмъ сидѣть, съ китайскими зонтами вмѣсто абажуровъ надъ лампами, весь пропитанный яркимъ запахомъ розы. Сколько разъ, уходя отсюда раннимъ утромъ и ложась дома спать, Борисъ съ наслажденіемъ чувствовалъ отъ своихъ рукъ и лица этотъ тонкій запахъ цвѣтовъ, смѣшанный съ запахомъ пудры и свѣжаго женскаго тѣла.

VII.

Борисъ сѣлъ, а Валерія Карловна принялась болтать, смѣясь и сопровождая разговоръ жестами и мимикой.

— Ты думаешь, мой генералъ такъ прямо взялъ и уѣхалъ? О, нѣтъ. Онъ мнѣ прежде прочелъ родительское внушеніе: «Дитя мое (и она начала копировать гене-

рала), веди себя хорошо, не кушай много фруктовъ, ты знаешь, какъ тебѣ это вредно. Если будешь выходить, закутывайся лучше». И потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, заговорилъ дѣтскимъ голосомъ: «Дусецка, будешь умница, я тебѣ конфетку пливезу». Ахъ, я болтаю, ты, можетъ-быть, кушать хочешь? — перебила она свою болтовню: — я нарочно велѣла твоихъ любимыхъ рябчиковъ достать.

Въ столовой она сняла крышку съ одного изъ блюдъ, стоящихъ на столикѣ, накрытомъ на два прибора. Запахъ жареной птицы заставилъ Бориса вздрогнуть отъ отвращенія.

— Ахъ, ради Бога, не надо! Закрой! Закрой скорѣе! — сказалъ онъ, морщась и махая руками. — Будь добра, налей лучше мнѣ вина.

Она исполнила его просьбу, потомъ, шумя капотомъ и шелковой юбкой, опустилась передъ нимъ на колѣни и, взявъ его руки въ свои, опять принялась щекотать:

— У меня нынче была Софи Ренталь, и, вообрази, мы говорили о тебѣ. Она тебя находитъ недурнымъ. Какая дерзость! А я только улыбулась, конечно, незамѣтно для нея, и говорю: «Удивляюсь, что вамъ можетъ въ немъ нравиться! Такъ себѣ, мальчикъ бѣлобрысый, да и не мужчина еще». Ты, конечно, знаешь, милый, я ей это нарочно сказала. Ты лучше всѣхъ въ мірѣ. Ты мой милый, милый, милый, милый...

И, повторяя это слово и смѣясь, она съ каждымъ разомъ цѣловала поочередно его руки. Онъ нагнулся, чтобы поднять ее. Она, какъ будто бы этого и ждала, вскочила къ нему на колѣни и жадно прильнула своимъ прекраснымъ ртомъ къ его губамъ.

Борисомъ внезапно овладѣло брезгливое чувство. Запахъ дичи и оцущеніе голыхъ рукъ на щекахъ вдругъ

съ ужасной силой перенесли его въ анатомическій театръ, и онъ съ поразительной ясностью вспомнилъ болтавшуюся мертвую руку, задѣвшую его по лицу. Одно мгновеніе ему даже показалось, что онъ галлюцинируетъ, и ему сдѣлалось тошно.

— Извини, Валя, — сказалъ Борисъ, вставая и осторожно освобождаясь изъ ея объятий:—я сегодня страшно разстроены и не могу долго быть.

Онъ протянулъ ей руку, но она не двигалась и, крѣпко закусивъ нижнюю губу, тяжело дышала.

— Дай мнѣ фуражку! — сказалъ Борисъ. — Я общаю, что приду завтра.

Она вся вспыхнула, бросила его шапку на полъ и почти закричала:

— Вотъ ваша шапка! Идите!.. Вы помните нашъ адресъ? Жандармская, 35. Такъ вотъ... забудьте его навсегда... Мальчишка!

VIII.

Придя домой, Полубояриновъ долго ходилъ взадъ и передъ по своему кабинету. Голова его горѣла, въ виски что-то стучало напряженно, неровно и часто.

— Боже мой, Боже мой! — шепталъ онъ тоскливо. — Жить и постепенно этого ожидать, каждый день, каждую минуту! А потомъ? Потомъ будешь лежать, какъ тѣ голые, будешь лежать годъ, двадцать лѣтъ, сто... И объ этомъ позабудутъ... всѣ... Для чего же мнѣ эта жизнь, если я каждую секунду долженъ думать о смерти? Ахъ, какъ все это гадко, какъ это все гадко!

Въ это время его взглядъ упалъ на револьверъ, висѣвшій надъ диваномъ на гвоздикѣ. Борисъ взялъ его, взвелъ курокъ и посмотрѣлъ на барабанъ: Всѣ шесть гнѣздъ были заряжены. Борисъ сѣлъ передъ зеркаломъ

и, взявъ дуло въ ротъ, положилъ палецъ на собачку.

«Вѣдь какая глупость—жизнь,—мелькнуло у него въ головѣ, точно какой-то отрывокъ изъ стараго романа:—маленькій свинцовый шарикъ въ одну секунду погаситъ ее, и царь природы, со всѣми радостями и огорченіями, станетъ кускомъ земли. Стоитъ только надавить на собачку и...»

Борисъ слегка нажалъ палецъ. Собачка упруго подалась.

Борисъ поглядѣлъ на себя въ зеркало и увидѣлъ блѣдное лицо съ испуганно блестящими глазами. Сердце его такъ и колотилось въ груди.

«Ну, теперь еще... чуть-чуть...»

Собачка еще подалась, но съ большой упругостью.

«Теперь одно только ничтожное усилие, и конецъ!—подумалъ съ ужасомъ Борисъ. — Ну!..»

Вдругъ имъ овладѣлъ такой ужасъ смерти, что, задрожавъ всѣмъ тѣломъ, онъ швырнулъ револьверъ на кровать.

«Жить! Жить! Жить!—точно закричали въ немъ тысячи оглушающихъ голосовъ.—Жить во что бы то ни стало, какъ можно больше, какъ можно шире!»

И Борису страшно захотѣлось сейчасъ же, сію минуту прильнуть къ чашѣ жизненныхъ радостей и пить изъ нея до усталости, до самозабвенія. «Къ Валеріи!»—жадно закричало у него въ головѣ, и онъ, быстро схвативъ фуражку, безъ пальто и калошъ, выбѣжалъ на улицу.

— Милый мой, — говорила на разсвѣтѣ Валерія Карловна, провожая до двери усталого, блѣднаго, едва стоявшаго на ногахъ, но счастливаго Бориса:—отчего ты сегодня былъ такой странный, точно...—она задумалась,

прискивая выраженіе: — точно ты за одинъ день большимъ сдѣлался, мой мальчикъ?

Онъ посмотрѣлъ на нее, засмѣялся и, вспомнивъ слова художника, отвѣтилъ:

— Да, Валя, ты нашла настоящее слово. Я сдѣлался большимъ, потому что понялъ жизнь и смерть. Теперь уже поздно, а завтра ночью я тебѣ расскажу все подробно.

ПЕЧАЛЬНЫЙ РАЗСКАЗЪ.

(О Комарѣ, Слонѣ и Верблюдѣ. Эта исторія случилась какъ разъ подь Новый годъ, и была такая печальная, что многія дѣти плакали, когда ее читали).

На одной изъ улицъ Главнаго Верблюда жилъ Старый Слонъ. Старый, древній Слонъ. Прожилъ онъ на своемъ вѣку лѣтъ двѣсти. Это, если считать по пальцамъ на рукахъ и на ногахъ, то придется считать цѣлый день. Старше его были только: Воронъ, Попугай и Змѣя.

Слонъ раньше работалъ въ циркѣ, ходилъ по канату и по бутылкамъ, стоялъ на заднихъ лапахъ, а также игралъ на шарманкѣ. Была у него одна пѣсенка, особенно любимая, про Чижъ, печальная-препечальная. Начиналась она такъ: ми—до—ми—до—фа—ми—ре.

У этого Слона былъ другъ Комаръ. Жилъ Комаръ на Собачьихъ Выселкахъ и пускалъ кровь разнымъ звѣрямъ. Очень онъ любилъ музыку. Какъ, бывало, Слонъ заиграетъ Чижиную пѣсню, сейчасъ Комаръ прилетитъ и сядетъ на шарманку. Сидитъ и слушаетъ.

«Чижикиъ, Чижикиъ, гдѣ ты былъ»... И оба размякнутъ. Плачетъ Слонъ, и у Комара слеза идетъ.

Вотъ какъ-то разъ и прилетѣлъ Комаръ къ Слону. Поговорили о томъ, о семь, о пятомъ и десятомъ, немножко посплетничали о Быкѣ, о Страусѣ, о Верблюдѣ. Наконецъ Комаръ и говорить:

— А ну-ка, старикъ, сыгралъ бы ты мнѣ что-нибудь?
А? Для слуха.

А Слононь только того и дожидался, у него даже глаза загорѣлись. Взаяся хоботомъ за ручку и заигралъ. А Комаръ тоненько-претоненько запищалъ:

«Чижики, Чижики».

Не могъ Слононь эту пѣсню играть безъ слезъ, и расплакался, и Комаръ тоже расплакался; ползеть да ползеть по шарманкѣ все ближе къ Слонону, чтобы лучше слышать, а Слононь какъ всхлипнетъ, какъ потянетъ носомъ, такъ Комара къ себѣ въ носъ и втянулъ.

Кончилъ играть. — Гдѣ мой Комаръ? Гдѣ мой Комаръ?

— Гдѣ? Гдѣ?

Сломалъ дерево. Опрокинулъ домъ. Кричалъ такъ, что разбудилъ весь городъ. Нѣтъ и нѣтъ Комара. Только на другой день его вычихнулъ. Но ужъ куда! Совсѣмъдохлый Комаръ и даже ножками не дрыгаетъ.

ЧЕРНЫЙ ТУМАНЪ.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ СЛУЧАЙ.

Помню отлично, какъ онъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Петербургъ съ своего лѣниваго, жаркаго, чувственаго юга. Такъ отъ него и вѣяло черноземной силой, сухимъ и знойнымъ запахомъ ковыля, простой поэзіей тихихъ зорь, гаснущихъ за деревьями вишневыхъ садиковъ. Казалось, что конца не будетъ его неистощимому степному здоровью, и его свѣжей, наивной непосредственности.

Прямо съ поезда вторгся онъ въ меблированныя комнаты, гдѣ я жилъ. Это было зимою, въ семь часовъ утра, когда на петербургскихъ улицахъ еще горятъ фонари, а усталыя клячи влекуть по домамъ спящихъ ночныхъ извозчиковъ. Онъ былъ неумолимъ. Онъ не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ номерной дѣвушки и говорилъ зычнымъ голосомъ на весь коридоръ:

— Чтò ты мнѣ будешь рассказывать? Хиза жъ я его не знаю? Онъ же мнѣ больше, чѣмъ родной братъ. Ну, чего тамъ... показывай, гдѣ!..

Мы вмѣстѣ съ нимъ учились въ одной южной гимназіи, гдѣ онъ однако курса не окончилъ. Я любилъ его, правда, не больше, чѣмъ родного брата, — это онъ преувеличилъ впопыхахъ, — но все-таки любилъ искренно и тепло. Однако, хотя я и сразу узналъ его голосъ съ

этими гортанными, мягкими «г», съ провинціальной широтой діапазона, — я не могу сказать, чтобы въ первый моментъ я особенно сильно обрадовался. Знаете, если человѣкъ проваландался цѣлую ночь, по случаю перепутка, за городомъ и легъ въ постель около четырехъ часовъ утра, да еще легъ съ не совсѣмъ свѣжей головой, и если еще при этомъ ему предстоитъ днемъ серьезная и срочная работа... Словомъ, я ругался подъ своимъ одѣяломъ и твердо рѣшилъ, если онъ войдетъ, притвориться спящимъ или мертвымъ, какъ жукъ, котораго положили на ладонь.

Не тутъ-то было. Онъ ураганомъ ворвался ко мнѣ въ номеръ, облобызалъ меня со стремительной радостью, поднялъ на рукахъ съ кровати, какъ ребенка, еще разъ облобызалъ и принялся тормошить. На него невозможно было сердиться. Съ мороза отъ него такъ вкусно пахло яблоками и еще чѣмъ-то здоровымъ, крѣпкимъ, усы и борода были мокры, лицо горѣло свѣжимъ румянцемъ, глаза блестяли.

— Ну, ну, чего тамъ валяться, вставай! — кричалъ онъ возбужденно. — Вставай, а не то я тебѣ салазки сейчасъ загну.

— Послушай, ты, жалкій, несчастный провинціалъ, — пробовалъ я его усовѣстить: — у насъ въ Петербургѣ никто не встаетъ раньше одиннадцати. Прилягъ на диванъ, или спроси чаю, или пошли за газетами и читай, но дай мнѣ подремать хоть съ полчаса.

Нѣтъ, на него ничто не дѣйствовало. Онъ былъ такъ начиненъ разказами о прошломъ и планами на будущее, такъ переполненъ новыми впечатлѣніями, что, кажется, готовъ былъ лопнуть подъ ихъ напоромъ, не служи я ему въ видѣ спасительнаго клапана. Во-первыхъ, поклонны: оказывается, всѣ меня до сихъ поръ помнятъ, любятъ и съ удовольствіемъ читаютъ мои экономическія статьи. Я былъ

польщенъ и дѣлалъ видъ, что не забылъ ни одно изъ этихъ диковинныхъ именъ, всѣхъ этихъ Гузиковъ, Палабухъ, Лядушенко, Чернышей и прочихъ добрыхъ знакомыхъ. Вторыхъ, Петербургъ совершенно ошеломилъ его:

— Чортъ его батька знаетъ, какой городище! Чтò ты думаешь: у вокзала только одни лихачи стоятъ. Ни одного ваньки!

— Лихачи? — спросилъ я съ сомнѣнiемъ.

— А ей-Богу! Я, не разобравши, сѣлъ на одного, гляжу, а онъ на резинахъ. Ну, думаю, влетѣлъ я. Хотѣлъ-было ужъ назадъ лѣзть, да стыдно стало, тутъ городской стоитъ и всѣхъ торопить. Хорошо еще, что дешево отдѣлался, всего полтора цѣлковыхъ.

— Гмм... самое большое нужно было платить полтинникъ, — замѣтилъ я.

— Ну, это ты, братецъ, тоже бре-бре... Чтобы лихачу въ такой конецъ полтинникъ?.. Охъ, и улица же у васъ! А народъ-то, Господи — точно у насъ на паромѣ. Такъ и бѣгутъ, такъ и бѣгутъ. А на одномъ мосту, братецъ, четыре лошади. Ты видѣлъ? Здорово! Хорошо, братецъ, у васъ живутъ!

Онъ такъ все время и говорилъ: у васъ и у насъ, — черточка, общая всѣмъ провинциаламъ. Немало поразили его также и костры, разложенные по случаю сильнаго холода на перекресткахъ улицъ.

— Это же для чего? — спрашивалъ онъ меня съ наивнымъ любопытствомъ.

Я отвѣтилъ совершенно серьезно:

— Это, видишь ли, городская управа отапливаетъ улицы. Для того, чтобы въ казенныхъ учрежденiяхъ выходило меньше дровъ...

Онъ сдѣлалъ круглые глаза и совершенно круглый, глухой ротъ, и отъ удивленiя могъ произнести только одинъ звукъ:

— О?!

Но потомъ опомнился и принялся хохотать — хохотать раскатисто, оглушительно, молодо. Я вынужденъ былъ ему напомнить, что всѣ жильцы въ номерахъ еще спятъ, что перегородки сдѣланы изъ папье-маше, и что мнѣ не хотѣлось бы выслушивать отъ хозяйки замѣчанія.

Пришла Ириша съ самоваромъ. Она искоса поглядывала на Бориса съ такимъ же выраженіемъ недовѣрія и тревоги, какъ глядѣла бы на лошадь, которую ввели въ комнату. Она была истая петербургская горничная, дѣвушка щепетильная и «не безъ понятіевъ».

Въ пять часовъ мы обѣдали на Невскомъ въ огромномъ и скверномъ ресторанѣ. Двухсвѣтная зала, румыны, плюшевая мебель, электричество, зеркала, видъ монументальнаго метрдотеля, а въ особенности зрѣлище восьмипудовыхъ, величественно-наглыхъ лакеевъ во фракахъ, съ крутыми усищами на толстыхъ мордахъ, — все это совершенно ошеломило моего наивнаго друга. Во все время обѣда онъ сидѣлъ растерянный, неловкій, заплетая ноги за переднія ножки стула, и только за кофе сказалъ со вздохомъ, медленно качая головой:

— Н-да-а... ресторація... У насъ бы не повѣрили... Прямо капище Ваала и жрецовъ его. Ужъ лучше бы ты меня привелъ куда попроще. А здѣсь я вижу все одну только аристократію. Навѣрно, все князья и графы. (Увы, я долженъ сознаться, что онъ выговаривалъ «грахвы», съ мягкимъ «г» и съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ).

Но вечеромъ, у меня въ номерѣ, онъ опять оживился. Тутъ я его спросилъ въ первый разъ серьезнымъ и положительнымъ образомъ, что онъ однако намѣренъ съ собою дѣлать дальше. До сихъ поръ мы касались этого вопроса, второпяхъ, какъ-то разбросанно и фантастично.

Онъ напыжился, точно молодой пѣтушокъ, и отвѣтилъ гордо:

— Я прїѣхалъ завоевывать Петербургъ!

Такія именно слова часто произносятся у французскихъ романистовъ ихъ молодые герои, только-что прїѣхавшіе въ Парижъ и глядящіе на него съ высоты какого-нибудь чердака. Я улыбнулся скептически. Онъ замѣтилъ это и сталъ съ особенной горячностью, комичность которой усиливалась его хохлацкимъ говоромъ, убѣждать меня, что въ его лицѣ даровитый, широкій провинціальный югъ побѣждаетъ анемичный, безтемпераментный, сухой стсличный сѣверъ. Это неизбѣжный законъ борьбы двухъ характеровъ, и исходъ ея всегда легко предугадать. О, можно привести сколько угодно именъ. Министры, писатели, художники, адвокаты. Берегись, дряблый, холодный, блѣдный, скучный Петербургъ! Югъ идетъ!

Мнѣ хотѣлось ему вѣрить, или, вѣрнѣе, не хотѣлось его разочаровывать. Мы помечтали вмѣстѣ. Онъ досталъ изъ корзины бутылку славной, домашней сливянки, и мы ее дружно распили.

— А шо (онъ выговаривалъ вмѣсто «что» — «шо»)? А шо? Дѣлають у васъ въ Питерѣ такую сливовицу?—спрашивалъ онъ презрительно и гордо. — Вотъ то-то. А ты еще споришь!..

Понемногу онъ устроился. Я поселилъ его рядомъ съ собою, въ тѣхъ же самыхъ меблированныхъ комнатахъ, пока въ кредитъ, въ чаяніи трофеевъ отъ будущихъ побѣдъ надъ дряблымъ сѣверомъ. Удивительно, онъ сразу завоевалъ общую благосклонность, отѣснивъ на задній планъ прежняго фаворита — поэта съ рыжими, курчавыми волосами, какъ у картиннаго дьякона. Хозяйка (всѣмъ извѣстно, что такое петербургская хозяйка меблированныхъ комнатъ: полная сорокапятилѣтняя дама, съ завитушками, въ родѣ штопоровъ на лбу, всегда въ черномъ платьѣ и зятянутая въ корсетъ) — хозяйка часто приглашала его по утрамъ къ себѣ пить кофе — высо-

кая честь, о которой многие, даже старинные жильцы никогда не смѣли мечтать. Онъ за эту любезность рассказывалъ ей содержаніе утреннихъ газетъ и давалъ ей дѣльные совѣты въ безчисленныхъ, сутяжническихъ дѣлахъ («вѣдь всякому лестно обидѣть бѣдную вдову!..»). Чортъ возьми, онъ, какъ истый хохоль, былъ, при всей своей кажущейся простотѣ, очень ловкимъ и практичнымъ малымъ, съ быстрой сметкой и съ добродушнымъ лукавствомъ. Привыкла къ нему и Ирина и даже, кажется, поглядывала на него съ такимъ... впрочемъ, я не хочу сплетничать. Скажу, однако, что онъ былъ очень красивъ въ эту пору: высокій, крѣпкій, съ меланхолическими черными глазами и со смѣющимся молодымъ, краснымъ ртомъ подъ темными хохлацкими усами.

Онъ былъ болѣе правъ, чѣмъ я, старый петербургскій скептикъ. Ему повезло. Можетъ-быть, это происходило оттого, что вообще человѣкъ бодрый и самоувѣренный въ такой же степени умѣетъ подчинить себѣ судьбу, въ какой степени судьба вертитъ и швыряетъ въ разные стороны людей растерянныхъ и слабыхъ. А можетъ-быть, ему просто помогали тѣ своеобразныя черты характера, которыя онъ привезъ съ собою изъ нѣдръ провинціального юга: хитрость, наблюдательность, безмятежный и открытый тонъ рѣчи, природная склонность къ юмору, здоровые нервы, неиздерганные столичной сутолокой? Можетъ-быть, тутъ было и то и другое, но, во всякомъ случаѣ, я долженъ былъ признать, что въ его лицѣ югъ наглядно и успѣшно завоевываетъ сѣверъ.

Мой пріятель быстро, въ какихъ-нибудь три-четыре дня, нашелъ себѣ занятія въ управленіи одной изъ крупнѣйшихъ желѣзныхъ дорогъ и уже черезъ мѣсяцъ обратилъ на себя вниманіе начальства. Ему поручили провѣрить какіе-то тамъ графики движеній поѣздовъ, или что-то въ этомъ родѣ. Все дѣло можно было легко окон-

читать въ недѣлю или въ двѣ, но Борисъ почему-то особенно упорно и настойчиво имъ заинтересовался. Онъ бѣгалъ зачѣмъ-то въ Публичную Библиотеку, таскалъ къ себѣ на домъ толстые справочники, сплошь наполненные цифрами, дѣлалъ по вечерамъ таинственныя математическія выкладки. Кончилось все это тѣмъ, что онъ представилъ своему начальству такую схему движенія пассажирскихъ и товарныхъ поѣздовъ, которая совмѣщала въ себѣ и простоту, и наглядность, и многія другія практическія удобства. Его похвалили и отмѣтили. Черезъ полгода онъ уже получалъ полтора ста рублей въ мѣсяцъ и завѣдывалъ почти самостоятельной службой.

Но, кромѣ того, онъ имѣлъ постоянные уроки музыки— онъ былъ отличный музыкантъ, писалъ для газетъ статьи, и дѣльныя статьи, по желѣзнодорожнымъ вопросамъ, пѣлъ по субботамъ и воскресеньямъ въ извѣстномъ церковномъ хорѣ, а также иногда и въ оперныхъ и въ опереточныхъ хорахъ. Работать онъ могъ поразительно много, но безъ натуги, безъ насилія надъ собой, а какъ-то естественно-легко, съ развальцемъ, съ шуточкой, съ наружной лѣнливой манерой. И, всегда съ лукавой усмѣшкой, онъ все къ чему-то присматривался и примѣривался, и выходило такъ, какъ будто бы онъ только игралъ съ настоящимъ, разминалъ свои непочатыя силы, но въ то же время зорко и терпѣливо поджидалъ своей линіи. Для какихъ-то тайныхъ, далекихъ, извѣстныхъ только ему одному цѣлей изучалъ онъ по самоучителямъ Туссена и Лангеншейдта французскій, нѣмецкій и англійскій языки. Я слышалъ иногда, какъ онъ за стѣнкой повторялъ съ ужасающимъ прононсомъ: «лабелъ бурдонъ, ла мушь воль». Когда я спрашивалъ, для чего это ему нужно, онъ отвѣчалъ съ лукавымъ простодушіемъ: «А такъ. Все равно нема никакого дѣла».

Онъ умѣлъ веселиться. И дѣ-то, на Васильевскомъ

Островъ онъ отыскалъ своихъ земляковъ, «полтавскихъ хлопцевъ», которые ходили въ вышитыхъ рубашкахъ съ ленточками вмѣсто галстуковъ и въ широчайшихъ шароварахъ, засунутыхъ въ сапоги, курили люльки, при чемъ демонстративно сплевывали на полъ, черезъ губу, говорили «эге жъ» и «хиба» и презирали кацаповъ съ ихъ городской культурой. Я былъ раза два на ихъ вечеринкахъ. Тамъ пили «горилку», но не здѣшнюю, а какую-то особенную, привезенную «видтыля», ѣли ломтями розовое свиное мясо; ѣли толстыя, огромныя колбасы, которыя были такъ велики, что ихъ надо было укладывать на тарелкѣ спиралью въ десять или пятнадцать оборотовъ. Но также тамъ и пѣли—пѣли чудесно, съ необыкновенной грустью и стройностью. И, какъ теперь, помню я Бориса, когда, проведя нервно рукой по своимъ длиннымъ, красивымъ, волнистымъ волосамъ, онъ начиналъ запѣвъ старинной казацкой пѣсни:

Ой, у поли жито
Копытами сбито...

Голосъ былъ у него теплый, нѣжный, чуть-чуть вибрирующий, и когда я его слышалъ, то каждый разъ у меня что-то щекотало и вздрагивало въ груди, и хотѣлось безпричинно плакать.

А потомъ опять пили горилку и подъ конецъ «вдаряли гопака». Пиджакъ летѣлъ съ широкихъ плечъ Бориса въ уголь комнаты, а самъ онъ лихо носился изъ конца къ концу и притопывалъ «чоботами», и присвистывалъ, и лукаво поводилъ черными бровями.

Ой, кто до кого,
А я до Параски,
Бо у меня чортъ ма штанивъ,
А въ нее запаски...

Онъ сдѣлался главой этого милого хохлацкаго хутора, затерявшагося среди суровыхъ параллельныхъ улицъ Пе-

тербурга. Было въ немъ что-то влекущее, чарующее, неотразимое. И все удавалось ему шутя, словно мимоходомъ. Теперь я уже окончательно вѣрилъ въ его побѣду надъ сѣверомъ, но что-то необъяснимое, что-то тревожное не выходило изъ моей души, когда я думалъ о немъ.

Началось это весной. Вскорѣ послѣ Пасхи, которая была въ томъ году поздней, мы поѣхали съ нимъ однажды на острова. Былъ ясный, задумчивый, ласковый вечеръ. Тихія воды рѣкъ и каналовъ мирно дремали въ своихъ берегахъ, отражая розовый и лиловый свѣтъ погасавшаго неба. Молодая, сѣрватая зелень прибрежныхъ и черныхъ столѣтнихъ липъ такъ наивно и такъ радостно смотрѣлась въ воду. Мы долго молчали. Наконецъ, подъ обаяніемъ этого прелестнаго вечера, я сказалъ медленно:

— Какъ хорошо! За одинъ такой вечеръ можно влюбиться въ Петербургъ.

Онъ не отвѣтилъ. Я поглядѣлъ на него украдкой, сбоку. Лицо его было пасмурно и точно сердито.

— Тебѣ не нравится? — спросилъ я.

Борисъ слабо, съ выраженіемъ досады, махнулъ рукой.

— Э, декорация! — произнесъ онъ брезгливо. — Все одно, какъ въ оперѣ. Развѣ же это природа?..

Черные глаза его вдругъ приняли странное, мечтательное выраженіе, и онъ заговорилъ тихимъ, отрывистымъ, волнующимъ голосомъ:

— Теперь вотъ въ Малороссіи такъ настоящая весна. Цвѣтеть черемуха, калина... Лягушки кричатъ по заводямъ, поютъ соловьи... Тамъ ночь, такъ ужъ ночь, — черная, жуткая, съ тайной страстью... А дни какіе теперь тамъ стоятъ!.. Какое солнце, какое небо! Чтѣ ваша Чухонія? Слякоть...

Онъ отвернулся въ сторону и замолчалъ. Но я понялъ уже инстинктомъ, что въ сердцѣ моего друга совершается что-то неладное, нездоровое.

И вправду, начиная съ этого вечера, Борисъ затосковалъ и точно опустился. Я уже не слышалъ за стѣной его мелодичнаго мурлыканья; онъ уже не влеталъ ко мнѣ бомбой въ комнату по утрамъ; пропала его обычная разговорчивость. И только, когда заходила рѣчь о Малороссіи, онъ оживлялся, глаза его дѣлались мечтательными, прекрасными и жалкими, и точно глядѣли вдаль, за многія сотни верстъ.

— Поѣду я на лѣто туда! — говорилъ онъ рѣшительно. — Какого чорта! Хоть отдохну немного отъ проклятаго Питера.

Но поѣхать ему «туда» такъ и не удалось. Служба задержала его. Среди лѣта мы простились, — обстоятельства гнали меня за границу. Я оставилъ его грустнымъ, раздраженнымъ, въ конецъ измученнымъ бѣлыми ночами, которыя вызывали въ немъ бессонницу и тоску, доходившую до отчаянія. Онъ проводилъ меня на Варшавскій вокзалъ.

Вернулся я обратно въ самый разгаръ отвратительной, мокрой, туманной петербургской осени. О, какъ памяты мнѣ эти первыя, печальныя, озлобляющія впечатлѣнія. Грязные тротуары, мелкій, непрерывающій дождикъ, сѣрое, какое-то ослизлое небо, и на фонѣ этой картины грубые дворники со своими метлами, обдерганные, запуганные извозчики, женщины въ уродливыхъ барашковыхъ калошахъ, съ мокрыми подолами юбокъ, желчныя, сердитыя люди съ вѣчнымъ флюсомъ, кашлемъ и человѣконенавистничествомъ. Но еще болѣе поразила и огорчила меня переменна, происшедшая съ Борисомъ.

Когда я вошелъ къ нему, онъ лежалъ одѣтый на небранной постели, заложивъ подъ голову руки, и не поднялся при моемъ появленіи.

— Борисъ, здравствуй! — сказала я, уже что-то предчувствуя, и встрѣтилъ холодный отчужденный взглядъ.

Потомъ онъ, очевидно, рѣшилъ, что нужно поздороваться, всталъ, какъ будто по обязанности поцѣловался со мной и опять легъ. Большихъ усилій стоило мнѣ уговорить его пойти пообѣдать куда-нибудь въ ресторанъ. Дорогой онъ молчалъ, шелъ сутулый, безучастный, точно его вели по веревочкѣ, и всякій вопросъ мнѣ приходилось повторять по два раза.

— Послушай, да что это наконецъ съ тобой? Подмѣнили тебя, что ли? — говорилъ я, трогая его за плечо.

Онъ досадливо отмахнулся.

— Такъ... надоѣло все...

Нѣкоторое время мы шли рядомъ, не разговаривая. Я вспомнилъ его неубранную, затхлую комнату, безпорядокъ, сухіе куски хлѣба на столѣ, окурки на блюдечкахъ, и сказалъ рѣшительно и съ возбужденіемъ:

— Знаешь что, милый другъ, — ты, по-моему, просто-напросто боленъ... да нѣтъ, ты не маши руками, а слушай, что я тебѣ скажу. Эти вещи запускать не слѣдуетъ... деньги-то у тебя есть...

У меня быстро созрѣлъ планъ лѣченія моего захандришаго друга, немного, правда, устарѣвшій, немного пошлый и, если хотите, немного даже гнусный. Просто-напросто я рѣшилъ свезти его въ какое-нибудь мѣсто злачное, гдѣ поютъ и танцуютъ, гдѣ люди сами не знаютъ, что дѣлаютъ, но увѣрены, что веселятся, и этой увѣренностью заражаютъ другихъ.

Пообѣдавъ гдѣ-то, къ одиннадцати часамъ отправились мы въ Аквариумъ, чтобы создать настроеніе кутежа. Взялъ я лихача, и помчалъ онъ насъ мимо брани встрѣчныхъ извозчиковъ, мимо облитыхъ грязью пѣшеходовъ.

Я поддерживалъ колеблющуюся, исхудавшую спину Бориса; онъ попрежнему упорно молчалъ и только разъ недовольно сказалъ:

— Куда мы такъ спѣшимъ?

Густая толпа, дымъ, гамъ оркестра, голыя плечи женщинъ, подкрашенные глаза, бѣлыя пятна столовъ, красныя, оскотинившіяся лица мужчинъ — весь этотъ шабашъ пьянаго веселья подѣйствовалъ на Бориса совѣмъ не такъ, какъ я ожидалъ. По моей просьбѣ онъ пилъ, но не пьянѣлъ, и взглядъ его становился все тоскливѣе. Толстая напудренная женщина въ страусовомъ боа на голой жирной шеѣ подѣвла къ намъ на минуту, попробовала заговорить съ Борисомъ, потомъ испуганно посмотрѣла на него и молча быстро ушла, и въ толпѣ еще разъ оглянулась на нашъ столикъ. И мнѣ отъ этого взгляда сдѣлалось жутко, точно я заразился чѣмъ-то смертельнымъ, точно возлѣ насъ стоялъ кто-то черный и молчаливый.

— Выпьемъ, Борисъ!—крикнулъ я, пересиливая шумъ оркестра и звонъ посуды.

Сморщившись, какъ отъ зубной боли, онъ сказалъ что-то нѣмымъ движеніемъ губъ, и я угадалъ фразу:

— Уйдемъ отсюда...

По моему настоянію, изъ Акваріума мы поѣхали еще въ одно мѣсто и вышли изъ него на разсвѣтѣ въ холодныя, синія сумерки ранняго петербургскаго утра. Улица, по которой мы шли, была длинная и узкая, какъ коридоръ. Отъ сонныхъ каменныхъ пятиэтажныхъ ящиковъ вѣяло холодомъ ночи. Невыспавшіеся дворники шаркали метлами, передергивали плечами озябшіе ночные извозчики и ругались хрипло. Спотыкаясь, навалясь грудью на веревку, серединой улицы везли мальчишки нагруженныя платформы. Въ дверяхъ мясныхъ лавокъ висѣли красныя, развороченныя туши мертвой, отвратительной говядины. Борисъ шелъ понуро, потомъ вдругъ схватилъ меня за руку и крикнулъ, указывая въ конецъ улицы:

— Вотъ онъ... вотъ...

— Что такое? — спросилъ я испуганно.

— Видишь... туманъ.

Пятые этажи тонули во мглѣ, которая, точно обвисшее брюхо черной змѣи, спускалась въ коридоръ улицы и затаилась и замерла, нависнувъ, какъ будто приготовилась кого-то схватить...

Борисъ трясъ меня за руку и говорилъ съ глазами, загорѣвшимися внезапной злобой:

— Понимаешь ты, что это такое? Понимаешь — это гордо дышитъ, это не туманъ, а дыханіе этихъ камней съ дырами. Здѣсь вонючая сырость прачечныхъ, копоть каменнаго угля, здѣсь грѣхъ людей, ихъ злоба, ненависть, испаренія ихъ матрацовъ, запахъ пота и гнилыхъ ртовъ... Будь ты проклятъ, анаема, звѣрь, звѣрь — ненавижу!

Голосъ Бориса ломался и звенѣлъ. Костлявыми кулаками онъ трясъ въ воздухѣ.

— Успокойся, — говорилъ я, обнимая его за плечи. — Ну, успокойся, — смотри, ты пугаешь людей.

Борисъ поперхнулся и закашлялся надолго.

— Смотри, — сказалъ онъ, корчась отъ кашля, и показалъ мнѣ платокъ, въ который плюнулъ.

И я увидѣлъ на бѣлизнѣ платка большое кровавое пятно:

— Это онъ меня съѣлъ... туманъ...

Молча мы подходили къ его квартирѣ.

Въ апрѣлѣ, передъ Пасхой, я зашелъ какъ-то къ Борису. День былъ на рѣдкость теплый. Пахло талымъ снѣгомъ, землей, и солнце свѣтило застѣнчиво и робко, какъ улыбается помирившаяся женщина послѣ слезъ. Онъ стоялъ у открытой форточки и нюхалъ воздухъ. Когда

я вошелъ, Борисъ обернулся медленно, и на лицѣ у него было какое-то ровное, умиротворенное, дѣтское выраженіе.

— Хорошо теперь у насъ въ Полтавской губерніи, — улыбаясь, сказалъ онъ вмѣсто привѣтствія.

И вдругъ для меня стало совершенно ясно и понятно, что этотъ человѣкъ умретъ скоро, можетъ-быть — даже въ этотъ же мѣсяцъ.

— Хорошо! — добавилъ онъ раздумчиво и, вдругъ оживившись, торопясь, хватая меня за руки, заговорилъ:

— Сашенька, милый мой, отвези меня до дому... отвези, голубчикъ, ну, что тебѣ стоитъ, отвези!

— Да развѣ я отказываюсь? Конечно, поѣдемъ.

И вотъ передъ самой Пасхой мы тронулись въ путь. Когда мы отъѣзжали отъ Петербурга, былъ сырой, холодный день, и надъ городомъ висѣлъ густой и черный туманъ, тотъ черный туманъ, который отравилъ душу и сѣлъ тѣло моего бѣднаго друга.

Но чѣмъ больше подвигались мы на югъ, тѣмъ возбужденнѣе и радостнѣе становился мой Борисъ. Весна какъ будто шла намъ навстрѣчу. И, когда мы впервые увидѣли бѣлыя мазанья хатенки Малороссіи, она была уже въ полномъ расцвѣтѣ. Борисъ не отрывался отъ окна. На насыпи синѣли большіе, крупныя простыя цвѣты,носящія поэтическое названіе «сна», и Борисъ съ восторгомъ рассказывалъ о томъ, какъ при помощи этихъ цвѣтовъ у нихъ въ Малороссіи красятъ пасхальныя яйца.

Дома, у себя, подъ голубымъ ласковымъ небомъ, подъ нышными, еще не жаркими лучами солнца, Борисъ сталъ быстро оживать, точно онъ отходилъ душой отъ какого-то долгаго, цѣпкаго, ледяного кошмара.

Но тѣломъ онъ слабѣлъ съ каждымъ днемъ. Черный туманъ убилъ въ немъ что-то главное, дающее жизнь и желаніе жизни.

Спустя двѣ недѣли по приѣздѣ онъ уже не вставалъ съ кровати.

Все время онъ не сомнѣвался въ томъ, что скоро умретъ, и умеръ мужественно и просто.

Я былъ у него за день до его смерти. Крѣпко пожимая своей сухой, горячей, исхудавшей рукой мою руку, и улыбаясь ласково и грустно, онъ говорилъ:

— Помнишь нашъ разговоръ о сѣверѣ и югѣ, еще тогда давно, помнишь? Не думай, я отъ своихъ словъ не отпираюсь. Ну, положимъ, я не выдержалъ борьбы, я погибъ... Но за мной идутъ другіе, — сотни, тысячи другихъ. Ты пойми — они должны одержать побѣду, они не могутъ не побѣдить. Потому что тамъ черный туманъ на улицахъ и въ сердцахъ и въ головахъ у людей, а мы приходимъ съ ликующаго юга, съ радостными пѣснями, съ милымъ яркимъ солнцемъ въ душѣ. Другъ мой, люди не могутъ жить безъ солнца!

Я поглядѣлъ на него внимательно. Онъ только-что умылся и причесалъ гладко назадъ свои волосы, смочивъ ихъ водой; они были еще влажны, и это придавало его лицу жалкое, и невинное, и праздничное выраженіе, за которымъ всего яснѣе чувствовалась близость смерти. Помню также, что онъ все время пристально и какъ будто съ удивленіемъ разсматривалъ свои ногти и ладони, точно они были чужіе.

На другой день меня спѣшно позвали къ нему, но я засталъ уже не моего друга, а только его тѣло, умирившее безсознательно, въ быстрой агоніи.

Еще рано утромъ онъ попросилъ отворить окно, и оно такъ и оставалось открытымъ. Въ комнату изъ стараго сада лѣзли вѣтки бѣлой сирени съ ея упругими, свѣжими, благоухающими цвѣтами. Свѣтило солнце. Какъ сумасшедшіе, кричали дрозды...

Борисъ затихалъ. Но въ самую послѣднюю минуту онъ

вдругъ быстро поднялся и сѣлъ на кровати; и въ его широко раскрывшихся глазахъ показался безумный ужасъ. И когда онъ опять упалъ на подушки и, глубоко вздохнувъ, вытянулся всѣмъ тѣломъ, точно онъ хотѣлъ потянуться передъ крѣпкимъ длиннымъ сномъ, — это выраженіе ужаса еще долго не сходило съ его лица.

Что онъ увидѣлъ въ эту послѣднюю минуту? Можетъ-быть, его душевнымъ глазамъ представился тотъ бездонный, вѣчный, черный туманъ, который неизбежно и безжалостно поглощаетъ и людей, и звѣрей, и травы, и звѣзды, и цѣлые міры?..

Когда его одѣвали, я не могъ видѣть его страшныхъ желтыхъ ногъ и вышелъ изъ комнаты. Но когда я вернулся, онъ уже лежалъ на столѣ, и таинственная улыбка смерти тихо лежала вокругъ его глазъ и губъ. Окно все еще было открыто. Я отломилъ вѣтку сирени — мокрую, тяжелую отъ бѣлыхъ гроздьевъ — и положилъ ее Борису на грудь.

Свѣтило солнце, такое радостное, и цѣжное, и равнодушное... Въ саду кричали дрозды... За рѣкой, на той сторонѣ, звонили къ поздней обѣднѣ.

КЛОУНЪ.

ПЬЕСА ВЪ 1-МЪ ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Клоунъ Рембо.

Эмма, его жена.

Энрико, ихъ сынъ, наѣздникъ.

М-лле Ольга, наѣздница.

Директоръ.

Конюхъ.

Докторъ.

Полицейскій.

Зрители, молодые люди въ формахъ учебныхъ заведеній, артисты, атлеты и пр. Дѣйствіе происходитъ въ уборной цирка.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Рембо въ клоунскомъ костюмѣ гримируется передъ зеркаломъ, сидя. Около другого зеркала стоитъ Энрико, готовый къ выходу. Мать зашиваетъ на немъ рукавъ куртки. За кулисами оркестръ играетъ испанскій мотивъ. Рембо и Энрико насвистываютъ.

Музыка кончается. Аплодисменты. Пауза.

Энрико (поетъ романъ Тости).

Сердце мое болитъ, исходитъ кровью,

Смерти недолго осталось мнѣ ждать...

М-лле Ольга (вбѣгая, продолжаетъ).

Недугъ ужасный мой зовутъ любовью...

Рембо и Энрико (вмѣстѣ). Bravo, bravo, bravo, bravo!
(Аплодируютъ).

РЕМБО. Накинь плащъ, Ольга. Ты совсѣмъ разгорячена. Проклятая уборная, изъ всѣхъ шелей дуетъ.

(На сценѣ аплодисменты).

ОЛЬГА (Энрико, который накиннулъ ей на плечи бурнусъ). Мерси, мой милый. Сегодня было весело работать. Циркъ бѣткомъ набить. (Ставить ногу на ступь и поправляетъ башмакъ).

ЭММА. Праздникъ.

РЕМБО. Подождите, дѣти мои. Когда вы женитесь, мы будемъ работать вчетверомъ, и у насъ будетъ свой собственный циркъ. Сначала, конечно, небольшой, полотняный... маленькое шاپито... а потомъ,—почемъ знать?—можетъ-быть, и каменный...

ДИРЕКТОРЪ (въ дверяхъ). М-ше Ольга, на манежъ!

(Ольга выбѣгаетъ, сбросивъ бурнусъ).

РЕМБО. У васъ будутъ собственные лошади, маленькіе пони, верблюды и ослики. Эмма станетъ показывать высшую школу ѣзды, а я буду служить у васъ клоуномъ... Ольга отличная артистка...

ЭММА (сыну). Не вертись же такъ, Энрико. Не вертись, я тебѣ говорю. Я уколола себѣ руку. Ты такой нетерпѣливый.

РЕМБО. Да. Мальчикъ живой. Послушай, Энрико, какой я выдумалъ трюкъ. Понимаешь, твой номеръ кончается, оркестръ перестаетъ, а я сижу въ оркестрѣ и все продолжаю играть на дудочкѣ. Шталмейстеръ говоритъ: «Г-нъ клоунъ, здѣсь нельзя играть. Если хотите работать, сойдите на манежъ». Я точно не слышу. Онъ подымается наверхъ, но я бѣгу вдоль ложъ, подымаюсь на граденъ и опять внизъ въ партеръ. Но вдругъ шталмейстеръ кричитъ: «Постойте, г-нъ клоунъ, стойте! Посмотрите!» Показываетъ на полицейскаго. А я вдругъ—хлопъ!—въ обморокъ. «Г-нъ клоунъ, что съ вами?»—Что? Я подохъ.

ОЛЬГА (входитъ. За ней конюхъ несетъ букетъ и футляръ). Ну, слава Богу, отдѣлалась. Нужно будетъ непременно сказать директору: ужасно фальшивый гамонъ у лошади, все

сбивается на лѣвую ногу. Просто надоѣдаетъ. Посмотри, Энрико, какіе подарки. Правда, мило?

(Энрико, не глядя, насвистываетъ, оканчивая костюмъ. Эмма ему помогаетъ).

Ольга. Отчего же ты не хочешь поглядѣть? Фи, какъ это нехорошо, Энрико!

Эмма. Покажите-ка мнѣ, Ольга. Нѣтъ, право, недурно. Шесть рубиновъ и брильянтики. Посмотри же, Энрико.

Энрико. Я въ этомъ ничего не понимаю. Ну да, браслетъ какъ браслетъ. Это тотъ помѣщикъ подарилъ?

Ольга. Конечно, онъ. Кому же еще?

Энрико (сухо). Ты хочешь, чтобы я поздравилъ тебя? Поздравляю!

Ольга. Ну вотъ, что опять за глупости. Человѣкъ, который похожъ на таракана... а ты даже къ нему ревнуешь. Стыдно тебѣ!

Рембо. Дѣти мои, не ссорьтесь. Успѣете нассориться, когда будете мужемъ и женой.

Энрико. Неизвѣстно еще, будемъ ли.

Рембо. Сынъ мой, ты глупъ.

Ольга. Нѣтъ, милый Энрико, ты подумай только. Я, конечно могла бы отказаться. Но зачѣмъ обижать человѣка безъ причины. Вѣдь онъ мнѣ подарилъ это не какъ женщинѣ, а какъ артисткѣ.

Энрико. Неправда. Онъ постоянно трется въ уборной и за кулисами и щиплетъ фигурантокъ изъ кордебалета. Когда онъ говоритъ съ тобой, у него гадкіе глаза. И потомъ: какую чепуху онъ говорилъ тебѣ о твоихъ ножкахъ и еще о чемъ-то! Противно было слушать... Мерси, мама. (Отходить, но, вдругъ вернувшись, цѣлуетъ съ особой нѣжностью руку у матери). Мерси, милая мама... А ты слушала и улыбалась. Ты! Моя невѣста!

Рембо. Энрико, ты глупъ. И ты самъ хорошо знаешь,

что артисткамъ нельзя отказываться отъ подарковъ. Поди спроси хоть у директора.

Ольга (въ сторонѣ). Энрико, поди сюда. Поди, я тебѣ скажу два слова. (Тянетъ рукой). Иди же!

Энрико. Ну! Въ чемъ дѣло?

Рембо. Сейчасъ они поцѣлуются, и конецъ. И пре-красно.

Ольга (обнимаетъ его за шею. Тихо). Милый мой Энрико, когда я думаю о твоей любви, мнѣ всегда бываетъ такъ хорошо, такъ тепло! Я ночью проснусь, вспомню о тебѣ и засмѣюсь отъ радости.

Энрико (цѣлуетъ ее). Извини меня.

Ольга. Слушай. Я назначила день нашей свадьбы черезъ мѣсяць. Хочешь черезъ двѣ недѣли?

Энрико. Ольга! Прелесть моя!

Ольга. Мнѣ стыдно признаваться, но у меня нѣтъ больше терпѣнія ждать. Если бы можно было черезъ недѣлю!

Рембо. Не шепчитесь такъ громко, дѣти. Я все слышу.

Энрико. Мы съ тобой будемъ такъ счастливы!

Ольга. Такъ счастливы! Такъ счастливы! Дорогой мой, я пьянѣю отъ любви... Мы оба съ тобой такіе молодые, сильные, красивые. Слушай, ты давно меня просилъ... Хочешь—приди сегодня ко мнѣ. Ты проводишь меня домой и останешься у меня. И мы всю ночь будемъ говорить о нашей любви. О нашей любви...

Энрико. А ты хочешь этого?

Ольга. А ты?

Энрико. А ты?

Ольга. Хорошо. Поцѣлуй меня еще разъ.

Рембо. Друзья мои, не довольно ли? На какой лошади ты сегодня работаешь?

Эмма. Да. На какой?

Энрико (весело). Право, не знаю. Не все ли равно? Кажется, Альказаръ.

Ольга (пылко). Ну что, развѣ я не правду говорила, что мы имѣемъ право нарушить контрактъ? И я вѣтъ еще разъ говорю, отецъ, что это не директоръ, а какой-то барышникъ, цыганъ. Альказара надо было ужъ давно продать татарамъ... Онъ бьетъ задомъ и кусается. (Кричитъ въ дверь) Конюхъ, конюхъ!

Энрико. Перестань, Ольга. Это смѣшно.

Ремво. Да.

Конюхъ. Что прикажете, барышня?

Ольга. Подите взгляните въ расписаніе. На комъ работаетъ м-г Энрико?

Конюхъ. Я знаю, барышня. Я самъ сѣдлалъ. На Альказарѣ.

Эмма. На Альказарѣ!

Ольга. Опять эта лошадь!

Ремво (спокойно). Эмма, я тебѣ сто разъ говорилъ, чтобы ты никогда не смѣла такъ глупо кричать. Совѣтую то же самое и тебѣ, Ольга. (Конюху) Можешь итти.

Энрико (смѣясь). Ольга, душа моя. Кричи сколько хочешь, но, ради Бога, не волнуйся за меня. Великолѣпный жеребецъ—сильный и красивый. По крайней мѣрѣ не деревянная лошадь.

Ольга. Прошлый разъ онъ закинулся.

Энрико. Пустяки. Въ Кіевѣ у Готфруа было хуже. Помнишь, отецъ, эту сѣрую кобылу... (Щелкаетъ пальцами). Какъ ее?.. Англійское имя...

Ремво. Дѣзи.

Энрико. Да, Дѣзи. Ужасно капризная была тварь. Я тогда работалъ жоксѣя и дѣлалъ на нее прыжки. Сначала въ мѣшкѣ, а потомъ съ кипящимъ самоваромъ. И какъ-то нечаянно уронилъ на лошадь самоваръ и облилъ кипяткомъ... А она сразу черезъ барьеръ и на публику... Сумасшедшая. Страшный былъ переполохъ.

Ремво. Сынъ мой, не хвастайся удачей. Этого не слѣдуетъ дѣлать.

ДИРЕКТОРЪ (въ дверяхъ). Энрико, на манежь. Поздравляю, m-ше Ольга.

Энрико. All right! Отецъ, передай рейтнечъ.

Ремво. Allez! (Бросаетъ ему хлысть).

Энрико (ловить). Норр! (Подходить къ Ольгѣ). Ольга! Прекрасная моя Ольга! Ты не шутила надо мной? Не смѣялась?

Ольга. О, милый, конечно, нѣтъ. Я такъ тебя люблю, такъ люблю!

(За сценой вальсъ).

Энрико. Теперь я совсѣмъ спокоенъ. Мы будемъ съ тобой цѣловаться цѣлую ночь. Да?

Ольга. Да, милый, да, да... Ты проводишь меня изъ цирка.

ДИРЕКТОРЪ (въ дверяхъ). Энрико, allez!

(Энрико бѣжитъ къ двери).

Эмма (внезапно). Энрико, постой на одну секунду.

(Онъ возвращается. Мать крестить и цѣлуетъ его).

Энрико (добродушно). Ну, что за нѣжности, мама.

Ольга. Энрико, а со мной. (Цѣлуетъ его, а потомъ его руку). Прощай.

(Энрико убѣгаетъ; за сценой вальсъ. Пауза).

Ольга. Посмотрите, мама, какой хорошенькій браслетъ. Не правда ли? (Надѣваетъ браслетъ). Но я его не буду носить. Я велю сдѣлать изъ него для Энрико кольцо или брелокъ къ часамъ. Рубинъ—это наша любовь, а брильянты—наше счастье.

Эмма. Дурочка:

Ольга. Ахъ, мама, мнѣ такъ весело сегодня. Мнѣ ужасно весело! Я хочу танцевать. (Кружится по уборной въ тактъ вальсу). Я хочу танцевать, хочу пѣть, хочу плакать отъ нѣжности. (Останавливается. Пауза). Нѣтъ... мнѣ что-то не хочется танцевать. Я устала. Отецъ, почему я устала?

Ремво. Устала, и все тутъ.

Ольга. Отецъ, я пойду переодѣнусь, а въ антрактѣ вернусь, и мы пойдемъ вмѣстѣ. Хорошо? Энрико меня проводитъ. Да?.. Отчего я вдругъ такъ устала? (Ушла).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Рембо. Какая милая дѣвочка! Но все-таки я скажу, что женскій умъ—это нѣчто такое, чего мужчина не можетъ себѣ вообразить. Смотрите, сколько вы обѣ надѣлали глупостей. Энрико смѣлый и ловкій мальчикъ. Это всякій скажетъ. Шести лѣтъ онъ началъ работать безъ лонжи. Замѣтьте, у него не было ни одного неудачнаго паденія.

Эмма. А когда онъ разрѣзалъ себѣ руку?

Рембо. Это былъ пустякъ. Такъ, царапина. Но я вотъ что хочу сказать. Конечно, Альказаръ—скверная лошадь, но зачѣмъ же обѣ этомъ говорить мальчику передъ выходомъ? Я увѣренъ, что Альказаръ ему ничего не сдѣлаетъ,—лошади уважаютъ людей смѣлыхъ,—но зачѣмъ же волновать мальчика, когда онъ идетъ на манежъ?

Эмма. Не сердись.

Рембо. Нѣтъ, нѣтъ, я не сержусь. Я вовсе не сержусь. Во-вторыхъ: дѣвочка вдругъ говоритъ ему «прощай». Прощаются только передъ смертью.

Эмма. Я вѣдь не виновата, что ты не въ духѣ.

Рембо (жонглируя двумя шарами). Повторяю же, что я не сержусь. Ну, затѣмъ, въ-третьихъ: мальчикъ идетъ на манежъ, ты его возвращаешь, чтобы перекрестить. Конечно, это прекрасно и трогательно. Но вѣдь ты раньше этого не дѣлала? И, кромѣ того, есть такая примѣта: если воротить человѣка, идущаго на дѣло, то это вѣрный признакъ неудачи.

Эмма. Суевѣріе.

Рембо. Да, конечно, суевѣріе. Однако джеттатура, ко-

торую ты носишь—тоже суевѣріе. Ну, чѣмъ поможетъ тебѣ эта коралловая ручка?

ЭММА. Позволь, я тебя застегну. (Помогаетъ ему одѣться).

РЕМБО. Мерси... Ты говоришь: суевѣріе, суевѣріе, однако ты помнишь, какъ несчастный Бенедетти сказалъ утромъ:— «Я не вернусь».

ЭММА. Да.

РЕМБО. И сорвался съ турника.. А впрочемъ, довольно, старуха... Не нужно печальныхъ мыслей. Ты знаешь, что я еще придумалъ для своего выхода? Понимаешь: выбѣгаю съ дудочкой на манежъ и кричу: «Я плисоль, я плисоль, я плисоль»...

(Музыка перестаетъ. Оба настораживаются, слышны аплодисменты).

ЭММА. Ахъ!.. Что это?

РЕМБО. Ничего не случилось. Энрико сидитъ теперь на Альказарѣ бокомъ и улыбается дамамъ. Ты знаешь, кого мнѣ напоминаетъ нашъ мальчикъ? Покойнаго Блондена.

ЭММА. Я то же самое хотѣла сказать.

РЕМБО. Правда. Какъ часто мы съ тобой говоримъ одни и тѣ же слова. Кстати, мы говорили о примѣтахъ. Ты знаешь, есть такая смѣшная примѣта: если два человѣка въ одно и то же время сказали одно и то же слово, то нужно взяться за мизинцы и что-нибудь задумать—непремѣнно исполнится.

ЭММА. (протягивая руку). Ну!

РЕМБО (смѣется). Что ты задумала?

ЭММА. А ты что?

РЕМБО. Нѣтъ, ты скажи первая.

ЭММА. О мальчикѣ?

РЕМБО (смѣется). Конечно, о мальчикѣ. (За сценой оркестръ играетъ польку). Ты напрасно за него безпокоишься. Онъ сильный и ловкій и, я думаю, удачливый.

ЭММА (робко). Отчего ты тогда не хотѣлъ отдать его въ училище?

Рембо. Я думаю, что было бы совсѣмъ напрасно. Кровь всегда должна сказаться... (Задумчиво) Я или соль, я или соль... Ты посчитай: у тебя прадѣдъ, дѣдъ, отецъ, всѣ цирковые, у меня тоже. Стало-быть, по четыре поколѣнія. Это такъ же вѣрно, какъ то, что у предковъ-пьяницъ—потомки-пьяницы.

Эмма. Послушай! Я наконецъ вспомнила.

Рембо. Твой сонъ?

Эмма. Да. Это было такъ страшно. Мнѣ снилось, что откуда-то къ намъ пришли люди, очень много людей, и они что-то несли на рукахъ и прятали отъ меня. Они закрывались отъ меня.

Рембо. Что несли?

Эмма. Не знаю. Не могу вспомнить.

Рембо. Ты, правда, не знаешь?

Эмма. Нѣтъ, я не знаю, не знаю... Не спрашивай меня..

Рембо (свиститъ въ тактъ мотиву). Да и мнѣ самому сегодня тяжело съ утра. Хорошо будетъ, когда они женятся. Оба они такіе славные.

Эмма. Она милая.

(Пауза. Музыка перестаетъ играть. Оба вздрагиваютъ. За сценой аплодисменты).

Рембо (кричить). Конюхъ! (Входитъ конюхъ). Скажи моему сторожу, чтобы вывелъ изъ клѣтки собакъ. И, пожалуйста, чтобы Бишку никто не смѣлъ трогать. (Конюхъ уходитъ). Вотъ видишь ли, Эмма, почему я такъ увѣренъ въ сынѣ. Смотри, онъ одинаково ловокъ на турникѣ, и въ воздушной работѣ, и на канатѣ. А если будетъ нужно, изъ него выйдетъ прекрасный клоунъ. (За сценой музыка играетъ галопъ). Нѣтъ, все-таки Ольга была права. Альказара слѣдовало бы застрѣлить. Лошадь старая и капризная. Знаешь что? Поидемъ сегодня всѣ четверомъ ужинать. Покутимъ немного, мнѣ такъ радостно глядѣть на ихъ любовь.

Эмма. Смотри, не сглазь.

Рембо (смѣется). Ничего,—у меня глаза сѣрые. Однако я буду одѣваться. Дай мнѣ, Эмма, пальто и все другое.

(Эмма подаетъ ему длинное до пять пальто, смятую шапку, чемоданъ и пр. Онъ одѣвается).

ЭММА. Сегодня утромъ за кофе я разбила чашку...

РЕМБО. Я тебѣ куплю новую, еще лучше. И ты къ ней такъ же привыкнешь, какъ къ старой.

ЭММА. Можно ко всему привыкнуть... Отчего Ольга вдругъ стала такая печальная?

РЕМБО. Не знаю. Просто устала.

(Пауза).

ЭММА. Понимаешь, они кого-то принесли... Это я про свой сонъ... Я въ тревогѣ кинулась къ нимъ... но они отталкивали меня и все смѣялись, такъ тихо смѣялись... и закрывали отъ меня то, что они несли.

РЕМБО. Что они несли?

ЭММА. Не знаю, я не знаю.

РЕМБО (гнѣвно). Эмма, я тебѣ приказываю замолчать. Слышишь—замолчи. Я не хочу этого... Я сейчасъ ийду готовиться къ выходу. Собери вещи. И подождите меня послѣ моего номера. Мнѣ нужно будетъ сказать нѣсколько...

(Музыка рѣзко обрывается. Тишина. Потомъ крики ужаса и шумъ бѣготни по коридору).

ЭММА (кидаясь къ двери). Что случилось? Что такое случилось?! Это онъ, онъ!

РЕМБО (хватаетъ ее за руку). Не смѣй! Я тебѣ говорю, не смѣй... Оставайся здѣсь!

ЭММА. Пусти меня. Это Энрико... Онъ упалъ... Пусти меня... Мой сонъ, мой сонъ!..

РЕМБО. Я прошу тебя... Ты его только напугаешь...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Входит большая толпа. Зрители, молодые люди въ учебныхъ формахъ, артисты, въ униформѣ полицейскій, директоръ, потомъ докторъ. Вносятъ на чьей-то шубѣ разбившагося Энрико. Онъ неподвиженъ.

Голоса. Осторожнѣе, осторожнѣе въ дверяхъ... Господи, какой ужасъ. Какъ она его копытомъ! Заходите впередъ. Тише около дверей... такъ, такъ... Опускайте на полъ. Тихонько. Осторожно. Ахъ, бѣдняга, бѣдняга!

Эмма. Энрико! Мой Энрико!.. (Наклоняется къ сыну и стонетъ. Рембо около нея).

Голоса. Поплите за докторомъ. Здѣсь долженъ быть цирковый докторъ. Я видѣлъ, какъ онъ ударился спиною о барьеръ. Ужасъ! Навѣрно, переломъ позвоночника... Господа, навѣрно, въ циркѣ есть же какой-нибудь докторъ... Нѣтъ, это настоящее безобразіе—выпускать такихъ лошадей... Это безобразіе!

Директоръ (артисту). Идите, анонсируйте, что ничего опаснаго нѣтъ... Обморокъ.

Околоточный. Господа, прошу постороннихъ разойтись. Прошу васъ, очистите уборную. Господинъ студентъ, будьте добры... Что-съ? Извольте удалиться... Господа, ну что вамъ здѣсь нужно?.. Вамъ что-съ?

Докторъ. Я врачъ. Состою врачомъ при циркѣ.

Директоръ. Это нашъ докторъ. Докторъ, пожалуйста сюда.

Околоточный. Ахъ, виноватъ. Пожалуйста... Проходите... Такой несчастный случай... Господа, я вамъ сто разъ говорю: очистите уборную. Осадите!

Голоса. Не имѣете права... Самъ кричишь.

Околоточный. Михальчукъ, замѣть этого!.. Послѣдній разъ, прошу честию, господа... Пожалуйста... пожалуйста.

(Постепенно уборная пустѣетъ. Публика съ ропотомъ удаляется, тѣсняемая околоточнымъ. На сценѣ остаются: Рембо, Эмма, Энрико, директоръ, два-три артиста, докторъ и околоточный).

ЭММА. Докторъ! Вѣдь онъ живъ? Скажите скорѣе... Ахъ, вѣдь это мой сынъ...

РЕМБО. Тише, Эмма.

ДОКТОРЪ. Тише, мадамъ. Не волнуйтесь заранѣе. Положеніе опасное, но онъ живъ. Нѣтъ ли воды? А еще лучше нашатырнаго спирту или одеколону? Не отчаивайтесь, мадамъ.

РЕМБО. Вотъ одеколонъ... вода, докторъ. (Подаетъ).

ДОКТОРЪ. Спасибо... Я боюсь, что не всѣ кости въ порядкѣ... Сейчасъ посмотримъ... Очень глубокой обморокъ.

(Энрико стонетъ).

ЭММА. О, Боже мой, Боже мой! Энрико! Ой, ой, ой, ой...

ДОКТОРЪ. Не надо, не надо такъ...

РЕМБО. Эмма!

(Эмма продолжаетъ стонать).

ДИРЕКТОРЪ (подходя къ двери, кричитъ въ нее). Господинъ капельмейстеръ! Давайте!.. Ахъ, это вы, м-ше Ольга! Какое несчастье!

(Музыка играетъ вальсъ. Рембо снимаетъ пальто, остается въ клоунскомъ костюмѣ и въ шляпѣ).

ОЛЬГА. Ахъ! Энрико! Онъ умеръ!

ЭММА. Мальчикъ мой! Мальчикъ мой!

РЕМБО (беретъ Ольгу за руку). Ольга... будь тверда. Онъ только въ обморокъ.

ОЛЬГА. Хорошо, отецъ. Я буду тверда. Милая мама, онъ живъ... Я вамъ говорю, онъ живъ...

ДОКТОРЪ. Еще попрошу: нѣтъ ли какой-нибудь мягкой чистой тряпочки. И пошлите кого-нибудь въ аптеку за бинтомъ. Спросите: хирургическій бинтъ, ваты, марли.

РЕМБО (обращается къ товарищу-артисту). Антоній, другъ, сходите поскорѣе въ аптеку. Вотъ здѣсь деньги, около зеркала.

(Ольга подаетъ тряпку).

ДОКТОРЪ. Хорошо. Рвите ее на длинныя полосы пошире... вотъ такъ. (Энрико стонетъ). Теперь помогите мнѣ.

ЭММА. Мой мальчикъ! (Склоняется къ нему).

Докторъ (нетерпѣливо). Да вы же сами ему дѣлаете больно... Ради Бога... кто-нибудь... возьмите ее... дайте ей воды... Она мѣшаетъ мнѣ.

(Рембо и другой артистъ отводятъ Эмму на сторону. Она тихо плачетъ).

Докторъ. Вотъ такъ... такъ... Теперь, барышня, помогите мнѣ его повернуть на бокъ. Я посмотрю позвоночникъ. Держите руку.

Директоръ. Рембо, подите ко мнѣ на минутку.

Рембо. Сейчасъ. (Подходить). Въ чемъ дѣло?.. Поскорѣе.

Директоръ. Рембо, вашъ выходъ. Прошу васъ идти на манежъ.

Рембо. На манежъ? Да что вы говорите!

Директоръ. Полно, Рембо. Будьте же мужчиной. Будьте добрымъ товарищемъ.

Рембо. Вы съ ума сошли. Оставьте меня. Поглядите на этихъ двухъ женщинъ. Изъ чего у васъ сдѣлано сердце?

Директоръ. Вы по контракту не имѣете права отказываться... Я возьму неустойку...

Рембо. Берите, что хотите. Отказываюсь. Къ чорту васъ вмѣстѣ съ вашимъ контрактомъ. Уйдите отсюда! Ну! Слышите? Сейчасъ уйдете!

Энрико (очень громко). Ольга! (Вздрагиваетъ и вытягивается).

Ольга. Любовь моя!

Эмма (вырываясь). Пустите меня! Энрико!

Директоръ (удерживая Рембо за руку). Рембо, послушайте.

Рембо. Уйдите.

Директоръ. Вашъ номеръ послѣдній въ отдѣленіи. Кромѣ васъ никто еще не одѣтъ. Понимаете ли вы меня? Сейчасъ публика начнетъ расходиться. Понимаете ли вы, что это значитъ? Они потребуютъ назадъ деньги... дурное впечатлѣніе... завтра газеты подхватятъ. Идите, Рембо!

Рембо. У меня вѣдь сынъ умираетъ. Ахъ! Пустите мою руку. Пустите меня!

Директоръ. Рембо, я требую этого не отъ своего имени, а отъ всѣхъ товарищей. Вы давно служите. Вы знаете, что, если публика разоидется—будетъ скандалъ на весь городъ. А это значить—конецъ, зарѣзъ для цирка. Намъ перестанутъ посѣщать.

Рембо. Лжете! Неправда! Скажите имъ, что на манежѣ каждый вечеръ разбиваются люди до смерти, и они толпой къ вамъ повалить... Увеличьте цѣны въ десять разъ, все равно билеты будутъ разбираться за недѣлю.

Артистъ (въ дверяхъ). Рембо, ради Бога идите, кромѣ васъ никого нѣтъ. Публика расходится.

Директоръ. Видите? Изъ-за вашего упрямства погибнетъ дѣло. Теперь середина сезона. Вы сдѣлаете своихъ товарищей нищими. Поймите это.

Другой артистъ (стоя около Эммы). Рембо, директоръ правъ. Тебѣ надо итти на манежъ.

Рембо (ему горько). Адвентъ, ты мой старый товарищ... Скажи честно, нѣтъ, только честно: ты бы пошелъ, если бы здѣсь лежалъ не мой бѣдный мальчикъ, а твоя Алиса?

Другой артистъ. Клянусь Богомъ, я бы пошелъ.

Рембо. И ты лжешь! О, Боже мой! Дорогой докторъ! (Подбѣгаетъ). Дорогой докторъ! Скажите... Скажите имъ что-нибудь! Вы подумайте только. Вотъ лежитъ мой Энрико, мой единственный мальчикъ. Вотъ онъ, разбитый, можетъ-быть, умирающій... А я долженъ итти, кувыркаться въ опилкахъ, разбивать себѣ носъ о барьеръ...

Докторъ. Въ самомъ дѣлѣ, неужели его нельзя никѣмъ замѣнить? Правда, помощи отъ него никакой...

Артистъ (въ дверяхъ). Да скорѣе же, Рембо! Allez!

Другой артистъ. Рембо, будь же товарищемъ. Allez!

Директоръ. Ну вотъ, теперь вы видите, Рембо? Идите же. Allez!

Рембо. О, дьяволы! Хорошо. Я иду. (Съ рыданіемъ) Я плисоль!.. Я плисоль!.. (Кидается къ сыну). Энрико. обожае-

мый мой мальчик! Докторъ, спасите мнѣ его. Вотъ я сталъ на колѣни. Дайте мнѣ поцѣловать вашу руку. Не хотите? Ну, извините, извините меня... Спасите его ради матери... Я всю жизнь...

АРТИСТЪ (въ дверяхъ). Рембо!

РЕМБО. Ахъ!.. Иду! (Пробѣгая мимо директора, швыряетъ ему въ лицо шляпу). Звѣрь! (За кулисами громко) Я плисолъ... Я плисолъ!

(Директоръ уходитъ за нимъ, поднявъ сначала шляпу. Пауза. Музыка перестаетъ).

ДОКТОРЪ (встаетъ, нервно вытираетъ лицо платкомъ). Такъ я... пойду...

ЭММА. Докторъ! Ахъ! (Падаетъ на трупъ сына).

ОЛЬГА. Куда вы? Куда вы?

ОКОЛОТОЧНЫЙ (смотреть на доктора. Тотъ медленно опускаетъ голову. Тихо). Пойдемте. Надо подписать протоколъ.

ОЛЬГА (обнявъ мать, плачетъ). Мама! Мама! Мама! Мама

(За сценой взрывъ аплодисментовъ и хохотъ).

Занавѣсъ.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ.

Дорогой другъ мой!

Опять, какъ и прошлой весной, я пріѣхала сюда, на берегъ моря, въ нашу санаторію. Даже и номеръ мнѣ попался тотъ же самый. Только въ немъ зимой пере-мѣнили обои, и потому въ комнатѣ до сихъ поръ слегка пахнетъ клеємъ. Не знаю, какъ у другихъ, но у меня этотъ запахъ всегда вызываетъ ту сладкую и тихую грусть, которая такъ неразрывно связана съ воспомина-ніями дѣтства. Можетъ-быть, это осталось у меня еще съ института. Помню, какъ, бывало, привозили меня туда послѣ долгихъ лѣтнихъ каникулъ. Ходишь по давно зна-комымъ дортуарамъ, по классамъ, по коридорамъ и вездѣ слышишь запахъ клея, свѣжей краски, известки и лака. И чувствуешь съ тревожной грустью, что опять пересту-паешь черезъ какую-то новую грань жизни и смутно жа-лѣешь о прошедшемъ, оставшемся по ту сторону — съ-ромъ, будничномъ, непріятномъ, но уже потому беско-нечно-милымъ, что оно прошло и никогда-никогда не повторится... Ахъ, это прошлое! Какое таинственное, не-отразимое обаяніе сохраняетъ оно надъ нашей душой! Вѣдь и вамъ, мой дорогой, я только потому осмѣли-ваюсь писать, что сегодня съ самаго утра чувствую себя во власти прошлогоднихъ воспоминаній.

Я сижу въ настоящую минуту за письменнымъ столомъ, но стоить мнѣ оторвать отъ него глаза, и я вижу море, то самое море, въ которое мы съ вами—помните?—были такъ поэтически влюблены. Впрочемъ, даже и не глядя, я чувствую его. Оно какъ будто бы подымается вверхъ ровной, темно-синей пеленой до половины моего окна, раскрытаго настежь. Надъ нимъ—голубое небо, совсѣмъ безоблачное и торжественно-спокойное. А подъ окномъ цвѣтеть яблоня. Одна изъ ея вѣтвей—такая пышная, вся сплошь покрытая нѣжными цвѣтами, прозрачно-бѣлыми на солнцѣ и чуть-чуть розовыми въ тѣни,—заглядываетъ ко мнѣ въ комнату. Когда съ моря набѣгаетъ легкій вѣтерокъ, она слабо раскачивается, точно кланяясь мнѣ съ тихимъ дружескимъ привѣтомъ, и еле слышно шуршитъ о зеленый рѣшетчатый ставень. Я смотрю и не могу досыта насмотрѣться на эти плавныя движенія бѣлой, осыпанной цвѣтами вѣтки, которая съ такой мягкой, прелестной отчетливостью, такъ граціозно рисуется на глубокой, могучей и радостной синевѣ моря... И мнѣ просто хочется плакать отъ умиленія передъ этой незатѣйливой красотой.

Наша санаторія тонетъ (простите за старенькое сравненіе) въ бѣлыхъ волнахъ цвѣтущихъ грушъ, яблонь, миндаля и абрикосовъ. Говорятъ, что на языкѣ прежнихъ обитателей-черкесовъ эта очаровательная приморская деревушка называлась «Бѣлой невѣстой». Какое милое и какое вѣрное названіе! Такъ и вѣть отъ него колоритнымъ языкомъ восточной поэзіи, чѣмъ-то выхваченнымъ прямо изъ «Пѣсни пѣсней» царя Соломона.

Дорожки нашего сада густо покрыты падающими съ деревьевъ легкими бѣлыми лепестками, а когда подымается вѣтеръ, то кажется, будто снѣгъ крупными хлопьями медленно опускается съ деревьевъ на землю. Эти легкія снѣжинки залетаютъ ко мнѣ въ комнату, осыпаютъ

письменный столъ, садятся на платье и на волосы... и я не могу, да и не хочу отдѣлаться отъ воспоминаній, которыя волнуютъ меня и кружатъ мнѣ голову, какъ старое ароматное вино...

Это было прошлой весной, на третій или на четвертый день послѣ вашего прїѣзда въ санаторію. Было такое же тихое, прохладное, сіяющее утро. Мы сидѣли на южной верандѣ, я—въ креслѣ-качалкѣ, крытомъ голубой парусиной (помните это кресло?), а вы—на перилахъ веранды, прислонившись къ угловому столбу и обхвативъ его рукой. Боже мой! Вотъ и сейчасъ, написавъ эти строчки, я остановилась, закрыла на нѣсколько мгновеній глаза руками, и опять передо мною съ необыкновенной ясностью стало ваше тогдашнее лицо—худое, блѣдное, съ тонкими, изящными чертами, съ прядью темныхъ волосъ, небрежно свѣсившихся на бѣлый лобъ, и съ глубокими, печальными глазами. Я представляю себѣ даже ту задумчивую и разсѣянную улыбку, которая чуть замѣтно трогала ваши губы, когда вы говорили, мечтательно глядя на падающіе лепестки бѣлыхъ цвѣтовъ:

— Вотъ и яблони осыпаются... А весна вѣдь только въ самомъ началѣ. Отчего этотъ быстрый и пышный расцвѣтъ южной весны всегда возбуждаетъ во мнѣ такое болѣзненное ощущеніе тоски и неудовлетворенности? Кажется, не далѣе, какъ вчера, я съ волненіемъ глядѣлъ, какъ наливаются первыя почки, а сегодня ужъ облѣтаютъ цвѣты, и знаешь, что завтра придетъ холодная осень. Не правда ли, какъ это похоже на нашу жизнь? Смолоду живешь одними надеждами, все думаешь, вотъ-вотъ настанетъ что-то великое, захватывающее, а потомъ вдругъ точно проснешься и видишь, что у тебя ничего не осталось, кромѣ воспоминаній и тоски по прошлому, и самъ не можешь сказать, въ какую пору про-

шла твоя настоящая жизнь — полная, сознательно-прекрасная жизнь.

Видите, какъ хорошо помню я ваши слова. Все, что связано съ вами, запечатлѣлось въ моей душѣ яркими, выпуклыми образами, которыми я такъ же дорожу, люблю и наслаждаюсь, какъ скупой своимъ золотомъ. Я вамъ признаюсь даже, что и пріѣхала я сюда только потому, что мнѣ хотѣлось еще разъ увидѣть хоть изъ оена кусочекъ нашего моря и нашего неба, чувствовать тонкій ароматъ цвѣтущей яблони, слышать по вечерамъ сухое стрекотаніе кузнечиковъ и... безъ конца переживать воображеніемъ тѣ наивныя, блѣдныя воспоминанія, надъ мелочностью которыхъ разсмѣялся бы здоровый человѣкъ. Ахъ, эти здоровые люди!.. Съ ихъ грубымъ аппетитомъ къ жизни, съ бездной могучихъ ощущеній, испытываемыхъ ихъ крѣпкимъ тѣломъ и равнодушно-расточительной душой, они даже и представить себѣ не могутъ тѣхъ неувлимо-тонкихъ, непередаваемо-сложныхъ оттѣнковъ настроеній, которые постоянно испытываемъ мы, обреченные чуть не съ самаго дня рожденія на однообразное прозябаніе въ больницахъ, курортахъ и санаторіяхъ!..

Здѣсь все попрежнему. Только васъ нѣтъ, мой дорогой другъ и учитель. Вы, конечно, догадываетесь, что я, по газетнымъ вѣстямъ, узнала о томъ, что ваше здоровье поправилось, и что вы снова заняли кафедру. Нашъ милѣйшій, жизнерадостный, какъ и всегда, докторъ подтвердилъ это, сіяя отъ самодовольствія. Безъ сомнѣнія, онъ приписываетъ ваше выздоровленіе своей системѣ теплыхъ ваннъ и изобрѣтенному имъ пищевому режиму. Ни въ то, ни въ другое, какъ вамъ извѣстно, я не вѣрю, но тѣмъ не менѣе готова была расцѣловать этого добродушнаго эгоиста и наивнаго корыстолюбца за его сообщеніе о вашемъ здоровьѣ

Зато мной онъ совсѣмъ недоволенъ: это я видѣла по тому, какъ онъ покачивалъ головой, морщилъ губы и громко, съ озабоченной серьезностью, дышалъ носомъ, когда выслушивалъ и выстукивалъ мою грудь. Въ заключеніе, онъ совѣтовалъ мнѣ перебраться куда-нибудь на настоящій югъ, — въ Ментону, или даже въ Каиръ; совѣтовалъ съ неуклюжей и шутиливой осторожностью, плохо однако, маскировавшей безпокойство, которое бѣгало въ его глазахъ. Очевидно, онъ боится того плохого впечатлѣнія, которое произведетъ среди его пациентовъ моя смерть, и заранѣе хочетъ избавить ихъ отъ этой неприятности. Мнѣ очень жаль будетъ причинить невольно ущербъ доброй репутаціи его заведенія, но все-таки я считаю себя въ правѣ позволить себѣ роскошь умереть именно въ этомъ мѣстѣ, освященномъ трогательной прелестью ранней весны.

Тѣмъ болѣе, что это случится гораздо скорѣе, чѣмъ онъ предполагаетъ; можетъ-быть, даже раньше, чѣмъ облетятъ послѣдніе бѣлые лепестки съ моей яблони. Скажу вамъ по секрету, что я уже не хожу, никуда дальше веранды, да и это мнѣ страшно трудно, хотя у меня все же хватаетъ мужества отвѣчать безпечной улыбкой на тревожно-вопросительные взгляды доктора. Но не думайте, что я жалуясь вамъ въ себялюбивой надеждѣ вызывать къ себѣ состраданіе. Нѣтъ! Я просто хочу воспользоваться правомъ умирающей говорить то, о чемъ изъ условной стыдливости молчатъ здоровые люди. Кромѣ того, мнѣ хочется сказать вамъ, что смерть совсѣмъ не страшитъ меня, и что вамъ, мой другъ, только вамъ я обязана этимъ философскимъ спокойствіемъ. Я теперь вполне понимаю ваши слова: «Смерть есть наиболѣе простое и нормальное изъ всѣхъ жизненныхъ явленій. Человѣкъ рождается на свѣтъ и живетъ вслѣдствіе однѣхъ случайностей, но только умираетъ по неизбѣжному за-

кону». Этотъ прекрасный афоризмъ сталъ мнѣ теперь особенно понятенъ.

Да, вы многому научили меня. Безъ васъ я никогда не постигла бы тѣхъ тонкихъ, медленныхъ наслаждений, которыя можетъ дать прочитанная книга, изящная и глубокая мысль творческаго ума, вдохновенная музыка, красота солнечнаго заката, аромать цвѣтка и, главное—самое главное—духовное общеніе двухъ утонченныхъ натуръ, у которыхъ, благодаря тяжелому недугу, нервная восприимчивость доходитъ до степени экзальтаціи, а взаимное пониманіе принимаетъ характеръ безмолвнаго ясно-видѣнія.

Помните ли вы наши долгія, неторопливыя прогулки вдоль морскаго берега, подъ отвѣсными лучами солнца, въ тѣ знойныя, лѣтніе, полуденныя часы, когда все, кажется, замираетъ въ безсильной истомѣ, и только волны съ тихимъ шелестомъ и шипѣніемъ набѣгаютъ на желтый горячій песокъ и уходятъ назадъ въ сверкающее море, оставляя послѣ себя влажную зубчатую кайму, которая такъ же быстро исчезаетъ, какъ слѣдъ отъ дыханія на стеклѣ? Помните ли, какъ тайкомъ отъ доктора, не позволявшаго никому оставаться на воздухѣ послѣ солнечнаго заката, мы пробирались въ теплыя лунныя ночи на террасу? Свѣтъ мѣсяца прорѣзывалъ густыя шпалеры изъ дикаго винограда и причудливымъ легкимъ кружевомъ ложился на полу и на бѣлой стѣнѣ. Въ темнотѣ мы не видѣли, но угадывали другъ друга, и боязливый шопотъ, которымъ мы должны были изъ предосторожности разговаривать, сообщалъ даже самымъ простымъ словамъ глубокое, интимное, волнующее значеніе. Помните ли, какъ въ дождливыя дни, когда море на цѣлыя сутки заволакивалось туманомъ, а въ воздухѣ пахло мокрымъ пескомъ, рыбою и освѣженными листьями, мы забирались въ мою уютную комнату и читали Шекспира,

читали понемножку, какъ истинные лакомки, вдумчиво наслаждаясь каждой страницей, каждой искрой этого великаго ума, который становился для меня еще глубже, еще проникновеннѣе, благодаря вашимъ тонкимъ комментаріямъ. Эти книжки въ мягкихъ переплетахъ изъ нѣжнаго зеленаго сафьяна и теперь со мной. Въ нихъ, на нѣкоторыхъ страницахъ, до сихъ поръ остались кое-гдѣ ваши «отмѣтки рѣзкія погтей», и когда я вновь вижу эти уцѣлѣвшіе символы, такъ живо напоминающіе мнѣ о нашемъ нѣжномъ восторгѣ передъ красотами и безднами шекспировскаго гения, мной овладѣваетъ тихое, меланхолическое умиленіе.

Помните ли... Ахъ, я безъ конца готова была бы повторять этотъ вопросъ, но я чувствую, что уже начинаю уставать, а, между прочимъ, мнѣ еще хочется сказать вамъ такъ много.

Вѣдь вы, конечно, можете себѣ представить, что здѣсь, въ санаторіи, я осуждена на вѣчное молчаніе. Меня просто изъ себя выводятъ эти обычные, стереотипныя фразы, которыми обмѣниваются наши больные, встрѣчаясь поневолѣ за завтракомъ, за обѣдомъ, за чаемъ. Говорятъ все объ одномъ и томъ же: одинъ взялъ сегодня утромъ ванну двумя градусами ниже вчерашняго, другой съѣлъ винограду на фунтъ больше, третій взобрался, не останавливаясь, на крутой откосъ, ведущій къ морю, и — представьте! — даже не запыхался. О своихъ болѣзняхъ рассказываютъ подолгу, съ эгоистичнымъ удовольствіемъ, иногда съ противными подробностями... Каждому непременно хочется увѣрить остальныхъ, что такихъ необычайныхъ осложнений и такихъ жестокихъ страданій, какъ у него, не можетъ быть ни у кого другого. Бѣда, когда сталкиваются два конкурента, хотя бы по вопросу о простой головной боли. Тутъ пускаются въ ходъ презрительныя пожатія плечами, кривыя прони-

ческія улыбки, высокоомѣрныя мины и самыя «ледяныя» взгляды. — «Что вы мнѣ говорите о своей мигрени! Ха-ха! Это, право, даже смѣшно! Воображаю, что бы вы сказали, если бы у васъ были такія жестокія боли, какія я испытываю каждый день!» Болѣзнь здѣсь служитъ предметомъ гордости и соревнованія, какимъ-то страннымъ патентомъ на смѣшное самоуваженіе, чѣмъ-то въ родѣ почетнаго ордена. Положимъ, я замѣчала это явленіе и у здоровыхъ людей, но здѣсь, среди больныхъ... оно становится ужаснымъ, отвратительнымъ, невѣроятнымъ!..

Поэтому я всегда радуюсь, когда наконецъ остаюсь одна въ моемъ уютномъ и недоступномъ уголкѣ. Впрочемъ, нѣтъ, — я не одна: со мной постоянно мы и моя любовь. Вотъ я выговорила это слово, и оно вовсе не обожгло моихъ губъ, какъ это бываетъ въ романахъ.

Впрочемъ, я и сама не знаю, можно ли называть любовью это тихое, блѣдное, полумистическое чувство?

Я не стану отъ васъ скрывать, что дѣвушки нашего круга имѣютъ о любви гораздо болѣе точныя и реальныя свѣдѣнія, чѣмъ это предполагаютъ ихъ родители, благодушно глядя сквозь пальцы на модное ухаживаніе. Въ институтѣ объ этомъ предметѣ говорятъ очень много, при чемъ любопытство придаетъ ему какія-то таинственныя, преувеличенныя, даже уродливыя свойства. Изъ романовъ и изъ разсказовъ замужнихъ подругъ мы узнаемъ о безумныхъ поцѣлुяхъ, о жаркихъ объятіяхъ, о ночахъ блаженства, о нѣгѣ и. Богъ знаетъ о чемъ еще. Все это мы воспринимаемъ инстинктомъ, полусознательно, и — вѣроятно, въ зависимости отъ темперамента, испорченности и догадливости—въ большей или меньшей степени глубоко...

Въ этомъ смыслѣ моя любовь — не любовь, а сантиментальная и смѣшная игра воображенія. Больная, хилая и слабая — я съ самаго дѣтства питала ужасъ ко всѣмъ

явленіямъ, гдѣ такъ или иначе выказывается физическая мощь, грубое здоровье и алчность къ жизни. Быстрая ѣзда на лошадахъ, видъ рабочаго, несущаго на спияѣ огромную тяжесть, большая толпа, громкій крикъ, чрезмѣрный аппетитъ, сильные запахи — все это приводитъ меня въ трепетъ, или вызываетъ во мнѣ брезгливость. И эти же самыя чувства я испытываю, когда моя мысль случайно остановится на настоящей чувственной любви здоровыхъ людей, съ ея тяжелыми, нелѣпыми и безстыдными деталями.

Но если назвать любовью то исключительно тонкое духовное сліяніе двухъ людей, при которомъ чувства и мысли одного, какими-то таинственными токами, передаются другому, когда слова уступаютъ мѣсто безмолвнымъ взглядамъ, когда чуть замѣтное дрожаніе вѣкъ или слабая тѣнь улыбки въ глазахъ говорятъ иной разъ гораздо больше, чѣмъ длинное признаніе въ любви у «людей шаблона» (употребляю ваше же выраженіе), когда, быстро встрѣтившись глазами за общимъ столомъ или въ гостини, при входѣ новаго лица или послѣ только-что сказанной кѣмъ-нибудь глупости, два человѣка умѣютъ безъ словъ подѣлиться общимъ впечатлѣніемъ — однимъ словомъ, если такого рода отношенія можно назвать любовью, то я смѣло скажу, что не только одна я, но что мы оба съ вами любили другъ друга...

И даже... даже не той любовью, которую насмѣшливо называютъ братской. Это я знаю потому, что у меня очень ярко сохранилось воспоминаніе объ одномъ случаѣ... единственномъ случаѣ, рассказывая о которомъ я боюсь покраснѣть. Это произошло надъ обрывомъ моря, въ виноградной бесѣдкѣ, которую и теперь, какъ и въ прошломъ году, съ жеманной чувствительностью называютъ «бесѣдкой любви». Было тихое-тихое утро, и море казалось зеленымъ, того блѣднаго и блестящаго зеленого цвѣта,

который бываетъ у нѣкоторыхъ породъ малахита; иногда по его спокойной глади медленно проползало плоское, неровное фиолетовое пятно — тѣнь отъ облака. Въ предшествующую ночь я плохо спала, и потому встала вся разбитая, съ головной болью и туго натянутыми нервами. За чаемъ я поговорила съ докторомъ, не такъ изъ-за его запрещенія купаться въ открытомъ морѣ, какъ изъ-за его самоувѣреннаго и пышущаго здоровьемъ вида. Жалуюсь вамъ на него въ бесѣдкѣ, я расплакалась. Помните ли вы этотъ случай? Вы растерялись, говорили какія-то безвязныя, но милыя, ласковыя слова и осторожно гладили меня, какъ ребенка, по волосамъ. Это участіе совсѣмъ растрогало меня, я прижалась головой къ вашему плечу, и вы... вы поцѣловали меня нѣсколько разъ подъ рядъ въ високъ и въ щеку. И я должна сознаться (такъ я и знала, что покраснѣю на этомъ мѣстѣ письма!), что эти поцѣлуи не только не были мнѣ противны, но даже доставили мнѣ пріятное, чисто-физическое удовольствіе, похожее на ощущеніе легкой, теплой волны, пробѣжавшей по всему моему тѣлу съ головы до ногъ.

Но этотъ случай былъ единственный. Вѣдь вы сами, мой другъ, говорили неоднократно, что для такихъ, какъ мы съ вами, истощенныхъ туберкулезомъ людей цѣломудріе является не добродѣтелью, а долгомъ.

И все-таки эта любовь, блеснувшая на мой печальный закатъ, была такъ ясна, такъ нѣжна, такъ болѣзненно-прекрасна! Помнится мнѣ, еще совсѣмъ маленькой дѣвочкой-институткой, я лежала въ лазаретѣ, въ громадной, пустой, страшно высокой комнатѣ, лежала почему-то отдѣльно отъ другихъ больныхъ и невыносимо скучала. И вотъ однажды мое вниманіе привлекла простая, но удивительная вещь: за окномъ, въ амбразурѣ, изъ мха, покрывавшаго кое-гдѣ выступы старой до-екатерининской стѣны, выросъ цвѣтокъ. Это былъ настоящій

больничный цвѣтокъ, съ вѣнчикомъ въ видѣ крошечной желтой звѣздочки и съ длиннымъ, тонкимъ, хрупкимъ, бѣлесовато-зеленымъ стебелькомъ. Я почти не отрывала отъ него глазъ и чувствовала къ нему какую-то жалостливую, задумчивую любовь. Дорогой мой, любимый! Этотъ больной, слабый желтый цвѣтокъ — вѣдь это моя любовь къ вамъ.

Вотъ и все, что я хотѣла сказать. Прощайте. Я знаю, что мое письмо немного растрогаетъ васъ, и это мнѣ заранѣе пріятно. Вѣдь такой любовью, именно такой, васъ, навѣрное, никто не любилъ и не полюбитъ...

Правда, есть у меня одно желаніе: это видѣть васъ въ тотъ таинственный часъ, когда завѣса начнетъ подниматься передъ моими глазами. Не для того, чтобы цѣпляться за васъ въ безмысленномъ страхѣ, а для того, чтобы въ минуту упадка, ослабленія воли, мгновеннаго и невольнаго страха, который — почему знать? — можетъ быть, овладѣетъ мною, вы крѣпко сжали бы мои руки и сказали бы мнѣ своими прекрасными глазами:

— Смѣлѣй, мой другъ... еще нѣсколько секундъ, и ты будешь знать все!..

Но я устою противъ этого соблазна. Сейчасъ я запечатаю это письмо, напишу адресъ, и вы получите его черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ я перешагну «загадочную черту знанія».

Послѣднимъ моимъ чувствомъ будетъ глубокая благодарность къ вамъ, озарившему мои послѣдніе дни любовью. Прощайте. Не тревожьтесь за меня, мнѣ хорошо... Вотъ, я закрыла глаза, и по моему тѣлу опять бѣжитъ теплая, сладостная волна, какъ и тогда... въ виноградной бесѣдкѣ... Голова такъ тихо и пріятно кружится. Прощайте!

НАТАЛЬЯ ДАВЫДОВНА.

Она шестнадцать лѣтъ была классной дамой въ N —скомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ и пользовалась исключительнымъ, непримѣрнымъ уваженіемъ со стороны какъ директрисы, такъ и всего высшаго начальства. Въ ней чтили ея педагогическую строгость, суровую преданность дѣлу и многолѣтній опытъ. Между другими классными дамами ходили слухи, что она пользуется у директрисы привилегіей интимныхъ докладовъ послѣ вечерняго чая. Поэтому ея не любили, сторонились отъ нея и побаивались.

Институтки трепетали передъ ней, и классъ ея всегда былъ образцовымъ по благонаравію и успѣхамъ: этого однако она достигала безъ криковъ, безъ наказаній, даже безъ жалобъ родителямъ дѣвочекъ и начальству. Было что-то властное въ ея холодномъ, немигающемъ взорѣ, чувствовалась увѣренная сила въ спокойномъ тонѣ ея голоса. Бойкая школьная семья ей одной изъ всѣхъ дамъ не могла дать хлесткаго, ходячаго прозвища.

Окончивъ курсъ въ институтѣ съ золотой медалью, она въ немъ же осталась классной дамой. У нея не было ни дѣтства, ни прошлаго, ни чего-нибудь похожего на самый невинный институтскій романъ — точно она и на свѣтъ Божій родилась только для того, чтобы стать классной дамой.

Однако она была красива. У нея было лицо съ тонкими чертами, желтоватое и смуглое, усыпанное хоро-

шенькими родинками. Такія лица, слегка чахоточнаго типа, всегда нравятся мужчинамъ. Ея таліи завидоваль весь институтъ. Тѣмъ не менѣе никто не покушался за нею ухаживать. Каждому казалось, что онъ однимъ легкомысленнымъ помысломъ обидить эту дѣвушку, всю себя посвятившую воспитанію дѣтей.

Кто-то изъ знатныхъ попечителей института назвалъ ее «безсмѣннымъ часовымъ». Дѣйствительно, службѣ она посвящала двадцать часовъ въ сутки — остальные четыре часа шли на сонъ. Впрочемъ, иногда, проснувшись среди ночи, она неслышными шагами обходила дортуары, какъ и всегда, туго затянутая корсетомъ, застегнутая на всѣ пуговицы форменнаго платья. Отъ нея не укрывалась ни одна мелочь изъ сѣрой жизни ея птичника, точно она обладала способностью читать помыслы въ самомъ ихъ зрѣніи.

За все время своей долгой службы Наталья Давыдовна только однажды воспользовалась долгимъ отпускомъ — именно тогда, когда, по совѣту докторовъ, она вынуждена была уѣхать на четыре мѣсяца, для поправленія своего расшатаннаго службой здоровья, купаться въ одесскихъ лиманахъ. Кромѣ этого случая, она почти не покидала стѣнъ института. Только изрѣдка, не чаще раза въ два или три мѣсяца, она испрашивала позволеніе провести ночь съ субботы на воскресенье у своей больной тетки, жившей гдѣ-то на самомъ краю города и страдавшей нѣсколько лѣтъ подъ рядъ жестокой женской болѣзью, не позволявшей этой почтенной женщинѣ никогда вставать съ кресла.

Но, проведя мучительную ночь у постели больной, страдавшей страшной бессонницей и къ тому же капризной и раздражительной, Наталья Давыдовна рано утромъ уже являлась въ институтъ, чтобы вмѣстѣ со своимъ классомъ поспѣть къ обѣднѣ. По окончаніи службы, когда директриса, первой приложившись ко кресту, становилась

на видномъ мѣстѣ около клироса, а всѣ классныя дамы, возвращаясь отъ креста, дѣлали ей реверансы, она знакомъ головы подзывала къ себѣ Наталью Давыдовну:

— Eh bien! Comment se porte madame votre tante?

— Princesse, Dieu seul peut la sauver. Elle souffre beaucoup, — отвѣчала классная дама, вздыхая и глядя признательно на начальницу.

— Pourquoi n'êtes vous pas restée encore auprès d'elle?

— Je suis venue pour remplir mon devoir, princesse.

— Mais vous même, mon enfant, vous avez l'air malade.

— Ma tante n'a pas fermé l'œil pendant toute la nuit.

— Pauvre enfant! Vous perdez votre santé. Allez vite vous reposer, ma chérie. Я сейчасъ же прикажу прислать вамъ бульону и вина.

Видъ въ эти воскресенья у Натальи Давыдовны бывалъ совсѣмъ болѣзненный. Казалось, она только-что встала послѣ тяжкаго недуга, или очнулась отъ безумной оргіи: такъ было блѣдно и истомлено ея лицо со ввалившимися, окруженными тѣнью глазами, съ пересохшими и искусанными губами.

Но дѣло въ томъ, что никакой тетки у Натальи Давыдовны вовсе даже и не было. И всего удивительнѣе то, что въ продолженіе шестнадцати лѣтъ никто въ этомъ ни разу не усомнился.

Разъ въ два или три мѣсяца, въ субботу, послѣ всеобщей, Наталья Давыдовна скромно спрашивала директрису:

— Me permettez vous, princesse, d'aller voir ma tante?

— Mais certainement, mon enfant. Seulement ne vous fatiguez pas trop.

И Наталья Давыдовна, убѣдившись, по обыкновенію,

что ея птичникъ спитъ крѣпкимъ сномъ утомившейся за день молодости, медленно выходила изъ институтскихъ воротъ, мимо почтительно кланявшихся ей сторожей и швейцаровъ.

Отойдя довольно далеко отъ ограды, она вынимала изъ кармана густую черную вуаль, окутывала ею лицо, и вдругъ вся мгновенно измѣнялась. Это уже была кокетка, искательница приключеній, швейка изъ хорошаго магазина—все, что угодно, только не пунктуальная и строгая классная дама. Она шла свободной, развратной, слегка развинченной походкой женщины, привыкшей принадлежать сотнямъ мужчинъ. Она провожала головой встрѣчныхъ прохожихъ, вызывая смѣялась, когда ее затрагивали, и въ то же время, осторожная и внимательная, она зорко слѣдила, чтобы не попасться близко на глаза кому-нибудь, видѣвшему ее раньше.

Ея красивая фигура привлекала мужчинъ, но на всѣ предложенія она отрицательно кивала головой, отдѣляясь отъ самыхъ настойчивыхъ дерзкимъ, иногда циничнымъ восклицаніемъ, спасаясь отъ пьяныхъ бѣгствомъ. Она искала. Давній опытъ и безошибочный инстинктъ тайной развратницы указывали ей среди сотенъ обращенныхъ на нее съ вожделѣніемъ лицъ то, которое ей было нужно. Во взглядѣ, въ хищномъ профилѣ нижней челюсти, въ плотоядной улыбкѣ бѣлыхъ и мелкихъ зубовъ; въ походкѣ, эта Мессалина узнавала черты страстного, ненасытнаго и неутомимаго самца и выбирала его. Къ красивой наружности, къ возрасту, къ костюму она оставалась совершенно равнодушной; иногда это бывалъ старикъ, иногда горбатый, иногда едва оперившійся кадетъ. Намѣченная ею жертва никогда не ускользала отъ нея. Случайное прикосновеніе ея локтя, бѣглый взглядъ, самый тонъ, которымъ она произносила шаблонныя уличныя фразы, заставляли желать ея близости. Безъ сомнѣ-

нія, существуютъ какія-то тайныя, незримыя нити, по которымъ мысли одного человѣка могутъ мгновенно сообщаться съ мыслями другого, хотя бы даже только-что встрѣченнаго на улицѣ.

Она везла своего избранника куда-нибудь на край города, въ грязную гостиницу съ самой скверной репутацией, и цѣлую ночь напролетъ, безъ отдыха, предавалась тѣмъ наслажденіямъ, какія только могло избрѣсти ея необузданное воображеніе. Утромъ, когда ея случайный другъ, утомленный чудовищной оргіей, засыпалъ тяжелымъ сномъ, поминутно вздрагивая, она тихо выскальзывалась изъ постели, одѣвалась и, заплативъ за всѣ ночные расходы, спѣшила на извозчикѣ въ институтъ. Ни разу никому она не дала второго свиданія, хотя всѣ, въ промежуткѣ между двумя ласками, умоляли ее объ этомъ.

Однажды ея любовникомъ былъ солдатъ, немолодой, очень грузный человѣкъ, кажется, штабный писарь. Это случилось въ декабрѣ. Подъ утро, когда стало разсвѣтать и занавѣски вырисовались на побѣлѣвшихъ окнахъ, онъ, возбужденный ея ласками, обнялъ ее, положивъ голову на ея грудь, и вдругъ захрипѣлъ и остался неподвижнымъ. Черезъ нѣсколько секундъ, въ продолженіе которыхъ Наталья Давыдовна безпокойно разспрашивала его, что съ нимъ, писарь сталъ холодѣть. Тогда она догадалась и, видя себя отъ ужаса, закричала такимъ отчаяннымъ голосомъ, что номерная прислуга сбѣжалась и выломала двери.

Черезъ полчаса явилась полиція и судебный слѣдователь. Судебный слѣдователь, человѣкъ пожилой и умный, сразу узналъ Наталью Давыдовну, которую онъ видѣлъ каждый четвергъ въ пріемной залѣ института, куда пріѣзжалъ навѣщать свою дочь. Онъ хотѣлъ замять исторію, но его поразило ея безстыдство. Оправившись отъ ужаса, въ который ее привелъ мертвецъ, обнимавшій ея нагую грудь,

и видя, что все равно ея положеніе въ институтѣ погибло, — она стала цинично-откровенна. Она стояла передъ слѣдователемъ въ одной юбкѣ, убирала длинные волосы, закинувъ назадъ голыя руки, и, не выпуская изо рта шпилекъ, говорила ему:

— Васъ удивляетъ, какъ это шестнадцать лѣтъ никто не имѣлъ даже и тѣни подозрѣнія? Ахъ, это-то и доставляло мнѣ страшное удовольствіе. Знаете ли, иногда оставшись одна въ своей комнатѣ, я задыхалась отъ смѣха, когда вспоминала объ этомъ. Это было восхитительно! Слыть чуть ли не святой и по ночамъ распутничать. Да чтѣ я вамъ говорю! Вы, женатые мужчины, не хуже меня понимаете эти тайныя наслажденія. Повѣрите ли: никому и въ голову не приходило, что я ѣздила въ Одессу вовсе не для лимановъ, а просто потому, что была беременна.

Слѣдователь глядѣлъ на нее съ любопытствомъ, смѣшаннымъ со страхомъ.

— Но неужели вы ни разу не столкнулись съ вашими знакомыми? — спросилъ онъ, недоумѣвая.

Она расхохоталась.

— Нѣтъ, къ счастью, не встрѣтилась. Да, все равно, я ничѣмъ не рисковала, если бы и встрѣтилась. Я бы предложила ему пойти со мной — и только. Ну, скажите, вотъ вы, именно, почтенный человѣкъ и семьянинъ... Развѣ это предложеніе не заставило бы васъ одной своей оригинальностью побѣждать за мной? Вы, навѣрное, уже отъ своей дочери порядочно наслышались о моихъ добродѣтеляхъ!

И затѣмъ, вотьнувши гребенки въ волосы и сѣвъ на кресло, она спокойно прибавила:

— Потрудитесь послать за посыльнымъ. Я хочу его отправить въ институтъ за моими вещами и документами. Кстати: распорядитесь, чтобы мнѣ дали позавтракать.

ПО-СЕМЕЙНОМУ.

Было это... право, теперь мнѣ кажется порой, что это было триста лѣтъ тому назадъ: такъ много событій, лицъ, городовъ, удачъ, неуспѣховъ, радостей и горя легко между нынѣшнимъ и тогдашнимъ временемъ. Я жилъ тогда въ Кіевѣ, въ самомъ началѣ Подола, подъ Александровской Горкой, въ номерахъ «Днѣпровская Гавань», содержимыхъ бывшимъ пароходнымъ поваромъ, уволеннымъ за пьянство, и его женою Анной Петровной—сущей гіеной по коварству, жадности и злобѣ.

Насъ, постоянныхъ жильцовъ, было шестеро, всѣ—люди одинокіе. Въ первомъ номерѣ обиталъ самый старинный постоялецъ. Когда-то онъ былъ купцомъ, имѣлъ ортопедическій и корсетный магазинъ, потомъ втянулся въ карточную игру и проигралъ все свое предпріятіе; служилъ одно время приказчикомъ, но страсть къ игрѣ совершенно выбила его изъ колеи. Теперь онъ жилъ Богъ знаетъ—какимъ нелѣпымъ и кошмарнымъ образомъ. Днемъ спалъ, а поздно вечеромъ уходилъ въ какіе-то тайные игорные притончики, которыхъ множество на берегу Днѣпра, около большого рѣчного порта. Былъ онъ—какъ всѣ игроки не по расчету, а по страсти—широкимъ, вѣжливымъ и фатальнымъ человѣкомъ.

Въ номерѣ третьемъ жилъ инженеръ Бутковскій. Если вѣрить ему, то онъ окончилъ лѣсной, горный, путейскій

и технологическій институты, не считая заграничной высшей школы. И правда, въ смыслѣ всевозможныхъ знаній, онъ былъ похожъ на фаршированную колбасу, или на чемоданъ, куда, собирався въ путь, напихали всякаго тряпья сверхъ мѣры, придавили верхнюю крышку животомъ и съ трудомъ заперли чемоданъ на ключъ, но если откроешь, то все лѣзетъ наружу. Онъ свободно и даже безъ просьбы говорилъ о лоціи, объ авіаціи, ботаникѣ, статистикѣ, дендрологіи, политикѣ, объ ископаемыхъ бронтозаврахъ, астрономіи, фортификаціи, септаккордахъ и доминантахъ, о птицеводствѣ, огородничествѣ, облѣсеніи овраговъ и городской канализаціи. Онъ записывалъ разъ въ мѣсяцъ на три дня, когда говорилъ исключительно по-французски и по-французски же писалъ въ это время коротенькія записочки о деньгахъ своимъ бывшимъ коллегамъ-инженерамъ. Потомъ дней пять онъ отлеживался подъ синимъ англійскимъ клѣтчатымъ пледомъ и потѣлъ. Больше онъ ничего не дѣлалъ, если не считать писемъ въ редакцію, которыя онъ писалъ всюду и по всякимъ поводамъ: по случаю осушенія болотъ Полѣсья, открытія новой звѣзды, артезіанскихъ колодець и т. д. Если у него бывали деньги, онъ ихъ разсовывалъ въ разныя книги, стоявшія у него на этажеркѣ, и потомъ находилъ ихъ, какъ сюрпризы. И, помню, часто онъ говорилъ (онъ картавилъ):

— Другъ мой. Возьмите, прошу васъ, съ полки Элизе Геклю, томъ четвертый. Тамъ между двухсотой и трехсотой страницами должны быть пять гублей, котогыя я вамъ долженъ.

Собою же онъ былъ совсѣмъ лысъ, съ бѣлой бородой и сѣдыми бакенбардами вѣромъ.

Въ восьмомъ номерѣ жилъ я. Въ седьмомъ — студентъ съ толстымъ безусымъ лицомъ, заика и пайныка (теперь онъ прокуроръ съ большой извѣстностью).

стью). Въ шестомъ — нѣмецъ Карлъ, шоссейный техникъ, жирный остзеецъ, трясушійся пивопійца. А пятый номеръ нанимала проститутка Зоя, которую хозяйка уважала больше, чѣмъ насъ всѣхъ остальныхъ, вмѣстѣ взя-тыхъ. Во-первыхъ, она платила за номеръ дороже, чѣмъ мы, во-вторыхъ — платила всегда впередъ, а въ-треть-ихъ — отъ нея не было никакого шума, такъ какъ къ себѣ она водила — и то лишь изрѣдка — только гостей солидныхъ, пожилыхъ и тихихъ, а больше ночевала на сторонѣ, въ чужихъ гостиницахъ.

Надо сказать, что всѣ мы были и знакомы и какъ будто бы незнакомы. Одолжались другъ у друга заваркой чая, иглой, ниткой, кипяткомъ, газетой, чернилами, конвер-тами и бумагой.

Всѣхъ номеровъ было въ нашемъ прибѣжищѣ девять. Остальные три занимались на ночь или на время слу-чайными парочками. Мы не сердились. Мы ко всему при-выкли.

Наступила быстрая южная весна. Прошелъ ледъ по Днѣпру: рѣка разлилась такъ мощно, что до самаго го-ризонта затопила лѣвый, низменный черниговскій берегъ. Стояли теплыя темныя ночи, и перепадали короткіе, но обильные дожди. Вчера деревья едва зеленовато сѣрѣли отъ почекъ, а на утро проснулся — и видишь, какъ они вдругъ заблестѣли нѣжными, яркими первыми листиками.

Тутъ подошла и Пасха съ ея прекрасной, радостной, великой ночью. Мнѣ некуда было пойти разговѣться, и я просто въ одиночествѣ бродилъ по городу, заходилъ въ церкви, смотрѣлъ на крестные ходы, иллюминацію, слу-шалъ звонъ и пѣніе, любовался милыми дѣтскими и жен-скими лицами, освѣщенными снизу теплыми огнями свѣ-

чекъ. Была у меня въ душѣ какая-то упоительная грусть— сладкая, легкая и тихая, точно я жалѣлъ безъ боли объ утраченной чистотѣ и ясности моего дѣтства.

Когда я вернулся въ номера, меня встрѣтилъ нашъ курносый коридорный Васька, шустрый и лукавый мальчуганъ. Мы похристосовались. Улыбаясь до ушей и обнажившая всѣ свои зубы и десны, Васька сказалъ мнѣ:

— Барышня съ пятого номера велѣла, чтобы вы зашли до ее.

Я немного удивился. Мы съ этой барышней совсѣмъ не были знакомы.

— Она и записку вамъ прислала, — продолжалъ Васька. — Вонъ на столѣ лежитъ.

Я взялъ разграфленный листокъ, вырванный изъ записной книжки, и подъ печатной рубрикой «Приходъ» прочиталъ слѣдующее:

«Глубококожамый № 8.

«Если вамъ свободно и не по Брезгуете очень прошу васъ зати ко мнѣ У номеръ разговѣца свяченой пасхой.

«Извѣсная вамъ Зоя Крамаренкова».

Я постучалъ къ инженеру, чтобы посовѣтоваться съ нимъ. Онъ стоялъ передъ зеркаломъ и съ упорствомъ всѣми десятью пальцами приводилъ въ порядокъ свои жесткія, запущенныя сѣдины. На немъ былъ лоснившійся сюртукъ, выдавшій виды, и бѣлый галстукъ вокругъ заношеннаго, порыжѣвшаго съ краю воротничка.

Оказывается, онъ тоже получилъ пригласительную записку. Мы пошли вмѣстѣ.

Зоя встрѣтила насъ на порогѣ, извиняясь и краснѣя. У нея было самое заурядное, самое типичное лицо русской проститутки: мягкія, добрыя, безвольныя губы, носъ немного картофелемъ и безбровые сѣрые глаза навывкатъ — «лупетки». Но ея улыбка — нынѣшняя, домашняя. безыскусственная улыбка, такая застѣнчивая,

тихая и женственная — вдругъ на мгновение дѣлала лицо Зои прелестнымъ.

У нея уже сидѣли игрокъ и шоссейный Карлъ. Такимъ образомъ, за исключеніемъ студента, здѣсь собрались всѣ постоянные обитатели номеровъ «Днѣпровская Гавань».

Комната у нея была именно такая, какой я себѣ ее представлялъ. На комодѣ пустыя бомбоньерки, налѣпныя картинки, жирная пудра и щипцы для волосъ. На стѣнахъ линялыя фотографіи безусыхъ и курчавыхъ фармацевтовъ, гордыхъ актеровъ въ профиль и грозныхъ прапорщиковъ съ обнаженными саблями. На кровати гора подушекъ подъ тюлевой накидкой, но на столѣ, покрытомъ бумагой, вырѣзанной какъ кружево, красовались пасхи, куличъ, яйца, нога ветчины и двѣ бутылки какого-то таинственнаго вина.

Мы похристосовались съ ней щека объ щеку, цѣломудренно и манерно, и сѣли закусывать. Надо сказать, что всѣ мы въ этотъ часъ представляли собою странное и рѣдкое зрѣлище: четверо мужчинъ, въ конецъ изжеванныхъ и изглоданныхъ неудачной жизнью, четверо старыхъ клячъ, которымъ въ общей сложности было, во всякомъ случаѣ, больше двухсотъ лѣтъ, и пятая — наша хозяйка — уже немолодая русская проститутка, т.-е. самое несчастное, самое глупое и наивное, самое безвольное существо на всей нашей планетѣ.

Но какъ она была неуклюже мила, какъ застѣнчиво гостепріимна, какъ дружески и деликатно проста!

— Получайте, — ласково говорила она, протягивая кому-нибудь изъ насъ тарелку: — получайте и кушайте, пожалуйста. Номеръ шестой, вы, я знаю, больше пиво пьете. Мнѣ Вася рассказывалъ. Такъ достаньте около васъ подъ столомъ. А вамъ, господа, я налью вина. Это очень хорошее вино. Генерифъ. У меня есть одинъ знакомый пароходчикъ, такъ онъ его постоянно пьетъ.

Мы четверо знали все въ жизни и, конечно, знали, на какія деньги былъ устроенъ весь этотъ пасхальный столъ вмѣстѣ съ пивомъ и «Тенерифомъ». Но это знаніе однако совсѣмъ не коробило и не угнетало насъ.

Зоя разсказывала о своихъ ночныхъ впечатлѣніяхъ. Въ Братствѣ, гдѣ она отстояла заутреню, была страшная тѣснота, но Зоѣ удалось занять хорошее мѣсто. Чудесно пѣлъ академическій хоръ, а Евангеліе читали сами студенты, и читали поочередно на всѣхъ языкахъ, какіе только есть на свѣтѣ: по-французски, по-нѣмецки, по-гречески и даже на арабскомъ языкѣ. А когда святили на дворѣ пасхи и куличи, то сдѣлалась такая толкотня, что богомольцы перепутали свои припасы и перессорились.

Потомъ Зоя задумалась, развздохалась и стала мечтательно вспоминать Великую недѣлю у себя въ деревнѣ.

— Такіе мы цвѣточки собирали, называются «сонъ», синенькіе такіе, они первые изъ земли выходятъ. Мы дѣлали изъ нихъ отваръ и красили яйца. Чудесный выходилъ синій цвѣтъ.

«А чтобы желтый былъ цвѣтъ, такъ мы лукомъ яйца обертывали, шелухой, — и въ кипятокъ. А то еще разноцвѣтными тряпочками красили. А потомъ цѣлую недѣлю ходили по селу и били яйцо объ яйцо. Сначала носикомъ, потомъ ж.кой, кто перебьетъ другого, тотъ забираетъ себѣ. Одинъ парнишка досталъ гдѣ-то въ городѣ каменное яйцо — такъ онъ всѣхъ перекокалъ. Но когда дознались, въ чемъ дѣло, то у него всѣ яйца отняли, а самого поколотили.

«И цѣлую Святую недѣлю у насъ качели. Однѣ — большія посередь села: это общественныя. А то еще отдѣльно у каждаго воротъ маленькія качели — дощечка и пара веревокъ. Такъ всю недѣлю качаются всѣ — мальчишки и дѣвчонки, и всѣ поютъ: Христосъ Воскресе. Хорошо у насъ!»

Мы слушали ее молча. Жизнь такъ долго и ожесточенно колотила насъ по головамъ, что, казалось, навѣки выбила изъ насъ всякія воспоминанія о дѣтствѣ, о семьѣ, о матери, о прежнихъ Пасхахъ.

Между тѣмъ коленкоровая занавѣска на окнѣ холодно поголубѣла отъ разсвѣта, потомъ стала темнѣть и переходить въ желтый тонъ и вдругъ незамѣтно стала розовой отъ отраженного солнца.

— Вы не бойтесь, господа, я открою окно? — сказала Зоя.

Она подняла занавѣску и распахнула раму. Вслѣдъ за нею и мы всѣ подошли къ окну.

Было такое свѣтлое, чистое, праздничное утро, какъ будто кто-то за ночь взялъ и вымылъ заботливыми руками и бережно разставилъ по мѣстамъ: и это голубое небо, и пушистыя бѣлыя облака на немъ, и высокіе старые тополи, трепетавшіе молодой, клейкой, благоухающей листвою. Днѣпръ разстилался подъ нами на необозримое пространство — синій и страшный у береговъ, спокойный и серебряный вдали. На всѣхъ городскихъ колокольняхъ звонили.

И вдругъ всѣ мы невольно обернулись. Инженеръ плакалъ. Ухватившись руками за косякъ оконной рамы и прижавшись къ нему лбомъ, онъ качалъ головой и весь вздрагивалъ отъ рыданій. Богъ вѣсть, что дѣлалось въ его старческой, опустошенной и израненной душѣ неудачника. Я зналъ его прежнюю жизнь только слегка, по случайнымъ намекамъ: тяжелая женитьба на распутной бабенкѣ, растрата казенныхъ денегъ, стрѣльба изъ револьвера въ любовника жены, тоска по дѣтямъ, ушедшимъ къ матери...

Зоя жалостно ахнула, обняла инженера и положила его съядую, съ красной бугристой плѣшью голову себѣ на грудь и стала тихо гладить его плечи и щеки.

— Ахъ, миленькій, ахъ, вы, мой бѣдненькій, — говорила она пѣвуче. — Сама вѣдь я знаю, какъ трудно вамъ жить. Всѣ вы, какъ песики заброшенные... старенькіе... одинокіе. Ну, ничего, ничего... потерпите, голубчики мои... Богъ дастъ, все пройдетъ, и дѣла поправятся, и все пойдетъ по-хорошему... Ахъ, вы, родненькій мой...

Съ трудомъ инженеру удалось справиться. Вѣки у него набрякли, бѣлки покраснѣли, а распухшій носъ сталъ почти синимъ.

— Чогтъ! Негвы проклятые! Чогтъ! — говорилъ онъ сердито, отворачиваясь къ стѣнѣ.

И по его голосу я слышалъ, что у него въ горлѣ, во рту и въ носу еще стоятъ бѣдкія невылившіяся слезы.

Черезъ пять минутъ мы стали прощаться, и всѣ почти тельно поцѣловали руку у Зои. Мы съ инженеромъ вышли послѣдними, и какъ разъ у самыхъ дверей Зоинаго номера на насъ наскочилъ возвращавшійся изъ гостей студентъ.

— Ага! — воскликнулъ онъ, улыбаясь и многозначительно вздернувъ брови. — Вы в-вонъ откуда? Гм... раззговѣлись, значить?

Въ тонѣ его голоса мы услышали опредѣленную гнусность. Но инженеръ великолѣпно и медленно смѣрилъ его взглядомъ отъ сапогъ до верха фуражки и послѣ длинной паузы сказалъ черезъ плечо тономъ непередаваемого презрѣнія:

— Ссусуликъ!

ПОПРЫГУНЬЯ-СТРЕКОЗА.

Мы жили тогда въ Рязанской губерніи, въ 120-ти верстахъ отъ ближайшей станціи желѣзной дороги и въ 25-ти верстахъ отъ большого торговаго села Тумы. «Тума желѣзная, а люди въ ней каменные», — такъ мѣстные жители сами про себя говорили. Жили мы въ старомъ, заброшенномъ имѣніи, гдѣ въ 1812 году былъ построенъ плѣнными французами огромный деревянный домъ съ колоннами и ими же былъ разбитъ громадный липовый паркъ въ подражаніе Версалю.

Представьте себѣ наше комическое положеніе: въ нашемъ распоряженіи 23 комнаты, но изъ нихъ отапливается только одна, да и то такъ плохо, что въ ней къ утру замерзаетъ вода и створки дверей покрываются инеемъ. Почта приходитъ то разъ въ недѣлю, то разъ въ два мѣсяца, и привозитъ ее случайный мужичонка за пазухой своего зипуна, мокрую отъ снѣга, съ размазанными адресами и со слѣдами любознательности почтоваго чиновника. Вокругъ насъ столѣтній боръ, гдѣ водятся медвѣди и откуда среди бѣлаго дня голодные волки забѣгаютъ въ окрестныя села таскать зазѣвавшихся собачонокъ. Мѣстное населеніе говоритъ непонятнымъ для насъ пѣвучимъ, цокающимъ и гокающимъ языкомъ, и смотритъ на насъ исподлбья, пристально, угрюмо и безцеремонно. Оно убѣждено твердо, что лѣсъ принадле-

жить Богу и мужику, а управляющей имѣніемъ, нѣмецъ-менонитъ изъ Сарепты, опустившійся и разлѣнившійся отъ бездѣйствія, только и знаетъ, что ходитъ каждый день въ лѣсъ отнимать топоры у мужиковъ-лѣсокрадцовъ. Къ нашимъ услугамъ прекрасная французская бібліотека XVIII столѣтія, но весь ея чудесный эльзевиръ обглоданъ мышами. А старинная портретная галлерей въ двухсвѣтной залѣ, погибая отъ сырости, плѣсени и дыма—скоробилась, почернѣла и потрескалась.

Представьте себѣ сосѣднюю деревню, всю занесенную снѣгомъ, представьте себѣ еще неизбѣжнаго въ русской деревнѣ дурачка Сережу, который ходитъ зимою почти голымъ, попа, который подъ праздникъ не играетъ въ преферансъ и пишетъ доносы, деревенскаго старосту—глупаго, хитраго человѣка, дипломата и попрошайку, говорящаго на ужасномъ «столичномъ» языкѣ. Если вы все это себѣ представите, то вы, конечно, поймете, что мы дошли до скуки, до одурѣнія. Намъ уже больше не увлекали ни облавы на медвѣдей, ни охота съ гончими на зайцевъ, ни стрѣльба изъ пистолетовъ въ цѣль, черезъ три комнаты на разстояніи 25 шаговъ, ни писаніе по вечерамъ совмѣстныхъ юмористическихъ стиховъ. Признаться, мы перессорились между собою.

Да и то сказать: если бы насъ спросили каждого по очередно, зачѣмъ мы пріѣхали сюда, то, кажется, ни одинъ не отвѣтилъ бы на этотъ вопросъ. Я въ то время занимался живописью, Валеріанъ Александровичъ писалъ символическіе стихи, а Васька увлекался Вагнеромъ и игралъ призывъ Тристана къ Изольдѣ на старыхъ, разбитыхъ, съ пожелтѣвшими клавишами, клавикордахъ.

Къ Рождеству деревня вдругъ оживилась. На Тристенкѣ, въ Бородинѣ, въ Брылинѣ, Шустовѣ, Никифоровскомъ, въ Козлахъ мужики начали варить пиво, то самое, густое, тяжелое пиво, отъ котораго чугунъ бегъ

лицо и руки дѣлаются какъ лубки. Между крестьянами, несмотря на преддверіе праздника, было настолько много пьяныхъ, что въ Дягилевъ сынъ проломилъ своему отцу голову, вырвавъ съ этой цѣлью стягъ изъ забора, а въ Круглицахъ опился до смерти какой-то древній старикъ. Рождество неволью увлекло насъ. Первый визитъ мы сдѣлали на Попиху: къ попу и псаломщику, потомъ забрели ни съ того ни съ сего къ церковному сторожу Андрею, потомъ къ двумъ сельскимъ учительницамъ, а потомъ все пошло очень легко: отъ учительницъ мы попали къ доктору въ Туму, потомъ къ волостному писарю, гдѣ насъ ожидалъ цѣлый банкетъ, затѣмъ къ уряднику, къ хромоногому фельдшеру, потомъ къ мѣстному кулаку, Василию Егорову, который скупалъ со всей окрестности шкуры, холстъ, зерно, лѣсъ, кнуты, лукошки и веретена. И пошло, и поѣхало!..

Нужно признаться, что мы чувствовали себя немного неловко. Мы никакъ не могли войти въ темпъ этой жизни, которая устоялась въ теченіе множества лѣтъ. Несмотря на нашу внѣшнюю развязность, мы все-таки были людьми съ другой планеты. Выходило такъ, что мы нашихъ сосѣдей разсматривали въ микроскопъ, а они насъ — въ телескопъ. Правда, мы дѣлали попытки притвориться своими людьми, — этакими веселыми малыми въ русскомъ стилѣ. Когда у псаломщика дѣвица сорока лѣтъ, Анна Игнатъевна, съ мозолистыми руками, которыми она обыкновенно сама запрягала шоколаднаго мерина и возила на салазкахъ бадью съ водой, которую сама же вытягивала облебянълой веревкой изъ вонючаго колодца, — когда она вдругъ на вечеринкѣ дѣлала стыдливый видъ, потупляла глаза, разводила руки и пѣла:

„Ондрей Николаевичъ,
Доступаемъ, доступаемъ мы до васъ,
Безпокоить хотимъ васъ, хотимъ васъ.

Безпокой прошу, покорно приношу,—
Кого любишь, того выбери,
За собою поведи, поведи,
Молодой назови, назови“—

тогда мы храбро цѣловали ее въ самыя губы, несмотря на ея притворное сопротивленіе и кокетливый визгъ, что, конечно, полагалось по обычаю.

Послѣ этихъ насильственныхъ поцѣлуйчиковъ мы все становились въ кругъ: четверо отпускныхъ семинаристовъ, псаломщикъ, экономка изъ сосѣдняго имѣнія, двѣ сельскія учительницы, урядникъ въ штатской формѣ, дьяконъ, мѣстный фельдшеръ и мы — три эстета, искавшіе въ то время аристократической, изысканной красоты въ звукахъ, словахъ и краскахъ. Стараясь держать себя возможно лучше, мы кружились въ общемъ хороводѣ направо и направо при общемъ ревѣ и топотѣ, въ то время какъ герой, распорядитель танцевъ и мѣстный левъ, семинаристъ Воздвиженскій, носился по всей комнатѣ, выдѣлывая балетныя па и щелкая надъ головой пальцами.

„Какъ во городѣ королева, королева,
По-загороду королевичъ, королевичъ,
Молодой сынъ-короличекъ гуляе,
Онъ гуляе,
Онъ невѣсту себѣ выглядаетъ, выглядаетъ,—
Не моя ли расхорошая гуляе, тамъ гуляе,
Золотой перстень возсіяе, возсіяе“.

Потомъ вдругъ хороводъ останавливался, и все начинали пѣть уже нѣсколько въ другомъ, торжественномъ тонѣ:

„Растворились королевскія ворота,
Король кородѣвиѣ поклонился,
Королева ему еще ниже“.

И тутъ фельдшеръ и псаломщица выступали другъ про-

тивъ друга и низко кланялись другъ другу, а хоръ продолжалъ:

„Ты подвинься, сударчикъ, поближе,
Прижмись ко грудямъ потѣнѣе,
Поцѣлуй, поцѣлуй понѣжнѣе“.

Наконецъ мы попали въ министерскую тумскую школу. Этого нельзя было избѣжать: раньше тамъ было около пятнадцати репетицій, на которыхъ дѣтей дрессировали, какъ ученыхъ собакъ, и, кажется, особенно имѣли при этомъ въ виду насъ, петербургскихъ гостей. Мы пошли. Елка разожглась сразу, благодаря пороховому шнуру. Что касается программы, то я зналъ ее заранѣе наизусть... «Я изъ лѣсу вышелъ, былъ сильный морозъ. Гляжу, поднимается медленно въ гору лошадка, везущая хворосту возъ.—А кой тѣ годочекъ?—Шастой миновалъ». Хотя надо сказать, что крошечный шестилѣтній мужичонка, въ огромной шапкѣ изъ собачьяго мѣха и въ отцовскихъ кожаныхъ рукавицахъ объ одномъ пальцѣ—настоящій прирожденный артистъ—былъ очарователенъ со своей важной серьезностью и сиплымъ баскомъ.

Остальное, нужно сказать, было очень гнусно сдѣлано. Въ такомъ ложномъ народномъ духѣ.

Мнѣ давно знакомы эти обычные номера: «Демьянова уха» въ лицахъ, почему-то малорусскія пѣсни съ исковерканнымъ до-нельзя произношеніемъ, какіе-то стишки слащаваго дамскаго рукодѣлія, которые были исполнены хоромъ: «Вотъ рождественская елка, днесъ сегодня собрались, вотъ Петрушка, вотъ лошадка, вотъ и цѣлый паровозъ». Учитель, маленькій, чахоточный человѣкъ, въ длинномъ сюртукѣ и крахмаленномъ бѣльѣ, одѣтомъ, очевидно, только на этотъ случай, то игралъ на скрипкѣ, то дирижи-

ровалъ. смычкомъ, то задавалъ тонъ до-ми-соль-ми-до и время отъ времени стучалъ смычкомъ по головамъ мальчишекъ

Мѣстный попечитель училища, нотаріусъ изъ заштатнаго городка, отъ умиленія жевалъ губами и высовывалъ толстый, точно у попугая, короткій языкъ, потому что вся эта дрессировка была сдѣлана въ его честь.

Наконецъ учитель подошелъ къ самому лучшему номеру своей программы. До сихъ поръ мы смѣялись, но тутъ намъ пришлось почти заплакать. Вышла впередъ маленькая дѣвчонка, лѣтъ двѣнадцати-тринадцати, дочь стражника, кстати, очень похожая на него лошадинымъ профилемъ и, конечно, первая ученица въ училищѣ, и начала

„Попрыгунья-стрекоза лѣто красное пропѣла,
Оглянуться не успѣла, какъ зима катитъ въ глаза“.

— «Жумушка, мнѣ странно это,—разсудительно заговорилъ шершавый мальчишка въ отцовскихъ валенкахъ, такъ лѣтъ семи:— а работала ль ты въ лѣто?»

— «До того ль, голубчикъ, было въ мягкихъ муравахъ у насъ»... — отвѣтила дочка стражника.

И вотъ тутъ-то и сказалось прославленное русское гостепріимство.

Стрекоза отвѣчаетъ:

«Я все пѣла».

И тутъ учитель Капитонъчъ взмахнулъ одновременно скрипкой и смычкомъ, — о, это былъ эффектъ, давно подготовленный! — и вдругъ таинственнымъ полушопотомъ весь хоръ началъ пѣти

„Ты все пѣла,—это дѣло,
Такъ поди же попляши,
Такъ поди же, такъ поди же.
Такъ поди же попляши“.

Мнѣ вовсе не трудно сознаться въ томъ, что въ это время у меня волосы стали дыбомъ, какъ стеклянныя трубки, и мнѣ казалось, что глаза этой дѣтвора и глаза всѣхъ набившихся биткомъ въ школу мужиковъ и бабъ устремлены только на меня, и даже больше, — что глаза полторасти милліоновъ глядятъ на меня, точно повторяя эту проклятую фразу: «Ты все пѣла, это — дѣло, такъ поди же попляши. Такъ поди же попляши».

Не знаю, какъ долго тянулось это монотонное, журчащее и въ то же время какое-то зловѣщее и язвительное причитаніе. Но помню ясно, что въ тѣ минуты тяжелая, печальная и страшная мысль точно разверзлась въ моемъ умѣ. «Вотъ, — думалъ я: — стоимъ мы, малая кучка интеллигентовъ, лицомъ къ лицу съ неисчислимымъ, самымъ загадочнымъ, великимъ и угнетеннымъ народомъ на свѣтѣ. Чтò связываетъ насъ съ нимъ? Ничто. Ни языкъ, ни вѣра, ни трудъ, ни искусство. Наша поэзія — смѣшна ему, нелѣпа и непонятна, какъ ребенку. Наша утонченная живопись — для него бесполезная и неразборчивая пачкотня. Наше богоискательство и богостроительство — сплошная блажь для него, вѣрующаго одинаково свято и въ Параскеву-Пятницу и въ лѣшаго съ баешникомъ, который водится въ банѣ. Наша музыка кажется ему скучнымъ шумомъ. Наша наука недостаточна ему. Нашъ сложный трудъ смѣшонъ и жалокъ ему, такъ мудро, терпѣливо и просто оплодотворяющему жестокое лоно природы. Да. Въ страшный день отвѣта, чтò мы скажемъ этому ребенку и звѣрю, мудрецу и животному, этому многомилліонному великану? Ничего. Скажемъ съ тоской: «Я все пѣла». И онъ отвѣтитъ намъ съ коварной мужицкой улыбкой: «Такъ поди же попляши»...

Я не знаю также, какъ это поняли мои товарищи, но изъ министерскаго училища мы вышли молча, не обмѣнявшись впечатлѣніями.

Черезъ три дня мы разъѣхались, и до сихъ поръ между нами холодныя отношенія. Вышло такъ, какъ будто бы невинными устами этихъ сопливыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ намъ произнесли самый тяжелый, безповоротный смертный приговоръ. И когда я ѣхалъ обратно отъ стоешника Ивана Александровича Караулова до Горѣли и отъ Горѣли до Козловъ и отъ Козловъ до Зиньтабровъ и дальше по желѣзной дорогѣ, меня все время преслѣдовалъ этотъ ироническій, какъ будто бы злой напѣвъ: «Такъ поди же попляши».

Только одинъ Богъ знаетъ судьбы русскаго народа... Ну, что же, если нужно будетъ, попляшемъ!

Я ѣхалъ цѣлую ночь до станціи.

На голыхъ, обледянѣлыхъ вѣтвяхъ березъ сидѣли звѣзды, какъ будто бы самъ Богъ внимательной рукой украсилъ деревья. Я думалъ о томъ, что это красиво, но уже никакъ не могъ, какъ и теперь не могу, отдѣлаться отъ мысли: «Такъ поди же попляши»...

КОРОЛЕВСКИЙ ПАРКЪ.

ФАНТАЗИЯ.

Наступило начало XXVI-го столѣтія по христіанскому лѣтосчисленію. Земная жизнь людей измѣнилась до неузнаваемости. Цвѣтныя расы совершенно слились съ бѣлыми, внеся въ ихъ кровь ту стойкость, здоровье и долговѣчность, которой отличаются среди животныхъ всѣ гибриды и метисы. Войны навѣки прекратились еще съ середины XX столѣтія, послѣ ужасающихъ побоищъ, въ которыхъ принялъ участіе весь цивилизованный міръ и которыя обошлись въ десятки милліоновъ человѣческихъ жизней и въ сотни милліардовъ денежныхъ расходовъ. Геній человѣка смягчилъ самые жестокіе климаты, осушилъ болота, прорылъ горы, соединилъ моря, превратилъ землю въ пышный садъ и въ огромную мастерскую и удесятерилъ ея производительность. Машина свела трудъ къ четыремъ часамъ ежедневной и для всѣхъ обязательной работы. Исчезли пороки, процвѣли добродѣтели. По правдѣ сказать... все это было довольно скучно. Не даромъ же въ срединѣ тридцать второго столѣтія, послѣ великаго южно-африканскаго возстанія, направленнаго противъ докучнаго общественнаго режима, все человѣчество въ какомъ-то радостно-пьяномъ безуміи бросилось на путь войны, крови, заговоровъ, разврата и жестокаго, неслыханнаго деспотизма,—бросилось и—Богъ вѣсть, въ ко-

торый разъ за долготѣнную исторію нашей планеты — разрушило и обратило въ прахъ и пепель всѣ великія завоеванія міровой культуры.

Все мирное и сытое благополучіе, предшествовавшее этому стихійному разгрому, пришло само собою, безъ крови и насилія. Земные властители молча и покорно уступили духу времени и сошли съ своихъ троновъ, чтобы раствориться въ народъ и принять участіе въ его созидательномъ трудѣ. Они сами поняли, что обаяніе ихъ власти давно уже стало пустымъ словомъ. Недаромъ много столѣтій подъ рядъ ихъ принцессы сбѣгали изъ дворцовъ съ лакеями, обезьяньими поводырями, крупье, цыганами, таперами и бродячими фокусниками. И недаромъ же ихъ принцы, великіе герцоги, эрцгерцоги и просто герцоги закладывали наслѣдственные скипетры въ ссудныхъ кассахъ, а тысячелѣтнія короны клали къ ногамъ кокотокъ, а кокотки дѣлали изъ нихъ украшенія для своихъ фальшивыхъ волосъ.

Но многіе изъ ихъ потомковъ — слѣпо, гордо, безстрашно и, по-своему, трагически увѣренные въ божественности и неизсякаемости власти, почіющей на нихъ въ силу наслѣдственной преемственности — отказались презрительно отъ общенія съ чернью и никогда не переставали считать себя повелителями и отцами народовъ. Они брезговали прибѣгнуть къ самоубійству, которое по-прежнему считали унизительною слабостью для лицъ королевскихъ домовъ. Они ни за что не соглашались омрачить сіяніе своихъ старинныхъ гербовъ недостойнымъ бракомъ. И ихъ изнѣженныя, тонкія и бѣлыя руки никогда не запачкались физическимъ трудомъ — этимъ удѣломъ рабовъ.

Тогда народное правительство, давно уничтожившее гурьмы, наказанія и насиліе, построило для нихъ въ роскошномъ общественномъ паркѣ большой, свѣтлый и очень

удобный домъ, съ общей гостиной, столовой и залой и съ отдѣльными маленькими, но уютными комнатками. Пропитаніе же и одежда опредѣлены имъ отъ dobroхотныхъ дальній народа, и бывшіе владыки безмолвно соглашаются между собою — глядѣть на эти маленькіе подарки, какъ на законную дань вассаловъ. А для того, чтобы прозябаніе вѣщносцевъ не было безцѣльнымъ, практичное правительство разрѣшаетъ школьникамъ изучать исторію прошлаго на этихъ живыхъ обломкахъ старины.

И вотъ, собранные въ одно мѣсто, предоставленные самимъ себѣ и своей бездѣтельности, они медленно разрушаются тѣломъ и опускаются душою въ общественной богадѣльнѣ. Они еще хранятъ въ своей наружности отблескъ былого величія. Ихъ породистыя лица, утонченныя и облагороженныя строгимъ подборомъ въ теченіе сотенъ поколѣній, попрежнему отличаются своими покатыми лбами, орлиными носами и крутыми подбородками, годными для медальныхъ профилей. Ихъ руки и ноги, какъ и раньше, малы и изящны. Ихъ движенія остались величественными, а улыбки очаровательными.

Но это только на народѣ, передъ посѣтителеми парка... Оставаясь одни, въ стѣнахъ богадѣльни, они превращаются въ сморщенныхъ, кряхтящихъ, недужныхъ старичковъ, завистливыхъ, бранчивыхъ, подозрительныхъ и черствыхъ. Они садятся вчетверомъ за винтъ — два короля и два великихъ герцога. И пока идетъ сдача, они спокойны, вѣжливы и любезно предупредительны. Но давнишнее взаимное раздраженіе, всегда накапливающееся между людьми, долго и поневолѣ живущими вмѣстѣ, скудость, нервность и вспыльчивость скоро перессорили ихъ. И король сардинскій, отхаживая отыгранныя трефы, изысканно-любезно замѣчаетъ герцогу сень-бернардскому:

— Надѣюсь, ваше высочество, что вы не задержали, какъ въ прошлую игру, одну трефу про запасъ?

А герцогъ отвѣчаетъ на это съ горечью:

— Лишь происки враговъ и общее паденіе нравственности заставляютъ меня жить въ одной клѣткѣ съ такой старой мартышкой, какъ вы, Sir.

И всѣ они отлично знаютъ, что у дамы бубень оторванъ уголокъ, а у девятки пикъ на краѣ чернильное пятно, и, входя въ маленькую сдѣлку со своей совѣстью, тайно пользуются этими наивными примѣтами.

Изрѣдка, во время обѣда, они, какъ индюки сквозь сонъ, еще произносятъ вѣскія фразы:

— Мой народъ и моя армія...

О, если бы вы знали, какъ обожали моего отца подданные... Они и до сихъ поръ... Я могу вамъ дать прочитать письмо, полученное мною отъ моей партіи... Не знаю только, куда я его дѣвалъ...

— Да. И до меня дошли свѣдѣнія, что у меня, въ моихъ горахъ, идетъ сильное броженіе...

— Люди должны же когда-нибудь одуматься и возвратиться къ законному порядку вещей...

Но никто этого бормотанія не слышалъ и никто, даже услышавъ, ему не вѣрилъ. У нихъ у всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ, остался лишь одинъ вѣрный подданный, убѣжденный сторонникъ королевской власти — ихъ глухой, полуслѣпшій, почти столѣтній прислужникъ, бывший солдатъ.

Ихъ мелочная, пустяковая жизнь вся переполнена сплетнями, интригами, взаимнымъ подглядываніемъ и подслушиваніемъ. Они засматриваютъ другъ другу въ чашки и горшки, въ столики, подъ одѣяла и въ грязное бѣлье, упрекаютъ другъ друга болѣзнями и старческимъ безобразіемъ, и всѣ завидуютъ графу Луарскому, супруга котораго открыла мелочную лавочку по близости отъ морского порта и, благодаря торговлѣ, имѣетъ возможность покупать сигары своему державному мужу.

Ихъ сыновья и дочери еще въ отрочествѣ оставили ихъ, чтобы утонуть, исчезнуть въ народѣ. Но зато по праздникамъ принцевъ еще навѣщаютъ ихъ жены и совсѣмъ уже дряхленькія матери, которымъ, какъ и всѣмъ женщинамъ, въ обыкновенные дни прегражденъ доступъ въ «Домъ Королей». Онѣ подбираютъ на улицахъ и на площадяхъ всѣ газетныя и устныя сплетни и обольщаютъ своихъ старыхъ дѣтей несбыточными надеждами, и вмѣстѣ съ ними вслухъ мечтаютъ о томъ, какъ они подымутъ въ своей странѣ травосѣяніе, и какъ нужно и важно для государства разведение чернослива, швейцарскихъ розъ, лимбургскаго сыра, спаржи и ангорскихъ котовъ. Послѣ такихъ разговоровъ бѣдные старые короли видятъ во снѣ фейерверки, парады, знамена, балы, торжественные выходы и ревущую отъ восторга толпу. А на утро многіе изъ нихъ послѣ безпокойнаго сна принимаютъ горькую воду, и вся богадѣльня отъ скуки слѣдитъ за исходомъ лѣкарства.

И вотъ попрежнему, какъ и тысячи лѣтъ тому назадъ, наступила весна. Чтò бы ни было — весна навсегда останется милымъ, радостнымъ, свѣтлымъ праздникомъ, такъ же, какъ остается ея вѣчнымъ спутникомъ яйцо—символъ безконечности и плодотворности жизни.

Въ «Паркѣ Королей» распустились клейкія благоухающія тополевыя почки, зазеленѣли газоны, и сладостно и мощно запахло обнаженной, еще мягкой землей, совершающей снова великую тайну материнства. А сквозь вѣтви деревьевъ опять засмѣялось старое, чудесное голубое небо.

Вѣнценосцы выползли изъ своихъ комнатокъ на воздухъ и тихо бродятъ по дорожкамъ парка, опираясь на

костыли. Весна, которая такъ томно и властно зоветъ куда-то молодыя сердца, разбудила и въ ихъ старческой крови печальную и неясную тревогу. Но молодежи, заполнявшей въ эти свѣтлые дни прекрасный паркъ, они казались еще болѣе далекими, странными и чужими — подобными загробнымъ выходцамъ.

Старый, совсѣмъ одинокій, бездѣтный и вдовый король Трапезундскій, величественный старецъ съ коническимъ, уходящимъ назадъ лбомъ, съ горбатымъ носомъ и серебряной бородой до пояса, усѣлся на зеленой скамейкѣ, въ самой дальней, уединенной аллеѣ. Солнце и воздухъ пьяно разморили его тѣло и наполнили его душу тихой тоской. Точно сквозь сонъ слышалъ онъ знакомыя фразы, которыми, при видѣ его, обмѣнивались рѣдкіе прохожіе:

— Это король Трапезундскій. Посмотри въ національномъ музеѣ портретъ его пра-прадѣда Карла XXV, прозваннаго Неукротимымъ. Одно и то же лицо.

— Ты слыхалъ о его предкѣ Альфонсѣ XIX? Онъ разорилъ всю страну въ угоду французской актрисѣ, своей любовницѣ, и дошелъ до того, что самъ продавалъ шпионамъ иностранныхъ державъ планы своихъ укрѣпленій.

— А Людовикъ Кровавый?.. Двадцать тысячъ человѣкъ въ одно утро были разстрѣляны у казарменныхъ стѣнъ.

Но гордая душа отринутаго народомъ владыки не содрогнулась и не съезжилась отъ этого зловѣщаго синодика. Да. Такъ и нужно было поступать его предкамъ. Не только королевскія желанія, но и прихоти должны быть священны для народовъ. И посягающій на божественную власть — достоинъ смерти.

И вдругъ онъ услышалъ надъ собою нѣжный дѣтскій голосокъ и поднялъ склоненную внизъ бѣлую голову.

— Милый дѣдушка. Отчего вы всегда такой скучный? Васъ обижаютъ кто-нибудь? Дѣдушка, позвольте вамъ подарить вотъ это сахарное яичко. Нельзя грустить въ та-

кой прелестный праздникъ. Вы поглядите, дѣдушка: здѣсь стеклышко, а за стеклышкомъ барашекъ на травкѣ. А когда вамъ надоѣсть глядѣть, вы можете это яичко скушать. Его можно ѣсть, оно сахарное.

Король привлекъ къ себѣ эту добрую, совсѣмъ незнакомую ему, свѣтловолосую и голубоглазую дѣвочку и, глядя ея голову дрожащею рукою, сказалъ съ грустной улыбкой:

— Ахъ, дорогое мое дитя, милое дитя, у меня нѣтъ зубовъ, чтобы грызть сахаръ.

Теперь дѣвочка въ свою очередь погладила ручкой его жесткую, морщинистую щеку и сказала тоненькимъ голоскомъ:

— Ахъ, бѣдный, бѣдный дѣдушка. Какой же вы старенькій, какой несчастенькій... Тогда знаете что? У насъ нѣтъ дѣдушки... Хотите быть нашимъ дѣдушкой? Вы умѣете рассказывать сказки?

— Да, милое дитя. Чудесныя старыя сказки. Про желѣзныхъ людей, про вѣрныя сердца, про побѣды и кровавые праздники...

— Вотъ и славно. А я буду васъ водить гулять, буду рвать для васъ цвѣты и плести вѣнки. Мы оба надѣнемъ по вѣнку, и это будетъ очень красиво. Смотрите, вотъ у меня въ рукахъ цвѣты. Синенькіе — это фіалки, а бѣлые — подснежники. Я вамъ спою всѣ пѣсни, какія только знаю. Хорошо? Я буду дѣлиться съ вами конфетами...

И странно: король, котораго не могли поколебать ни доводы книгъ, ни слова политиковъ, ни жестокіе уроки жизни, ни исторія — вдругъ сразу всей душой понялъ, какъ смѣшна и бесполезна была его упрямая вѣра въ отошедшее. Нестерпимо захотѣлось ему семьи, ласки, ухода, дѣтскаго лепета... И, цѣлуя свѣтлые волосы дѣвочки, онъ сказалъ едва слышно:

— Я согласенъ, добрая дѣвочка... я согласенъ. Я былъ такъ одинокъ во всю мою жизнь... Но какъ на это по-смотреть твой папа...

Тогда дѣвочка убѣжала и черезъ минуту вернулась, ведя за руку высокаго загорѣлаго мужчину со спокойными и глубокими сѣрыми глазами, который, низко опустивъ шляпу, произнесъ :

— Если бы вы согласились, ваше величество, па то, о чемъ болтаетъ моя дѣвчурка, мы были бы безконечно счастливы, ваше величество.

— Бросьте величество... — сказалъ старикъ, вставая со скамьи и просто и крѣпко пожимая руку гражданина.— Отнынѣ моего величества больше не существуетъ.

И они всѣ вмѣстѣ, втроемъ, вышли навсегда изъ «Парка Королей». Но въ воротахъ старикъ внезапно остановился, и обернувшіеся къ нему спутники увидѣли, что по его бѣлой бородѣ, какъ алмазь по серебру, бѣжить свѣтлая слеза.

— Не думайте... — сказалъ старикъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ : — не думайте, что я буду... ужъ вовсе для васъ бесполезенъ... Я умѣю... я умѣю клеить прекрасныя коробочки изъ разноцвѣтнаго картона...

И въ восторгѣ отъ его словъ бѣшено бросилась ему на шею рыженькая дѣвочка.

СЧАСТЛИВАЯ КАРТА.

Игра окончилась. Баронъ фонъ-Оксенбахъ (или что-то въ этомъ родѣ: фамиліи его никто навѣрное не зналъ, но многіе увѣряли, что онъ передергиваетъ) общипалъ всю компанію дочиста. Когда кто-то сталъ просить его прометать еще одну талію на запись, этотъ длинный, худой нѣмецъ, съ бѣлыми рѣсницами и водянистыми глазами, отвѣтилъ, улыбаясь своей улыбкой скелета и стуча костяжкой средняго пальца по столу: «Денежки на столъ, господа... на столъ денежки...» Надо сказать, что такая безцеремонная предусмотрительность была совершенно въ духѣ того мѣста, гдѣ велась игра, т.-е. отчаяннаго картежнаго вертепа, скрывавшагося подъ фирмой приличнаго, почти патріархальнаго дома.

Было часовъ около восьми зимняго утра, и при его сѣромъ свѣтѣ желтые огни оплывшихъ свѣчей горѣли какъ на дневной панихидѣ. Отворенныя форточки оконъ не давали тяги, а табачный дымъ, пропитавшій всю залу своимъ ѣдкимъ запахомъ, висѣлъ въ воздухѣ голубовато-прозрачными неподвижными пеленами. Все говорило о безсонной, беспорядочной ночи: раскрытые ломберные столы, сплошь исчерченные мѣломъ и закапанные виномъ, полъ, усѣянный окурками и перегнутыми, разорванными, скомканными картами, опрокинутые стулья, утомленныя фигуры лакеевъ, заспанные лица которыхъ были блѣдны

до того, что приняли зеленовато-влажный, мертвенный отблескъ.

Двое игроковъ еще оставались въ залѣ. Увлеченные до сихъ поръ азартомъ, они только теперь почувствовали, что сильно проголодались, и, стоя у подоконника, наскоро закусывали холодной телятиной, заливая ее большими глотками красного вина. Въ этомъ домѣ каждый постоянный посѣтитель чувствовалъ себя въ то же время полновластнымъ хозяиномъ, потому что здѣсь и обстановка, и буфетъ, и прислуга содержались исключительно на средства, получаемыя отъ продажи картъ.

— Однако вамъ сегодня чертовски не везло, Власъ Ильичъ, — сказалъ одинъ изъ нихъ, толстый, выхоленный и веселый брюнетъ.

Онъ недавно только началъ постигать сокровенныя таинства баккара, макао и фараона и сильно волновался во время игры. Другой, наоборотъ, одинаково хладнокровно встрѣчалъ удачу и неудачу. Когда онъ металъ, то, глядя на его спокойное, скучающее, преждевременно-старческое лицо, всегда казалось, что онъ играетъ только изъ снисхожденія къ усиленной просьбѣ партнеровъ. Между тѣмъ въ душѣ онъ былъ самымъ страстнымъ игрокомъ, и молодежь зеленого поля, удивляясь ему, въ то же время охотно признавала его авторитетъ въ спорныхъ вопросахъ. Перваго звали Григоріемъ Михайловичемъ Жедринскимъ, а въ товарищескомъ кругу просто — Гри-Гри. Фамилія второго была Миллеръ.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе собесѣдника, Миллеръ лѣниво зѣвнулъ. Минуты двѣ спустя онъ сказалъ:

— Да. Не особенно. Этому нѣмцу такое дурацкое счастье валить, что никакимъ умѣньемъ не поможешь...

— Умѣньемъ? — живо переспросилъ Гри-Гри. — Неужели вы, Власъ Ильичъ, серьезно вѣрите въ это умѣнье?.. Я давно уже слышу о какомъ-то знаніи игры,

о выдержкѣ, объ умѣнии ставить въ-время большіе и маленькіе куши.... Но, признаться, я во все это плохо вѣрю... Даже — простите мою смѣлость — меня смѣшитъ, когда объ этомъ говорятъ такіе опытные игроки, какъ вы...

Миллеръ улыбнулся.

— Молодости свойственны легкомысленныя сужденія, Гри-Гри. Это изрекъ еще какой-то очень древній философъ. Но не безпокойтесь, вы когда-нибудь, лѣтъ этакъ черезъ десять, сами на практикѣ удостовѣритесь, что у картъ есть свои особые законы, привычки и симпатіи, къ которымъ нужно зорко присматриваться. Откуда это? — я не знаю. Можетъ-быть, карта складывается такъ или этакъ въ зависимости отъ индивидуальной тасовки каждаго изъ партнеровъ? Понаблюдайте хорошенько, и вы убѣдитесь, что игра одного вечера совершенно не похожа на предыдущую: сегодня выигрываетъ только банкометь, завтра наоборотъ — понтирующие; сегодня бьются большею частью фоски и черныя масти, завтра — фигуры и красныя; вчера банкометь билъ каждыя ваши двѣ карты, а третью давалъ, нынче же онъ бьетъ четыре, а даетъ пятаю. Сумѣйте поймать характеръ, настоящій характеръ игры и пользуйтесь имъ. Вотъ вамъ и все умѣнье. Впрочемъ...

Миллеръ замолчалъ.

— Чтò впрочемъ? Чтò такое? — заинтересовался Жедринскій.

— Дѣло въ томъ, что бываютъ изрѣдка такіе случаи, которые разбиваютъ въ дребезги всю эту научно-азартную теорію... Необъяснимые, ужасные случаи... Представьте себѣ, у меня выпала однажды такая колея, что я билъ подъ рядъ около пятидесяти картъ!.. Ахъ, это самое несчастное воспоминаніе во всей моей жизни...

— Это воспоминаніе — не секретъ? — спросилъ Гри-Гри.

— Если хотите, дѣйствительно, секретъ... Однако намъ

съ вами пора уже расходиться. Идемте, и я по дорогѣ расскажу вамъ эту странную исторію. Кстати подышимъ свѣжимъ воздухомъ.

Вотъ что разсказалъ Миллеръ.

«Если бы вы были постарше лѣтъ на пятнадцать, то вы, навѣрное, въ свое время сильно интересовались бы процессомъ моего брата — Николая Ильича. Теперь это — пропащій, опустившійся человѣкъ. Катастрофа, разразившаяся надъ его головой, превратила его въ развалину. Хотя срокъ его ссылки давно уже окончился, но онъ прозябаетъ до сихъ поръ въ Сибири, сдѣлавшись кабацкимъ завсегдатаемъ, какимъ-то темнымъ, подпольнымъ адвокатомъ. Никто не повѣритъ, что раньше это былъ свѣтскій человѣкъ съ блестящей карьерой впереди и остроумнѣйшій изъ собесѣдниковъ... Дѣло въ томъ, что онъ, состоя директоромъ одного крупнаго общественнаго учрежденія, растратилъ ввѣренныя ему деньги. Есть основаніе думать, что преступленіе было совершено съ вѣдома и чуть ли даже не съ участіемъ болѣе высшихъ лицъ, и что мой братъ добровольно принялъ на себя всю отвѣтственность. Говорили, что это была съ его стороны дурацкая, но все-таки рыцарская жертва ради одной женщины. Конечно, не мнѣ объ этомъ судить. Скажу только одно, что въ то время, когда случилось это несчастіе, не только родственники принимали участіе въ судьбѣ брата, но даже личности, на первый взглядъ, какъ будто бы совершенно ему постороннія.

«Всѣмъ, кому надо было дать, чтобы потушить дѣло, мы роздали болѣе или менѣе крупныя суммы. Иныхъ прельстили вниманіемъ и promessaми, другихъ обработали черезъ женщинъ. Такимъ образомъ въ концѣ концовъ оказалось, что нити жизни или смерти моего брата держитъ въ своихъ рукахъ одна чрезвычайно значительная особа... Фамилія этого человѣка вамъ, я думаю, не-

интересна?.. Чтò же касается до имени, то... то назовемъ его, пожалуй, хотъ Сергѣемъ Ивановичемъ...

«Но, когда мы навели справки—результаты получились самыя плачевныя. «Не беретъ!—ни прямо, ни явно, ни тайно. И ни на какіе соблазны не клонетъ...»

«Одно время дѣло казалось совѣмъ погибшимъ. Но, къ счастью, свѣтъ изобилуетъ добрыми совѣтчиками, и кто-то—я теперь уже не помню, кто именно—натолкнулъ насъ на мысль, что если Сергѣй Ивановичъ и «не беретъ», то во всякомъ случаѣ выиграть въ штоссъ нѣсколько тысячъ рублей не откажется. Когда же онъ узнаетъ, что обыгранный имъ партнеръ—родной братъ такого-то, то уже, противъ воли, ему будетъ неловко вредить и т. д. Однимъ словомъ, вы понимаете эту комбинацію?..

«Меня представили ему въ Англійскомъ клубѣ. Высокій, красивый старикъ, съ почтенной сѣдвласой наружностью, но въ глазахъ, въ цвѣтѣ лица, въ очеркѣ губъ есть что-то такое... неувловимое... чтò понятно только завзятымъ игрокамъ и говоритъ о постоянной, залойной картежной страсти.

«Мы сѣли. Игра шла исключительно между мной и Сергѣемъ Ивановичемъ. Другіе игроки были почти подставными персонажами, потому что вели копеечную игру.

«Мы играли въ старинный классическій штоссъ. Тогда еще не было другихъ игръ, кромѣ штосса и ландскнехта. Онъ металъ. Я сразу убѣдился, что имѣю дѣло съ противникомъ, обладающимъ прекраснѣйшей выдержкой. Въ этомъ отношеніи обмануться невозможно, потому что извѣстные манеры и приемы въ игрѣ вырабатываются только долготѣтнимъ опытомъ.

«Но, какъ на зло, мнѣ повалила великолѣпная карта. Чуть ли не каждую сдачу я бралъ у него куши по второй картѣ. Тогда произошла курьезнѣйшая вещь: я сталъ

изо всёхъ силъ стараться проиграть, но не тутъ-то было! Когда я шелъ отъ маленькихъ кушей, выигрывалъ Сергѣй Ивановичъ, но чуть только, рассчитывая проиграть, я увеличивалъ ставку и шелъ угломъ, или транспортомъ, или въ цвѣтъ и въ масть и абцугами, или на очки,— тотчасъ же выигрышъ падалъ на мою сторону... Всѣ мои обыкновенныя наблюденія и вычисленія оказывались тутъ пуфомъ. Но такъ какъ проиграть надо было во что бы то ни стало, то я, сдѣлавъ очень ловкій маневръ, самъ завладѣлъ колодой. Для меня было очевиднымъ, что въ тотъ вечеръ долженъ проигрывать банкометъ... И вотъ тутъ и подошла эта сверхъестественная колейка... Понимаете ли, Гри-Гри, въ теченіе часа я не далъ ему ни одной карты! Не знаю, что обо мнѣ подумалъ Сергѣй Ивановичъ, но даю вамъ слово, что, если когда-нибудь такъ нелѣпо повезло бы моему партнеру, я не усомнился бы, что имѣю дѣло съ шулеромъ, и пустилъ бы ему въ голову колодой, если не бутылкой или шандаломъ.

«Менѣ чѣмъ черезъ часъ всѣ наличныя деньги Сергѣя Ивановича — если не ошибаюсь, тысячь двѣнадцать съ чѣмъ-то — лежали около меня. Онъ всталъ и хотѣлъ уйти изъ клуба, сохраняя при этомъ совершенно равнодушный видъ джентльмена и стараго игрока. Я уже зналъ, что Сергѣй Ивановичъ никогда не играетъ на запись, но тѣмъ не менѣе, на-авось, сталъ его упрашивать продолжать игру. Къ моему удивленію, онъ согласился. У него не достало обычной выдержки.

«Я предложилъ ему на выборъ: — понтировать или держать банкъ. Онъ предпочелъ послѣднее, и колоды — уже второй разъ за этотъ вечеръ — перешли къ нему... И опять повторилась та же чудовищная штука: онъ давалъ мнѣ карту за картой въ самомъ началѣ таліи.

«Я уже пересталъ думать о расчетѣ. Эти сумасшедшія карты окончательно сбили меня съ толку. Я все время

шелъ на-пе и все выигрывалъ, выигрывалъ и выигрывалъ...

«Наконецъ Сергѣй Ивановичъ захотѣлъ посчитаться. Мы подвели итогъ, и когда получилась сумма, превышающая сто тысячъ, Сергѣю Ивановичу вдругъ измѣнило его спокойствіе. Онъ поблѣднѣлъ, весь какъ-то осунулся и проговорилъ еле слышно, съ напряженной улыбкой на губахъ:

«— Это больше, чѣмъ я могу вамъ завтра отдать...

«Онъ всталъ, но пошатнулся и долженъ былъ ухватиться за спинку стула, чтобъ не упасть.

«— Э,— стѣдить ли изъ-за такихъ пустяковъ прекращать игру! — воскликнулъ я веселымъ тономъ. — Садитесь-ка и сдавайте карты.

«Но онъ молчалъ, попрежнему улыбающійся и почти такой же блѣлый, какъ его сѣдые, шелковистые усы.

«Тогда я приподнялъ съ колоды нѣсколько картъ и сказалъ:

«— Хотите все на смарку?—я указалъ свободной рукой на запись.—Красная моя—черная ваша. Идетъ?

«Моментъ былъ ужасный. Всѣ присутствующіе затихли и глядѣли, какъ привороженные, въ лицо Сергѣя Ивановича, ожидая отвѣта.

«— Идетъ, — прошепталъ онъ еле слышно.—Только... простите... насъ познакомили, но я не ясно слышалъ вашу фамилію.

«Я назвалъ. Мнѣ показалось, что, услышавъ мою фамилію, Сергѣй Ивановичъ вздрогнулъ. Нѣсколько секундъ онъ какъ будто бы колебался. Можетъ-быть, онъ понялъ весь смыслъ сегодняшней игры. Почему знать?

«— Идетъ, — произнесъ онъ вдругъ болѣе твердымъ тономъ. — Черная масть.

«Я еще раньше замѣтилъ, что у восьмерки пикъ слегка надорвался уголъ, и очень ловко перевернулъ на ней ко-

лоду. Сергѣй Ивановичъ вздохнулъ во всю грудь и вдругъ опустился, точно осялъ на стулъ.

«— Ого! Счастье перемѣнилось... Будемъ продолжать!— вскричалъ я веселымъ тономъ. — Берите колоду...

«Но онъ быстро оправился отъ овладѣвшей имъ минутной слабости духа. Какъ я его ни уговаривалъ отыграть у меня обратно свои двѣнадцать тысячъ, онъ не согласился. Простился онъ со мной чрезвычайно сухо, почти пренебрежительно. Я пробовалъ намекнуть о братѣ, но онъ сдѣлалъ видъ, что не слышитъ. Я упомянулъ-было вскользь о томъ, что мы можемъ сойтись на другой день, но онъ тотчасъ же меня обрѣзалъ, отчеканивая каждый слогъ:

«— Нѣтъ-съ, мы съ вами больше играть не будемъ-съ»...

Миллеръ замолчалъ.

— Чѣмъ кончилась вся эта исторія? — спросилъ Гри-Гри.

— Ну, а какъ вы думаете, юноша, чѣмъ она могла кончиться? Развѣ могъ простить этотъ вліятельный, самолюбивый и корректный человѣкъ, этотъ впоследствии министръ съ почти неограниченной властью, развѣ онъ могъ простить, что я, тогда еще совсѣмъ мальчишка—ну, вотъ въ родѣ васъ—подарилъ ему, шутя, все его состояніе, а можетъ-быть, даже и честь. Развѣ забываются такіе унижительные моменты, какой пережилъ онъ, когда согласился играть на «черную и красную», заявивши раньше, что уже проигралъ болѣе, чѣмъ можетъ отдать. Напротивъ, я слышалъ впоследствии, что самый настойчивый и—если хотите—самый пристрастный голосъ, раздавшійся въ обвиненіе моего брата, принадлежалъ именно Сергѣю Ивановичу...

ВЪ КЛѢТКѢ ЗВѢРЯ.

У меня былъ въ Гатчинѣ одинъ настоящій другъ — со-держатель панорамы и звѣринца, со входомъ въ 30 коп. для взрослыхъ и 15 коп. для дѣтей и солдатъ. Звѣри-нецъ, правда, состоялъ изъ одного только боа-констрик-тора, скользкаго, лѣниваго, холоднаго, объѣвша-гося животнаго, страдавшаго вѣчнымъ запоромъ. Его выползень до сихъ поръ хранится у меня на стѣнѣ въ видѣ чешуйчатаго прозрачнаго чехла, полутора сажень длины. Многое мнѣ этотъ змѣиный укротитель раска-зывалъ во время перерывовъ между представленіями, а также въ пивной позднимъ вечеромъ, по окончаніи pano-рамы, и у меня дома и среди игры на бильярдѣ.

Онъ мнѣ говорилъ о томъ, какъ у Гагенбека въ Гам-бургѣ дрессируютъ тюленей, львовъ, слоновъ и дико-образовъ. О томъ, что любая мышь слушается тонкаго звука, произведеннаго втягиваніемъ воздуха между сжа-тыми губами: этотъ звукъ издають крысиные вожаки, какъ сигналъ къ вниманію. О томъ, что любого слона можно навѣки задобрить, давая ему понемножку, въ про-долженіе недѣли, жевательнаго англійскаго табаку, ко-торый продается въ прессованномъ видѣ. Этого лакомаго угощенія слонъ никогда не забудетъ и узнаетъ васъ хоть черезъ пять лѣтъ, и заточитъ вамъ навстрѣчу.

И вот однажды мы разговорились съ нимъ о закулисныхъ цирковыхъ драмахъ.

— ...Да, да, да, — сказать онъ задумчиво. — Мнѣ тоже приходилось читать рассказы изъ цирковой жизни. Все это — неправда. Самый любимый мотивъ у писателей — это, непременно, мечь покинутой женщины: подпиливается проволока, тушится не въ-время электричество, лошади даютъ отраву, и такъ далѣе...

«Конечно, — неправда. У насъ, у цирковыхъ людей, совсѣмъ нѣтъ профессиональной зависти. Понимаете? Ежеминутный страхъ разбиться, искалѣчиться, быть укушеннымъ или даже растерзаннымъ — понимаете? — этотъ страхъ парализуетъ всякую ревность. Если я тебѣ не помогу — ты мнѣ тоже не поможешь... А наши женщины, вопреки вашей беллетристикѣ, очень цѣломудренны и прекрасныя матери и жены. Да вѣдь и то сказать... Ежедневная тренировка... Вечеромъ работа въ манежѣ, постоянное напряженіе мускуловъ, потѣніе, цирковые сквозняки, профессиональные ревматизмы... какой же тутъ темпераментъ? Еще у клоуновъ, именно у шпрыхъ-клоуновъ — потому что они похожи немного на актеровъ — есть что-то въ родѣ ревности, зависти и мести. У борцовъ — конечно. Но мы ихъ презираемъ. Развѣ это искусство? Понимаете?»

«Но бываютъ случаи... Бываютъ, бываютъ... Благодарю васъ. За ваше здоровье! Бываетъ такъ, что человѣкъ сѣдѣетъ въ какихъ-нибудь три-четыре минуты. Всего хорошаго!»

«У меня былъ одинъ случай. Я работалъ съ медвѣдемъ. А у меня былъ около него человѣкъ Яшка. Очень способный малый, и если бы не пьяница, то изъ него вышелъ бы прекрасный дрессировщикъ. Онъ зналъ, что я его рассчитаю къ концу сезона. Меня въ конюшнѣ предупреждали, что онъ готовитъ мнѣ какую-то пакость,

но я не обращалъ вниманія. Своихъ звѣрей я всегда самъ кормилъ.

«Можете себѣ представить, что этотъ подлець сдѣлалъ? Передъ самымъ моимъ бенефисомъ, въ самый вечеръ, онъ кинулъ Михалъ Потапычу въ клѣтку, только-что зарѣзаннаго, еще трепыхавшагося голубя со связанными ногами.

«Какъ и всегда, вывожу я моего Мишку. И можете себѣ представить? Глаза совсѣмъ багровые, капризничаетъ, не хочетъ дѣлать ни одного номера. Кровь попробовалъ. А публика?

«Вы знаете, что такое эта публика? Во время самаго рискованнаго номера она начинаетъ аплодировать, а когда показываешь имъ какой-нибудь пустякъ, они шикаютъ и затаиваютъ дыханіе. Я ничего не могъ поддѣлать съ Михалъ Потапычемъ, и мнѣ начали свистать. Вполнѣ естественно, что я разнервничался. Онъ стоитъ на заднихъ ногахъ, реветъ и — знаете, какъ это у медвѣдей? — все старается дать мнѣ пощечину, то лѣвой, то правой ладной. А это значитъ — черепъ набокъ. Зрители думаютъ, что все это такъ и надо. Но вотъ въ партерѣ закричалъ какой-то ребенокъ. Дѣти — вы понимаете — они тѣ же звѣрята. Они чувствуютъ душой — не разумомъ. И вотъ начался переполохъ...

«Конечно, медвѣдь никому бы не принесъ никакого вреда: ну, примялъ бы кого-нибудь, оцарапалъ... настоящей жертвой могъ бы быть только я. Но я въ это мгновеніе понялъ, что сейчасъ, сію минуту произойдетъ толкотня, давка, стихійное умопомѣшательство.

«Я не знаю ни одного животнаго, которое бы такъ глупо, безтолково и беспощадно вело себя въ толпѣ, какъ человѣкъ. Ей-Богу, лошади — и тѣ куда умнѣе, на что ужъ глупыя животныя!

«Все это я взвѣсилъ въ одну секунду. Оглядываюсь

назадъ — нѣтъ ни моихъ людей, ни шталмейстеровъ. Что мнѣ было дѣлать? Я начинаю его бить изо всѣхъ силъ хлыстомъ по мордѣ. Я вообще никогда не бью звѣрей, а Михалъ Потапыча даже никогда и не трогалъ: онъ былъ звѣрь очень умный, разсудительный и злопамятный, съ большимъ чувствомъ собственного достоинства. Правда, потомъ пришлось его пристрѣлить.

«Онъ стоитъ на заднихъ лапахъ и дерется. А я его хлещу. Въ это время у меня мысль: заманить его съ манежа въ коридоръ, и притомъ такъ, чтобы публика не перепугалась. И вотъ я плчусь задомъ, бью звѣря, а онъ на меня и—чувствую—свирѣпѣеть съ каждой секундой. Въ конюшнѣ онъ на меня бросился и началъ мять. Не помню, какъ его стащили,—я былъ въ обморокъ,—но, слава Богу, увелъ съ манежа.

«Такихъ случаевъ у насъ бываетъ много. Потеря равновѣсія, не въ-время вывихнувшаяся рука, неудачный каскадъ, неожиданный капризъ животныхъ. Случается намъ во время прямого и обратнаго сальтомортале неудачно опереться на ноги, и—вотъ!—всѣ въ циркѣ слышатъ точно выстрѣлъ изъ дѣтскаго пистолета. Это у человѣка лопнула ахиллсова пята, и человѣкъ навѣки уродъ, калѣка, бремя для семьи; или же онъ будетъ скитаться по пивнымъ и за пять копеекъ жрать рюмки и блюдечки и глотать горящую паклю. Но все это у насъ не въ счетъ. Понимаете?

«Но вотъ когда я испыталъ настоящій ужасъ... и совершенно случайно, по пустякамъ. Сейчасъ расскажу...

«Былъ бенефисъ моего друга Антоніо, музыкальнаго клоуна. Въ тотъ день мы очень много пили. Въ этотъ сезонъ работала въ циркѣ Зенида съ ея львами. Вечеръ былъ необыкновенно удачный: смѣшной и веселый, и весь точно импровизація. Потомъ, когда публика уже разошлась, мы сидѣли съ Антоніо въ моей уборной и пили

какой-то очень жестокий коньякъ по его рекомендаціи. Огни въ циркѣ были уже потушены. И вотъ,—какъ это ни смѣшно вамъ покажется,—выйдя изъ уборной, мы заблудились въ коридорѣ. Отворяемъ одну дверь—уборная, отворяемъ другую—коптора цирка, третья—опять чья-то уборная. Темно, бредемъ почти ощупью, очень весело настроены и, повторяю, оба пьяны.

«Смѣемся. Наконецъ, я ощупываю какую-то дверную ручку. Вваливаемся. Инстинктъ мнѣ подсказываетъ, что здѣсь пахнетъ сырымъ мясомъ и звѣринымъ пометомъ. Ощупываю кругомъ—рѣшетка. Почему-то намъ приходится дурацкая мысль: сѣсть на полъ. Садимся, и вотъ я вижу въ разстояніи двухъ-трехъ дюймовъ отъ себя пару зеленыхъ горящихъ глазъ. Потомъ я слышу чьи-то мягкіе, бархатные, но тревожные шаги и бѣненіе могучаго хвоста о желѣзо рѣшетки. Когда мы освоились съ темнотою, то, вѣроятно, одновременно поняли, что залѣзли въ клѣтку къ звѣрямъ Зениды. Они пасъ не трогали. Давно извѣстно, что у пьяныхъ, у лунатиковъ и у дѣтей есть какой-то особенный бережливый Богъ. Но мы отрезвились въ одну секунду и, признаюсь, выползли изъ клѣтки на четверенькахъ, задомъ. Антоніо какъ-то инстинктивно захлопнулъ дверь. Но онъ на другой день даже не могъ объ этомъ и вспомнить.

«Никогда въ жизни я не забуду этихъ мягкихъ, вкрадчивыхъ шаговъ, этого сдержаннаго звѣринаго дыханія, этого отвратительнаго запаха сырого перегниваемаго мяса изъ невидимыхъ пастей, этихъ фосфорическихъ глазъ, мелькавшихъ въ темнотѣ то здѣсь, то тамъ... Но чувства испуга ни я, ни Антоніо не испытали въ эту минуту. Только на другой день вечеромъ, когда я вспомнилъ наше приключеніе, то одинъ, лежа въ кровати, задрожалъ и вспотѣлъ отъ ужаса. Понимаете?»

Т О С Т Ъ .

Истекалъ двухсотый годъ новой эры. Оставалось всего пятнадцать минутъ до того мѣсяца, дня и часа, въ которомъ, два столѣтія тому назадъ, послѣдняя страна съ государственнымъ устройствомъ, самая упрямая, консервативная и тупая изъ всѣхъ странъ, — Германія, — наконецъ рѣшилась разстаться со своей давно устарѣвшей и смѣшной національной самобытностью и, при ликоваііи всей земли, радостно примкнула къ всемірному анархическому союзу свободныхъ людей. По древнему же, христіанскому, лѣтоисчисленію теперь былъ канунъ 2906 года.

Но нигдѣ не встрѣчали новаго, двухсотога года съ такимъ гордымъ торжествомъ, какъ на Сѣверномъ и Южномъ полюсахъ, на главныхъ станціяхъ великой Электро-земно-Магнитной Ассоціаціи. Въ продолженіе послѣднихъ тридцати лѣтъ много тысячъ техниковъ, инженеровъ, астрономовъ, математиковъ, архитекторовъ и другихъ ученыхъ спеціалистовъ самоотверженно работали надъ осуществленіемъ самой вдохновенной, самой героической идеи II-го вѣка. Они рѣшили обратить земной шаръ въ гигантскую электромагнитную катушку и для этого обмотали его съ сѣвера до юга спиралью изъ стального, одѣтаго въ гуттаперчу, троса, длиною около четырехъ мил-

лиардовъ километровъ. На обоихъ полюсахъ они воздвигли электроприемники необычайной мощности и наконецъ соединили между собою все углки Земли безчисленнымъ множествомъ проводовъ. За этимъ удивительнымъ предприятиемъ тревожно слѣдили не только на Землѣ, но и на всѣхъ ближайшихъ къ ней планетахъ, съ которыми у обитателей Земли поддерживались постоянныя сообщенія. Многие глядѣли на затѣю Ассоціаціи съ недоувѣріемъ, иные съ опасеніемъ и даже съ ужасомъ.

Но истекшій годъ — былъ годомъ, полнымъ блестящей побѣды Ассоціаціи надъ скептиками. Неистощимая магнитная сила Земли привела въ движеніе все фабрики, заводы, земледѣльческія машины, желѣзныя дороги и пароходы. Она освѣтила все улицы и все дома и обогрѣла все жилия помѣщенія. Она сдѣлала ненужнымъ дальнѣйшее употребленіе каменнаго угля, залежи котораго уже давно изсякли. Она стерла съ лица земли безобразныя дымовыя трубы, отравлявшія воздухъ. Она избавила цвѣты, травы и деревья — эту истинную радость земли — отъ грозившаго имъ вымиранія и истребленія. Наконецъ она дала неслыханные результаты въ земледѣліи, поднявъ повсемѣстно производительность почвы почти въ четыре раза.

Одинъ изъ инженеровъ Сѣверной станціи, избранный на сегодня предсѣдателемъ, всталъ со своего мѣста и поднялъ кверху бокаль. Все тотчасъ же замолкли. И онъ сказалъ:

— Товарищи! Если вы согласны, то я сейчасъ же соединюсь съ нашими дорогими сотрудниками, работающими на Южной станціи. Они только-что сигнализировали.

Огромная Зала Совѣщанія безконечно уходила вдаль. Это было великолѣпное зданіе изъ стекла, мрамора и желѣза, все украшенное экзотическими цвѣтами и пыш-

ными деревьями, скорѣе похожее на прекрасную оранжею, чѣмъ на общественное мѣсто. Снаружи его стояла полярная ночь, но, благодаря дѣйствию особыхъ конденсаторовъ, яркій солнечный свѣтъ весело заливалъ и зелень растений, и столы, и лица тысячи пирующихъ, и стройныя колонны, поддерживавшія потолокъ, и чудесныя картины, и статуи въ простѣнкахъ. Три стѣны Залы Совѣщанія были прозрачны, но четвертая, спиной къ которой помѣщался предсѣдатель, представляла собою бѣлый четырехугольный экранъ, сдѣланный изъ необыкновенно нѣжнаго, блестящаго и тонкаго стекла.

И вотъ, получивъ согласіе общества, предсѣдатель дотронулся пальцемъ до маленькой кнопки, заключенной въ столѣ. Экранъ мгновенно освѣтился ослѣпительнымъ внутреннимъ свѣтомъ и сразу точно растаялъ, а за нимъ открылся такой же высокій, уходящій вдаль прекрасный стеклянный дворецъ, и такъ же, какъ и здѣсь, сидѣли за столами сильные, красивые люди, съ радостными лицами, въ легкихъ сверкающихъ одеждахъ. И тѣ и другіе, раздѣленные разстояніемъ въ 20.000 верстъ, узнавали другъ друга, улыбались другъ другу и въ видѣ привѣтствія подымали кверху бокалы. Но изъ-за общаго смѣха и восклицаній они пока еще не слышали голосовъ своихъ далекихъ друзей.

Тогда опять всталъ и заговорилъ предсѣдатель, и тотчасъ замолчали его друзья и сотрудники на обоихъ концахъ земного шара.

И онъ сказалъ:

— Дорогіе мои сестры и братья! И вы, прелестныя женщины, къ которымъ теперь обращена моя страсть! И вы, сестры, прежде любившія меня, вы, къ которымъ мое сердце преисполнено благодарностью! Слушайте. Слава вѣчно-юной, прекрасной, неисчерпаемой жизни. Слава единственному Богу на землѣ — Человѣку. Возда-

димъ хвалу всѣмъ радостямъ Его тѣла и воздадимъ торжественное, великое поклоненіе Его безсмертному уму!

«Вотъ гляжу я на васъ—гордые, смѣлые, ровные, веселые — и горячей любовью зажигается моя душа! Ничѣмъ не стѣсненъ нашъ умъ, и нѣтъ преградъ нашимъ желаніямъ. Не знаемъ мы ни подчиненія, ни власти, ни зависти, ни вражды, ни насилія, ни обмана. Каждый день разверзаетъ передъ нами цѣлыя бездны міровыхъ тайнъ, и все радостнѣе познаёмъ мы безконечность и всеильность знанія. И самая смерть уже не страшитъ насъ, ибо уходимъ мы изъ жизни, не обезображенные уродствомъ старости, не съ дикимъ ужасомъ въ глазахъ и не съ проклятіемъ на устахъ, а красивые, богоподобные, улыбающіеся, и мы не цѣпляемся судорожно за жалкій остатокъ жизни, а тихо закрываемъ глаза, какъ утомленные путники. Трудъ нашъ — это наслажденіе. И любовь наша, освобожденная отъ всѣхъ цѣпей рабства и пошлости — подобна любви цвѣтовъ: такъ она свободна и прекрасна. И единственный нашъ господинъ — человѣческой геній!

«Друзья мои! Можетъ-быть, я говорю давно извѣстныя общія мѣста? Но я не могу поступить иначе. Сегодня съ утра я читалъ, не отрываясь, замѣчательную и ужасную книгу. Эта книга — Исторія революцій XX столѣтія.

«Часто мнѣ приходило въ голову: не сказку ли я читаю? Такой неправдоподобной, такой чудовищной и нелѣпой казалась мнѣ жизнь нашихъ предковъ, отдаленныхъ отъ насъ девятыю вѣками.

«Порочные, грязные, зараженные болѣзнями, уродливые, трусливые — они были похожи на омерзительныхъ гадовъ, запертыхъ въ узкую клѣтку. Одинъ кралъ у другого кусокъ хлѣба и уносилъ его въ темный уголъ и ложился на него животомъ, чтобы не увидалъ третій. Они отнимали другъ отъ друга жилища, лѣса, воду, землю

и воздухъ. Кучи обжоръ и развратниковъ, подкрѣпленные ханжами, обманщиками, ворами, насильниками, натравляли одну толпу пьяныхъ рабовъ на другую толпу дрожавшихъ идіотовъ и жили паразитами на гноѣ общественнаго разложенія. И земля, такая обширная и прекрасная, была тѣсна для людей, какъ темница, и душна, какъ склепъ.

«Но и тогда среди покорныхъ выучныхъ животныхъ, среди трусливыхъ пресмыкающихся рабовъ, вдругъ подымали головы нетерпѣливые гордые люди, герои съ пламенными душами. Какъ они рождались въ тотъ подлый, боязливый вѣкъ, — я не могу понять этого! Но они выходили на площади и на перекрестки и кричали: «Да здравствуетъ свобода!». И въ то ужасное кровавое время, когда ни одинъ частный домъ не былъ надежнымъ убѣжищемъ, когда насиліе, истязаніе и убійство награждались по-царски, эти люди въ своемъ священномъ безуміи кричали: «Долой тирановъ!».

«И они обагрjali своей праведной, горячей кровью плиты тротуаровъ. Они сходили съ ума въ каменныхъ мѣшкахъ. Они умирали на висѣлицахъ и подъ разстрѣломъ. Они отрекались добровольно отъ всѣхъ радостей жизни, кромѣ одной радости — умереть за свободную жизнь грядущаго человѣчества.

«Друзья мои! Развѣ вы не видите этого моста изъ человѣческихъ труповъ, который соединяетъ наше сіяющее настоящее съ ужаснымъ, темнымъ прошлымъ? Развѣ вы не чувствуете той кровавой рѣки, которая вынесла все человѣчество въ просторное, сіяющее море всемірнаго счастья?

«Вѣчная память вамъ, невѣдомые! вамъ, безмолвные страдальцы! Когда вы умирали, то въ прозорливыхъ глазахъ вашихъ, устремленныхъ въ даль вѣковъ, свѣтилась улыбка. Вы провидѣли насъ, освобожденныхъ, силь-

ныхъ, торжествующихъ, и въ великій мигъ смерти посылали намъ свое благословеніе.

«Друзья мои! Пусть каждый изъ насъ тихо, не произнеся ни слова, наединѣ съ собственнымъ сердцемъ, выпьетъ бокаль въ память этихъ далекихъ мучениковъ. И пусть каждый почувствуетъ на себѣ ихъ примиренный, благословляющій взглядъ!..»

И всѣ выпили молча. Но женщина необычайной красоты, сидѣвшая рядомъ съ ораторомъ, вдругъ прижалась головой къ его груди и беззвучно заплакала. И на вопросъ его о причинѣ слезъ, она отвѣтила едва слышно:

— А все-таки... какъ бы я хотѣла жить въ то время... съ ними... съ ними...

ДЕМИРЪ-КАЯ.

Восточная легенда.

Вѣтеръ упаль. Можетъ-быть, сегодня намъ придется ночевать въ морѣ. До берега 30 верстъ. Двухмачтовая фелюга лѣнливо покачивается съ боку на бокъ. Мокрые паруса висятъ.

Бѣлый туманъ плотно окружилъ судно. Не видно ни звѣздъ, ни неба, ни моря, ни ночи. Огня мы не зажигаемъ.

Сеидъ-Аблы, старый, грязный и босой капитанъ фелюги, тихимъ, важнымъ, глубокимъ голосомъ рассказываетъ древнюю исторію, которой я вѣрю отъ всего сердца. Вѣрю потому, что ночь такъ странно молчалива, потому что подъ нами спитъ невидимое море, и мы, окутанные туманомъ, плывемъ медленно въ бѣлыхъ густыхъ облакахъ.

«Звали его Демиръ-Кая. По-вашему это значитъ — Желѣзная Скала. Такъ называли его за то, что этотъ человекъ не вѣдалъ ни жалости, ни стыда, ни страха.

«Онъ разбойничалъ со своей шайкой въ окрестностяхъ Стамбула, и въ благословенной Фессалии, и въ гористой Македоніи, и на тучныхъ пастбищахъ болгарскихъ. Десятью девять человекъ погибло отъ его руки, и въ числѣ томъ были женщины, старики и дѣти.

«Но вотъ однажды въ горахъ его окружило сильное войско падишаха — да продлить Аллахъ дни его! Три дня отбивался Демиръ-Кая, точно волкъ отъ стаи собакъ. На утро четвертаго дня онъ прорвался, но — одинъ. Часть его товарищей погибла во время яростной погони, остальные же приняли смерть отъ руки палача въ Стамбулѣ на круглой площади.

«Израненный, истекающій кровью, лежалъ Демиръ-Кая у костра въ неприступной пещерѣ, гдѣ его приютили дикіе горные пастухи. И вотъ среди ночи явился къ нему свѣтлый ангелъ съ пылающимъ мечомъ. Узналъ Демиръ-Кая вѣстника смерти, посланника неба Азраила, и сказалъ :

«— Да будетъ воля Аллаха! Я готовъ.

«Но ангелъ сказалъ :

«— Нѣтъ, Демиръ-Кая, часъ твой еще не пришелъ. Слушай волю Божию. Когда ты встанешь съ одра смерти, пойдѣ, вырой изъ земли твои сокровища и обрати ихъ въ золото. Потомъ ты пойдешь прямо на востокъ и будешь идти до тѣхъ поръ, пока не дойдешь до мѣста, гдѣ сходятся семь дорогъ. Тамъ построишь ты домъ съ прохладными комнатами, съ широкими диванами, съ чистой водой въ фонтанахъ для омовеній, съ ѣдой и питьемъ для странниковъ, съ ароматнымъ кофе и благовоннымъ наргиле для усталыхъ. Зови къ себѣ всѣхъ, кто идетъ и ѣдетъ мимо, и служи имъ, какъ послѣдній рабъ. Пусть твой домъ — будетъ ихъ домомъ, твое золото — ихъ золотомъ, твой трудъ — ихъ отдохновеніемъ. И знай, что настанетъ время, когда Аллахъ забудетъ твои тяжкіе грѣхи и проститъ тебѣ кровь дѣтей Его.

«Но Демиръ-Кая спросилъ :

«— Какое же знаменіе дастъ мнѣ Господь, что грѣхи мои прощены?

«И ангелъ отвѣтилъ :

«— Изъ костра, что глѣбеть возлѣ тебя, возьми обгорѣлую головню, покрытую пенломъ, и посади въ землю. И когда мертвое дерево одѣнется корой, пустить ростки и зацвѣтеть, — то знай, — насталь часъ твоего искупленія.

«Прошло съ тѣхъ поръ двадцать лѣтъ. По всей странѣ падишаха—да продлитъ Аллахъ дни его!—шла слава о гостиницѣ у семи дорогъ на пути изъ Джебды въ Смирну. Нищій уходитъ оттуда съ рупіями въ дорожной сумѣ, голодный — сытымъ, усталый — бодрымъ, раненый — исцѣленнымъ.

«Двадцать лѣтъ, двадцать долгихъ лѣтъ глядѣлъ каждый вечеръ Демиръ-Кая на чудесный обрубокъ дерева, вкопанный во дворѣ, но онъ оставался черенъ и мертвъ. Потускнѣли у Демиръ-Кая орлиные глаза, согнулся его могучій станъ, и волосы на головѣ его стали бѣлы, какъ крылья ангела.

«Но вотъ однажды раннимъ утромъ услышалъ онъ конскій топотъ и выбѣжалъ на дорогу, и увидѣлъ всадника, который мчался на взмыленной лошади. Кинулся къ нему Демиръ-Кая, схватилъ коня подъ уздцы и молилъ всадника :

«— О, братъ мой, зайди въ домъ ко мнѣ. Освѣжи лицо свое водою, подкрѣпи себя пищей и питьемъ, улади уста твои сладкимъ благоуханіемъ кальяна.

«Но путникъ крикнулъ въ злобѣ :

«— Пусти меня, старикъ! Пусти!

«И плюнулъ онъ въ лицо Демиръ-Кая и ударилъ его рукоятью бича по головѣ, и поскакалъ дальше.

«Загорѣлась въ Демиръ-Кая гордая разбойничья кровь. Поднялъ онъ съ земли тяжелый камень и бросилъ его вслѣдъ обидчику, и разбилъ ему черепъ. Покачался всадникъ на сѣдлѣ, схватился за голову, упалъ на дорожную пыль.

«Съ ужасомъ въ сердцѣ подбѣжалъ къ нему Демиръ-Кая и сказалъ скорбно:

«— Братъ мой, я убилъ тебя!

«Но умирающій отвѣтилъ:

«— Не ты убилъ меня, а рука Аллаха. Слушай. Паша нашего вилайета — жестокий, алчный, несправедливый человекъ. Мои друзья затѣяли противъ него заговоръ. Но я прельстился богатой денежной наградой. Я хотѣлъ ихъ выдать. И вотъ, когда я торопился съ моимъ доносомъ, меня остановилъ камень, брошенный тобою. Такъ хочетъ Богъ. Прощай.

«Удрученный горемъ, вернулся Демиръ-Кая въ своей дворъ. Лѣстница добродѣтели и раскаянія, по которой онъ такъ терпѣливо всходилъ вверхъ цѣлыя двадцать лѣтъ, подломилась подъ нимъ и рухнула въ одинъ короткий мигъ лѣтняго утра.

«Въ отчаяніи поглядѣлъ онъ туда, гдѣ взоръ его привыкъ ежедневно останавливаться на черной, обугленной головнѣ. И вдругъ — о, чудо! — онъ видитъ, что на его глазахъ умершее дерево пускаетъ ростки, покрывается почками, одѣвается благоуханной зеленью и расцвѣтаетъ нѣжными желтыми цвѣтами.

«Тогда упалъ на колѣни Демиръ-Кая и радостно заплакалъ. Ибо онъ понялъ, что великій и всемилостивый Аллахъ въ неизреченной премудрости Своей простилъ ему девяносто девять загубленныхъ жизней за смерть одного предателя».

СЧАСТЬЕ.

Сказка.

Одинъ великій царь велѣлъ привести къ себѣ поэтовъ и мудрецовъ своей страны. И спросилъ онъ ихъ:

— Въ чемъ счастье?

— Въ томъ, — отвѣтилъ поспѣшно первый: — чтобы всегда видѣть сіяніе твоего божественнаго лица и вѣчно чувствовать...

— Выколоти ему глаза, — сказалъ царь равнодушно. — Слѣдующій!..

— Счастье — это власть. Ты, царь, счастливъ! — вскричалъ второй.

Но царь возразилъ съ горькой улыбкой:

— Однако я страдаю геморроемъ и не властенъ исцѣлить его. Вырвать ему ноздри, канальѣ. Дальше!..

— Быть богатымъ! — сказалъ, заикаясь, слѣдующій.

Но царь отвѣтилъ:

— Я богатъ, а вопрошаю о счастьѣ. Довольно ли тебѣ слитка золота вѣсомъ въ твою голову?

— О, царь!..

— Ты получишь его. Привяжите ему на шею слитокъ золота вѣсомъ въ его голову и бросьте этого нищаго въ море.

И царь крикнулъ нетерпѣливо:

— Четвертый!

Тогда вползъ на животъ человекъ въ лохмотьяхъ, съ лихорадочными глазами, и забормоталъ:

— О, премудрый! Я хочу малаго! Я голодень! Сдѣлай меня сытымъ, и я буду счастливъ и прославлю имя твое во всей вселенной.

— Накормите его,—сказаль царь брезгливо.—И, когда онъ умретъ отъ объяденія, придите сказать мнѣ объ этомъ.

И пришли также двое. Одинъ—мощный атлетъ съ розовымъ тѣломъ и низкимъ лбомъ. Онъ сказаль со вздохомъ:

— Счастье въ творчествѣ.

А другой былъ блѣдный, худой поэтъ, на щекахъ котораго горѣли красныя пятна. И онъ сказаль:

— Счастье въ здоровьѣ.

Царь жѣ улыбнулся съ горечью и произнесъ:

— Если бы въ моей волѣ было перемѣнить ваши судьбы, то черезъ мѣсяцъ ты, о, поэтъ, молилъ бы боговъ о вдохновеньи, а ты, о, подобіе Геркулеса, бѣгалъ бы къ врачамъ за редуccionными пилюлями. Идите оба съ миромъ. Кто тамъ еще?

— Смертный! — сказаль гордо седьмой, украшенный цвѣтами нарцисса. — Счастье въ небытіи!

— Отрубите ему голову!—молиль лѣнливо властелинъ.

— Царь, о, царь, помилуй!.. — залепеталь приговоренный и сталъ блѣднѣе лепестковъ нарцисса.—Я не то хотѣлъ сказать.

Но царь устало махнулъ рукой, зѣвнулъ и произнесъ коротко:

— Уведите его... Отрубите ему голову. Слово царя твердо, какъ агать.

Приходили еще многіе. Одинъ изъ нихъ сказаль только два слова:

— Женская любовь!..

— Хорошо,—согласился царь:—дайте ему сотню красивѣйшихъ женщинъ и дѣвушекъ моей страны. Но дайте ему также и кубокъ съ ядомъ. А когда настанетъ время—скажите мнѣ: я приду посмотрѣть на его трупъ.

И ещё одинъ сказалъ:

— Счастье въ томъ, чтобы каждое мое желаніе исполнялось мгновенно.

— А что ты сейчасъ хочешь?—спросилъ лукаво царь.

— Я?

— Да. Ты.

— Царь... вопросъ слишкомъ неожиданъ.

— Закопать его живымъ въ землю. Ахъ, и еще одинъ мудрецъ? Ну, ну. Подойди поближе... Можетъ-быть, ты знаешь, въ чемъ счастье?

Мудрецъ же—и онъ былъ истинный мудрецъ—отвѣтилъ:

— Счастье въ прелести человѣческой мысли.

Брови у царя дрогнули, и онъ закричалъ гнѣвно:

— Ага! Человѣческая мысль! Что такое человѣческая мысль?

Но мудрецъ — ибо онъ былъ истинный мудрецъ — лишь улыбнулся сострадательно и ничего не отвѣтилъ.

Тогда царь велѣлъ свергнуть его въ подземную темницу, гдѣ была вѣчная темнота и гдѣ не было слышно ни одного звука извиѣ. И когда черезъ годъ привели къ царю узника, который ослѣпъ, оглохъ и едва держался на ногахъ, то на вопросъ царя:—«Что? И теперь ты счастливъ?»—мудрецъ отвѣтилъ спокойно:

— Да, я счастливъ. Сидя въ тюрьмѣ, я былъ и царемъ, и богачомъ, и влюбленнымъ, и сытымъ, и голоднымъ, — все это давала моя мысль.

— Что же такое мысль? — воскликнулъ царь нетерпѣливо. — Знай, что черезъ пять минутъ я тебя повѣшу и плюну въ твое проклятое лицо! Утѣшитъ ли тебя тогда твоя мысль? И гдѣ будутъ тогда твои мысли, которыя ты расточалъ по землѣ?

Мудрецъ же отвѣтилъ спокойно, ибо онъ былъ истинный мудрецъ:

— Дуракъ! Мысль безсмертна.

СИЛЬНѢ СМЕРТИ.

— Прощай...

— Ахъ, нѣтъ, милый... Не говори: прощай... До свиданья...

— Прощай...

— Значить... никогда?

— Ты сама знаешь... прощай.

— Никогда?

Онъ не нашелъ отвѣта на этотъ страстный вопросъ. Онъ радовался тому, что уѣзжалъ, разрывая наконецъ эту тягостную, трехлѣтнюю, наскучившую связь, но смутное чувство жалости не позволяло ему быть жестокимъ.

Зазвонилъ второй звонокъ.

Сверху, съ площадки вагона онъ видѣлъ ее, стоящую на платформѣ, такую маленькую и печальную, съ такимъ давно знакомымъ, грустнымъ лицомъ, въ томъ же самомъ давно знакомомъ платьѣ... И ему припомнился афоризмъ какого-то остряка: «Часто въ любви бѣгство является побѣдой».

Онъ сказалъ съ нетерпѣніемъ:

— Къ чему намъ въ сотый разъ тревожить одно и то же? Вѣдь и ты и я согласились, что разлука неизбежна.

Она отвѣтила еле слышно:

— Да. Ты этого хотѣлъ...

— А ты? Развѣ ты только-что не соглашалась со мной? Или тебѣ еще мало тѣхъ униженій, которыя мы перенесли въ этомъ бракѣ втроемъ?

Она молчала. Онъ мысленно нашелъ въ ея взглядѣ

сходство со взглядомъ умной и преданной собаки, которую только-что побилъ сгоряча хозяинъ.

Звонокъ залился мелкой, длинной трелью, потомъ замеръ на мгновенье, и одинъ за другимъ прозвучали три медленныхъ, громкихъ удара.

Онъ сошелъ внизъ, и она уже подняла вверхъ вуаль для прощальнаго поцѣлуя, какъ вдругъ внезапная мысль заставила ее отшатнуться.

— Дорогой мой,—прошептала она, задыхаясь.—Дорогой мой... еще одна послѣдняя просьба...

— Что?

— Сейчасъ мы разстанемся... Навсегда... Я знаю, ты меня не любишь больше... Но... подари мнѣ еще часъ... Смотри, — теперь безъ четверти одиннадцать. Дай мнѣ слово, что сегодня въ двѣнадцать часовъ ты обо мнѣ вспомнишь... Вѣдь это тебѣ не будетъ трудно?..

Онъ засмѣялся.

— Хорошо. Въ этомъ нѣтъ никакого труда. Но для чего ты просишь?

— Ты даешь слово?

— Да. Даю слово. Только зачѣмъ ты просишь меня объ этомъ?

— Видишь ли. Въ это же самое время, минута въ минуту, секунда въ секунду, я буду думать о тебѣ. Думать со всѣмъ напряженіемъ воли, со всей силой любви. Почему знать? Можетъ-быть, для воли не существуетъ разстояній, и мы увидимся еще разъ.

— Какъ ты странно говоришь...

— Но помни, ты далъ слово...

— Я его сдержу. Не безпокойся.

— Ты будешь думать, крѣпко, глубоко, страстно?

— Да, да. Прощай.

— До свиданія...

Онъ сидѣлъ въ купѣ и невольно слѣдилъ за ритмическимъ постукиваніемъ колесъ... Странно-радостное чувство свободы почти мгновенно исчезло изъ его души, уступивъ мѣсто неожиданной, тусклой, невыносимой тоскѣ. Какая-то таинственная сила съ неумолимой ясностью вызвала въ его памяти самыя тонкія, самыя незначительныя подробности этого романа, который онъ только-что закончилъ, съ облегченіемъ прочитавъ его послѣднюю страницу. Почему не выходили изъ его ума эти двѣ удивительныя строки великаго поэта:

Но, какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй?

Было около полуночи.

Ритмъ колесъ, колыханье красной занавѣски фонаря, первые свѣтики паровоза не давали ему спать... А мысль все упорнѣе лѣтѣла къ печальной, маленькой, давно внакомой, покинутой женщинѣ... Теперь этотъ гордый, свободолюбивый человекъ отдалъ бы и свою гордость и свою свободу за возможность на одинъ только мигъ увидѣть брошенную имъ женщину. И вдругъ, открывъ глаза и точно очнувшись отъ минутной полудремоты, онъ увидалъ ее передъ собою; сидящую на диванѣ, покрытомъ полотнянымъ чехломъ... Она ничего не говорила, но глаза ея глядѣли съ безконечной любовью и молчаливымъ упрямомъ.

— Кто ты? Зачѣмъ ты здѣсь?!—закричалъ онъ, вскакивая въ ужасѣ со своего мѣста.

Она печально покачала головой и въ мигъ разсѣялась, расплылась, какъ предутренній туманъ.

На другой день онъ узналъ, что она отравилась въ ту же ночь, когда онъ уѣхалъ изъ города.

ИСКУССТВО.

У одного гениальнаго скульптора спросили:

— Какъ согласовать искусство съ революціей?

Онъ отдернулъ занавѣску и сказалъ:

— Смотрите.

И показалъ имъ мраморную фигуру, которая представляла раба, разрывающаго оковы страшнымъ усиліемъ мышцъ всего тѣла.

И одинъ изъ глядѣвшихъ сказалъ:

— Какъ это прекрасно!

Другой сказалъ:

— Какъ это правдиво!

Но третій воскликнулъ:

— О, я теперь понимаю радость борьбы!

ALLEZ!

Этотъ отрывистый, повелительный возгласъ былъ первымъ воспоминаемъ m-lle Норы изъ ея темнаго, однообразнаго, бродячаго дѣтства. Это слово раньше всѣхъ другихъ словъ выговорилъ ея слабый, младенческій язычокъ, и всегда, даже въ сновидѣніяхъ, вслѣдъ за этимъ крикомъ вставали въ памяти Норы: холодъ нетопленной арены цирка, запахъ конюшни, тяжелый галопъ лошади, сухое шелканье длиннаго бича и жгучая боль удара, внезапно заглушающая минутное колебаніе страха.

— Allez!..

Въ пустомъ циркѣ темно и холодно. Кое-гдѣ, едва пррѣзавшись сквозь стеклянный куполъ, лучи зимняго солнца ложатся слабыми пятнами на малиновый бархатъ и позолоту ложъ, на щиты съ конскими головами и на флаги, украшающіе столбы; они играютъ на матовыхъ стеклахъ электрическихъ фонарей и скользятъ по стали турниковъ и трапецій тамъ, на страшной высотѣ, гдѣ перепутались машины и веревки. Глазъ едва различаетъ только первые ряды креселъ, между тѣмъ какъ мѣста за ложами и галерея совсѣмъ утонули во мракѣ.

Идетъ дневная работа. Пять или шесть артистовъ въ шубахъ и шапкахъ сидятъ въ креслахъ перваго ряда около входа въ конюшни и курятъ вонючія сигары. Посреди манежа стоитъ коренастый, коротконогій мужчина

съ цилиндромъ на затылкѣ и съ черными усами, тщательно закрученными въ ниточку. Онъ обвязываетъ длинную веревку вокругъ пояса стоящей передъ нимъ крошечной пятнадцатилѣтней дѣвочки, дрожащей отъ волненія и стужи. Громадная бѣлая лошадь, которую конюхъ водить вдоль барьера, громко фыркаетъ, мотая выгнутой шеей, и изъ ея ноздрей стремительно вылетаютъ струя блага пара. Каждый разъ, проходя мимо человѣка въ цилиндрѣ, лошадь косится на хлысть, торчащій у него изъ-подъ мышки, и тревожно храпитъ, и, прыдая, влечетъ за собою упирающагося конюха. Маленькая Нора слышитъ въ своей обинной ея первыя движенія и дрожитъ еще больше.

Двѣ мощныя руки обхватываютъ ее за галію и легко взбрасываютъ на спину лошади, на широкій кожаный матрацъ. Почти въ тотъ же моментъ и стулья, и бѣлые столбы, и титовыя занавѣски у входовъ — все сливается въ одинъ пестрый кругъ, быстро бѣгущій навстрѣчу лошади. Напрасно руки замираютъ, судорожно вцѣпившись въ жесткую волну тривы, а глаза плотно смыкаются, ослѣпленные бѣшенымъ мельканіемъ мутнаго круга. Мужчина въ цилиндрѣ ходитъ внутри манежа, держитъ у головы лошади конецъ длиннаго бича и оглушительно щелкаетъ имъ...

— Allez!..

А вотъ она, въ короткой газовой юбочкѣ, съ обнаженными худыми, полудѣтскими руками, стоитъ въ электрическомъ свѣтѣ подъ самымъ куполомъ цирка на сильно качающейся трапеціи. На той же трапеціи, у ногъ дѣвочки виситъ внизъ головою, уцѣпившись колѣнами за штангу, другой коренастый мужчина въ розовомъ трико съ золотыми блестками и бахромой, завитой, напомаженный и жестокій. Вотъ онъ поднялъ кверху опущенныя руки, развелъ ихъ, устремилъ въ глаза Норы острый, прицѣвливающийся и гипнотизирующий взглядъ акробата

и... хлопнуть въ ладони. Нора дѣлаетъ быстрое движеніе впередъ, чтобы ринуться внизъ, прямо въ эти сильныя, безжалостныя руки (о, съ какимъ испугомъ вздохнуть сейчасъ сотни зрителей!), но сердце вдругъ холодѣетъ и перестаетъ биться отъ ужаса, и она только крѣпче стискиваетъ тонкія веревки. Опущенныя безжалостныя руки поднимаются опять, взглядъ акробата становится еще напряженнѣе... Пространство внизу, подъ ногами, кажется бездной.

— Allez!..

Она балансируетъ, едва переводя духъ, на самомъ верху «живой пирамиды» изъ шестерыхъ людей. Она скользитъ, извиваясь гибкимъ, какъ у змѣи, тѣломъ, между перекладинами длинной бѣлой лѣстницы, которую внизу кто-то держитъ на головѣ. Она перевертывается въ воздухѣ, взброшенная наверхъ сильными и страшными, какъ стальные пружины, ногами жонглера въ «сикарійскихъ играхъ». Она идетъ высоко надъ землею по тонкой, дрожащей проволоцѣ, невыносимо рѣзущей ноги... И вездѣ тѣ же глухо-красивыя лица, намаженные проборы, взбитые коки, закрученныя усы, запахъ сигаръ и потнаго человѣческаго тѣла, и вездѣ все тотъ же страхъ и тотъ же неизбѣжный, роковой крикъ, одинаковый для людей, для лошадей и для дрессированныхъ собакъ:

— Allez!..

Ей только-что минуло шестнадцать лѣтъ, и она была очень хороша собою, когда однажды во время представленія она сорвалась съ воздушнаго турника и, пролетѣвъ мимо сѣтки, упала на песокъ манежа. Ее тотчасъ же, безчувственную, унесли за кулисы и тамъ, по древнему обычаю цирковъ, стали изо всѣхъ силъ трясти за плечи, чтобы привести въ себя. Она очнулась и застонала отъ боли, которую ей причинила вывихнутая рука. «Публика волнуется и начинаетъ расходиться, — говорили

вокругъ нея: — идите и покажитесь публикѣ!..» Она послушно сложила губы въ привычную улыбку, улыбку «граціозной наѣздницы», но, сдѣлавъ два шага, закричала и зашаталась отъ невыносимаго страданія. Тогда десятки рукъ подхватили ее и насильно вытолкнули за занавѣски входа, къ публикѣ.

— Allez!..

Въ этотъ сезонъ въ циркѣ «работалъ» въ качествѣ гастролера клоунъ Менотти, — не простой, дешевый бѣдняга-клоунъ, валлющійся по песку, получающій пощечины и умѣющій, ничего не ѣвши со вчерашняго дня, смѣшить публику цѣлый вечеръ неистощимыми шутками, — а клоунъ-знаменитость, первый соло-клоунъ и подражатель въ свѣтѣ, всемірно-извѣстный дрессировщикъ, получившій почетные призы и т. д. и т. д. Онъ носилъ на груди тяжелую цѣпь изъ золотыхъ медалей, бралъ по 200 рублей за выходъ, гордился тѣмъ, что вотъ уже пять лѣтъ не надѣваетъ другихъ костюмовъ, кромѣ муаровыхъ, неизбѣжно чувствовалъ себя послѣ вечеровъ «разбитымъ» и съ приподнятой горечью говорилъ про себя: «Да! Мы—шуты, мы должны смѣшить съ тую публику!» На аренѣ онъ фальшиво и претенціозно пѣлъ старые куплеты, или декламировалъ стихи своего сочиненія, или продергивалъ думу и канализацію, что въ общемъ производило на публику, привлеченную въ циркъ безшабашной рекламой, впечатлѣніе напыщеннаго, скучнаго и неумѣстнаго кривлянья. Въ жизни же онъ имѣлъ видъ томно-покровительственный и любилъ съ таинственнымъ, небрежнымъ видомъ намекать на свои связи съ необыкновенно красивыми, страшно богатыми, но совершенно наскучившими ему графинями.

Когда, излѣчившійся отъ вывиха руки, Нора впервые показала въ циркѣ, на утреннюю репетицію, Менотти задержалъ, здороваясь, ея руку въ своей, сдѣлавъ усталое

влажные глаза и разслабленнымъ голосомъ спросилъ ее о здоровьѣ. Она смутилась, покраснѣла и отняла свою руку. Этотъ моментъ рѣшилъ ея участь.

Черезъ недѣлю, провожая Нору съ большого вечерняго представленія, Менотти попросилъ ее зайти съ нимъ поужинать въ ресторанъ той великолѣпной гостиницы, гдѣ всемірно-знаменитый, первый соло-клоунъ всегда останавливался.

Отдѣльные кабинеты помѣщались въ верхнемъ этажѣ, и, взойдя наверхъ, Нора на минуту остановилась — частью отъ усталости, частью отъ волненія и послѣдней цѣломудренной нерѣшимости. Но Менотти крѣпко сжалъ ея локоть. Въ его голосѣ прозвучала звѣриная страсть и жестокое приказаніе бывшаго акробата, когда онъ прошепталъ :

— *Allez!*..

И она пошла... Она видѣла въ немъ необычайное, верховное существо, почти бога... Она пошла бы въ огонь, если бы ему вздумалось приказать.

Въ теченіе года она ѣздила за нимъ изъ города въ городъ. Она стерегла брильянты и медали Менотти во время его выходовъ, надѣвала на него и снимала трико, слѣдила за его гардеробомъ, помогала ему дрессировать крысъ и свиней, растирала на его физиономіи кольдъ-кремъ и — что всего важнѣе — вѣрила съ пыломъ идолопоклонника въ его міровое величіе. Когда они оставались одни, онъ не находилъ, о чемъ съ ней говорить, и принималъ ея страстныя ласки съ преувеличенно-скучающимъ видомъ человѣка пресыщеннаго, но милостиво позволяющаго обожать себя.

Черезъ годъ она ему надоѣла. Его разслабленный взоръ обратился на одну изъ сестеръ Вильсонъ, совершавшихъ «воздушные полеты». Теперь онъ совершенно не стѣснялся съ Норой и нерѣдко въ уборной, передъ глазами

артистовъ и конюховъ, колотить ее по щекамъ за неприличную пуговицу. Она переносила это съ тѣмъ же смирениемъ, съ какимъ принимаетъ побои отъ своего хозяина старая, умная и преданная собака.

Наконецъ, однажды, ночью, послѣ представленія, на которомъ первый въ свѣтѣ дрессировщикъ былъ освѣщенъ за то, что черезчуръ сильно ударилъ хлыстомъ собаку, Менотти прямо сказалъ Норъ, чтобы она немедленно убиралась отъ него ко всѣмъ чертямъ. Она послушалась, но у самой двери номера остановилась и обернулась назадъ съ умоляющимъ взглядомъ. Тогда Менотти быстро подбѣжалъ къ двери, бѣшенымъ толчкомъ ноги распахнулъ ее и закричалъ:

— Allez!..

Но черезъ два дня ее, какъ побитую и выгнанную собаку, опять потянуло къ хозяину. У нея потемнѣло въ глазахъ, когда лакей гостиницы съ наглой усмѣшкой сказалъ ей: «Къ нимъ нельзя-съ; они въ кабинетъ, заняты съ барышней-съ».

Нора взошла наверхъ и безошибочно остановилась передъ дверью того самаго кабинета, гдѣ годъ тому назадъ она была съ Менотти. Да, онъ былъ тамъ: она узнала его томный голосъ нереутомившейся знаменитости, изрѣдка прерываемой счастливымъ смѣхомъ рыжей англичанки. Она быстро отворила дверь.

Малиновыя съ золотомъ обои, яркій свѣтъ двухъ канделябровъ, блескъ хрусталя, гора фруктовъ и бутылки въ серебряныхъ вазахъ, — Менотти, лежащій безъ сюртука на диванѣ, и Вильсонъ съ разстегнутымъ корсажемъ, запахъ духовъ, вина, сигары, пудры, — все это сначала ошеломило ее; потомъ она кинулась на Вильсонъ и нѣсколько разъ ударила ее кулакомъ въ лицо. Та завизжала, — и началась свалка...

Когда Менотти удалось съ трудомъ растащить обѣихъ

женщинъ, Нора стремительно бросилась передъ нимъ на колѣни и, осыпая поцѣлуями его сапоги, умоляла возвратиться къ ней, Менотти съ трудомъ оттолкнулъ ее отъ себя и, крѣпко сдавивъ ее за шею сильными пальцами, сказалъ:

— Если ты сейчасъ не уйдешь, дрянь, то я прикажу лакеямъ вытащить тебя отсюда!

Она встала, задыхаясь, и зашептала:

— А-а! Въ такомъ случаѣ... въ такомъ случаѣ...

Взглядъ ея упалъ на открытое окно. Быстро и легко, какъ привычная гимнастка, она очутилась на подоконникѣ и наклонилась впередъ, держась руками за обѣ наружныя рамы.

Глубоко внизу на мостовой грохотали экипажи, казавшіеся сверху маленькими и странными животными, тротуары блестѣли послѣ дождя, и въ лужахъ колебались отраженія уличныхъ фонарей.

Пальцы Норы похолодѣли, и сердце перестало биться отъ минутнаго ужаса... Тогда, закрывъ глаза и глубоко переведя дыханіе, она подняла руки надъ головой и, поборовъ привычнымъ усиліемъ свою слабость, крикнула, точно въ циркѣ:

— Allez!..

ВЕЧЕРНІЙ ГОСТЬ.

Лампа бросаетъ на письменный столъ, за которымъ я сижу, ровный и яркій кругъ свѣта. Все, что внѣ этого круга — темно, пусто и безжизненно, все чуждо мнѣ и забыто мною. Весь міръ сосредоточился въ маленькомъ, свѣтломъ, круглѣ пространствѣ, гдѣ мнѣ знакомо каждое чернильное пятно, каждая царапина, каждая шероховатость. Больше мнѣ ничего не нужно. Листъ бумаги ослѣпительно-бѣлъ, и края его рѣзко и прямо рисуются на зеленомъ сукнѣ. Секунды вечера бѣгутъ съ кроткой, неторопливой однообразностью, въ свѣтломъ круглѣ все такъ просто, ярко, уютно, близко, привычно и мечтательно. Больше мнѣ ничего, ничего не нужно!

И вотъ кто-то стучится въ двери. Разъ-два-три... Быстро и настойчиво спѣшатъ одинъ за другимъ три глухихъ, тревожныхъ удара. Дремотное очарованіе свѣтлаго круга исчезаетъ мгновенно и безслѣдно, какъ картина съ экрана волшебнаго фонаря. Я снова въ комнатѣ, въ домѣ, въ городѣ... Жизнь ворвалась ко мнѣ подобно тому, какъ вторгается уличный шумъ въ распахнутое окно.

Кто стоитъ тамъ, за дверями? Вотъ онъ сейчасъ войдетъ сюда, и я увижу его лицо, услышу звукъ его голоса, возьму его руку. Я прикоснусь къ нему зрѣніемъ и слухомъ, тѣломъ и мыслью. О, какъ это просто,

и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ таинственно, непонятно, почти ужасно!..

Вѣдь нѣтъ ни одного ничтожнаго явленія, которое не оставило бы во мнѣ неизгладимаго слѣда. Тихая ночная возня мыши подъ поломъ и смертная казнь, рожденіе ребенка и шуршаніе осенняго листа, ураганъ на морѣ и тиканье карманныхъ часовъ, ласка любимой женщины и объявленіе о ваксѣ, — все, все, — и малое и большое, созннанное мною и несознанное, — все притрогивается къ моему мозгу, все чертитъ на немъ непонятные знаки. Каждая прожитая мною минута кладетъ вѣчную, но неизвѣстную мнѣ печать на мой характеръ, на мою любовь или отвращеніе къ жизни, на умъ, на здоровье, на память и воображеніе, на всю мою грядущую жизнь, а можетъ-быть, даже на жизнь моихъ дѣтей и внуковъ. Но я не знаю ни очереди событій, ни времени ихъ прихода, ни ихъ стихійной силы, ни ихъ темнаго значенія...

Я не знаю, что будетъ со мною завтра... Только плоскіе, самодовольные, тупые фарисеи и утонченные духомъ, избранные, ясновидящіе люди знаютъ это, или обманываютъ себя и другихъ, что знаютъ. Я же не знаю, что будетъ со мною черезъ часъ, черезъ минуту; я живу, какъ лотерейный игрокъ, для котораго судьба ворочаетъ колесо съ сюрпризами.

Почему такъ волнуетъ людей азартная игра? Потому что, ставя деньги на девятку бубенъ, мы не знаемъ заранее, куда она ляжетъ; направо — мы проигрываемъ, налево — выигрываемъ. Потому что передъ нашими глазами будущее мгновенно дѣлается прошедшимъ, а надежды и расчеты превращаются въ разочарованіе и радость; потому что карточная игра есть та же жизнь, но жизнь сокращенная, усиленная и напряженная, подобно жизни подъ колпакомъ съ кислородомъ; потому что въ карточной игрѣ мы чувствуемъ душою, какъ мимо насъ

проходить грозное божество, располагающее случаями и возможностями.

Но явленія простой, обыденной жизни не потрясають насъ, и мы живемъ въ нихъ равнодушно и слѣпо. А между тѣмъ ежедневно, ежечасно, — обѣдаемъ ли мы, идемъ ли на любовное свиданіе, подписываемъ ли дѣловую бумагу, сидимъ ли въ театрѣ, играемъ ли въ карты, вводимъ ли въ свой домъ новаго друга, покупаемъ или продаемъ, спимъ или бодрствуемъ, — мы, въ сущности, только то и дѣлаемъ, что вынимаемъ и вынимаемъ изъ огромной урны, которую намъ на каждомъ шагу предлагаетъ жизнь. У картъ, въ концѣ концовъ, только два билета, одинъ съ выигрышемъ, другой съ проигрышемъ, а у жизни ихъ милліоны, помноженные на милліоны, и изъ нихъ ни одного — пустого. Въ карточной игрѣ вы расплачиваетесь по окончаніи талин наличными деньгами, а жизнь знаетъ безконечное количество способовъ и сроковъ расплаты. Она расплачивается — то скупю, какъ ростовщикъ, то сторичней, какъ получившій наслѣдство купила, то явно, какъ евангельская вдовица, иногда съ быстротой и неожиданностью револьвернаго выстрѣла, иногда съ медленностью упорной, неизлѣчимой болѣзни...

Это необъяснимо, таинственно и, благодаря своей простотѣ, прямо ужасно. Представьте себѣ, что какой-нибудь тиранъ, настоящій земной тиранъ, геніальный безумецъ, которому прискучили и стали прѣсными обычныя формы наслажденія неограниченною властью, вздумалъ бы ввести въ своемъ государствѣ ежегодную лотерею жизни. Въ извѣстный день и въ извѣстный часъ войны сгояють палками народъ на большую площадь, посреди которой стоитъ ваза, до верху наполненная билетами, опредѣляющими точно и подробно жизнь каждаго подданнаго на цѣлый годъ. Въ этихъ билетахъ предусмотрѣно все, что можетъ изобрѣсти человѣческое воображеніе: богатство,

слава, власть, позоръ, тюрьма, любовь, самоубійство, орденъ, изгнаніе, война, трудъ, почести, пытка, смертная казнь... Попробуйте представить и самого себя ждущимъ своей очереди въ толпѣ несчастныхъ этого утонченнаго тирана. О, какъ поблѣднѣетъ ваше лицо, какъ задрожать и ослабѣютъ ваши ноги, когда подведутъ васъ къ роковой урнѣ, какъ мучительно забьется ваше сердце отъ двухъ противоположныхъ и равно могучихъ желаній— ускорить и отдалить моментъ выбора!..

А мы вытягиваемъ такіе билеты ежедневно, но только по слѣпотѣ, по суевѣрію, по трусости и по привычкѣ — не замѣчаемъ и не хотимъ замѣчать этого, не размышляемъ надъ этимъ и не вѣримъ въ это. Одинъ говоритъ: «я устрою свою жизнь такъ-то»; другой говоритъ: «я знаю, что и черезъ годъ, и черезъ два, и черезъ десять лѣтъ я такъ же буду сидѣть въ этомъ самомъ креслѣ и подписывать эти самыя исходящія бумаги»; третій увѣренъ больше, чѣмъ въ своемъ существованіи, въ томъ, что онъ до самой смерти не выйдетъ изъ стѣнъ своей богадѣльни... И если увѣренность не обманетъ ихъ, то эти самодовольные люди говорятъ сами себѣ, своимъ дѣтямъ и своимъ знакомымъ: «Вотъ я захотѣлъ получить почести и получилъ. Настойчивость и трудъ могутъ всего достигнуть. Каждый человѣкъ своему счастью кузнецъ». Но слова ихъ такъ же наивны и глупы, какъ слова того человѣка, который, желая доказать самому себѣ свою независимость отъ судьбы, скажетъ: «а вотъ я сейчасъ ударю пальцемъ объ столъ», и дѣйствительно ударить. И первые судятъ еще глупѣе, чѣмъ второй, потому что ихъ глупость сложнѣе и путаниѣе.

Ибо, во-первыхъ: окостенѣніе человѣка въ какой-нибудь опредѣленной, окончательной формѣ уже не есть жизнь, а первый симптомъ смерти, такъ какъ жизнь заключается въ непрерывности движенія. Во-вторыхъ, если

бы ему, теперешнему ему, показать его тогдашнюю душу, вывернувъ ее хорошенько наизнанку, онъ удивился бы и не повѣрилъ, что это его душа, а если бы и повѣрилъ, то отказался бы понять, какимъ образомъ, благодаря какимъ влiянiямъ и столкновенiямъ она могла такъ поразительно измѣниться. А въ-третьихъ, этотъ человекъ, чтущiй не душу, а облекающую ее оболочку, никогда не пойметъ того, что самыя важныя явленiя жизни, т.-е. рожденiе, любовь и смерть, очевидно, до ужаса подвержены колебанiямъ случая.

Кто изъ насъ знаетъ смыслъ и причину нашего появленiя на свѣтъ? Меньше всего объ этомъ знаютъ наши родители. Въ зачатiи и рожденiи ребенка, въ образованiи его души и тѣла, а стало-быть, и въ складѣ всей его послѣдующей жизни одинаково важную роль играютъ: и сѣдненный днемъ обѣдъ, и прочитанная наканунѣ книжка, и запахъ цвѣтовъ въ палисадникѣ, и случайный мотивъ, засѣвшiй въ головѣ, и еще тысячи тысячъ причинъ, и изъ нихъ, можетъ-быть, самая пустая и ничтожная, которую человекъ и самъ не замѣтилъ и о которой никогда не вспомнить, — была самою важной и могучей причиной.

То же и любовь. Кто скажетъ намъ, гдѣ, когда и какъ подпадемъ мы ея страшной власти, иногда прекрасной, иногда разрушительной, иногда пошлой? Мы не знаемъ заранѣе ни своихъ женъ ни своихъ любовницъ. Приятель вводитъ меня въ кружокъ своихъ близкихъ знакомыхъ, у тѣхъ я знакомлюсь съ другими, черезъ нихъ попадаю къ третьимъ, а у четвертыхъ встрѣчаю чужую, новую, неизвѣстную мнѣ до сихъ поръ женщину. И когда меня ей представляютъ, я самъ не знаю, что въ эту минуту я вытащилъ изъ урны судьбы свой билетъ, на которомъ написано: вотъ именно съ этой чужой тебѣ женщиной ты будешь многiе годы ѣсть за однимъ столомъ, спать рядомъ, рождать дѣтей, и люди будутъ звать

вает женою и мужемъ. И сколько тысячъ разъ два чело-
вѣка, которые всею душой, всѣми мыслями многіе годы
жаждутъ найти другъ друга, встрѣчаются на улицѣ, даже
слегка касаются другъ друга локтемъ, и расходятся, чтобы
никогда больше не увидѣться!

А дѣти? Думалъ ли я о нихъ раньше? Могу ли я себѣ
представить хоть приблизительно, что передамъ я имъ
изъ своего тѣла, изъ своего ума и души, передамъ не только
своего, но и принадлежащаго моему отцу, дѣду и пра-
дѣду? Могу ли я предвидѣть всѣ мелочные для меня,
но роковые для ребенка случаи, которые оставить неиз-
гладимыя черты въ его душѣ?

И все это кончается смертью, самой вѣрной и самой
случайной гостьей, къ которой мы незамѣтно подгото-
вляемъ себя всѣмъ: одеждой, питьемъ, пищею, кварта-
рами, настроеніемъ духа, любовью и ненавистью.

Нѣтъ, я ничего, ничего не понимаю въ этой жизни. Я
съ покорнымъ, тупымъ страхомъ вытягиваю свой билетъ
и самъ не могу прочесть его непонятной надписи.

И никогда мнѣ это не бывало такъ ясно, какъ въ
этотъ вечерній часъ, когда въ моихъ дверяхъ послышался
тревожный стукъ. Вотъ, подумалъ я, пришла и стоитъ
тамъ судьба со своимъ волшебнымъ колесомъ. Иди и
вынимай твой жребій. Кто скажетъ мнѣ, что принесъ съ
собою этотъ стоящій за дверями челоуѣкъ: радость или
скорбь, любовь или ненависть? Будетъ ли его приходъ
началомъ перелома въ моей жизни, или онъ скользнетъ
по ней, оставивъ едва замѣтный слѣдъ, о которомъ я
сейчасъ же забуду и не вспомню никогда до самой смерти
и даже послѣ нея? И мнѣ приходитъ въ голову суевѣр-
ная мысль, что если бы я теперь громко спросилъ: «кто
тамъ?», то равнодушный, беззвучный голосъ отвѣтилъ бы
мнѣ: «судьба».

Я громко говорю: «войдите!». Между его стукомъ и

моимъ восклицаніемъ не прошло и секунды, но мысли, которыя пронеслись за этотъ короткій промежутокъ въ моей головѣ, приподняли уголокъ завѣсы надъ какой-то черной бездной и уже состарили меня. И я чувствую, что короткій, нервный стукъ челоуѣка уже связалъ меня съ нимъ незримыми путами.

Я слышу, какъ онъ отворяетъ дверь. Сейчасъ между нами произойдетъ самая обыденная и самая непонятная вещь. Мы начнемъ разговаривать. Онъ съ помощью звуковъ разной высоты и силы будетъ выражать въ условной формѣ свои мысли, а я буду воспринимать эти звуковыя колебанія и разгадывать ихъ условное значеніе, и его мысли станутъ моими мыслями.

О! какъ непонятны для насъ, какъ таинственны, какъ странны самыя простыя жизненныя явленія. А мы, не постигая ихъ, не умѣя въ нихъ разобраться, громоздимъ ихъ одно на другое, переплетаемъ, связываемъ, уширяемъ, мы устраиваемъ знакомства и браки, пишемъ книги, говоримъ проповѣди, учреждаемъ министерства, ведемъ войну и торговлю, дѣлаемъ новыя изобрѣтенія, и потомъ создаемъ исторію! И каждый разъ, когда я думаю объ огромности, сложности, непонятности и стихійной случайности этого общаго сплетенія жизней, то моя собственная жизнь представляется мнѣ ничтожной пылинкой, затерявшейся въ вихрѣ урагана...

СОБАЧЬЕ СЧАСТЬЕ.

Было часовъ шесть-семь хорошаго сентябрьскаго утра, когда полуторогодовалый пойнтеръ Джекъ, коричневый, длинноухій, веселый песъ, отправился вмѣстѣ съ кухаркой Аннушкой на базаръ. Онъ отлично зналъ дорогу и потому увѣренно бѣжалъ все время впереди, обнюхивал мимоходомъ тротуарныя тумбы и останавливаясь на перекресткахъ, чтобы оглянуться на кухарку. Увидѣвъ въ ея лицѣ и походкѣ подтвержденіе, онъ рѣшительно сворачивалъ и пускался впередъ оживленнымъ галопомъ.

Обернувшись такимъ образомъ около знакомой колбасной лавки, Джекъ не нашелъ Аннушки. Онъ бросился назадъ такъ поспѣшно, что даже его лѣвое ухо завернулось отъ быстрого бѣга. Но Аннушки не было видно и съ ближайшаго перекрестка. Тогда Джекъ рѣшился ориентироваться по запаху. Онъ остановился и, осторожно водя во всѣ стороны мокрымъ, подвижнымъ носомъ, старался уловить въ воздухѣ знакомый запахъ Аннушкинаго платья, запахъ грязнаго кухоннаго стола и сѣраго мыла. Но въ эту минуту мимо Джека прошла торопливой походкой какая-то женщина и, задѣвъ его по боку шуршащей юбкой, оставила за собою сильную струю отвратительныхъ китайскихъ духовъ. Джекъ досадливо махнулъ головою и чихнулъ, — Аннушкинъ слѣдъ былъ окончательно потерянъ.

Однако поинтеръ вовсе не пришелъ отъ этого въ уныніе. Онъ хорошо былъ знакомъ съ городомъ и потому всегда очень легко могъ найти дорогу домой: стоило только добѣжать до колбасной, отъ колбасной до зеленой лавки, затѣмъ повернуть налѣво мимо большого сѣраго дома, изъ подваловъ котораго всегда такъ вкусно пахло пригорѣлымъ масломъ, — и онъ уже на своей улицѣ. Но Джекъ не торопился. Утро было свѣжее, яркое, а въ чистомъ, нѣжно-прозрачномъ и слегка влажномъ воздухѣ всѣ оттѣнки запаховъ пріобрѣтали необычайную тонкость и отчетливость. Пробѣгая мимо почты съ вытянутымъ, какъ палка, хвостомъ и вздрагивающими ноздрями, Джекъ съ увѣренностью могъ сказать, что не болѣе минуты тому назадъ здѣсь останавливался большой, мышастый, немолодой догъ, котораго кормятъ обыкновенно овсянкой.

И дѣйствительно, пробѣжавъ шаговъ двѣсти, онъ увидѣлъ этого дога, трусившаго степенной рысцой. Уши у дога были коротко обрѣзаны, и на шеѣ болтался широкій, истертый ремень.

Догъ замѣтилъ Джека и остановился, полуобернувшись назадъ. Джекъ вызывающе закрутилъ кверху хвостъ и сталъ медленно подходить къ незнакомцу, дѣлая видъ, будто смотритъ куда-то въ сторону. Мышастый догъ сдѣлалъ то же со своимъ хвостомъ и широко оскалилъ бѣлые зубы. Потомъ они оба зарычали, отворотивъ другъ отъ друга морды и какъ будто бы захлебываясь.

«Если онъ мнѣ скажетъ что-нибудь оскорбительное для моей чести или для чести всѣхъ порядочныхъ поинтеровъ вообще, я вцѣплюсь ему въ бокъ, около лѣвой задней ноги, — подумалъ Джекъ. — Догъ, конечно, сильнѣе меня, но онъ неповоротливъ и глупъ. Ишь, стоитъ болванъ бокомъ и не подозреваетъ, что открылъ веселѣвый флангъ для нападенія».

И вдругъ... Случилось что-то необъяснимое, почти сверхъестественное. Мышастый догъ внезапно грохнулся на спину, и какая-то невидимая сила повлекла его съ тротуара. Вслѣдъ за этимъ та же невидимая сила плотно охватила горло изумленного Джека... Джекъ уперся передними ногами и яростно замоталъ головой. Но незримое «что-то» такъ стиснуло его шею, что коричневый пойнтеръ лишился сознанія.

Онъ пришелъ въ себя въ тѣсной желѣзной клѣткѣ, которая тряслась по камнямъ мостовой, дребезжа всеми своими плохо свинченными частями. По острому собачьему запаху Джекъ тотчасъ же догадался, что клѣтка уже много лѣтъ служила помѣщеніемъ для собакъ всехъ возрастовъ и породъ. На козлахъ впереди клѣтки сидѣли два человѣка, наружности не внушавшей никакого довѣрія.

Въ клѣткѣ уже собралось довольно многочисленное общество. Прежде всего Джекъ замѣтилъ мышастаго-дога, съ которымъ онъ чуть не поссорился на улицѣ. Догъ стоялъ, уткнувши морду между двумя желѣзными палками, и жалобно повизгивалъ, между тѣмъ какъ его тѣло качалось взадъ и впередъ отъ тряски. Посрединѣ клѣтки лежалъ, вытянувши умную морду между ревматическими лапами, старый бѣлый пудель, выстриженный наподобіе льва, съ кисточками на колѣнкахъ и на концѣ хвоста. Пудель, повидимому, относился къ своему положенію съ философскимъ стоицизмомъ, и, если бы онъ не вздыхалъ изрѣдка и не помаргивалъ бровями, можно было бы подумать, что онъ спитъ. Рядомъ съ нимъ сидѣла, дрожа отъ утренняго холода и волненія, хорошенькая, выхоленная левретка съ длинными, тонкими ножками и остренькой мордочкой. Время отъ времени она нервно зѣвала, свивая при этомъ трубочкой свой розовый язычокъ и сопровождая каждый зѣвокъ длиннымъ тонкимъ визгомъ...

Ближе къ заднему концу клѣтки плотно прижалась къ рѣшеткѣ черная гладкая такса съ желтыми подпалинами на груди и бровяхъ. Она никакъ не могла оправиться отъ изумленія, которое придавало необыкновенно комичный видъ ея длинному, на вывороченныхъ низкихъ лапкахъ, туловищу крокодила и серьезной мордочкѣ съ ушами, чуть не волочившимися по полу.

Кромѣ этой, болѣе или менѣе свѣтской компаніи, въ клѣткѣ находились еще двѣ несомнѣнныя дворняжки. Одна изъ нихъ, похожая на тѣхъ псовъ, что повсемѣстно зовутся Бутонами и отличаются низменнымъ характеромъ, была космата, рыжа и имѣла пушистый хвостъ, завернутый въ видѣ цифры 9. Она попала въ клѣтку раньше всѣхъ и, повидимому, настолько освоилась со своимъ исключительнымъ положеніемъ, что давно уже искала случая завязать съ кѣмъ-нибудь интересный разговоръ. Последняго пса почти не было видно; онъ забился въ самый темный уголъ и лежалъ тамъ, свернувшись клубкомъ. За все время онъ только одинъ разъ приподнялся, чтобы зарычать на близко подошедшаго къ нему Джека, но и этого было довольно для возбужденія во всемъ случайномъ обществѣ сильнѣйшей антипатіи къ нему. Во-первыхъ, онъ былъ фіолетоваго цвѣта, въ который его вымазала шедшая на работу артель маляровъ. Во-вторыхъ, шерсть на немъ стояла дыбомъ и при этомъ отдѣльными клоками. Въ-третьихъ, онъ, очевидно, былъ золъ, голоденъ, отваженъ и силенъ; это сказалось въ томъ рѣшительномъ толчкѣ его исхудалаго тѣла, съ которымъ онъ вскочилъ навстрѣчу опѣшившему Джеку.

Молчаніе длилось съ четверть часа. Наконецъ Джекъ, котораго ни въ какихъ жизненныхъ случаяхъ не покидалъ здравый юморъ, замѣтилъ фатовскимъ тономъ:

— Приключеніе начинается становиться интереснымъ.

Любопытно, гдѣ эти джентльмены сдѣлають первую станцію?

Старому пуделю не понравился легкомысленный тонъ коричневаго пойнтера. Онъ медленно повернулъ голову въ сторону Джека и отрѣзалъ съ холодной насмѣшкой:

— Я могу удовлетворить ваше любопытство, молодой человѣкъ. Джентльмены сдѣлають станцію въ живодернѣ.

— Какъ!.. Позвольте... виновать... я не разслышалъ,— пробормоталъ Джекъ, невольно присаживаясь, потому что у него мгновенно задрожали ноги.—Вы изволили сказать: въ жи...

— Да, въ живодернѣ, — подтвердилъ такъ же холодно пудель и отвернулся.

— Извините... но я васъ не совсѣмъ точно понялъ... Живодерня... Чтѣ же это за учрежденіе—живодерня? Не будете ли вы такъ добры объясниться?..

Пудель молчалъ. Но такъ какъ левретка и такса присоединились къ просьбѣ Джека, то старикъ, не желая оказаться невѣжливымъ передъ дамами, долженъ былъ привести нѣкоторыя подробности.

— Это, видите ли, *mesdames*, такой большой дворъ, обнесенный высокимъ, остроконечнымъ заборомъ, куда запирають пойманныхъ на улицахъ собакъ. Я имѣлъ несчастье три раза попадать въ это мѣсто.

— Эка невидаль!—послышался хриплый голосъ изъ темнаго угла.—Я въ седьмой разъ туда ѣду.

Несомнѣнно, голосъ, шедшій изъ угла, принадлежалъ фіолетовому псу. Общество было шокировано вмѣшательствомъ въ разговоръ этой растерзанной личности и потому сдѣлало видъ, что не слышитъ ея реплики. Только одинъ Бутонъ, движимый лакейскимъ усердіемъ выскочки, закричалъ:

— Пожалуйста, не вмѣшивайтесь, если васъ не спрашиваютъ!

И тотчасъ же искательно заглянулъ въ глаза важному мышастому догу.

— Я тамъ бывалъ три раза, — продолжалъ пудель: — но всегда приходилъ мой хозяинъ и бралъ меня оттуда (я занимаюсь въ циркѣ, и, вы понимаете, мною дорожатъ)... Такъ вотъ-съ, въ этомъ непріятномъ мѣстѣ собираются заразъ сотни двѣ или три собакъ...

— Скажите, а бываетъ тамъ порядочное общество? — жеманно спросила левретка.

— Случается. Кормили насъ необыкновенно плохо и мало. Время отъ времени неизвѣстно куда исчезалъ одинъ изъ заключенныхъ, и тогда мы обѣдали супомъ изъ...

Для усиленія эффекта, пудель сдѣлалъ небольшую паузу, обвелъ глазами аудиторію и добавилъ съ дѣланымъ хладнокровіемъ:

— ...Изъ собачьяго мяса.

При послѣднихъ словахъ компанія пришла въ ужасъ и негодованіе.

— Чортъ возьми! Какая низкая подлость! — воскликнулъ Джекъ.

— Я сейчасъ упаду въ обморокъ... мнѣ дурно, — прошептала левретка.

— Это ужасно... ужасно! — простонала такса.

— Я всегда говорилъ, что люди подлецы! — проворчалъ мышастый догъ.

— Какая страшная смерть! — вздохнулъ Бутонъ.

И только одинъ голосъ фіолетоваго пса звучалъ изъ своего темнаго угла мрачной и циничной насмѣшкой:

— Однако этотъ супъ ничего... недуренъ... хотя, конечно, нѣкоторыя дамы, привыкшія къ цыплячьимъ котлетамъ, найдутъ, что собачье мясо могло бы быть немного помягче.

Пренебрегши этимъ дерзкимъ замѣчаніемъ, пудель продолжалъ:

— Впослѣдствіи, изъ разговора своего хозяина я узналъ, что шкура нашихъ погибшихъ товарищей пошла на выдѣлку дамскихъ перчатокъ. Но — приготовьте ваши нервы, mesdames, — но этого мало. Для того, чтобы кожа была нѣжнѣе и мягче, ее сдираютъ съ живой собаки.

Отчаянные крики прервали слова пуделя:

— Какое безчеловѣчіе!..

— Какая низость!

— Но это же невѣроятно!

— О, Боже мой, Боже мой!

— Палачи!..

— Нѣтъ, хуже палачей!..

Послѣ этой вспышки наступило напряженное и печальное молчаніе. Въ умѣ cadaго слушателя рисовалась страшная перспектива сдиранія заживо кожи.

— Господа, да неужели нѣтъ средства разъ навсегда избавить всѣхъ честныхъ собакъ отъ постыднаго рабства у людей? — крикнулъ запальчиво Джекъ.

— Будьте добры, укажите это средство, — сказалъ съ проніей старый пудель.

Собаки задумались.

— Перекусать всѣхъ людей и баста! — брякнулъ догъ озлобленнымъ басомъ.

— Вотъ именно-съ, самая радикальная мысль, — поддержалъ подобострастно Бутонъ. — По крайности будутъ бояться.

— Такъ-съ... перекусать... прекрасно-съ, — возразилъ старый пудель. — А какого вы мнѣнія, милостивый государь, относительно арапниковъ? Вы изволите быть съ ними знакомы?

— Гм... — откашлялся догъ.

— Гм... — повторилъ Бутонъ.

— Нѣтъ-съ, я вамъ доложу, государь мой, намъ съ людьми бороться не приходится. Я немало помыкался по

бѣлу свѣту и могу сказать, что хорошо знаю жизнь... Возьмемъ, на примѣръ, хоть такія простыя вещи, какъ конура, аралникъ, цѣпь и намордникъ, — вещи, я думаю, всѣмъ вамъ, господа, не безызвѣстныя?.. Предположимъ, что мы, собаки, со временемъ и додумаемся, какъ отъ нихъ избавиться... Но развѣ человѣкъ не изобрѣтетъ тотчасъ же болѣе усовершенствованныхъ орудій? Непремѣнно изобрѣтетъ. Вы поглядѣли бы, какія конуры, цѣпи и намордники строятъ люди другъ для друга! Надо подчиняться, господа, вотъ и все-съ. Таковъ законъ природы-съ.

— Ну, развелъ философію, — сказала такса на ухо Джеку. — Терпѣть не могу стариковъ съ ихъ поученіями.

— Совершенно справедливо, mademoiselle, — галантно махнулъ хвостомъ Джекъ.

Мышастый догъ съ меланхолическимъ видомъ поймалъ ртомъ залетѣвшую муху и протянулъ плачевнымъ голосомъ:

— Эхъ, жизнь собачья!..

— Но гдѣ же здѣсь справедливость, — заволновалась вдругъ молчавшая до сихъ поръ левретка. — Вотъ хоть вы, господинъ пудель... извините, не имѣю чести знать имени...

— Арто, профессоръ эквилибристики, къ вашимъ услугамъ, — поклонился пудель.

— Ну вотъ, скажите же мнѣ, господинъ профессоръ, вы, повидимому, такой опытный песъ, не говоря уже о вашей учености; скажите, гдѣ же во всемъ этомъ высшая справедливость? Неужели люди настолько достойнѣе и лучше насъ, что безнаказанно пользуются такими жестокими привилегіями...

— Не лучше и не достойнѣе, милая барышня, а сильнѣй и умнѣй, — возразилъ съ горечью Арто. — О! мнѣ прекрасно извѣстна нравственность этихъ двуногихъ жи-

вотныхъ... Во-первыхъ, они жадны, какъ ни одна собака въ мірѣ. У нихъ настолько много хлѣба, мяса и воды, что всѣ эти чудовища могли бы быть вдоволь сытыми цѣлую жизнь. А между тѣмъ какая-нибудь десятая часть изъ нихъ захватила въ свои руки всѣ жизненные припасы и, не будучи сама ихъ въ состояніи сожрать, составляетъ остальныхъ девять десятыхъ голодать. Ну, скажите на милость, развѣ сытая собака не удѣлитъ обглоданной кости своей сосѣдкѣ?

— Удѣлить, непременно удѣлить, — согласились слушатели.

— Гм! — крикнулъ догъ съ сомнѣніемъ.

— Кромѣ того, люди злы. Кто можетъ сказать, чтобы одинъ песъ умертвилъ другого изъ-за любви, зависти или злости? Мы кусаемся иногда — это справедливо. Но мы не лишаемъ другъ друга жизни.

— Дѣйствительно такъ, — подтвердили слушатели.

— Скажите еще, — продолжалъ бѣлый пудель: — развѣ одна собака рѣшится запретить другой собакѣ дышать свѣжимъ воздухомъ и свободно высказывать свои мысли объ устроеніи собачьяго счастья? А люди это дѣлаютъ!

— Чортъ поberi! — вставилъ энергично мышастый догъ.

— Въ заключение я скажу, что люди лицеѣрны, завистливы, лживы, негостепріимны и жестоки... И все-таки люди господствуютъ и будутъ господствовать, потому что... потому что такъ уже устроено. Освободиться отъ ихъ владычества невозможно... Вся собачья жизнь, все собачье счастье въ ихъ рукахъ. Въ теперешнемъ нашемъ положеніи, каждый изъ насъ, у кого есть добрый хозяинъ, долженъ благодарить судьбу. Одинъ хозяинъ можетъ избавить насъ отъ удовольствія ѣсть мясо тозарицей и чувствовать потомъ, какъ съ него живьемъ сдираютъ кожу.

Слова профессора нагнали на общество уныніе. Болѣе никто не произнесъ ни слова. Всѣ безпомощно тряслись и шатались при толчкахъ клѣтки. Догъ скулилъ жалобнымъ голосомъ. Бутонъ, державшійся около него, тихонько поддывалъ ему.

Вскорѣ собаки почувствовали, что колеса ихъ экипажа ѣдутъ по песку. Черезъ пять минутъ клѣтка въѣхала въ широкія ворота и очутилась среди огромнаго двора, обнесеннаго кругомъ сплошнымъ заборомъ, утыканнымъ наверху гвоздями. Сотни двѣ собакъ, тощихъ, грязныхъ, съ повѣшенными хвостами и грустными мордами, еле бродили по двору.

Дверь клѣтки отворилась. Всѣ семеро только-что приѣхавшихъ псовъ вышли изъ нея и, повинуюсь инстинкту, сбились въ кучу.

— Эй, послушайте, какъ васъ тамъ... эй, вы, профессоръ!.. — услыхалъ пудель сзади себя чей-то голосъ.

Онъ обернулся: передъ нимъ стоялъ съ самой наглою улыбкой фіолетовый песъ.

— Ахъ, оставьте меня, пожалуйста, въ покоѣ,—огрызнулся старый пудель. — Не до васъ мнѣ.

— Нѣтъ, я только одно замѣчанье... Вотъ. вы въ клѣткѣ-то умныя слова говорили, а все-таки одну ошибочку сдѣлали... Да-съ.

— Да отвяжитесь отъ меня, чортъ возьми! Какую тамъ еще ошибочку?

— А насчетъ собачьяго счастья-то... Хотите, я вамъ сейчасъ покажу, въ чьихъ рукахъ собачье счастье?

И вдругъ, прижавши уши, вытянувъ хвостъ, фіолетовый песъ понесся такимъ бѣшенымъ карьеромъ, что старый профессоръ эквилибристики только разинулъ ротъ. «Лови его! Держи!»—закричали сторожа, кидаясь вслѣдъ за убѣгающей собакой.

Но фіолетовый песъ былъ уже около забора. Однимъ

толчкомъ отпрянувъ отъ земли, онъ очутился наверху, повиснувъ передними лапами. Еще два судорожныхъ движенія, и фіолетовый песъ перекатился черезъ заборъ, оставивъ на его гвоздяхъ добрую половину своего бока.

Старый бѣлый пудель долго глядѣлъ ему вслѣдъ. Онъ понялъ свою ошибку.

У БІЙЦА.

Говорили о теперешнихъ событіяхъ: о казняхъ и разстрѣлахъ, о заживо сожженныхъ, объ обезчещенныхъ женщинахъ, объ убитыхъ старикахъ и дѣтяхъ, о нѣжныхъ свободолюбивыхъ душахъ, навсегда обезображенныхъ, затоптанныхъ въ грязь мерзостью произвола и насилія.

Хозяинъ дома сказалъ:

— Какъ измѣнился масштабъ жизни — страшно подумать! Давно ли? — лѣтъ пять тому назадъ — все русское общество волновалось и ужасалось по поводу какого-нибудь одиночнаго случая насилія. Городовые избili въ кутузкѣ чиновника, земскій начальникъ арестовалъ пріѣзжаго студента за непочтеніе. А теперь! Тамъ разстрѣляна цѣлая толпа безъ предупрежденія; тамъ казнили по ошибкѣ одного однофамильца вмѣсто другого; тамъ стрѣляютъ людей просто такъ себѣ, отъ-ничего-дѣлать, чтобы разрядить зарядъ; тамъ хватаютъ и сѣкутъ нагайками молодого человѣка, сѣкутъ безъ всякаго повода, для дарового развлечения солдатамъ и офицерамъ. И уже — вотъ! — это не возбуждаетъ въ насъ ни удивленія, ни переполоха. Все стало привычнымъ...

Кто-то нервно завозился въ углу дивана. Всѣ обернулись туда, чувствуя, что этотъ человѣкъ сейчасъ заговоритъ, хотя не видѣли его. И онъ началъ говорить тихимъ, преувеличенно-ровнымъ тономъ, но съ такими частыми паузами между словами и съ такими странными

вздрагиваніями въ голосѣ, что всѣмъ стало ясно, какъ трудно ему сдерживать внутреннее волненіе и скорбь.

— Да... я вотъ чтò хотѣлъ... По-моему это... неправда, что можно... привыкнуть въ этому. Я понимаю еще убійство... изъ мести — тутъ есть какая-то громадная... какая-то звѣриная радость. Понимаю убійство въ гнѣвѣ, въ ослѣпленіи страстью, изъ ревности. Ну, наконецъ, убійство на дуэли... Но когда люди дѣлають это механически... безъ раздраженія, безъ боязни какой бы то ни было отвѣтственности... и не ожидая даже сопротивленія... нѣтъ, это для меня такъ же дико, ужасно и непостижимо, какъ непостижима для меня психологія палача... Когда я читаю или думаю о погромахъ, объ усмирительныхъ экспедиціяхъ или о томъ, какъ на войнѣ приканчивають плѣнныхъ, чтобы не обременять ими отряда, я теряю голову. Я стою точно надъ какой-то черпой, смрадной бездной, въ которую способна падать иногда человѣческая душа... И я ничего не понимаю... мнѣ жутко и гадко... до тошноты... но... странное, мучительное, больное любопытство приковываетъ меня... къ ужасу... ко всей безмѣрности этого паденія.

Онъ помолчалъ немного, прерывисто вздохнулъ, и, когда опять заговорилъ, то по его измѣнившемуся голосу, ставшему внезапно глухимъ, можно было догадаться, что онъ закрылъ глаза руками.

— Ну, чтò же... все равно... я это долженъ рассказать... На моей душѣ тоже лежитъ этотъ давнишній кровавый бредъ... Около десяти лѣтъ тому назадъ я совершилъ убійство... Я никому до сихъ поръ не говорилъ... но... все равно... Видите ли—у меня въ имѣніи, въ людской избѣ, жила кошка. Такая худая, маленькаго роста, заморыщъ... скорѣе похожая на котенка... бѣлой шерсти... но такъ какъ она жила всегда подъ печкой, то всегда была грязно-сѣрой, какой-то голубой...

«Все это произошло зимой... да, поздней зимой. Было утро — чудесное, тихое, безвѣтреное. Свѣтило солнце, уже теплое, и на снѣгъ было невозможно смотрѣть, такъ онъ сверкалъ. Въ этотъ годъ навалило снѣгу необыкновенно много, — и всѣ мы ходили на лыжахъ. И вотъ въ это утро я надѣлъ лыжи и пошелъ осмотрѣть плодовый питомникъ, который за ночь испортили зайцы. Я двигался тихонько вдоль правильныхъ рядовъ молодыхъ яблонекъ, и, какъ теперь помню, — снѣгъ казался розовымъ, а тѣни отъ маленькихъ деревьевъ лежали совсѣмъ голубыя, и такія прелестныя, что хотѣлось стать на колѣни около нихъ и уткнуться лицомъ въ пушистый снѣгъ.

«И вотъ ко мнѣ подходитъ старый работникъ Языкантъ. Его какъ-то иначе звали, но такое ужъ у него было прозвище. Идемъ съ нимъ рядомъ, — онъ тоже на лыжахъ, — говоримъ о томъ, о семъ. Вдругъ онъ засмѣялся:

«— А наша кощенка, баринъ, безъ ноги осталась.

«Я спросилъ: почему?

«— Да должно-быть попала въ волчій капканъ. Поль-ноги начисто.

«Тогда я захотѣлъ поглядѣть на нее, и мы пошли къ людской избѣ. Вскорѣ намъ дорогу пересѣкъ тоненькій слѣдокъ изъ частыхъ красныхъ пятнышекъ. Онъ велъ къ завалинкѣ, подъ которой сидѣла раненая кошка. Увидѣвъ насъ, она зажмурилась, жалобно разинула ротъ и длинно мяукнула. Мордочка у нея была необыкновенно худенькая и грязная. Правая передняя лапка была перекушена выше колѣннаго сустава, и странно торчала впередъ, точно раненая рука, и изъ нея рѣдкими каплями капала кровь, и высывалась паружу бѣлая тонкая косточка.

«Я приказалъ Языканту?

«— Поди ко мнѣ въ спальню и принеси ружье. Оно на коврѣ, надъ кроватью.

«— Да что ей сдѣлается? Залижетъ! — возразилъ рабочій.

«Но я настоялъ на своемъ. Мнѣ хотѣлось прекратить мученіе изуродованнаго животнаго. Кромѣ того, я былъ увѣренъ, что рана непременно будетъ гноиться, и кошка все равно издохнетъ отъ зараженія крови.

«Языкантъ принесъ ружье. Одинъ его стволъ былъ заряженъ мелкой дробью для рябчиковъ, другой волчиной картечью. Я поманилъ кошку — кись, кись, кись. Она тихо замыкала и сдѣлала нѣсколько шаговъ. Тогда я зашелъ вправо, такъ, чтобы она пришлась ко мнѣ лѣвымъ бокомъ, прицѣлился и выстрѣлилъ. До животнаго было не болѣе шести-семи шаговъ, и сейчасъ же послѣ выстрѣла мнѣ показалось, что въ боку у нея образовалась черная дыра, величиною въ моихъ два кулака. Но я не убилъ ея. Она пронзительно закричала и бросилась бѣжать отъ меня съ необыкновенной быстротой, совсѣмъ не прихрамывая.

«Я видѣлъ, какъ она перебѣжала широкій, шаговъ въ полтораста, дворъ и юркнула въ темный четырехугольникъ открытой сушилки. Мнѣ сдѣлалось стыдно, и досадно, и противно. Я побѣжалъ велѣдъ за нею. По дорогѣ моя нога выскочила изъ лыжнаго стремени. Я упалъ бокомъ въ снѣгъ и насилу выбрался. Движенія мои были неловки, въ рукавъ полушубка набрался снѣгъ, а руки сильно дрожали.

«Я вошелъ въ сушилку. Тамъ было совсѣмъ темно. Я хотѣлъ покликать кошку, но почему-то застыдился. Но вдругъ я услышалъ наверху тихое, злобное урчаніе. Я поглядѣлъ вверхъ и увидѣлъ только ея глаза — двѣ зеленыхъ горящихъ точки. Она сидѣла на печкѣ.

«Я выстрѣлилъ по этимъ точкамъ наугадъ, почти не

цѣлясь. Кошка фыркнула, закричала, заметалась... Потомъ затихла... Я уже хотѣлъ уйти, но опять съ печки послышалось длительное, злое урчаніе. Я оглянулся. Два зеленыхъ огонька свѣтились изъ темноты, съ выраженіемъ такой дьявольской ненависти, что волосы у меня на головѣ зашевелились, и кожа на темени похолодѣла.

«Я быстро пошелъ домой. Готовыхъ ружейныхъ патроповъ у меня больше не было, но зато былъ револьверъ Смита и Вессона и къ нему цѣлая коробка патроновъ. Я зарядилъ всѣ шесть гнѣздъ и вернулся въ сушилку.

«Кошка издали встрѣтила меня своимъ ужаснымъ урчаньемъ. Я выпустилъ въ нее всѣ шесть патроновъ, потомъ вернулся домой, опять зарядилъ оружіе и снова сдѣлалъ шесть выстрѣловъ. И каждый разъ бѣшеное фырканье, царапанье и метанье на печкѣ, мучительные крики и потомъ два зеленыхъ огня и яростное долгое урчанье.

«Мнѣ уже не было ее жалко, но и не было во мнѣ раздраженія. Я точно отупѣлъ, и холодная, тяжкая, ненасытная потребность убійства управляла моими руками, ногами, всѣми моими движеніями. Но сознаніе мое спало, окутанное какой-то грязной, скользкой пеленой. И самому мнѣ было холодно, и въ груди и въ животѣ я чувствовалъ противную щекочущую близость обморока. И я не могъ остановиться.

«Помню я также, что свѣтлое, милое зимнее утро какъ-то странно измѣнилось и потемнѣло: пожелтѣлъ снѣгъ, посѣрѣло небо, а во мнѣ самомъ было деревянное, скучное равнодушіе ко всему, и къ небу, и къ солнцу, и къ деревьямъ, съ ихъ чистыми голубыми тѣнями.

«Я возвращался изъ дому къ сушилкѣ въ третій разъ и опять съ заряженнымъ револьверомъ. Но изъ сушилки вышелъ Языкантъ, держа въ рукѣ за заднія ноги что-то

красное, истерзанное, съ вывалившимися кишками, кричащее.

«Увидѣвъ меня, онъ сказалъ грубо:

«— Чего ужъ тамъ... не надо... иди... я самъ...»

«Онъ старался не глядѣть мнѣ въ глаза, но я ясно увидѣлъ вокругъ его рта выраженіе суроваго отвращенія, и я зналъ, что это отвращеніе относится ко мнѣ.

«Онъ зашелъ за уголь и, сильно размахнувшись, ударилъ кошку головой о бревно. И все было кончено...»

Разсказывающій помолчалъ немного. Слышно было, какъ онъ сморкался и возился на диванѣ. Потомъ онъ продолжалъ еще тише, чѣмъ прежде, съ отѣнкомъ тоски и недоумѣнія:

— Такъ вотъ... Цѣлый день этотъ кровавый сонъ не выходилъ изъ моей головы. И ночью я долго не спалъ и все думалъ о грязной бѣлой кощенкѣ. И все ловилъ себя на той мечтѣ, что я опять иду на сушилку, и опять слышу страдальческое и злобное урчаніе, вижу эти зеленыя точки, полныя ужаса и ненависти, и все стрѣляю, стрѣляю въ нихъ... Я долженъ признаться, господа... что это — самое тяжелое, самое отвратительное впечатлѣніе изъ всей моей жизни!.. Мнѣ вовсе не жалъ этой шелудивой бѣлой кошки... Нѣтъ... Мнѣ приходилось стрѣлять лосей, медвѣдя... Три года тому назадъ я пристрѣлилъ на скачкахъ лошадь. Наконецъ я былъ на войнѣ, чортъ возьми!.. Нѣтъ, нѣтъ, это не то. Но до конца моихъ дней я не забуду, какъ внезапно со дна моей души поднялась и завладѣла ею, ослѣпила, залила ее какая-то темная, подлая, но въ то же время непреодолимая, невѣдомая, грозная сила. Ахъ, этотъ кровавый туманъ, это одеревянѣніе, это обморочное равнодушіе, это тихое влеченіе убивать!..

Онъ опять примолкъ. Чей-то низкій голосъ произнесъ изъ дальняго угла:

— Да, правда... Какое тяжелое воспоминаніе.

Но тотъ, чтò рассказывалъ, вдругъ перебилъ его съ горячностью :

— Нѣтъ, нѣтъ, вы подумайте только, вы ради Бога подумайте объ этихъ несчастныхъ, которые шли и убивали, убивали, убивали. Я думаю, день имъ казался чернымъ, какъ ночь! Я думаю, ихъ тошнило отъ крови, но они все равно не могли остановиться. Они могли въ эти дни спать, ѣсть, пить, даже разговаривать, даже смѣяться, но это были не они, а владѣвшій ими дьяволъ съ мутными глазами и съ липкой кожей... Я говорю «несчастные», потому что воображаю себѣ ихъ не сейчасъ, а потомъ, гораздо позднѣе, когда они будутъ стариками. Въдъ они никогда, никогда не забудутъ той мерзости и того ужаса, которые въ эти дни навѣки исковеркали и опоганили ихъ души. И я воображаю себѣ ихъ длинныя, бессонныя старческія ночи, ихъ отвратительные сны! Имъ все будетъ грезиться, что они идутъ по длиннымъ унылымъ дорогамъ, подъ темнымъ небомъ, и что по обѣимъ сторонамъ пути стоятъ безконечной цѣпью обезоруженные, связанные люди, и они бьютъ ихъ, стрѣляютъ въ нихъ, разбиваютъ головы прикладами... И нѣтъ уже въ убійцахъ ни гнѣва, ни сожалѣнія, ни раскаянія, но не могутъ они остановиться, ибо кровавый грязный бредъ овладѣлъ ихъ мозгомъ. И они будутъ просыпаться въ ужасѣ, будутъ дрожать, увидѣвъ свое отраженіе въ зеркалѣ, будутъ плакать и богохульствовать и будутъ завидовать тѣмъ, чью жизнь еще раньше, еще въ цвѣтѣ лѣтъ, прекратила мстительная рука. Но дьяволъ, вынивший ихъ душу, никогда не оставитъ ихъ. И даже въ предсмертной агоніи ихъ глаза будутъ видѣть пролитую ими кровь.

БРИЛЬЯНТЫ.

Южный вечеръ — жаркій и темный. Запыленные акаціи надъ горячимъ асфальтомъ тротуаровъ лѣнливо просыпаются отъ тяжелой дневной дремоты. Нарядная толпа стремится двумя непрерывными потоками туда и обратно.

Въ одномъ мѣстѣ образовался водоворотъ. Подходятъ, останавливаются, тѣснятъ другъ друга, задерживаютъ, сгущаютъ общее движеніе и отходятъ прочь. Уходя, бросаютъ послѣдній прощальный взглядъ... Быстрый, тревожный взглядъ.

Но другіе подолгу стоятъ здѣсь, опершись грудью и локтями о круглую желѣзную палку, ограждающую зеркальное стекло магазина, стоятъ, съ блѣдными лицами, съ широко раскрытыми, неподвижными глазами.

На бѣлыхъ плюшевыхъ щиткахъ, рядъ надъ рядомъ, освѣщенные скрытыми рефлекторами, горятъ разноцвѣтныя калли огня. Какъ радуется, какъ очаровываетъ нашъ глазъ въ ночной темнотѣ ихъ волшебный блескъ!

Въ срединѣ два брильянта, каждый величиной въ лѣс-пой орѣшекъ. Ихъ граней, ихъ очертаній не видно. Это не камни—это два странные таинственныя огня. Они горятъ, дрожатъ, играютъ, переливаются, смѣются тысячами неуловимыхъ, сіяющихъ, лукавыхъ улыбокъ, и ма-нятъ, и обѣщаютъ, и обманываютъ...

Вотъ блеснулъ синій снопъ лучей. Такого цвѣта не

бываетъ ни на небѣ, ни въ морѣ: бываетъ только въ раннемъ дѣтствѣ, когда слушаешь сказку. Блеснулъ, затрепеталъ и скрылся, и вотъ уже летится оттуда, точно кровавое вино, точно зарево огромнаго пожара, точно безумная, пьяная радость, красный торжествующій огонь. Но — мгновеніе, незамѣтный поворотъ головы, сотрясеніе мостовой подъ экипажемъ, — и загорѣлось зеленое сіяніе, тихое, глубокое, загадочное, похожее на мерцаніе юнскаго свѣтляка въ густой травѣ. Еще мигъ — и заструился веселый золотой свѣтъ солнца, и вдругъ заметались, заплясали всѣ цвѣта радуги...

Ахъ, человѣческія лица! Сосредоточенныя, хмуря, блѣдныя подъ этимъ отраженнымъ, разсѣяннымъ, матовымъ свѣтомъ — какъ много говорятъ они печальнаго, и злого, и глупаго! У женщинъ хищно раздуваются ноздри, и зубы влажно блестятъ изъ-за полуоткрытыхъ губъ. Ихъ тѣснятъ, толкаютъ, но онѣ не чувствуютъ этого, обвороченныя чудеснымъ блескомъ, увлеченныя однимъ стремленіемъ.

Юноша и дѣвушка. Оба стройные, гибкіе, красивые. Можетъ-быть, они только-что тайно встрѣтились въ условленномъ мѣстѣ — встрѣтились съ волненіемъ, съ нѣжностью, съ прелестной боязливостью. Кто-нибудь изъ нихъ опоздалъ на свиданье. Была сцена притворной холодности, ревности, вражды сквозь неудержимыя, ласкающія, шаловливыя улыбки. И вотъ они стоятъ здѣсь, забывъ другъ о другѣ, загнипотизированные лукавой игрой брильянтовъ, ушедшіе въ странныя нездоровыя грезы.

Жена съ мужемъ. Старикъ. Беременная женщина. Двое юркихъ, прекрасно одѣтыхъ пройдохъ, съ голодными глазами. Посыльный, задержавшійся впопыхахъ на секунду. Кокотка. Жена съ мужемъ. Нѣтъ, впрочемъ, это не мужъ и жена... но все равно они забыли, потеряли, не чувствуютъ другъ друга, хотя ихъ руки еще соприкасаются,

И во всѣхъ этихъ лицахъ, во всѣхъ этихъ глазахъ, которые на минуту становятся безцвѣтными, бездонными и лживыми,—я читаю одно и то же жадное слово:

— Если бы!

— Если бы чудо?.. Если бы найти на улицѣ?.. Если бы чья-то неожиданная сказочная щедрость?.. Если бы... Если бы украсть, но такъ, чтобы никто никогда не зналъ объ этомъ?..

Кто знаетъ, что оказалось бы въ лучшихъ душахъ человѣческихъ, если бы можно было незамѣтно проникать въ нихъ и наблюдать ихъ самые тайные, самые скрытые изгибы? Сколько столповъ, сколько твердыхъ мужей, сколько честныхъ гражданъ оказалось бы ворами, убійцами, прелюбодѣями? И кто можетъ сказать непоколебимо, что страшнѣй—мысли или дѣло, и гдѣ ихъ границы?

Самое странное, смѣшное, нелѣпое, необыкновенное въ мѣрѣ—это людскія условности. Вотъ лежатъ два кусочка сгущеннаго углерода, два кусочка угля, двѣ блестящія побрякушки. Но въ нихъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточены: богатство, роскошь, почетъ, женская любовь, власть...

Такъ сложилась жизнь, такъ условились люди.

Особенно власть. О, какъ понятно мнѣ, почему самые прославленные исторіей, самые кровожадные тираны чело-вѣчества были въ то же время такими тонкими знатоками, цѣнителями и собирателями драгоценныхъ камней. Для нихъ, пресыщенныхъ всѣми крайними формами власти и наслажденія, драгоценности являлись жгучими, но пока еще сокрытыми символами дальнѣйшаго безконечнаго расширенія ихъ личности. Это была та же огромная, страшная власть одного надъ миллионами, но власть, чудесно сконцентрированная въ маленькомъ предметѣ, который могъ помѣститься и въ кулакѣ. Это была власть въ потенціальномъ видѣ.

Изъ-за драгоцѣнныхъ камней велись кровопролитныя войны. Земныя владыки не легко расстаются съ этими маленькими вещицами. Подобострастная исторія сохранила намъ анекдотъ о томъ, какъ улыбающаяся царица Клеопатра выпила, растворивъ въ бокалѣ вина, жемчужину, равной которой по величинѣ и красотѣ не было въ мѣрѣ. Но, вѣроятно, никто не знаетъ, что случилось сейчасъ же послѣ этого безумно-великолѣпнаго пиршества.

Случилось же вотъ что:

Возвратясь съ пѣра въ свою опочивальню, Клеопатра приказала раздѣть себя. Нубійская рабыня неосторожно прикоснулась рукой къ обнаженному плечу царицы, и царица въ порывѣ гнѣва вонзила въ ея черную грудь острую головную булавку. Когда же рабыня застонала, Клеопатра воскликнула въ ярости:

— Не смѣй кричать! Дура!

Въ это время евнухъ, стоя почтительно на четверенькахъ, благоговѣнно напомнилъ императрицѣ о судьбѣ плѣннаго грека-философа. Прежде у Клеопатры былъ тонкій замыселъ: устроить съ этимъ ученымъ публичный диспутъ въ присутствіи высокихъ римскихъ гостей и, показавъ себя во всемъ блескѣ ума и краснорѣчія, великодушно возвратитъ плѣннику свободу. Но теперь, огорченная потерей многоцѣнной жемчужины, она закричала съ раздраженіемъ и со слезами въ голосъ:

— Что ты ко мнѣ пристаешь съ глупостями! Удavitъ его!

БѢЛЫЯ НОЧИ.

Слушай: теперь я расскажу тебѣ о бѣлыхъ ночахъ далекаго сѣвера.

Все время онѣ вспоминались миѣ здѣсь, на югѣ, среди этой чрезмѣрной, пышной и декоративной природы, вспоминались, какъ иногда сквозь туманъ многихъ годовъ вспоминается робкій поцѣлуй холодныхъ дѣвическихъ устъ,—такой быстрый, трепещущій, пугливый поцѣлуй въ полутьмѣ вечера, у окна, заставленнаго цвѣтами, за занавѣской, которую слабо надуваетъ вѣтеръ.

Здѣсь, на югѣ, были изумительныя ночи! Помню я одну изъ нихъ — такую черную, точно небо и земля были покрыты чернымъ бархатомъ. Какая-то сдержанная страсть, какое-то жгучее желаніе наполняло воздухъ и бродило между деревьями и подымалось изъ травы въ пьяномъ запахѣ цвѣтовъ. И казалось, что кто-то шепчетъ въ темнотѣ непонятныя безумныя слова, чьи-то раскрытыя, опаленныя зносомъ губы приближаются къ лицу, чье-то тихое, жаркое дыханіе касается щеки и шевелить волосы на вискахъ... И ни одной звѣзды на небѣ, закрытомъ тяжелой, низкой сплошной тьмой!

Были сказочныя лунныя ночи съ небомъ, одѣтымъ въ голубой атласъ, и съ моремъ, одѣтымъ въ синій атласъ, залитыя сіяньемъ золота и дрожащимъ блескомъ серебра, праздничныя ночи, сопровождаемыя сладостной музыкой

волнѣ. Были яркія, бурныя ночи, прекрасныя и страшныя, какъ лицо разгнѣваннаго ангела. Были томительныя, страшныя ночи, съ безокойнымъ вѣтромъ, напрягавшимъ нервы, съ оранжевымъ свѣтомъ въ бѣлыхъ облакахъ, набѣгавшихъ на луну, съ мечущейся травой и качающимися деревьями.

Какъ часто тогда грезились мнѣ петербургскія бѣлыя ночи... Бѣлыя, мистическія, безсонныя ночи!

Нѣтъ возможности описать ихъ нѣжнаго, тревожнаго, болѣзненнаго очарованія. Ихъ странное томленіе начинается съ восьми, девяти, одиннадцати часовъ вечера. Ждешь ночи, сумерекъ, но ихъ нѣтъ. Занавѣски на окнахъ бѣлыя. Тянетъ на улицу...

Полночь. Часъ ночи. На улицѣ много народа. Но кажется, что всѣ держатся около стѣнъ, идутъ осторожными, уклончивыми шагами, говорятъ вполголоса. Точно, вотъ-вотъ, въ этомъ фальшивомъ полусвѣтѣ, въ этомъ полуснѣ откроется надъ городомъ какая-то старинная тайна, и всѣ предчувствуютъ ее и боются ея.

Небо распростерлось надъ землей — однотонное, мокрое, молочно-бѣлое. Ясно издалека видны фигуры людей, даже ихъ лица, видны вывѣски магазиновъ, видны кроткія рѣсеницы у спящихъ извозчичьихъ лошадей.

Широкая рѣка, такая спокойная въ своей темной гранитной рамѣ. Вся она, какъ жидкое бѣлое молоко. Только рѣдкія лѣнныя морщинки на ней отливаютъ въ изломахъ синимъ цвѣтомъ. Все — и небо, и вода — похоже на игру перламутра, съ его неуловимыми розовыми и голубыми оттѣнками.

И вотъ я вхожу въ широкую уединенную улицу. Насколько хватаетъ глазъ, на ней нѣтъ ни одного чело-вѣка. Шаги мои будятъ звонкіе отзвуки. Налѣво, направо — огромныя зданія, въ четыре, пять этажей. Но ни въ одномъ окнѣ нѣтъ огня, только блѣдный свѣтъ

пеба плоско блестить въ черныхъ стеклахъ, которыя похожи теперь на ослѣпшіе глаза.

Громадный домъ протянулся отъ переулка. Слѣпыя окна въ пять рядовъ. Сколько людей живетъ здѣсь? Триста, четыреста человѣкъ? Мнѣ кажется, я вижу, какъ они лежатъ сверху донизу и вдоль, одинъ надъ другимъ, лежатъ на спинѣ, на боку, съ раскрытыми ртами, терзаемые нездоровыми сповидѣніями, лежатъ такъ близко и такъ далеко другъ отъ друга!

Кто знаетъ, какія злыя шутки есть въ распоряженіи у судьбы? Вотъ, можетъ-быть, два человѣка, которые всю жизнь ищутъ, алчутъ другъ друга, лежатъ теперь рядомъ, голова къ головѣ, ноги къ ногамъ, раздѣленные только четвертью аршина стѣны? И, можетъ-быть, никогда въ жизни имъ не суждено встрѣтиться, узнать другъ друга, напоить взаимную жажду свѣтомъ и счастьемъ. Триста человѣкъ спятъ и грезятъ въ этомъ каменномъ чемоданѣ, другъ надъ другомъ. О, какой ужасъ скрывается въ этой мысли!

Мокрая бѣлесоватая зданія. Ни души на улицѣ. Жуткая, необычайная греза овладѣваетъ моимъ воображеніемъ...

Кто знаетъ, чѣмъ кончится длинная исторія нашей планеты, этой крошечной песчинки, несущейся по таинственнымъ спиралямъ въ какую-то страшную, безвѣстную и безконечную пропасть? Несомнѣнно настанетъ время, когда вымрутъ послѣдніе жалкіе, истощенные люди, дрожащіе отъ безсилія и отъ того, что они уже осмѣлились заглянуть въ бездну. Не все ли равно, отчего они погибнуть: отъ холода, отъ зноя, отъ болѣзней, отъ безумія, отъ войны?

Но зданія переживутъ ихъ, зданія, годы которыхъ— столѣтія. И вотъ будутъ проходить дни и ночи, и опять дни и ночи, и опять, и опять... И по почамъ будутъ

стоять молча огромные дома, и церкви, и статуи съ незрячими, устремленными впередъ глазами, и музеи, и театры... И бессонный свѣтъ бѣлыхъ ночей будетъ таинственно ласкать бронзу и камень и будетъ дробиться въ уцѣлѣвшихъ стеклахъ мертвыхъ, слѣпыхъ оконъ. И ничьи, ничьи одинокіе шаги не разбудятъ звонкаго ночного отзвука.

Я выхожу на широкую, длинную улицу. Люди идутъ, сгорбившись, осторожно, крадучись. Точно въ старинной сказкѣ у нихъ нѣтъ тѣни, и это мнѣ кажется страшнымъ...

Вотъ намазанное женское лицо. Безпощадно выступаютъ круглыя, грубо почерненные брови, пудра на дряблой кожѣ, рдѣющей пунцовый румянецъ на щекахъ. Не все ли равно! Вѣдь и она умретъ и утучнитъ гнилью своего тѣла равнодушную землю. Но зданія переживутъ и ее, и насъ, и нашихъ правнуковъ. И когда на землѣ никого не останется, опустѣвшія зданія будутъ загадочно въ тишинѣ и полусвѣтѣ бѣлой ночи глядѣть своими мрачными, слѣпыми глазами.

Наступаетъ утро. Въ небѣ и въ широкой рѣкѣ зажигаются глубокіе, но не яркіе цвѣта, точно въ драгоценномъ опалѣ — нѣжные, переливающиеся цвѣта: розовый, голубой, лиловый.

ПУСТЫЯ ДАЧИ.

О, какъ долго памятна будетъ мнѣ эта таинственная почъ, въ которую лѣто сдѣлалось осенью.

Было въ ней что-то напряженное, и страстное, и пѣжное, и больное, какъ въ послѣдней ласкѣ передъ разлукой, какъ въ долгомъ прощальномъ поцѣлуѣ, смѣшанномъ со слезами. Неподвижныя облака на небѣ, внимательныя звѣзды, тихое море, томныя деревья — все притаилось въ чуткомъ и тревожномъ ожиданіи, въ молчалии, въ предчувствіи... Можетъ-быть, они вспоминали о прошлой зимѣ, о снѣгѣ, о холодѣ, о вѣтрѣ?

Мы сидѣли на самомъ краю обрыва, надъ моремъ. И вотъ настала тишина, — тотъ странный внезапный моментъ тишины, который слышишь иногда даже въ городѣ, въ разгаръ дневного шума. Оборвались дрожащіе звуки мандолины, стихли разговоры, и замеръ золотой дѣвическій смѣхъ.

Кто-то произнесъ мечтательно и грустно?

— Это послѣдняя ночь лѣта. Послѣдняя ночь...

Помню: я тогда поглядѣлъ направо, на югъ. Тамъ — отъ земли до полнеба — сгрудились тяжкія сонныя тучи, и въ нихъ бѣгали зарницы. А подъ ними простирались кроткія усталыя поля и черныя холмы, и рѣдкія деревья стояли, какъ черныя печальные призраки.

И почувдилось мнѣ, что тамъ, на поляхъ, сверхъ хол-

мовъ и деревьевъ, лежитъ кто-то большой, невидимый, всезнающій, жестокой и веселый, — лежитъ молча, на животѣ и на локтяхъ, лежитъ, подперевъ ладонями густую курчавую бороду. Тихо, съ злобной радостью улыбается онъ чему-то и дущему и молчитъ, и молчитъ, и лукаво щуритъ глаза, играющіе беззвучными фіолетовыми молніями...

Потомъ сразу стало холодно. Поднялся вѣтеръ съ востока. Мы ушли...

А подъ утро съ моря, изъ-за той, вопъ, далекой прямой черты, оттуда, снизу, вырвалась буря — вся черная, въ бѣлой косматой пѣнѣ. Въ страхѣ шарахнулись волны на берегъ, въ ужасѣ заматались деревья, простирая въ одну сторону дрожащія бессильныя руки, и нашъ домъ до утра трясся подъ напорами вѣтра.

Что дѣлалось тогда на морѣ! Тамъ грохотали тысячи нагруженныхъ телѣгъ, шумѣлъ лѣсъ, взрывались скалы, кто-то въ ярости рвалъ пополамъ исполинскіе куски шелка... А когда мы проснулись, была осень.

Такъ началась осень...

И вотъ я їду сегодня на велосипедѣ по узкой извилистой дорожкѣ парка. Хруститъ и взвизгиваетъ гравій подъ колесами. Лѣвая сторона лица моего обращена къ солнцу, и ей тепло, а правой холодно.

По бокамъ дорожки — плотные, мелкіе кусты. Сквозь нихъ теперъ сквозитъ небо и кажется такимъ густымъ, такимъ невѣроятно синимъ. Все стало просторно, голо, неряшливо и неудобно, точно знакомая комната, изъ которой вынесли мебель. Шелестятъ серебрянымъ звукомъ коричневые, скоробившіеся листья...

Гимназистомъ я однажды черезъ двѣ недѣли послѣ лѣтнихъ каникулъ вернулся на дачу, гдѣ провелъ три мѣсяца. Было все пустынно, тихо, глухо и грустно. О, какъ хорошо помню я эту задумчивую грусть, эту слад-

кую медленную тоску, отъ которой, какъ отъ вина, сжималось сердце и кружилась голова. «Все, что прошло,— думалъ я:—все осталось въ моей памяти, оно — мое, во мнѣ, я могу его вызвать силой воображенія. Но ничто, ничто не вернется больше! Ни одна черта!»

Такъ я думалъ тогда, но теперь моя душа не воспринимаетъ уже болѣе этой поэтической, нѣжной печали: въ ней бессильно и горько шевелится только грусть по прежней грусти. Плачетъ беззлобная, смирившаяся зависть...

Оставленные пустыя дачи. Окна криво забиты снаружки досками. Кругомъ соръ—тотъ соръ, который всегда остается отъ дачниковъ. На клумбахъ среди обнаженной черной земли доцвѣтають яркія астры и георгины. Я слышу ихъ травянистый, меланхолическій осенній запахъ... Здравствуй, осень моей жизни!

Вечеромъ къ намъ на балконъ приходятъ чужія, брошенные голодные собаки. Онѣ тихо, безъ волненія жмутся къ ногамъ и робко заглядываютъ въ глаза просящими, испуганными глазами. Онѣ останутся здѣсь на зиму. Мнѣ страшно думать о тѣхъ лютыхъ ночахъ, когда онѣ будутъ дрожать отъ холода и ужаса, въ снѣгу, подъ занесенными балконами... Море реветъ въ эти ночи, и деревья стонутъ отъ вѣтра, и кругомъ не горитъ ни одного огня... Бѣдные, ласковые друзья, что вы будете чувствовать, кому вы будете жаловаться въ эти ночи?

По праздникамъ къ намъ уже не наѣзжаютъ нарядныя парочки, которыя ходятъ, обнявшись и колеблясь отъ любви и отъ того, что не смотрятъ на дорогу, а на небо или въ глаза другъ другу. Зато пріѣзжаютъ мрачные люди, съ галстуками на боку, съ растеряннымъ взглядомъ, и ходятъ въ одиночку по глухимъ мѣстамъ у моря и въ паркѣ.

Гравій шуршитъ подъ гуттаперчей колесъ. Вотъ мѣсто, гдѣ одной ночью въ началѣ іюня моего лица неожиданно

коснулась вѣтка сирени, и я вздрогнулъ, сначала отъ испуга, а потомъ отъ счастья, потому что мнѣ показалось, что это цвѣтокъ поцѣловалъ меня въ щеку. Вотъ еще одно мѣсто. Здѣсь я встрѣтилъ одну дѣвушку. Она была мнѣ незнакома, и я потомъ не встрѣчалъ ея больше. Изъ глазъ ея лился снопами голубой свѣтъ, въ которомъ было все: радость жизни, восторгъ молодости, сіяющее счастье первой любви. Помню, я улыбнулся, и она отвѣтила мнѣ— она улыбнулась такъ лучезарно, такъ эгоистично-виновато, такъ прекрасно-легкомысленно. Она прошла дальше. Я оглянулся. Она не шла, а точно танцевала, не касаясь ногами земли, какъ мотылекъ, опьяненный свѣтомъ. И мнѣ захотѣлось упасть на землю и цѣловать тѣ мѣста, на которыя ступали ея бѣлыя туфли. Почему?—Я не зналъ этого...

А вотъ старая гнилая скамейка. На ней вырѣзаны чьи-то имена и девизы. О, милая!

Здравствуй, моя осень. Въ моемъ сердцѣ не осталось даже грусти. Но я благословляю и вѣтку, и дѣвушку, и море, и холодное небо, и печальныя послѣднія георгины...

СТОЛЪТНИКЪ.

Это происходило въ большой оранжереѣ, принадлежавшей очень странному человѣку — миллионеру и нелюдиму, тратившему всѣ свои несмѣтные доходы на рѣдкіе и красивые цвѣты. Оранжерея эта, по своему устройству, по величинѣ помѣщеній и по богатству собранныхъ въ ней растений, превосходила знаменитѣйшія оранжереи въ мірѣ. Самыя разнообразныя, самыя капризныя растенія, начиная отъ тропическихъ пальмъ и кончая блѣдными полярными мхами, росли въ ней такъ же свободно, какъ и у себя на родинѣ. Тутъ были: гигантскія латаніи и фениксы съ ихъ широкими зонтичными листьями; фиговые и банановыя, саговыя и кокосовыя пальмы возвышали къ стеклянному потолку длинныя голыя стволы, увѣнчанныя пышными пучками раскидистыхъ листьевъ. Здѣсь же росли многіе диковинные экземпляры, въ родѣ эбеноваго дерева съ чернымъ стволомъ, крѣпкимъ, какъ желѣзо; кусты хищной мимозы, у которой листья и цвѣты при одномъ прикосновеніи къ нимъ мелкаго насѣкомаго быстро сжимаются и высасываютъ изъ него соки; драцены, изъ стеблей которыхъ вытекаетъ густой, красный, какъ кровь, ядовитый сокъ. Въ кругломъ, необычайно большомъ бассейнѣ плавала Царственная Викторія, каждый листъ которой можетъ удержать на себѣ ребенка, и здѣсь же выглядывали бѣлые вѣнички индійскаго лотоса, распускаю-

щаго только ночью свои нѣжные цвѣты. Сплошными стѣнами стояли темные, пахучіе кипарисы, олеандры съ блѣдно-розовыми цвѣтами, мирты, апельсинныя и миндальныя деревья, благоухающіе китайскіе померанцы, твердолистые фікусы, кусты южной акаціи и лавровыя деревья.

Тысячи различныхъ цвѣтовъ наполняли воздухъ оранжереи своими ароматами: пестрыя съ терпкимъ запахомъ гвоздики; яркія японскія хризантемы; задумчивыя нарциссы, опускающіе передъ ночью внизъ свои тонкіе бѣлыя лепестки; гіацинты и левкои—украшающіе гробницы; серебристые колокольчики дѣвственныхъ ландышей; бѣлыя съ одуряющимъ запахомъ панкраціи; лиловыя и красныя шапки гортензій; скромныя ароматныя фіалки; восковыя, нестерпимо благоуханныя туберозы, ведущія свой родъ съ острова Явы; душистый горошекъ; пеоніи, напоминающія запахомъ розу; вервена, цвѣтамъ которой римскія красавицы приписывали свойство придавать кожѣ особенную свѣжесть и нѣжность, и потому клали ихъ въ свои ванны, и наконецъ великолѣпные сорта розъ всевозможныхъ оттѣнковъ: пурпурнаго, ярко-краснаго, пунцоваго, коричневаго, розоваго, темно-желтаго, нѣжно-желтаго, палеваго и ослѣпительно-бѣлаго.

Другіе цвѣты, лишеныя аромата, отличались зато пышною красотою, какъ, на примѣръ, холодныя красавицы камеліи, разноцвѣтныя азалии, китайскія лиліи, голландскіе тюльпаны, огромныя яркія георгины и тяжелыя астры.

Но было въ оранжереѣ одно странное растеніе, которое, повидимому, ничѣмъ не могло бы обратить на себя вниманіе, кромѣ развѣ своей уродливости. Прямо изъ корня выходили у него длинныя, аршина въ два, листья, узкіе, мясистые и покрытые острыми колючками. Листья эти, числомъ около десяти, не поднимались кверху, а стлались по землѣ. Днемъ они были холодны а ночью ста-

новились теплыми. Цвѣты никогда не показывались между ними, но зато торчалъ вверхъ длинный, прямой, зеленый стержень. Это растеніе называлось Столѣтникомъ.

Цвѣты въ оранжереѣ жили своей особенной, для людей непонятной жизнью. Конечно, у нихъ не было языка для того, чтобы разговаривать, но все-таки они другъ друга понимали. Можетъ-быть, имъ для этого служилъ ихъ ароматъ, вѣтеръ, который переносилъ цвѣточную пыль изъ одной чашечки въ другую, или теплые солнечные лучи, заливавшіе всю оранжерею сквозь ея стеклянныя стѣны и стеклянный потолокъ. Если такъ изумительно понимаютъ другъ друга пчелы и муравьи, почему не предположить, что, хоть въ малой степени, это возможно и для цвѣтовъ?

Между нѣкоторыми цвѣтами была вражда, между другими — нѣжная любовь и дружба. Многіе соперничали между собою въ красотѣ, ароматѣ и высотѣ роста. Иные гордились древностью рода. Случалось иногда, что въ яркое весеннее утро, когда вся оранжерея казалась наполненной золотой пылью и въ распустившихся чашечкахъ дрожали алмазы росы, между цвѣтами начинался общій несмолкаемый разговоръ. Рассказывались чудныя благоухающія исторіи о далекихъ жаркихъ пустыняхъ, о тѣнистыхъ и сырыхъ лѣсныхъ уголкахъ, о диковинныхъ пестрыхъ насѣкомыхъ, свѣтящихся ночью, о вольномъ голубомъ небѣ родины и о свободномъ воздухѣ далекихъ полей и лѣсовъ.

Одинъ только уродъ Столѣтникъ былъ изгнанникомъ въ этой семьѣ. Онъ не зналъ никогда ни дружбы, ни участія, ни состраданія, ни разу въ продолженіе многихъ длинныхъ лѣтъ ничья любовь не согрѣла его своимъ тепломъ. И онъ такъ привыкъ къ общему презрѣнію, что давно уже переносилъ его молча, затаивъ въ глубинѣ души острое страданіе. Такъ же привыкъ онъ быть и по-

стояннымъ предметомъ общихъ насмѣшекъ. Цвѣты никогда не прощаютъ своимъ братьямъ уродливости.

Однажды июльскимъ утромъ въ теплицѣ распустился цвѣтокъ рѣдкой кашемирской розы, темно-карминнаго цвѣта, съ чернымъ бархатнымъ отливомъ на сгибахъ, удивительной красоты и чуднаго запаха. Когда первые лучи солнца заглянули сквозь стекла, и цвѣты, проснувшись одинъ за другимъ отъ легкой почной дремоты, увидѣли распустившуюся розу, то со всѣхъ сторонъ послышались шумные возгласы восхищенія: «Какъ хороша эта молодая Роза! Какъ она свѣжа и ароматна! Она будетъ лучшимъ украшеніемъ нашего общества! Это — наша царица». И она слушала эти похвалы, стыдливая, вся рдѣющая, вся облитая золотомъ солнца—точно настоящая царица. И все цвѣты, въ видѣ привѣта, наклоняли передъ ней свои волшебные вѣнчики.

Проснулся и несчастный Столѣтникъ, взглянулъ—и затрепеталъ отъ восторга.

— О, какъ ты прекрасна, Царица!—прошепталъ онъ.

И когда онъ это сказалъ, вся оранжерея наполнилась неудержимымъ смѣхомъ. Закачались отъ хохота надутые чванные тюльпаны, вздрогнули листья стройныхъ пальмъ, зазвенѣли бѣлые колокольчики ландышей, даже скромныя фіалки улыбнулись сострадательно изъ своихъ темныхъ кругленькихъ листьевъ.

— Чудовище! — закричалъ, задыхаясь отъ смѣха, толстый Пюнь, привязанный къ палкѣ. — Какъ у тебя достало дерзости говорить комплименты? Неужели ты не понимаешь, что даже твой восторгъ отвратителенъ?

— Кто это?—спросила, улыбаясь, молодая Царица.

— Этотъ уродъ?—воскликнулъ Пюнь. — Никто изъ насъ не знаетъ, кто онъ и откуда. Онъ носитъ очень глупое имя — Столѣтника.

— Меня сюда привезли совѣмъ маленькимъ деревцомъ,

но онъ и тогда былъ такъ же великъ и такъ же гадокъ, — сказала высокая старая Пальма.

— Онъ никогда не цвѣтетъ, — сказалъ Олеандръ.

— Но зато весь покрытъ колючками, — добавилъ Миртъ. — Мы только удивляемся тѣмъ людямъ, которые къ намъ приставлены. Они ухаживаютъ за нимъ гораздо больше, чѣмъ за нами. Точно это какое-нибудь сокровище!

— Я вполне понимаю, отчего за нимъ такъ ухаживаютъ, — сказалъ Пюль. — Подобныя чудовища такъ рѣдки, что ихъ можно отыскать только разъ въ сто лѣтъ. Вѣроятно, онъ за это и называется Столѣтникомъ.

Такъ до самаго полудня насмѣхались цвѣты надъ бѣднымъ Столѣтникомъ, а онъ молчалъ, прижавъ къ землѣ холодные листья.

Послѣ полудня стало нестерпимо душно. Въ воздухѣ чужалось приближеніе грозы. Тучи, плывшія по небу, дѣлались все темнѣе и темнѣе. Становилось трудно дышать. Цвѣты въ истомѣ поникли нѣжными головками и затихли въ неподвижномъ ожиданіи дождя.

Наконецъ вдали, точно рычаніе приближающагося звѣря, послышался первый глухой раскатъ грома. Наступило мгновеніе томительнаго затишья, и въ доски, которыми садовники быстро прикрывали стекла оранжерей, глухо забарабанилъ дождь. Въ оранжереѣ стало темно, какъ ночью.

И вдругъ Роза услышала около себя слабый шопоть:

— Выслушай меня, Царица. Это я, несчастный Столѣтникъ, восторгъ котораго передъ твоей красотой вызвалъ у тебя утромъ улыбку. Ночная темнота и гроза дѣлаютъ меня смѣлѣе. Я люблю тебя, красавица. Не отвергай меня!

Но Роза молчала, томясь отъ духоты и ужаса передъ грозой;

— Послушай, красавица, я уродливъ, листья мои колючи и некрасивы, но я открою тебѣ мою тайну. Въ дѣвственныхъ лѣсахъ Америки, тамъ, гдѣ непроницаемыя сѣти лианъ обвиваютъ стволы тысячелѣтнихъ баобабовъ, куда не ступала до сихъ поръ человѣческая нога—тамъ моя родина. Разъ въ сто лѣтъ я расцвѣтаю только на три часа и тотчасъ же погибаю. Отъ моихъ корней вырастаютъ новые побѣги, для того, чтобы опять погибнуть черезъ сто лѣтъ. И вотъ я чувствую, что черезъ нѣсколько минутъ я долженъ расцвѣсть. Не отвергай меня, красавица! Для тебя, для тебя одной я буду цвѣсти и для тебя умру!

Но Роза, поникнувъ головкой, не отвѣчала ни слова.

— Роза! За одинъ только мигъ счастья я отдамъ тебѣ цѣлую жизнь. Неужели этого мало твоей царственной гордости? Утромъ, когда взойдутъ первые лучи солнца...

Но въ это мгновеніе гроза разразилась съ такой страшной силой, что Столѣтникъ долженъ былъ замолчать. Когда же передъ утромъ кончилась гроза, то въ оранжереѣ раздался громкій трескъ, точно отъ нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ.

— Это расцвѣлъ Столѣтникъ,—сказалъ главный садовникъ и побѣждалъ будить владѣльца оранжереи, который уже двѣ недѣли дожидался съ нетерпѣніемъ этого событія.

Доски со стеклянныхъ стѣнъ были сняты. Вокругъ Столѣтника, молча, стояли люди, и все цвѣты съ испугомъ и восхищеніемъ обернули къ нему свои головы.

На высококомъ зеленомъ стержнѣ Столѣтника расцвѣли пышные гроздья бѣлоснѣжныхъ цвѣтовъ невиданной красоты, которые издавали чудный, неопиcуемый ароматъ, сразу наполнившій всю оранжерею. Но не прошло и получаса, какъ цвѣты начали незамѣтно розовѣть, потому

они покраснѣли, сдѣлались пурпурными и наконецъ почти черными.

Когда же взошло солнце, цвѣты Столѣтника одинъ за другимъ завяли. Вслѣдъ за ними завяли и свернулись уродливые листья, и рѣдкое растеніе погибло, чтобы опять возродиться черезъ сто лѣтъ.

И Царица поникла своей благоухающей головой.

ЛОЛЛИ.

Посвящается памяти Энрико Адвена, жокея.

— Мистеръ Чарли,—обратился я однажды къ старому наезднику, съ которымъ мы пили каждый вечеръ за однимъ и тѣмъ же столомъ пиво:—вотъ вы мнѣ рассказали уже много интересныхъ случаевъ изъ вашей цирковой жизни. Знаете ли, чтò мнѣ кажется замѣчательнымъ въ вашихъ разказахъ? Это то, что никакой роли въ нихъ не играетъ судьба. Сколько разъ вы сами были на волосокъ отъ смерти, а если спросить, чтò васъ спасло, вы всегда отвѣтите: или случайно повисли ногой въ петлѣ, или упали на сложенный коверъ, или взбѣсившаяся лошадь остановилась, испуганная внезапно раскрытымъ зонтикомъ... Но неужели изо всего вашего громаднаго запаса воспоминаній у васъ не найдется ни одного случая, въ которомъ сама судьба, или, если хотите, Провидѣнiе вмѣшалось бы въ человѣческую жизнь? (Я говорю, собственно, про жизнь цирковаго артиста). Случалось ли вамъ видѣть или хоть слышать о такомъ случаѣ, гдѣ какая-то непостижимая сила заставляетъ увѣрывать въ себя,—то въ таинственномъ сплетеніи цѣлой цѣпи событій, то въ неясномъ предчувствіи, то въ пророческомъ снѣ? Или наконецъ въ загадочной симпатіи душъ? Вы меня понимаете, мистеръ Чарли?

Мистеръ Чарли былъ самымъ старымъ шталмейстеромъ гостившаго у насъ цирка. Онъ занимался репетированіемъ съ молодыми артистами, училъ «работѣ» дѣтей и помогаль директору въ дрессировкѣ лошадей. Изрѣдка, когда нечѣмъ было заполнить программы, его выпускали въ послѣднемъ номерѣ на вольтижировку, и бѣдный, ожившій старикъ въ своемъ розовомъ трико, съ нафабранными усами, съ жалкими остатками волосъ на головѣ, завитыми и расчесанными прямымъ рядомъ, всегда кончалъ тѣмъ, что, не соразмѣривъ прыжка съ тактомъ галопирующей лошади, падалъ спиною на песокъ арены, вызывая безжалостный смѣхъ «райка». А между тѣмъ лѣтъ двадцать тому назадъ (у старика до сихъ поръ цѣлы всѣ газетные отзывы) не было во всей Европѣ такого безстрашнаго, граціознаго и изобрѣтательнаго жокея и прыгуна, какъ мистеръ Чарли. Его «номера» до сихъ поръ служатъ вѣнцомъ гимнастическаго совершенства для лучшихъ наѣздниковъ. То было далекое, славное время, и объ этомъ времени мистеръ Чарли любилъ поговорить, когда мы съ нимъ проводили зимніе вечера въ пивной, напротивъ цирка, попивая пиво и куря: я—папиросы, а онъ австрійскія сигары—длинные, черныя и необыкновенно воночія.

— Я васъ очень хорошо понимаю, — отвѣтилъ на мой вопросъ мистеръ Чарли: — только... видите ли... мнѣ трудно вамъ объяснить... Мы тамъ, у себя въ циркѣ, мало вѣримъ въ рокъ. Намъ вѣдь каждый вечеръ приходится такъ крѣпко рассчитывать на свои нервы, свою ловкость, свою силу, что поневолѣ только въ себя вѣришь и на себя одного надѣешься. Поэтому-то, должно-быть, у насъ нѣтъ такихъ случаевъ, которые васъ интересуютъ... Впрочемъ... помню я одно происшествіе... Только въ немъ принимали одинаковое участіе: и судьба, и дрессированный слонъ, по имени Лолли... Что это было.

за славное животное!.. Да, если хотите, я вамъ расскажу все по порядку?

Я изъявилъ полнѣйшую готовность слушать и приказалъ принести двѣ большихъ кружки пива.

— Это случилось въ 1861 году, — началъ мистеръ Чарли своимъ характернымъ, ломанымъ языкомъ международнаго наѣздника и сальтоморталиста. — Въ томъ году, когда я вмѣстѣ съ циркомъ знаменитаго когда-то Паоли странствовалъ по венгерскимъ городамъ, больше похожимъ на деревни, раскинувшіяся на десятки верстъ. Труппа у насъ была разноплеменная, но прекрасно подобранная; все артисты высшей пробы — смѣлые, ловкіе... настоящіе художники... Публика насъ принимала радушно, и представленія всегда давали полные сборы.

«Въ Эрлау къ намъ присоединился со своими пятью дрессированными слонами одинъ очень загадочный господинъ. На афишахъ онъ назывался Энрико, но это имя было, очевидно, вымышленное. Настоящаго же его имени и происхожденія никто не зналъ. Судя по наружности, въ его жилахъ текла немалая примѣсь арабской или негритянской крови. Это былъ очень высокій и необыкновенно сильный мужчина, молчаливый, всегда сумрачный, жестокій съ людьми и животными, не терявшій ни при какихъ опасностяхъ своей суровой медлительности и самоувѣренности... Его темное, красивое лицо съ немигающими громадными черными глазами было зло и властно. Мнѣ всегда безотчетно казалось, что на душѣ этого человѣка лежитъ что-то страшное, чего онъ никому не повѣдаетъ, — можетъ-быть, кровавое преступленіе... Никого въ труппѣ онъ не удостоивалъ своимъ разговоромъ. Впрочемъ, всѣ какъ-то чутьемъ избѣгали близости съ нимъ. Даже его умные слоны, повидимому, ненавидѣли его со всей силою, на которую только способны ненавидѣть эти великодушныя, терпѣливыя, хотя и мстительныя жи-

вотныя. Во время репетицій Энрико обращался съ ними такъ рѣзко и смѣло, что мы иногда не были увѣрены, что онъ выйдетъ живымъ съ арены: онъ билъ ихъ безъ милосердія по головѣ и по хоботу за каждую малѣйшую ошибку. Странно было видѣть ужасъ этихъ великановъ передъ истязавшимъ ихъ пигмеемъ...

«Однако хозяинъ очень дорожилъ Энрико, потому что его слоны привлекали постоянно множество зрителей. Особенно нравилась публикѣ пантомима подъ заглавіемъ «Жемчужина Индіи». Я не помню теперь точно ея содержанія, но суть заключалась въ томъ, что сынъ знатнаго раджи влюбляется въ плѣнную принцессу чужого племени, обреченную на смертную казнь. Послѣдняя сцена пантомимы изображала городскую площадь, полную народа. Воины влекутъ индіанку со связанными руками; вслѣдъ за ними выступаетъ Энрико въ роли палача съ самымъ большимъ изъ своихъ слоновъ—Лолли. Индіанку кладутъ на землю; слонъ по приказанію палача уже заноситъ надъ грудью дѣвушки свою страшную ногу, чтобы раздавить ее, но... влюбленный въ плѣнницу сынъ раджи неожиданно появляется на сценѣ и останавливаетъ казнь. Конечно, сейчасъ выступаетъ кордебалетъ, и среди общихъ танцевъ и веселья происходитъ помолвка принца и принцессы.

«Индіанку въ этой пантомимѣ всегда изображала m-lle Лоренцита—звѣзда нашей труппы. Старые артисты до сихъ поръ вспоминаютъ ея имя съ благоговѣніемъ. Это была гениальная наѣздница и удивительной красоты женщина: русская полька по матери, итальянка по отцу—она совмѣщала въ себѣ всѣ прелести обѣихъ націй. Безстрашію ея не было предѣловъ, и жизнью она дорожила не больше, чѣмъ вчерашнимъ днемъ. Когда она на своемъ громадномъ ворономъ жеребцѣ Вулканѣ—бѣшеномъ животномъ, не знавшемъ никого, кромѣ хозяйки—вылетала

сумасшедшимъ карьеромъ на арену, публика замирала отъ страха и восторга. Она не боялась никакихъ каскадовъ, и малѣйшая фальшь еще больше возбуждала ея смѣлость, точно опьяняла ее... Теперешнія артистки и падать-то не умѣютъ. Упадетъ на плохомъ гротескѣ и сейчасъ же непременно головой въ барьеръ... Нѣтъ... теперь вовсе нѣтъ порядочныхъ наѣздицъ!

«Да на что же лучше? Я вамъ расскажу про Лоренциту такой случай. Когда она служила въ будапештскомъ циркѣ, то однажды въ послѣднемъ номерѣ, по недосмотру укротителя, вырвался изъ клѣтки дрессированный тигръ. Публикой овладѣлъ ужасъ... Крикъ, давка, вопли женщинъ... Даже многіе артисты обезумѣли отъ страха и бросились къ выходу. Въ эту секунду Лоренцита, которая давно уже окончила свой номеръ и изъ партера глядѣла на конецъ представленія, быстро соскакиваетъ на манежъ и ошеломляетъ звѣря ударами своего хлыста, частыми и сильными, какъ молнія. Звѣрь оцѣпенѣлъ отъ боли и изумленія. Въ то же время, пришедши въ себя, укротитель накидываетъ ему на шею петлю и при помощи подбѣжавшихъ артистовъ тащитъ обратно въ клѣтку. И все это было такъ мгновенно и такъ великолѣпно, что очевидецъ, рассказывавшій мнѣ этотъ случай — славный, очень смѣлый артистъ — не успѣлъ еще оправиться отъ испуга, какъ тигръ уже сидѣлъ въ клѣткѣ, стараясь разгрызть прутья зубами.

«Такъ вотъ что была за женщина Лоренцита! Впрочемъ, вы, вѣроятно, о ней что-нибудь слышали? Ея жизнь такъ изобиловала всякаго рода приключеніями, что нерѣдко служила сюжетомъ для многочисленныхъ романовъ, изображающихъ — и, надо сказать, очень невѣрно — нашъ бытъ. Самой громкой эпохой въ ея жизни было ея замужество съ австрійскимъ банкиромъ — графомъ З., когда она прожила въ годъ около двухъ милліоновъ гульденовъ.

Однако, несмотря на такое баснословное богатство, она бросила однажды своего мужа, влюбившись въ странствующаго шута, хозяина собачьяго театра — пьяницу и жестокаго человѣка, который, какъ говорятъ, постоянно измѣнялъ ей и даже билъ ее ремнемъ, возвращаясь домой пьянымъ. Она умерла на 28-мъ году отъ скоротечной махотки въ одной изъ петербургскихъ больницъ.

«Нечего уже и говорить о томъ, что Лоренциту постоянно окружала густая толпа поклонниковъ. Все-таки она свою первую любовь подарила не богатому старику, не титулованному военному красавцу, а своему же брату-артисту.

«Вы, можетъ-быть, и не повѣрите мнѣ, что когда-то у меня не было соперниковъ въ моей профессіи, но это такъ. Я былъ одинаковъ и на турнирѣ, и въ воздушной работѣ, и въ сальтоморталяхъ. Но моимъ лучшимъ номеромъ все-таки были прыжки съ арены на лошадь, и въ нихъ мнѣ до сихъ поръ нѣтъ равнаго. Старый Кукъ еще, пожалуй... да и тотъ... Впрочемъ, вмѣсто того, чтобы хвастаться, я вамъ покажу, что обо мнѣ говорили газеты...»

Старикъ полезъ въ боковой карманъ за бумажникомъ, наполненнымъ газетными вырѣзками, которыя я читалъ, по крайней мѣрѣ, разъ пятьдесятъ. Но я успѣшилъ его успокоить увѣреніемъ, что его слава надолго пережила его артистическую карьеру.

— Къ тому же, — продолжалъ мистеръ Чарли, польщенный моимъ комплиментомъ:— я былъ въ то время и собой недурень, хорошо сложенъ, смѣлъ и силенъ. У меня до сихъ поръ хранится порядочная пачка разныхъ записочекъ отъ обожательницъ цирковаго искусства, которыя... Были... гм... и кольца и жетоны во дни бенефиговъ, но... brisons... Однимъ словомъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что Лоренцита обратила на меня вниманіе.

«Началось у насъ, конечно, съ того, что я поддерживалъ ея маленькую ножку въ то время, когда она садилась на сѣдло, держалъ для нея баллоны и ленты, передавалъ ей букеты и подарки. Потомъ, какъ-то разъ передъ ея выходомъ, когда она, кутаясь въ длинный бѣлый бурнусъ, выглядывала изъ-за портьеры на манежъ, мы съ ней объяснились. Оказалось, что она давно уже меня полюбила.

«Это было самое лучшее время въ моей жизни. Она была для меня самой нѣжной и внимательной женой, самымъ вѣрнымъ другомъ, какого только можно себѣ вообразить. Мнѣ казалось, что моему блаженству не будетъ конца.

«И все намъ въ это время улыбалось. Публика насъ любила, директоръ дорожилъ нами и платилъ намъ большое жалованье... Мы съ Лоренцитой рѣшили жить какъ можно бережливѣе, чтобы скопить немного денегъ и снять свой собственный циркъ, сначала, конечно, самый маленький, переносный, подъ полотняной крышей — «шапито», какъ у насъ называется.

«Однажды, когда послѣ вечерняго представленія мы шли съ Лоренцитой домой, мнѣ показалось, что она сильно не въ духѣ, будто чѣмъ-то взволнована или разсержена. Я спросилъ о причинѣ, и она со свойственной ей пылкостью тотчасъ же рассказала мнѣ, что во время моего номера, когда она глядѣла на меня изъ боковой ложи, къ ней сзади подкрался этотъ проклятый Энрико и обнялъ ее.

«— Я и раньше замѣчала на себѣ его пристальные взгляды,—прибавила Лоренцита:—но не приписывала имъ никакого значенія. Оказывается, что это животное штаетъ ко мнѣ нѣжныя чувства.

«Я былъ взбѣшенъ этимъ рассказомъ и хотѣлъ сейчасъ же пойти на квартиру Энрико и сломать объ его

голову мою палку; но Лоренцита повисла у меня на шеѣ и умоляла не дѣлать скандала, который только дастъ поводъ къ какимъ-нибудь грязнымъ слухамъ. Я принужденъ былъ согласиться съ нею, но рѣшилъ слѣдить зорко съ этого времени за Энрико.

«Однако прошло около двухъ недѣль, и я не замѣчалъ ничего особеннаго. Лоренцита и я стали уже забывать о дерзости Энрико, какъ внезапно произошло безобразное и страшное событіе.

«Лоренцита, надо вамъ сказать, чрезвычайно привязалась къ Лолли, одному изъ слоновъ этого негодяя. Каждый день утромъ, во время репетиціи, въ тѣ часы, когда Энрико еще не приходилъ въ циркъ, она бѣжала къ своему любимцу (онъ помѣщался отдѣльно отъ прочихъ слоновъ) съ цѣлымъ запасомъ булокъ, варенья и сахару. Она опустошала для него чуть ли не весь буфетъ. Конфеты, которыя ей подносились безчисленными поклонниками,—а она терпѣть не могла сладкаго,—шли постоянно на угощеніе Лолли. Цѣлый часъ иногда проводила она около своего любимца, лаская его и называя тысячами нѣжныхъ именъ: «крошечка моя Лолли, котеночекъ мой, птичка маленькая». И надо было видѣть, какъ этотъ «крошечка» двухсаженной длины, въ полторы сотни пудовъ вѣсомъ, обожалъ мою Лоренциту. Какъ только издали раздавались ея легкіе шаги, слонъ испускалъ радостные крики, похожіе на звуки трубы. Онъ тихонько терся хоботомъ о руки Лоренциты и осторожно дулъ ей въ лицо. Въ этомъ выражалась его нѣжнѣйшая любовь къ моей женѣ.

«Однажды, зайдя, по обыкновенію, къ слону, Лоренцита, къ своему удивленію, застала тамъ Энрико, который былъ занятъ съ Лолли странной дрессировкой. По свисту хозяина, слонъ неуклюже подымался на заднія ноги и стоялъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока Энрико не уда-

рялъ его слегка хлыстомъ по брюху. Тогда гигантъ быстро, всей тяжестью своего массивнаго тѣла валился на переднія ноги. Эта штука повторилась еще раза два или три. Лоренцита хотѣла уже незамѣтно выйти изъ загородки, какъ вдругъ Энрико неожиданно повернулся въ ея сторону и, замѣтивъ ее, быстро подошелъ къ ней.

«— А, наконецъ-то ты пришла! — воскликнулъ онъ, протягивая къ ней руки.

«И, видя, что она хочетъ бѣжать отъ него, онъ схватилъ ее крѣпко руками и поцѣловалъ.

«Лоренцита съ трудомъ вырвалась отъ него, выхватила изъ его рукъ хлыстъ и, нѣсколько разъ со страшной силой ударивъ его по лицу, кинулась изъ дверей въ коридоръ. Разъяренный Энрико бросился за ней и, догнавъ ее у входа на арену, еще разъ схватилъ ее. Лоренцита закричала отъ боли и негодованія.

«Какъ только я услышалъ крикъ Лоренциты (я въ это время дѣлалъ на сѣдлѣ сальтомортале), я мигомъ спрыгнулъ на землю и очутился за кулисами... Увидѣвъ жену въ объятяхъ Энрико, я бросился на него, схватилъ его за шею, и мы оба упали и покатались по полу. Онъ былъ вчетверо сильнѣе меня, но бѣшенство придадо мнѣ страшную силу. Я не помню, что я съ нимъ дѣлалъ, но, когда меня почти въ безпамятствѣ отъ него оттащили, мы оба были въ крови...

«Впрочемъ, вечеромъ мы всѣ трое должны были все-таки участвовать въ представленіи, замазавъ кольдъ-кремомъ и краской ушибы на лицѣ. Таковы наши цирковые нравы.

«Сначала все шло благополучно. Мы съ Энрико встречались нѣсколько разъ въ коридорахъ и расходились, не глядя другъ на друга, съ судорожно стиснутыми кулаками и челюстями. Но мнѣ казалось, что на его лицѣ играетъ зловѣщая усмѣшка.

«Наконѣць началась и «Жемчужина Индіи». Я представлялъ сына раджи, Лоренцита — плѣнную индіанку, Энрико, по обыкновенію, палача.

«Наступила послѣдняя сцена. Я стоялъ за входной портьерой и видѣлъ все самымъ отчетливымъ образомъ. Воины ввели Лоренциту съ завязанными назадъ руками. Когда ее клали на разостланный по землѣ красный коверъ, она замѣтила изъ-за портьеры мое лицо и улыбнулась мнѣ.

«Подъ звуки заунывнаго марша вышелъ на арену Энрико-палачъ, ведя за собой громаднаго, неуклюжаго Лолли. Слонь остановился въ шагѣ около моей жены и сейчасъ же узналъ ее, протянулъ къ ней свой длинный хоботъ и ласково дунулъ ей въ лицо.

«Музыка, по знаку директора, перестала играть. Въ ту же минуту Энрико свистнулъ, и слонъ, присѣвъ на заднія лапы, поднялъ верхнюю часть туловища надъ лежащей Лоренцитой. Энрико слегка нагнулся къ Лоренцитѣ и что-то, повидимому, спросилъ ее. Она отрицательно покачала головой.

«Въ циркѣ наступило необычное молчаніе, — такое молчаніе, что мнѣ явственно былъ слышенъ легкій ударъ хлыста Энрико по животу слона... Слонь внезапно дрогнулъ всѣмъ тѣломъ. Казалось, онъ вотъ-вотъ обрушится внизъ, на распростертое тѣло Лоренциты... Энрико повторилъ свой ударъ, на этотъ разъ сильнѣе прежняго.

«Я сразу понялъ ужасный замыселъ Энрико: онъ хотѣлъ раздавить жену подъ передними ногами громаднаго животнаго. Но, прежде чѣмъ я рѣшился броситься ей на помощь, произошло нѣчто невѣроятное.

«Слонь вдругъ отказался слушаться своего хозяина. Онъ осторожно опустился на всѣ четыре ноги, не задѣвъ Лоренциты, — она же спокойно лежала между его ногами. Обозленный Энрико сталъ изо всей силы бить слона по

хоботу и свистать, стараясь вторично поднять его на заднія ноги. Слоно́ не повиновался. «Довольно, довольно!» — кричала взволнованная публика.

«Тогда Энрико употребилъ самое рѣшительное средство: онъ укололъ хоботъ Лолли длинной булавкой... Но въ эту секунду, обвитый страшнымъ хоботомъ, поднятый на воздухъ и съ силой брошенный внизъ, онъ уже лежалъ безъ чувствъ на пескѣ арены...

«Впрочемъ, онъ на другой день пришелъ въ себя...»

— Ну, а Лоренцита? — спросилъ я мистера Чарли, когда онъ угрюмо замолчалъ вслѣдъ за послѣдними словами.

Онъ долго молчалъ, потомъ принялся насвистывать какой-то веселый маршъ и наконецъ отвѣтилъ мрачнымъ тономъ:

— Всѣ женщины одинаковы, сэръ, потому что всѣ онѣ непроницаемы. Что же касается моей... она черезъ мѣсяцъ убѣжала отъ меня съ этимъ мерзавцемъ Энрико.

ИСПОЛИНЫ.

Невольный стыд овладѣваетъ мною при начинаніи этого разсказа. Увы! Въ немъ участвуетъ вся рождественская бутафорія: вечеръ сочельника, снѣгъ, веселая толпа, освѣщенныя окна игрушечныхъ магазиновъ, бѣдныя дѣти, глазѣющія съ улицы на елки богачей, и румяный окорокъ, и вѣщій сонъ, и счастливое пробужденіе, и добродѣтельный извозчикъ.

Но войдите же и въ мое положеніе, господа читатели! Какъ мнѣ обойтись безъ этого реквизита, если моя правдивая исторія произошла именно какъ разъ въ ночь подъ Рождество. Она могла бы случиться когда угодно: подъ Пасху или въ Троицу, въ самый будничнѣйшій изъ будничныхъ понедѣльниковъ, но также и въ годовщину памяти любимаго національнаго героя. Это все равно. Моя бѣда лишь въ томъ, что судьбѣ было угодно пригнать все, что я сейчасъ разскажу, почему-то непременно къ Рождеству, а не къ другому сроку.

Въ эту самую ночь, съ 24-го на 25-е декабря, возвращался къ себѣ домой съ рождественской елки учитель гимназіи, по предмету русской грамматики и литературы, г. Костыка. Былъ онъ... пьянъ не пьянъ, но грузенъ, удрученъ и раздражителенъ. Давали знать себя: поросенокъ съ кашей, окорокъ, полендвица и колбаса съ чеснокомъ. Пиво и домашняя наливка подпирали подъ горло.

Сердилъ проигрышь въ преферансъ: ужъ, правда, Костыку преслѣдовало какое-то фатальное невезеніе во весь вечеръ. А главное было досадно то, что во время ужина, въ спорѣ о воспитаніи юношества — надъ нимъ, старымъ педагогомъ, одержалъ верхъ какой-то молокососъ-учителишка, едва соскочившій съ университетской скамьи, либералишка и верхоглядъ. Т.-е. нѣтъ, верха-то онъ, положимъ, не одержалъ, потому что слова и убѣжденія Костыки основаны на незыблемыхъ устояхъ учительской мудрости. Но... другіе — мальчишки и дѣвчонки... они аплодировали и смѣялись, и блестяли глазами, и дразнили Костыку: «Что, старина? Приперли васъ?»

И потому-то, съ бурчащимъ животомъ, съ изжогой въ груди, съ распухшей головой, проклялъ онъ сначала обычай устраивать елки—обычай, если не языческой, то, должно-быть, пѣмецкій, а во всякомъ случаѣ св. церковью не установленный. Потомъ, прислонившись на минутку къ фонарному столбу, помянулъ чернымъ словомъ пиво и окорокъ. Затѣмъ онъ упрекнулъ мысленно хозяина сегодняшней вечеринки, добродушнаго учителя математики, въ расточительности. «Изъ какихъ это, спрашивается, денегъ такіе пиры закатывать? Навѣрно, женину ротонду заложилъ!» Дѣтишекъ, торчавшихъ на улицѣ у магазинной витрины, Костыка обозвалъ хулиганами и воришками и вздохнулъ о старомъ, добромъ времени, когда розга и нравственность шли ручка объ ручку. Добродѣтельный извозчикъ (который въ святочныхъ разсказахъ обыкновенно возвращаетъ бѣдному, но честному банковскому чиновнику портфель съ двумя милліонами, забытый накануне у него въ саняхъ), этотъ самый извозчикъ запросилъ на Пески «полтора цѣлковенькихъ, потому какъ на рѣзвенькой и по случаю праздничка», а когда Костыка предложилъ ему двугривенный, то извозчикъ назвалъ Костыку почему-то «носоклюемъ», а Костыка тщетно взы-

валъ къ городовому о своей обидѣ: извозчикъ умчался на рѣзвенькой, городской тащилъ куда-то вдаль пьяную бабу — и тогда Костыка заодно предалъ анаѣмѣ и русскій народъ съ его самобытностью, и Думу, и отруба, и волость, и всяческія свободы.

Въ такомъ-то хмуромъ и придиричивомъ настроеніи онъ взобрался къ себѣ домой, на пятый этажъ, проклянувъ кстати мимоходомъ и городскую культуру, въ лицѣ заспаннаго и ворчливаго швейцара. Очень долго онъ балансировалъ съ зажженной лампой, въ родѣ цирковаго жонглера, притворяющагося пьянымъ. Разбудилъ-было жену, которая раньше его уѣхала съ вечеринки, но та мигомъ выгнала его изъ спальни. Попробовалъ полюбезничать съ «прислугой за все», новгородской каменной бабой Авдотьей, но получилъ жестокій отпоръ, послѣ котораго въ теченіе семи секундъ искалъ равновѣсія по всему кабинету, отъ двери до стѣны.

И вотъ тогда-то онъ съ великими усиліями нашарилъ въ сѣняхъ запасную, потайную бутылку цива, открылъ ее, налилъ стаканъ, усѣлся за столъ, вперилъ мутные глаза въ огненный кругъ лампы и отдался скорбнымъ, неповоротливымъ, вязкимъ мыслямъ.

«За что? — горько думалъ онъ. — За что, о, Лапидарскій, ты меня обидѣлъ передъ учениками и обществомъ? Или ты умнѣе меня? Или ты думаешь, что если сорвалъ нѣсколько дѣвическихъ улыбокъ — то ты и правъ? Ты, можетъ-быть, думаешь, что и я самъ не былъ глупъ и молодъ, что и я не упивался несбыточными надеждами и дерзкими замыслами? Погляди, братъ, вотъ они, живые-то свидѣтели».

Онъ широко обвелъ рукою вокругъ себя, вокругъ стѣнъ, на которыхъ висѣли аккуратно прибитые, — сохраненные частью по скупости, частью по механической привычкѣ, частью для полноты обстановки, — портреты ве-

ликихъ русскихъ писателей, прибрѣтенные когда-то, давнымъ-давно, въ телячьи годы восторженныхъ словъ... И ему вдругъ показалось, что по лицамъ этихъ исполнителей, отъ глазъ къ глазамъ, быстро пробѣгаютъ, точно летучія молніи, страшныя искры пасмѣшки и презрѣнія.

Костыка вздрогнулъ, отвернулся, протеръ глаза и тотчасъ же, для собственнаго успокоенія, вернулся къ прежней нити мыслей, на которую сталъ нанизывать свои жалобы, упреки и мелочные счеты. Но стаканъ все-таки еще дрожалъ въ его рукѣ.

«Нѣтъ, Лапидарскій, нѣтъ! Я, братецъ, погляжу на тебя лѣтъ черезъ пять-десять, когда ты поймешь, что это такое за шуточка бѣдность, зависимость и власть... когда ты узнаешь, чего стоитъ семья, а съ ней болѣзни, родины, крестины, сапожишки, юбочки... Ты, вотъ, кричишь теперь: Марксъ, Ницше, свобода, народъ, пролетаріатъ, великіе завѣты... Погоди, милый! Запое-ешь! Будешь, какъ и я. Скажутъ тебѣ: лѣпи единицы — будешь лѣпить. Пусть стрѣляются, травятся и выскакиваютъ изъ оконъ. Идіоты. Скажутъ тебѣ: будь любвеобилень — будешь; скажутъ: маршируй — будешь. Вотъ и все. И будешь сытъ и пригрѣтъ и начальству пріятенъ. И будешь, какъ и я, скучать по праздникамъ о томъ, что некого изловить въ ошибкѣ, некому поставить «единъ», некого выключить съ волчьимъ паспортомъ».

И опять онъ невольно обернулся къ стѣнамъ, на которыхъ симметрично висѣли фотографіи человѣческихъ лицъ — гнѣвыхъ, презрительныхъ, божественно-язныхъ, прекрасно-мудрыхъ, страдальческихъ, измученныхъ, гордыхъ и безумныхъ.

— Смѣтеться? — закричалъ вдругъ Костыка и ударилъ кулакомъ по столу. — Такъ? Хорошо же! Такъ вотъ, я заявляю вамъ, что всѣ вы — дилетанты, самоучки и безграмотны. Это я говорю вамъ — профессиональ и автори-

тетъ! Я, я, я, который сейчасъ произведу вамъ экзамень. Будь вы хоть распрогения, но если ваша жизнь, ваши нравы, мысли и слова преступны, безнравственны и противозаконны — то единица, волчий паспортъ и — вонь изъ гимназіи на всѣ четыре стороны. Пускай потомъ родители плачуть.

«Вотъ вы, молодой человекъ! Хорошаго роду. Получили приличное образованіе. Къ стихамъ имѣли способность. Къ чему вы ее употребили? Чтò писали? Гавриладу? Оду къ какой-то тамъ свободѣ или вольности? Ставлю нуль съ двумя минусами. Ну, хорошо. Исправились... Такъ и быть — тройка. Стали на хорошую дорогу. Нѣтъ, извольте: камеръ-юнкерскій мундиръ вамъ показался смѣшнымъ. Вѣдь нищимъ были, подумайте-ка. Еще нуль. Стишки писали острые противъ вельможъ? Нуль съ двумя. А дуэль? А злоба? За нехристіанскія чувства единица.

«А вы, господинъ офицеръ? Могли бы служить, дослужились бы до дивизионнаго командира, а почему знать, можетъ-быть, и выше. Кто вамъ мѣшалъ развивать свой геній? Ну... тамъ оду на случай иллюминаціи, экспромптъ по случаю полкового праздника?... А вы предпочли ссылку, опалу. И опять-таки умерли позорно. Вѣрно кто-то сказалъ: собакѣ — собачья смерть. Итакъ: талантъ — три съ минусомъ, поведеніе — нуль, вниманіе — нуль, нравственность — единица, законъ Божій — нуль.

«Вы, г. Гоголь. Пожалуйте сюда. За малорусскія тенденціи — нуль съ минусомъ. За осмѣяніе предрержащихъ властей — нуль, за одинъ извѣстный поступокъ противъ нравственности — нуль. За то, что жидовъ ругали — четыре. За покаяніе передъ кончиной — пять».

Такъ онъ злорадно и властно экзаменовалъ одного за другимъ безмолвныхъ исполиновъ, но уже чувствовалъ, какъ въ его душу закрадывался холодный, смертельный

страхъ. Онъ похвалилъ Тургенева за виѣшнее благообразіе и хорошей стиль, но упрекнулъ его любовью къ иноземкѣ. Пожалѣлъ объ инженерной карьерѣ Достоевскаго, но одобрилъ за полячишекъ. «Да и православіе ваше было какое-то сектантское,—замѣтилъ Костыка.— Не то хлыстовщина, не то штунда».

Но вдругъ его глаза столкнулись съ гнѣвными, расширенными, выпуклыми, почти безцвѣтными отъ боли глазами, — глазами человѣка, который, высоко поднявъ величественную бородатую голову, пристально глядѣлъ на Костыку. Сползшій пледъ покрывалъ его плечи.

— Ваше превосходительство...—залепеталъ Костыка и весь холодно и мокро задрожалъ.

И раздался хриплый, грубоватый голосъ, который произнесъ медленно и угрюмо:

— Рабъ, предатель и...

И затѣмъ пылающія уста Щедрина произнесли еще одно страшное, скверное слово, которое великій человѣкъ если и произноситъ, то только въ секунды величайшаго отвращенія. И это слово ударило Костыку въ лицо, ослѣпило ему глаза, озвѣздило его зрачки молніями...

...Онъ проснулся, потому что, задремавши надъ стаканомъ, клюнулъ носомъ о стаканъ и ушибъ себѣ переносицу. «Слава Богу, сонъ! — подумалъ онъ радостно. — Слава Богу! А-а! Такъ-то вы, г. губернаторъ? Хорошо же-съ. Свидѣтелей, благодаря Бога, нѣтъ...»

И съ ядовитой усмѣшкой, дрожащими руками онъ отцѣпилъ отъ гвоздя портретъ Салтыкова, отнесъ его въ самый укромный уголокъ своей квартиры и повѣсилъ тамъ великаго сатирика на вѣки вѣчные, къ общему смѣху и поруганію.

НАЧАЛЬНИЦА ТЯГИ.

Самый правдоподобный святочный рассказъ.

Этотъ рассказъ, который я сейчасъ попробую передать, былъ какъ-то рассказанъ въ небольшомъ обществѣ однимъ знаменитымъ адвокатомъ. Имя его, конечно, извѣстно всей грамотной Россіи. По нѣкоторымъ причинамъ я однако не могу и не хочу пазвать его фамиліи, но вотъ его приблизительный портретъ: высокій ростъ, низкій и очень широкій лобъ, какъ у Рубинштейна; бритое, точно у актера, лицо, но ни за актера ни за лакея его никто не осмѣлился бы принять; сѣдѣющая грива, львиная голова, настоящій ротъ оратора, — рупоръ, самой природой какъ будто бы созданный для страстныхъ, потрясающихъ словъ.

Среди нашего разговора онъ вдругъ расхохотался. Такъ искренно расхохотался, какъ даже старые люди смѣются своимъ юношескимъ воспоминаніямъ.

— Ну, конечно, господа, — сказалъ онъ: — такъ пародировать святочные рассказы, какъ мы сейчасъ дѣлаемъ, можно до бесконечности. Не устанешь смѣяться... А вотъ я вамъ сейчасъ, если позволите, расскажу, какъ мы однажды втроемъ... нѣтъ, виновать, вчетверемъ...

пѣтъ, даже и не вчетверомъ, а впятеромъ встрѣчали Рождество... Увѣряю васъ, что это будетъ гораздо фантастичнѣе всѣхъ святочныхъ разсказовъ. Видите ли: жизнь въ своей простотѣ гораздо неправдоподобнѣе самаго изощреннаго вымысла...

«Мы трое были приглашены на елку къ владѣльцу мѣднопрокатнаго завода Щекину, въ окрестностяхъ Сиверской. На утро намъ обѣщали облаву на лисицъ и на волковъ съ обкладчиками-костромичами, а если бы не удалось, то простую охоту съ гончими. Въ этомъ приглашеніи было много соблазнительнаго. Елку предполагали устроить въ лѣсу, — настоящую, живую елку, но только съ электрическимъ освѣщеніемъ. Кромѣ того тамъ была цѣлая орава очаровательныхъ дѣтишекъ — милыхъ, свободныхъ, ничѣмъ не стѣсненныхъ — такихъ, съ которыми себя чувствуешь въ сто разъ лучше, чѣмъ со взрослыми, и самъ, незамѣтно для себя, становишься мальчуганомъ двѣнадцати лѣтъ. А еще кромѣ того у Щекиныхъ въ эти дни собиралось все, что только бывало въ Петербургѣ талантливаго и интереснаго.

«А мы трое были: вашъ покорный слуга, тогда помощникъ присяжнаго повѣреннаго, одинъ начинающій басъ — теперь онъ міровая извѣстность — и третій, нынѣ покойникъ, — онъ умеръ четыре года тому назадъ, — или, вѣрнѣе, не умеръ, а его съѣла служебная карьера.

«Бѣжали мы въ самомъ блаженномъ, въ самомъ радужномъ настроеніи. Накупили конфетъ, тортовъ, волшебныхъ фонарей, фейерверковъ, лыжъ, микроскоповъ, коньковъ и прочей дряни. Были похожи на дачныхъ мужей. Но настроеніе наше начало портиться уже на вокзалѣ. Огромная толпища стояла у всѣхъ дверей, ведущихъ на платформу — едва-едва ее сдерживали желѣзнодорожные сторожа. И уже чувствовалась между этими людьми та безпричинная взаимная ненависть, которую можно наблю-

дать только въ церквахъ, на пароходахъ и на желѣзной дорогѣ.

«По второму звонку все это стадо ринулось на дебаркадеръ. Опасаясь за наши покупки, мы вышли послѣдними. Мы прошли весь поѣздъ насквозь, отъ хвоста до головы. Мѣстъ не было. Въ третьемъ классѣ насъ встрѣтили сравнительно спокойно какіе-то добродушные мужички, даже потѣснились, чтобы дать намъ мѣсто. Но было совсѣмъ стыдно злоупотреблять ихъ гостепріимствомъ. Они и такъ сидѣли другъ у друга на головахъ. Во второмъ классѣ было почти то же самое, но ужъ съ отгѣнкомъ недружелюбія. Напримѣръ: одинъ чиновникъ ѣхалъ явно по бесплатному билету; я попробовалъ намекнуть ему, что желѣзнодорожный уставъ строго требуетъ, чтобы лица, ѣдущія по бесплатному билету, уступали свои мѣста пассажирамъ по первому требованію. Но онъ почему-то назвалъ меня нахаломъ и дуракомъ и сказалъ: «Вы сами не знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло». Я подумалъ, что это переодѣтый министръ, и мы перешли въ первый классъ.

«Тутъ намъ сразу повезло. Конечно, всѣ купэ были закрыты, какъ это и всегда бываетъ, но случайно одна дверка отворилась, и одинъ изъ насъ, именно третій товарищъ, успѣлъ просунуть руку въ створку, помѣшавъ двери захлопнуться. Оказывается, въ купэ сидѣла дама, такъ лѣтъ тридцати—тридцати двухъ, прехорошенькая, но въ ту секунду очень озлобленная и похожая на пороховую бочку, подъ которую только что подложили фитиль.

«— Куда вы лѣзете, развѣ вы не видите, что это купэ занято?

«Ахъ, Боже мой, всѣ мы хорошо знаемъ, какъ нелѣпо, нетактично и жестоко ведутъ себя дамы, а особенно чиновныя, въ первыхъ двухъ классахъ поѣздовъ

и париходовъ. Онѣ занимають вдвоемъ полвагона съ надписью: «дамское отдѣленіе», въ то время, когда въ слѣдующей половинѣ мужчины стиснуты, какъ сардины въ нераскупоренной коробкѣ. Но попробуйте попросить у нихъ гостепріимства для больного старика или утомленнаго дорогой шестилѣтняго мальчика, — сейчасъ же крики, скандалъ, «полное право» и т. д. Однако такая же дама способна влѣзть со своими баулами, картонками, зонтиками и всякой дрянью въ сосѣднее «мужское отдѣленіе», стѣснить всѣхъ своимъ присутствіемъ, заявить: «Я, знаете, не переносу дамскаго общества», и завести на цѣлую ночь утомительную трескотню, съ визгами, игривымъ хохотомъ, ахами, ломаньемъ и кокетствомъ, отъ которыхъ на утро чувствуешь себя разбитымъ гораздо больше, чѣмъ тряской и безсонницей. Въ сопровожденіи бонны, кормилицы и четырехъ орущихъ чадъ она входитъ въ кушэ, гдѣ вы сидите тихонько, съ послушнымъ, скромнымъ ребенкомъ, останавливается на порогѣ и съ отвращеніемъ фыркаетъ: «Фу! И здѣсь какихъ-то дѣтей напихали!». Словомъ, все это и многое другое мы прекрасно изучили и были увѣрены, что никакія мѣры кротости, увѣщаванія и логика не помогутъ, но, какъ и всегда, въ пятисотый разъ пробовали тронуть сердитую даму.

«Еддоръ Ивановичъ приложилъ руку къ сердцу и на самой обольстительной нотѣ своего изумительнаго голоса сказалъ:

«— Прелестная синьора... намъ только три станціи... если прикажете, мы будемъ сидѣть у вашихъ ногъ.

«Это оперное вступленіе насъ и погубило. Почему знать, если бы онъ былъ одинъ?.. Можетъ, она и смиловилась бы. Но насъ было трое. И, вѣроятно, поэтому фитиль достигъ своей цѣли, и бочка разорвалась. Откровенно говоря, я никогда не слышалъ ни раньше ни позже такой ругани. Въ продолженіе двухъ минутъ она успѣла

насъ назвать: желѣзнодорожными ворами, безбилетными зайцами, убійцами, которые въ своихъ гнусныхъ цѣляхъ прибѣгаютъ къ хлороформу, и даже... простите, барышня... поставщиками живого товара въ Константинополь.

«Потомъ, въ своемъ гнѣвѣ, она закричала:

«— Кондукторъ!

«Но развѣ могъ прійти ей на помощь кондукторъ? Вѣроятно, въ эту минуту онъ съ трудомъ прокладываетъ себѣ дорогу въ самомъ заднемъ вагонѣ по человѣческимъ головамъ.

«Тогда, ошеломленный ея бурнымъ натискомъ, я позволилъ себѣ робко спросить:

«— Сударыня, вы ѣдете однѣ... Можетъ-быть, вы знаете случайно, кому принадлежать вотъ эти вещи: четыре картонки, два чемодана, плетеная корзина, деревянная лошадь почти въ натуральную величину, вотъ эти горшки съ гіацинтами, игрушечныя ружья, барабаны и сабли, этотъ портъ-пледъ, наконецъ этотъ тортъ и банки съ вареньемъ?

«— Не знаю, — сухо отвѣтила она и отвернулась къ окну.

«— Сударыня, — продолжалъ я тономъ рабской мольбы: — вы сами видите, что мы нагружены, какъ верблюды. Мы надаемъ съ ногъ отъ усталости... Мы не обезпокоимъ васъ долго своимъ присутствіемъ. Всего лишь три станціи... Не позволите ли вы положить эти чужія вещи наверхъ, въ сѣтки? Ну, хотя бы изъ христіанскаго милосердія.

«— Не позволю... — отвѣтила дама.

«— Но вѣдь все равно, вещи не ваши. Не такъ ли? Если бы мы сами попробовали ихъ перемѣстить.

«Опять на насъ повернулось красное, пылающее лицо.

«— Ого! Попробуйте. Попробуйте только! Да вы знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло? Нахалы! Вы сами не знаете, къ кому пристаете. Я — начальница тяги! Я васъ въ двадцать четыре часа...

«Мы не дослушали. Мы вышли въ коридоръ для небольшого совѣщанія. Къ намъ присоединился какой-то милый, чистенькій, маленькій, серебряный старичокъ въ золотыхъ очкахъ. Онъ все время былъ свидѣтелемъ нашихъ перекоровъ. Онъ-то намъ и далъ одинъ очень простой, но ехидный совѣтъ.

«Когда поѣздъ сталъ замедлять ходъ передъ второй станціей и дама начала суетиться, мы торжественно вошли въ купэ. Старичокъ злорадно шелъ за нами.

«— Итакъ, сударыня, вы все-таки подтверждаете, что эти вещи вамъ не принадлежать? — спросилъ третій, умершій.

«— Дуракъ! Я вамъ сказала, что эти вещи не мои.

«— Позвольте узнать, — а чьи? — спросилъ старичокъ голосомъ малиновки.

«— Не твое дѣло.

«Въ это время поѣздъ остановился. Вбѣжали носильщики. Дама велѣла одному изъ нихъ, — она даже назвала его Семеномъ, — взять вещи.

«Ну, ужъ тутъ мы горячо вступились за чужую собственность! Мы всѣ четверо были свидѣтелями того, что вещи принадлежать вовсе не дамѣ, а какой-то забывчивой пассажиркѣ. Конечно, это дѣло насъ не касается, но принципиально и т. д. Вчетверомъ мы прослѣдовали въ жандармскую контору. Дама извинялась, какъ ужъ, но мы ее взяли въ настоящіе тиски. Она говорила: «Да! Вещи мои!». Тогда мы отвѣчали: — «Не угодно ли вамъ заплатить за всѣ мѣста, которыя вы занимали? Желѣзной дорогѣ убытокъ, а мы, какъ честные люди, этого не можемъ допустить». Тогда она кричала: «Нѣтъ, эти

вещи не мои! А вы — хулиганы!». Тогда мы говорили: «Сударыня, вы на нашихъ глазахъ хотѣли присвоить эти вещи». — «Повторяю же вамъ, болваны, что это мои собственные вещи... а вы обращались съ беззащитной женщиной, какъ свиньи!». Но тутъ уже выступалъ ядовитый старичокъ, пѣлъ соловьемъ и въ качествѣ безпристрастнаго свидѣтеля удостовѣрялъ наше истинно-джентльменское поведеніе, а также и то, что мы два часа слишкомъ стояли на ногахъ (воображаю, какъ ему въ его долгой жизни насолили дамы первыхъ двухъ классовъ!).

«Кончилось тѣмъ, что она растерялась и заплакала. Ну, тутъ ужъ и мы размякли. Дали ей воды, басъ проводилъ ее до извозчика, и дурацкій протоколъ былъ очень легко и быстро упитожень. Одинъ только старичокъ покачалъ укоризненно на каждого изъ насъ головою и безмолвно испарился въ темнотѣ.

«Но когда мы опять сошлись втроемъ на платформѣ и поглядѣли на часы, то убѣдились въ томъ, что если и поспѣемъ къ Шекнинымъ, то только къ девяти часамъ утра. Это уже выходило за предѣлы нашей шутки. Стали разспрашивать у сторожа, какая здѣсь лучшая гостиница, т.-е. гдѣ меньше клоповъ.

«И вдругъ слышимъ знакомый, но уже теперъ славный, теплый голосъ:

«— Господа, куда вы собираетесь?»

«Оглядываемся. Смотримъ — наша дама. И совсѣмъ новое лицо: милое русское лицо.

«— Если вы не побрезгуете, поѣдьте ко мнѣ на елку... Вы на меня не сердитесь... я все-таки женщина... А съ этими желѣзными дорогами просто голову растеряешь.

«Скажу по правдѣ, никогда мнѣ не было такъ весело, какъ въ этотъ вечеръ. Даже фейерверки, противъ обыкновенія, горѣли чудесно. И ребята тамъ попались чу-

десные. А съ 'Анной Федоровной мы и до сихъ поръ за-
кадычные друзья».

Онъ нагнулся, чтобы его глазамъ не мѣшала тѣнь,
и спросилъ:

— Правда, Анна Федоровна?

Густой смѣющійся голосъ изъ темноты отвѣтилъ:

— Безстыдникъ. Языкъ у васъ, у адвокатовъ, такъ
ужъ подвѣшенъ, что не можете не перевернуть!..

ТЕЛЕГРАФИСТЪ.

Зима. Поздняя ночь. Я сижу на казенномъ клеенчатомъ диванѣ въ телеграфной комнатѣ захолустной пограничной станицы. Мнѣ дремлетъ. Тихо, точно въ лѣсу. Я слышу, какъ шумить кровь у меня въ ушахъ, а четкое постукиваніе аппарата напоминаетъ мнѣ о невидимомъ дятлѣ, который гдѣ-то высоко надо мною упорно долбитъ сосновый стволъ.

Напротивъ меня согнулся надъ желтымъ блестящимъ ясеневымъ столикомъ дежурный телеграфистъ Саша Врублевскій. Тѣнь, падающая отъ зеленого абажура лампы, разрѣзываетъ его лицо пополамъ: верхъ въ тѣни, но тѣмъ ярче освѣщены кончикъ носа, крупныя суровыя губы и острый бритый подбородокъ, выходящій изъ отложного бѣлаго воротника.

Съ большимъ трудомъ я различаю глубокія глазныя впадины и внутри ихъ опущенныя выпуклыя вѣки, придающія всему лицу, такъ хорошо знакомому, некрасивому, милому скуластому лицу, то выраженіе важнаго покоя, которое мы видимъ только у мертвыхъ.

Саша Врублевскій горбать. Я знаю только двѣ породы горбатыхъ людей. Одни — и это большинство — высокомѣрны, сладострастны, злобны, подозрительны, мстивы, скупы и жадны. Другіе же, немногіе, а въ особенности Саша Врублевскій, кажутся мнѣ лучшими брильянтами

въ вѣнцѣ истиннаго христіанства. Когда я беру въ свои руки ихъ слабыя, нѣжныя, чуткія и безпомощныя ручки, у меня въ сердцѣ такое чувство, точно ко мнѣ ласкается больной ребенокъ. И когда я думаю о Сашинѣ душѣ, она мнѣ представляется чѣмъ-то въ родѣ большой прекрасной бабочки, — такой трепетной, робкой и нѣжной, что малѣйшее грубое прикосновеніе сомнеть и оскорбить красоту ея крыльевъ. Онъ кротокъ, безсребренникъ, ко всему живому благожелателевъ и ни о комъ ни разу не отозвался дурно. Иногда онъ говоритъ мнѣ съ ласковой, чуть-чуть укоризненной насмѣшкой:

— Несправедливые вы люди, господа писатели. Какъ голько у васъ въ романѣ или повѣсти появится телеграфистъ, — такъ непременно какой-то олухъ царя небеснаго, станціонный хлыщъ, что-то въ родѣ интендантскаго писаря. Поеть подъ гитару лакейскіе романсы, крутитъ усы и стрѣляетъ глазами въ дамъ изъ перваго класса. Ей-Богу же, милочка, такой типъ перевелся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Надо слѣдить за жизнью. Вспомните-ка, какъ мы выдержали почтово-телеграфную забастовку, а вѣдь у насъ большинство — многосемейныя. Знаете, милочка, бѣдность-то вездѣ плодуща, а жалованье наше — гроши. И если вышвырнуть тебя изъ телеграфа съ волчьимъ паспортомъ — куда пойдешь? Такъ-то, милочка. Мнѣ, сравнительно, легко тогда было, я три языка знаю иностранныхъ, въ случаѣ чего не пропалъ бы. А другіе, милочка, прямо несли на это дѣло свой головы и потроха.

Никогда ему не измѣняетъ его свѣтлое, терпѣливое, чуть прикрашенное мягкой улыбкой благодушіе. Вотъ и сейчасъ: у него виситъ на лентѣ очень важная, срочная, едва ли не шифрованная телеграмма изъ-за границы, а онъ уже больше четверти часа никакъ не можетъ ее отправить, и все изъ-за того, что главная пе-

редаточная станція занята съ одной изъ промежуточныхъ самымъ горячимъ флиртомъ. Телеграфистъ съ передаточной загадалъ барышнѣ съ промежуточной какое-то слово, начинающееся на букву «л», и — такой насмѣшникъ! — стучить и стучить все одни и тѣ же знаки:

. — . . . — . . . — . . . — . . .

Но барышня никакъ не можетъ отгадать этого труднаго слова. Она пробуетъ «лампу, лошадь, лукъ, лагери, лимонъ, лихорадку».

— Лихорадка — похоже, но не то, — издѣвается передаточная станція.

«Лира, лава, лакъ, луна, лебедь», — мучается недогадливая барышня.

Тогда Врублевскій, которому надоѣло ждать, считаетъ нужнымъ вмѣшаться.

— Барышня, подайте ему — «люблю» — и освободите линію: срочная.

— Подождутъ, — легкомысленно возражаютъ съ передаточной.

Но Врублевскій дѣлаетъ развязному телеграфисту строгое замѣчаніе и черезъ минуту, не глядя на ленту, уже ловить привычнымъ слухомъ покаянный отвѣтъ:

— Извините, товарищъ, но вы сами были молоды и понимаете безъ словъ...

Я вижу, какъ легкая улыбка раздвигаетъ усы надъ толстыми, освѣщенными губами Врублевскаго. Ему самому не больше двадцати шести лѣтъ, но всѣ сослуживцы относятся къ нему, какъ къ старику.

— Вотъ такъ они цѣлыми вечерами и романсуютъ, — говорилъ онъ, перебирая ленту, закрутившуюся кудрявыми завитками. — Что же, дай Богъ. Кажется, у нихъ дѣло серьезное. Онъ — славный мальчикъ, и Катерина Сергѣевна — хорошая, работающая дѣвушка. Устроятся вмѣстѣ на станціи, и лучше не надо. И какъ это пре-

красно, что женщины наконец начинают давать настоящую работу. А то ведь раньше имъ, бѣдняжкамъ, прямо дѣваться было некуда. Сиди и вымаливай у Бога жениха. Когда еще дѣвушкой — отецъ ворчитъ: «Хлѣбъ только даромъ ѣшь. Хотя бы нашелся какой-нибудь болванъ, взялъ бы тебя, сокровище этакое». А вышла замужъ — пеленки, тряпки, кухня, роды, стирка, дѣтей кормить надо. И мужъ оретъ: «Дармоѣдка, обѣдь невкусный; только деньги тратить умѣешь да ходить круглый годъ брюхатой. Поди, сбѣгай за дивомъ и за папиросами...» А ужъ если, милочка, заработокъ общій, — онъ ужъ такъ разговаривать не посмѣетъ.

Саша умолкаетъ и, поймавъ начало телеграммы, начинаетъ сосредоточенно ее выстукивать. Лицо его съ опущенными вѣками неподвижно, и только пальцы его правой руки едва замѣтно, но быстро и точно вздрагиваютъ на клавишѣ. Мной опять овладѣваетъ дремота, и опять я въ тихомъ мутно-зеленомъ лѣсу, и опять гдѣ-то далеко старается надъ деревомъ неугомонный дятель. Въ это время я думаю о многихъ странныхъ вещахъ. О томъ, что весь земной шаръ перекрещенъ, какъ настоящими нервами, телеграфными линиями, и что вотъ сидитъ передо мной нервный узелъ — милый Саша Врублевскій, безвѣстный служитель механическаго прогресса. Добру или злу онъ служить, счастію или несчастію будущаго человѣчества? Телеграфъ былъ первымъ важнымъ практическимъ примѣненіемъ таинственной силы электричества. Гораздо позднѣе — появились телефоны, электрическія лампы и кухни, трамваи, беспроводный телеграфъ, автомобили, аэропланы. Но человѣчество идетъ впередъ, все быстрѣе съ каждымъ годомъ, все стремительнѣе съ каждымъ шагомъ. Вчера мы слышали объ удивительныхъ лучахъ, пронизывающихъ насквозь человѣческое тѣло, а почти сегодня открыть радіи съ

его удивительными свойствами. Человѣкъ уже подчинилъ себѣ силу водопадовъ и вѣтеръ, — безъ сомнѣнія, онъ скоро заставитъ работать на себя морской прибой, солнечный свѣтъ, облака и лунное притяженіе. Онъ вѣдрится въ глубь земли и извлечетъ оттуда новыя металлы, еще болѣе могущественныя и загадочныя, чѣмъ радій, и обратитъ ихъ въ рабство. Завтра или послѣзавтра — я въ этомъ увѣренъ — я буду изъ Петербурга разговаривать съ моимъ другомъ, живущимъ въ Одессѣ, и въ то же время видѣть его лицо, улыбку, жесты. Очень близко время, когда разстоянія въ 500 — 1000 верстъ будутъ покрываться за одинъ часъ; путешествіе изъ Европы въ Америку станетъ простой предобѣденной прогулкой, пространство почти исчезнетъ, и время помчится бѣшенымъ карьеромъ. Но я съ ужасомъ думаю объ огромныхъ городахъ будущаго, въ особенности, когда воображаю себѣ ихъ вечера. На небѣ сияютъ разноцвѣтные плакаты торговыхъ фирмъ, высоко въ воздухѣ снуютъ ярко освѣщенные летучіе корабли, надъ домами, сотрясая ихъ, проносятся съ грохотомъ и ревомъ поѣзда, по улицамъ сплошными рѣками, звеня, рыча и блестя огромными фонарями, несутся трамваи и автомобили; вертящіяся вывѣски кинематографовъ слѣпятъ глаза, и магазинныя витрины льютъ огненные потоки. Ахъ, этотъ ужасный міръ будущаго — міръ машинъ, горячечной торопливости, нервнаго зуда, вѣчнаго напряженія ума, воли и души! Не несетъ ли онъ съ собою повальнаго безумія, всеобщаго дикаго бунта, или, что еще хуже, преждевременной дряхлости, внезапной усталости и расслабленія? Или — почему знать? — можетъ-быть, у людей выработаются новыя инстинкты и чувства, произойдетъ необходимое перерожденіе нервовъ и мозга, и жизнь станетъ для всѣхъ удобной, красивой и легкой? Нѣтъ, милый Саша Врублевскій, никто намъ не отвѣтитъ на эти во-

просы, хотя ты самъ, вотъ сейчасъ, сидя за телеграфнымъ аппаратомъ, безсознательно куешь будущее счастье или несчастье человѣчества.

Но тутъ я замѣчаю, что Врублевскій уже съ минуту что-то говоритъ мнѣ. Я стяхиваю съ себя лѣнивое оцѣпенѣніе, встаю и присаживаюсь за столікъ. Теперь мнѣ совсѣмъ не видно лица моего пріятеля, — между нами лампа и аппаратъ, — но моя рука лежитъ такъ близко около его руки, что я ощущаю исходящій изъ нея теплый ровный токъ.

— Это вышло точь-въ-точь, какъ бываетъ въ водевиляхъ, — говоритъ онъ своимъ нервнымъ, высокимъ, чуть хриплымъ, очень пріятнымъ голосомъ. — Она была влюблена по уши въ моего товарища Деспоть-Зиновичъ-Братошинскаго, а я былъ влюбленъ въ нее. Деспоть же, городской левъ и донъ-жуанъ, порхалъ только съ цвѣтка на цвѣтокъ и обѣдалъ и ужиналъ по крайней мѣрѣ въ десяти семействахъ, гдѣ были барышни-невѣсты. Однако онъ былъ чудесный парень, широкій и добрый человекъ. Его раздавилъ поѣздъ, когда онъ былъ начальникомъ станціи Волчьей. Я объ ея любви ничего не зналъ... Нѣтъ, это, пожалуй, невѣрно... Я... какъ бы выразиться... я въ этомъ отношеніи точно заклеилъ воскомъ свои глаза и уши. И вотъ она сидитъ за піанино, а я около нея, сбоку. Она беретъ, не глядя на клавиши, какіе-то аккорды, слегка повернувъ ко мнѣ опущенную голову, и говоритъ объ одномъ человекѣ, котораго она любитъ, несмотря на его недостатки; говоритъ, что она скорѣе умретъ, чѣмъ обнаружить передъ нимъ свое чувство, что этотъ человекъ съ ней исключительно любезенъ и внимателенъ, но что она не знаетъ его мыслей и намѣреній, — можетъ-быть, онъ только играетъ сердцемъ бѣдной дѣвушки, и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Я же, идіотъ, нахожусь въ полной увѣренности, что

иносказательная рѣчь идетъ обо мнѣ, и съ жаромъ увѣряю ее, что, наоборотъ, «онъ» любитъ ее больше жизни, родины, чести и проч. Онъ готовъ на все жертвы и все въ этомъ родѣ. Что касается недостатковъ, то къ недостаткамъ привыкають, и такъ далѣе... Тогда она вся розовѣетъ какимъ-то чудеснымъ розовымъ сіяніемъ, рѣсницы у нея влажны, и она шепчетъ едва слышно: «Благодарю васъ, вы навсегда останетесь моимъ лучшимъ другомъ, но только, ради Бога, ни одного слова ему, Деспоту». Я раскрываю ротъ, молчу нѣсколько секундъ, наконецъ, заикаясь и точно свалившись съ луны, спрашиваю: «Почему же именно... ему... Деспоту?» Тогда она пристально вглядывается въ мои глаза, мы сразу понимаемъ другъ друга, и она внезапно раздражается громкимъ, долгимъ-долгимъ хохотомъ... Что жъ, конечно, смѣшно, совѣмъ какъ въ водевилѣ. Но я хотѣлъ въ эту ночь отравиться... Не отравился, а напился въ клубѣ, какъ свинья, первый и единственный разъ въ жизни. А на слѣдующій день я подалъ прошеніе о переводѣ сюда...

Онъ замолкаетъ и прислушивается къ стуку аппарата. Но зовутъ не его, и онъ продолжаетъ:

— Въ другой разъ была настоящая, не водевильная, а большая, нѣжная любовь съ обѣихъ сторонъ. Это случилось, когда я ѣздилъ позапрошлымъ лѣтомъ въ отпускъ, къ себѣ, въ Житомиръ. Была лунная ночь съ соловьями, съ ароматами сирени и бѣлой акаціи, съ далекой музыкой изъ городского сада. Мы ходили по саду,—садъ у нихъ громадный, плодовый, — и я держалъ ее руку въ моей. Она первая сказала мнѣ, что любитъ меня и никого никогда не полюбитъ, кромѣ меня. Она говорила, что любитъ меня такимъ, какъ я есть, и что больше всего любитъ мою душу и... тамъ разныя милыя, сладкія, волшебныя слова. И вотъ мы вышли на открытое

мѣсто, на площадку для гигантскихъ шаговъ. Луна свѣтила намъ въ спину, и на утоптанной гладкой землѣ легли двѣ рѣзкія тѣни: одна — длинная, стройная, съ прелестной, немного склоненной на бокъ головкой, съ высокой шеей, съ тонкой таліей, а другая — моя... Ну, вотъ... Тогда я закрылъ лицо руками, забормоталъ что-то и убѣжалъ... Да, убѣжалъ, не прощаясь...

«Полгода спустя она вышла замужъ, а нынче утромъ я получилъ отъ нея письмо. Она счастлива, у нея сынишка, я, конечно, ея лучшей другъ на свѣтѣ, и больше всего въ жизни ей хочется, чтобы я крестилъ у нея ребенка. Она извиняется за то, что разбила мое сердце. Ну, это ужъ глупости. Я радъ за нее, очень радъ. Дай Богъ ей счастья... Если ей хорошо, то и я счастливъ. Она дала мнѣ хоть иллюзію, хоть призракъ любви, и это истинно-царскій, неоплатный подарокъ... Потому что нѣтъ ничего болѣе святаго и прекраснаго въ мірѣ, чѣмъ женская любовь».

Мы молчимъ съ минуту. Потомъ я прощаюсь и ухожу. Мнѣ идти далеко, черезъ все мѣстечко, версты три. Глухая тишина, калоши мои скрипятъ по свѣжему снѣгу громко, на всю вселенную. На небѣ ни облачка, и страшныя звѣзды необычайно ярко шевелятся и дрожатъ въ своей бездонной высотѣ. Я гляжу вверхъ, думаю о горбачомъ телеграфистѣ. Тонкая, нѣжная печаль обволакиваетъ мое сердце, и мнѣ кажется, что звѣзды вдругъ начинаютъ расплываться въ большія серебряныя пятна.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

Въ походномъ, наскоро сколоченномъ изъ досокъ звѣринцѣ Иоганна Миллера, сторожа еще не успѣли зажечь лампъ для вечерняго представленія. На всемъ лежитъ тяжелая полумгла. Желѣзныя рѣшетки, клѣтки, барьеры, скамейки, столбы, поддерживающіе крышу, кадки съ водою и ящики для песка кажутся при этомъ умирающемъ мерцаніи осенняго вечера нагроможденными въ безпорядкѣ. Воздухъ насыщенъ острымъ запахомъ мелкихъ хищниковъ: лисъ, куницъ и рысей, смѣшаннымъ съ запахомъ испортившагося сырого мяса и птичьяго помета.

Вздрагивая отъ холода и тѣсно прижавшись другъ къ другу, плѣнники тяжело дремлютъ въ своихъ клѣткахъ. Въ этотъ часъ они отдыхаютъ отъ назойливаго любопытства публики,

Желтые, сѣрые, краснохвостые попугаи нахохлились на своихъ жердочкахъ, привязанные къ нимъ тонкими цѣпочками за ноги. Большой старый слонъ, который въ темнотѣ кажется издали безобразной громадой, дремлетъ, перекачиваясь на своей площадкѣ съ ноги на ногу, и то развиваетъ, то свиваетъ гибкій хоботъ. Обезьяны сбились въ тѣсную кучу въ самомъ дальнемъ углу своего помѣщенія. Нѣкоторыя нѣжно обняли другъ дружку за шею; одна положила голову на колѣни сосѣдкѣ. Выра-

женія лицѣ у нихъ у всѣхъ печально-покорныя, и теперь онѣ больше чѣмъ когда-либо похожи на людей. Въ самомъ концѣ звѣринца, на низкой насѣсти сидитъ старый орелъ, обципаннй, облѣзлый и сторбленнй. Онѣ не спитъ. Его неподвижные глаза смотрятъ въ темноту со всегдашней непримиримой и гордой ненавистью.

Тяжелая, угнетающая тишина изрѣдка прерывается странными звуками: то будто вздохъ продолжительный вырвется изъ чьей-то громадной груди, то стонъ послышится, то отрывистый хохотъ сумасшедшей гиены, которая недавно заболѣла и теперь цѣлыми часами кружится съ необыкновенной быстротой на одномъ мѣстѣ, пока не упадетъ безъ силъ.

Цезарь спитъ и тихо, точно бредящая собака, взвизгиваетъ во снѣ. Одна изъ его могучихъ желтыхъ лапъ высунулась въ ту щель внизу рѣшетки, куда просовываютъ пищу, и небрежно свѣсилась наружу. Голову онѣ спряталъ въ другую лапу, согнутую въ колѣнѣ, и сверху видна только густая темная грива. Рядомъ съ нимъ свернулась въ клубокъ, точно спящая кошечка, его львица. Цезарь спитъ безпокойно и иногда вздрагиваетъ. Дыханіе клубами горячаго пара вылетаетъ изъ его широкихъ ноздрей.

Тревожный, по блаженный сонъ снится Цезарю.

Надъ хладѣющей послѣ дневного жара пустыней всплылъ громадный, блестящій дискъ мѣсяца, и пустыня ожила и проснулась и заговорила милліонами голосовъ. Проснулся и онѣ, властелинъ пустыни, и медленными шагами выходитъ изъ зарослей, куда загнало его въ полдень солнце, и гдѣ онѣ послѣ кроваваго пира, утоливъ изъ ручья жажду, спалъ въ тѣни до наступленія ночи. Какой просторъ предъ его расширенными очами! Только и видно, что синее небо да безбрежная пустыня. Всей своей могучей грудью вдыхаетъ легъ свѣжѣющій воз-

духъ и вдругъ оглушительнымъ, царственнымъ ревомъ потрясаетъ воздухъ пустыни. И все смолкаетъ, объятое ужасомъ. Съ фырканиемъ и топотомъ вскакиваютъ и мчатся черезъ пустыню испуганныя стада антилопъ и зебровъ...

Левъ крадется къ тому ручью, куда каждый день ходятъ пить воду стада буйволовъ, и прячется между камнями. Ни одинъ мускуль его бархатнаго тѣла не шевелится, но весь онъ уже сжался и приготовился для огромнаго прыжка. Вдали раздается грузный топоть; земля гудитъ и вздрагиваетъ подъ тяжелыми копытами. Это идутъ на водопой буйволы. Передовые тревожно и громко обнюхиваютъ землю и бьютъ себя хвостами по бокамъ. Левъ не шевелится, но заднія ноги его, точно двѣ стальные сжатые пружины, готовы каждую секунду выпрямиться со страшною быстротою.

Наконецъ стадо напилось и возвращается обратно. Цезарь уже выбралъ свою жертву, молодого чернаго бычка съ мускулистой шеей и желѣзнымъ затылкомъ. Легкимъ, беззвучнымъ движеніемъ взвивается левъ въ воздухъ. Одинъ прыжокъ — и онъ уже на спинѣ у буйвола, заднія лапы вонзились въ крупъ, переднія ушли глубоко въ мускулы шеи. Животное въ ужасѣ и бѣшенствѣ мчится впередъ, прыгаетъ, тщетно стараясь сбросить съ себя страшную ношу, и мгновенно падаетъ на песокъ съ перегрызеннымъ позвонокомъ. Пасть Цезаря дымится отъ горячей крови животнаго, и опять оглашаетъ онъ своимъ побѣднымъ царственнымъ ревомъ пустыню.

Взвизгиваетъ въ своей клѣткѣ спящій Цезарь и видитъ другой сонъ.

Передъ нимъ возвышается утыканная острыми гвоздями страшно высокая и крѣпкая загородка краала. Левъ присѣдаетъ чуть-чуть къ землѣ — мгновеніе — и онъ уже внутри загородки; подъ навѣсомъ, сбившись въ кругъ

п дрова атласной кожей, стоятъ лошади. Левъ устремляется къ нимъ, но въ это мгновеніе просыпается весь краалъ. Вспыхиваетъ ружейный огонь, гремятъ выстрѣлы, съ крикомъ, свистомъ, гиканьемъ сбѣгаются люди. Но Цезарь не хочетъ упустить добычу; онъ уже схватилъ за загривокъ жеребенка и влечетъ его по землѣ къ загородкѣ. Гнѣвъ и вкусъ горячей лошадиной крови придаютъ ему чрезмѣрную силу. Взмахомъ могучей головы онъ закидываетъ животное на спину, вмѣстѣ съ нимъ высоко надъ загородкой перелетаетъ на другую сторону и скрывается въ темнотѣ ночи.

Сторожъ зажегъ лампу. Свѣтъ ея упалъ на глаза Цезарю, и онъ проснулся. Сначала левъ долго не могъ прийти въ себя; онъ даже чувствовалъ до сихъ поръ на языкѣ вкусъ свѣжей крови. Но какъ только онъ понялъ, гдѣ онъ находится, то быстро вскочилъ на ноги и заревѣлъ такимъ гнѣвнымъ голосомъ, какого еще никогда не слыхали вздрагивающія постоянно при лвиномъ ревѣ обезьяны, ламы и зебры. Львица проснулась и, лежа, присоединила къ нему свой голосъ.

Цезарь уже не помнилъ своего сна, но никогда еще эта тѣсная клѣтка съ рѣшеткой, эти ненавистныя лампы, эти человѣческія фигуры такъ его не раздражали. Онъ метался изъ угла въ уголь, злобно рычалъ на львицу, когда она попадалась на дорогѣ, и останавливался только для того, чтобы въ бѣшеномъ ревѣ выразить весь безсильный, но страшный гнѣвъ Цезаря, запертаго въ тюрьмѣ.

— Пож-жалуйте, господа! Нач-чинается объясненіе звѣрей. Пож-жалуйте! — закричалъ у входа сторожъ-нѣмецъ.

Господа, въ числѣ которыхъ было: десять-двѣнадцать дамъ съ дѣтьми и няньками, нѣсколько гимназистовъ и юнкеровъ и человѣкъ тридцать хорошо одѣ-

тыхъ мужчинъ, подошли и окружили сторожа. Остальная публика глазѣла сзади, изъ-за барьера. Сторожъ сталъ спиною къ первой клѣткѣ и, постукивая за спиной палочкой по рѣшеткѣ, началъ объясненіе:

— А вотъ-съ ам-мериканскій дико-образъ. Тѣло его снабжено длинными колючими иглами, которыя онъ бросаетъ въ преслѣдующихъ его враговъ...

Объясненіе свое онъ проговорилъ заученнымъ тономъ, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ самому дикобразу, и перешелъ къ слѣдующему номеру.

— А вотъ-съ черная пантера, или черная смерть, называется иначе гробокопательница. Разрываетъ могилы и пожираетъ трупы съ кожей, съ костями и даже съ волосами. Пос-сторонитесь, господа. Дѣтямъ не видно...

Публика наклонялась къ рѣшеткѣ, но ничего не видала, кромѣ двухъ зеленыхъ горящихъ глазъ въ самомъ углу клѣтки.

— Може тамъ никакой пантеры нема? — замѣтилъ съ галлерей чей-то голосъ.

Потомъ сторожъ объяснялъ гамадрилла, который «ходить гулять на люна, а если нѣтъ люна, то безъ люна, и кушаетъ яйца крокодила». Затѣмъ онъ показывалъ находящагося въ ящикѣ «змѣя Кейлонъ съ острова Цейлонъ». Этотъ змѣй не ядовитъ, только мускуломъ давить, а самого его видѣть нельзя, потому что «если ящикъ открывайть, — змѣй бистро убѣгайтъ».

Наконецъ толпа остановилась передъ клѣткой льва.

— А вотъ африканскій левъ. Называется Цезарь. Стѣитъ 25.000 марокъ. И со своей львицей, стѣящей 11.000 марокъ, — залѣлъ сторожъ.

Затѣмъ въ его рукахъ очутилась неизвѣстно откуда появившаяся жестяная кружка, и онъ, потряхивая находящимися въ ней мѣдяками и протягивая ее публикѣ, сказалъ:

— Сейчас начнется блестящее представление: укрощение львовъ и кормленіе дикихъ звѣрей. Пожертвуйте, господа, кто что можетъ, въ пользу служащихъ звѣринца.

И въ это время свободной рукой онъ зазвонилъ въ колокольчикъ, возвѣщающій начало представленія. Десять евреевъ-музыкантовъ грянули веселый маршь.

— Карльхень, звонять, — сказала чистенькая старая нѣмка, выходя изъ-за своей кассы и отворяя дверь въ уборную, гдѣ одѣвался укротитель.

— Сейчас, — отвѣтилъ Карльхень. — Затворите, мама, дверь. Холодно.

Карль Миллеръ, братъ хозяина звѣринца, стоялъ въ крошечной дощатой уборной, передъ зеркаломъ, уже одѣтый въ розовое трико съ малиновымъ бархатнымъ перехватомъ ниже живота. Старшій братъ, Иоганнъ, сидѣлъ рядомъ и зоркими глазами слѣдилъ за туалетомъ Карла, подавая ему нужные предметы. Самъ Иоганнъ былъ сильно хромъ (ему ручной левъ исковеркалъ правую ногу) и никогда не выходилъ въ качествѣ укротителя, а только подавалъ брату въ клѣтку обручи, бенгальскій огонь и пистолеты.

— Вотъ румяна, — сказалъ Иоганнъ, протягивая брату коробку. — Положи немного.

Карль, дѣйствительно, былъ блѣдень. При первыхъ же звукахъ музыки онъ почувствовалъ, какъ кровь сбѣжала съ его лица и горячей волной прихлынула къ сердцу, и какъ руки его похолодѣли и приобрѣли какую-то особенную цѣпкость. Но это волненіе не было волненіемъ трусости. Уже два года Карль укрощалъ львовъ и каждый день испытывалъ одно и то же чувство — подъема первовъ.

Музыка, трико, боязливое и почтительное любопыт-

ство толпы, бенгальскій огонь, наконецъ, приливъ воли и отваги во время представленія въ клѣткѣ и страшная нравственная сила, которую онъ въ это время чувствовалъ во всемъ своемъ существѣ и особенно во взорѣ, заставлявшемъ льва робко пятиться въ уголь — все это заранѣе, еще при одѣваніи, волновало его.

Положивъ на щеки слой румянъ и подведя карандашомъ нижнія и верхнія вѣки, отчего глаза стали громадными и заблестѣли, Карлъ надѣлъ на шею малиновый воротникъ, украшенный аграмантомъ съ блестками, и посмотрѣлся въ зеркало. На него глянуло смѣлое и взволнованное, очень красивое лицо, съ крутымъ, упрямымъ подбородкомъ, съ большими голубыми глазами, смотрѣвшими съ дерзкой улыбкой.

— Хлысть! — приказалъ отрывисто Карлъ, попра-
вляясь передъ зеркаломъ.

Старшій братъ поспѣшно подаль ему длинный бичъ, а самъ отошелъ къ дверямъ, чтобы ихъ широко отворить передъ выходомъ Карла, и заботливо оцупалъ въ карманъ револьверъ...

Карлъ швырнулъ зеркало на комодъ и сдѣлалъ руками и ногами нѣсколько быстрыхъ движеній, чтобы размяться. Братъ посмотрѣлъ на него вопросительно. Карлъ мотнулъ головой и изъ растворенной Иоганномъ двери вышелъ эластичной, поспѣшной походкой въ звѣринецъ. Иоганнъ шелъ сзади и звонилъ, а чистенькая старушка изъ-за кассы украдкой крестила молодого сына, красавца и своего любимчика.

За десять шаговъ до клѣтки Карла остановилъ сторожъ и сказалъ ему нѣсколько словъ на-ухо. Это была дурная примѣта. Укротитель никогда не долженъ оставаться ни на одну секунду, потому что звѣрь слѣдить за нимъ глазами съ самаго выхода его изъ уборной.

— Цезарь беспокоится? Рычить? — переспросилъ

Карль умышленно громко, играя передъ публикой безстрашіемъ. — О! Это пустяки. Онъ сейчасъ будетъ у насъ, какъ овечка.

Цезарь стоялъ, прижавшись лицомъ къ самой рѣшеткѣ. Его кошачьи рыжіе глаза съ громадными зрачками блестя жадно и пугливо въ то же время. Бѣшенство, не проходившее у него до сихъ поръ, внезапно разрослось при видѣ знакомой фигуры въ розовомъ трико, на которую онъ нарочно не смотрѣлъ, но за всѣми движеніями которой слѣдилъ съ напряженнымъ вниманіемъ хищника.

Карль быстро прошелъ среди разступившихся зрителей, ловко вспрыгнулъ на три ступеньки приставной лѣстницы и очутился въ предохранительной клѣточкѣ, изъ которой желѣзная дверца отворялась внутрь большой клѣтки. Но едва онъ взялся за ручку, какъ Цезарь однимъ прыжкомъ очутился у дверцы, налегъ на нее головой и заревѣлъ, обдавая Карла горячимъ дыханіемъ и запахомъ гнилого мяса.

— Цезарь, назадъ!.. — крикнулъ Карль и, нарочно приблизивъ къ рѣшеткѣ лицо, устремилъ на звѣря пристальный взглядъ. Но левъ выдержалъ взглядъ, не отступалъ и скалилъ зубы. Тогда Карль просунулъ сквозь рѣшетку хлыстъ и сталъ бить Цезаря по головѣ и по лапамъ.

Цезарь ревѣлъ, но не отступалъ и не отводилъ глазъ.

— Довольно! — крикнулъ кто-то изъ глубины публики. — Довольно! — подхватила единодушно вся толпа.

— Оставь! — сказалъ Юганнъ тихимъ и тревожнымъ голосомъ и подъ плащомъ, незаметно, вытащилъ изъ кармана револьверъ.

— Нѣтъ! — отрѣзалъ сердито Карль и опять ударилъ изо всей силы льва по головѣ. — Цезарь, назадъ!

Но Цезарь внезапно взвился во весь ростъ и ударилъ

лапой въ рѣшетку съ такой силой, что вся клѣтка задрожала.

— Довольно! Перестаньте! — кричали зрители и оставались въ то же время, точно прикованные, не трогаясь съ мѣста.

— Огня! — крикнулъ Карлъ.

Минутный припадокъ нерѣшительности, который онъ испыталъ—было сначала при непослушаніи льва, уступилъ теперь мѣсто озлобленію, и онъ рѣшился во что бы то ни стало заставить звѣря повиноваться.

Юганнъ выхватилъ изъ жаровни, принесенной сторожемъ, раскаленный желѣзный пруть и передалъ его брату вмѣстѣ съ зажженной налочкой искристаго бенгальскаго огня.

Ослѣпленные огнемъ зрители не замѣтили быстрого движенія Карла, но увидали, какъ Цезарь съ громкимъ стономъ боли отскочилъ отъ двери, и въ ту же секунду укротитель очутился въ клѣткѣ.

Въ звѣринцѣ сдѣлалось совсѣмъ тихо, слышно было только какъ шипѣлъ бенгальскій огонь въ рукѣ у Карла да стоналъ и ворчалъ Цезарь въ углу клѣтки.

Что затѣмъ произошло — никто не могъ дать себѣ отчета. Послышался потрясающій крикъ Карла, ужасный ревъ Цезаря и львицы, три оглушительныхъ выстрѣла, испуганные крики зрителей и безумный, отчаянный старческій вопль: «Карльхенъ! Карльхенъ! Карльхенъ!..»

На полу клѣтки лежалъ Карлъ, весь истерзанный; съ переломанными руками, ногами и ребрами, но еще живой; сзади него львица, которой пуля Юганна пепала въ черепъ, и рядомъ съ ней—въ послѣдней агоніи—Цезарь.

Блѣдные, перепуганные зрители стояли вокругъ клѣтки въ нѣмомъ ужасѣ и не трогались съ мѣста, несмотря на упрашиванія сторожа оставить звѣринецъ.

НАДЪ ЗЕМЛЕЙ.

Заранѣе извиняюсь, что мнѣ придется говорить слишкомъ много о самомъ себѣ, т.-е., вѣрнѣе, о моихъ личныхъ впечатлѣніяхъ. Но какъ иначе преломить ихъ, какъ не черезъ собственное сознаніе? Не вѣрьте никому, кто вамъ скажетъ, что онъ не испытывалъ передъ первымъ воздушнымъ полетомъ нѣчто, похожее на страхъ. Этотъ человѣкъ, навѣрное, хвастунъ. Но страхъ этотъ живетъ только въ воображеніи. Ложась спать въ ночь передъ поднятіемъ на шаръ, я представилъ себѣ мысленно громадную высоту, съ которой я буду смотрѣть внизъ на людей и дома, и у меня сердце сжалось отъ мгновеннаго ужаса. Совершенно то же самое я испытывалъ и въ ночь передъ первой медвѣжьей облавой. Можетъ-быть, это происходило только отъ того, что мы, художники, больше, сильнѣе и полнѣе живемъ своимъ воображеніемъ, чѣмъ дѣйствительностью? Отъ того, что ожиданіе и воспоминаніе волнуютъ насъ несравненно больше самой жизни? Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣйствительность оказалась вовсе не страшной, а легкой и радостной. Немного, правда, утомительны были совѣты и предостереженія друзей. Одинъ предостерегалъ меня отъ 13 числа, въ которое я долженъ былъ подняться. Другой по-товарищески обратилъ мое вниманіе на то, что у насъ на дачѣ по вечерамъ около террасы воетъ собака. Третій пугалъ

меня капризными вѣтрами равноденствія. Четвертый, пятый и шестой добросовѣстно рассказывали о всѣхъ случаяхъ катастрофъ съ воздушными шарами, о которыхъ имъ только приходилось читать или слышать. Впрочемъ, я ни одной секунды не сомнѣваюсь въ томъ, что все это было вызвано только дружеской заботой обо мнѣ.

Въ 8 часовъ утра 13-го сентября я проснулся и первымъ дѣломъ поглядѣлъ въ окно. Небо было туманное, облака неподвижны, хотя верхушки акацій раскачивались и гнулись въ стеклянномъ переплетѣ окна. Изъ этихъ маленькихъ наблюдений я твердо заключилъ, что полетъ нашъ будетъ совершенно благополучнымъ. На аэродромъ я поѣхалъ слишкомъ рано, къ 11 часамъ. Конечно, первое, что я увидѣлъ, это былъ шаръ. Но онъ вовсе не былъ похожъ на шаръ, а на шляпку гриба, только величиною въ главный соборный куполь, желтаго цвѣта, похожаго на цвѣтъ желтаго пластыря. Эта огромная грибная шляпка, слегка покачиваясь, вздувалась и опадала. Зрѣлище это меня немного удивило. До сихъ поръ я ни разу въ жизни не видалъ аэростата и по своей неопытности и легкомыслию предполагалъ, что это что-нибудь въ родѣ дѣтскихъ игрушечныхъ шаровъ, которые гроздьями продаются на улицахъ, только, конечно, немного большаго размѣра. Я подошелъ, пощупалъ матерію шара — она оказалась плотности пароходнаго брезента, понюхалъ и убѣдился, что она пахнетъ масляной краской, услышалъ легкій и довольно противный запахъ свѣтильнаго газа, но рѣшительно не понялъ ничего изъ того, что здѣсь происходило. Еще замѣтилъ, какъ понемногу вырасталъ этотъ желтый грибъ, принимая форму груши, раздавленной и перевернутой внизъ черенкомъ, растягивая и расширяя надѣтую сверхъ него сѣтку; замѣтилъ ловкую, чрезвычайно спокойную работу чиновъ морского батальона: по мѣрѣ наполненія и выростающаго шара, они ме-

тодически, съ петли сѣтки на петлю, все ниже и ниже перецѣпляли мѣшки съ балластомъ — зеленые небольшіе мѣшки съ крючками наверху. Миѣ сказали, что шаръ будетъ готовъ къ 2 часамъ, и въ 2 часа я опять приѣхалъ на аэродромъ. Было уже довольно много народу, преобладали мужчины, и большинство тѣснымъ чернымъ кольцомъ толпилось около шара. Миѣ сейчасъ же показали меня. Я ходилъ по аэродрому въ синемъ англійскомъ костюмѣ съ красной феской на головѣ. За мной ходили, разинувъ рты, мальчишки, которые, какъ извѣстно, всегда рады каждому необычному происшествію. Я слышалъ, какъ одинъ увѣрялъ другого: «Ну, вотъ, рассказывай больше. Я знаю Куприна: онъ всегда въ фескѣ ходитъ». — «Да! Въ фескѣ! А отчего же онъ такой черный и большой?» При ближайшемъ разсмотрѣніи, я убѣждаюсь, что это не я, а мой пріятель борець Мурзукъ, негръ. Я съ удовольствіемъ здоровалось съ этимъ спокойнымъ, сильнымъ человѣкомъ. Тотчасъ же встрѣчаю другого пріятеля — Ярославцева. У насъ съ нимъ вышелъ недавно довольно горячій споръ о сравнительныхъ преимуществахъ французской борьбы и англійскаго бокса. Я увѣрялъ его въ томъ, что всякій видъ спорта долженъ заключать въ себѣ хотя бы отгѣнокъ риска, пренебреженія къ боли и презрѣнія къ смерти. Онъ же стоялъ за пластическую красоту позъ и движеній, шутя повторяя причудливое выраженіе Киплинга о крови, какъ о «красномъ соусѣ». Мы проспорили наканунѣ цѣлый вечеръ. И вотъ теперь, лукаво щура лѣвый глазъ, пожимая миѣ руку и улыбаясь, онъ спрашиваетъ вполголоса: «Что, захотѣлось краснаго соуса?» Но сказано это благодушно, веселымъ, ободряющимъ тономъ.

Наступаетъ еще нѣсколько томительныхъ моментовъ: тащатъ сниматься, щелкаютъ кодакомъ одинъ разъ, другой, третій, просятъ не шевелиться, наклонить голову

влѣво, вправо, назадъ и принять непринужденный видъ.

Около 2¹/₂ часовъ. Небо синее, глубокое, по-осеннему спокойное. И на немъ точно заснули бѣлыя, свѣтлыя облака грядистыя. Теперь уже ни одинъ листокъ на деревьяхъ не шевелится. Наступаетъ моментъ подъема. Мы только-что кончили фотографироваться. Нашъ пилотъ, С. И. Уточкинъ, говоритъ, что уже время садиться въ корзинку. Къ этой корзинкѣ мы, трое новичковъ — И. М. Хейфець, редакторъ «Одесскихъ Новостей», И. А. Гореликъ, сотрудникъ-корреспондентъ «Русскаго Слова», и я—пробираемся съ очень большимъ трудомъ сквозь толпу, обступившую шаръ. Матросы морского батальона и нѣсколько городскихъ горячо убѣждаютъ зрителей не наступать на веревки. Неожиданную, по дружную услугу намъ оказываютъ нѣсколько студентовъ и газетныхъ сотрудниковъ, которые цѣпью, взявшись за руки, расширяютъ кругъ. Уточкинъ виситъ уже подъ самымъ шаромъ на какомъ-то канатѣ и на какомъ-то, совершенно непонятномъ для меня, специальномъ языкѣ отдаетъ послѣднія распоряженія, которыя исторопливо, но быстро и ловко исполняются матросами. Я мысленно спрашиваю свое сердце: «Не страшно?» Прислушиваюсь и не замѣчаю въ себѣ ничего, кромѣ боязни показаться смѣшнымъ или неловкимъ. Весело! Пилотъ говоритъ, что можно садиться въ корзинку. Легко сказать — садиться, но какъ туда влѣзешь вчетверомъ? Корзинка не больше, какъ мнѣ по поясъ; въ верхнемъ обрѣзѣ два квадратныхъ аршина, книзу немного суживается, да тутъ еще 8 канатовъ, которые подтягиваютъ ее къ шару, и въ которыхъ никакъ не расшугаешься, а надъ головой, на высотѣ 2 сажень, стоитъ желтый пузырь, распирающій петли надѣтой на немъ сѣтки и заслоняющій все небо. Садимся со всей смѣхотворной неловкостью, на которую только способны

новички. Быстро вглядываюсь въ лица обоихъ моихъ литературныхъ коллегъ. Ничего. Лица спокойны, ихъ цвѣтъ не измѣнился, но въ глазахъ темного больше сосредоточенности, чѣмъ обыкновенно. Въ послѣдній моментъ одному изъ нихъ матросъ бросаетъ на колѣни спасательный поясъ и говоритъ быстро, вполголоса: «Держите около себя, потомъ некогда будетъ разбираться, надѣвайте не на грудь, а на животъ!»

Бѣгло оглядываю плотное кольцо зрителей, и тутъ мнѣ становится чуть-чуть неприятно. Съ несомнѣнной ясностью я вижу во многихъ жажду кроваваго представленія и читаю въ нихъ затаенную, можетъ-быть, для нихъ самихъ темную, мысль: «А вдругъ?» Особенно меня поражаетъ фѣзіономія какого-то молодого парня въ грязной блузѣ цвѣта хаки. На головѣ у него старая рыбацья шалка съ широкими опущенными внизъ полями. Врядъ ли онъ трезвъ. Влажные и тупые глаза его съ безмысленною жадностью устремлены на насъ. Онъ покачивается и, повидимому, весь — точно въ кошмарномъ снѣ. Его отталкиваютъ и довольно безцеремонно. Но онъ ничего не видитъ и не слышитъ. Онъ весь, всѣми своими чувствами, всей душой погрузился въ невиданное, жуткое, пряное зрѣлище. Не дай Богъ увидѣть такое сумбурное лицо когда-нибудь на баррикадахъ или во время погрома!

Пилотъ отдастъ внизъ, командѣ, какія-то распоряженія о какихъ-то концахъ, которые нужно куда-то отдать. Толпа придвигается ближе, настолько ближе, что никакія увѣщанія на нее уже больше не дѣйствуютъ.

«П-п-поберегите в-ваши шалки! — кричитъ весело на публику пилотъ: — я м-могу ихъ нечаянно сбить к-корзинкой!» Онъ немного заика, но голосъ его звучитъ очень явственно, раздѣльно и внушительно. Затѣмъ... затѣмъ всѣ люди внизу вдругъ почему-то кажутся страшно ма-

ленькими. Только благодаря этому я сознаю, что мы уже полетѣли. Совсѣмъ напрасно меня предупреждали о томъ, что первыя секунды подъема на аэростатѣ сопряжены со страданіями, нѣсколько напоминающими приступы морской болѣзни и происходящими отъ раскачиванія корзины. Я положительно увѣряю, что даже не замѣтилъ момента отдѣленія отъ земли. Я едва-едва успѣлъ только разглядѣть нѣсколько знакомыхъ лицъ, различить нѣсколько дружескихъ улыбокъ и услышать гулъ невнятныхъ криковъ. Быстро-быстро мелькнуло сѣрое платье, большая черная шляпа надъ золотыми волосами и прелестное тонкое лицо талантливой артистки Ю. Вслѣдъ затѣмъ, когда я еще разъ поглядѣлъ внизъ,—площадь аэродрома представилась мнѣ маленькимъ бѣлымъ четырехугольникомъ, по которому ходили крошечные люди. Странно: мнѣ показалось, что ихъ не болѣе, чѣмъ пятьдесятъ человекъ, хотя я зналъ навѣрное, что ихъ тамъ больше тысячи. На ярко-бѣломъ фонѣ плаца аэродрома, подъ ослѣпительнымъ освѣщеніемъ осеняго южнаго солнца, черныя фигуры мужчинъ и пестрые костюмы женщинъ производили сверху впечатлѣніе какого-то движущагося, опрятнаго, живого цвѣтника. Поразительно было глядѣть на людей сверху внизъ: казалось, что движутся только однѣ головы, а подъ ними переступаютъ носки ногъ, а около нихъ чернѣютъ длинныя тѣни, и казалось, что всѣ эти люди только перебираютъ ногами на мѣстѣ, не переступая ни на шагъ впередъ. Но всего необыкновеннѣе было ощущеніе внезапной полной оторванности отъ людей. Точно мы остались во всемъ мірѣ четверомъ въ маленькой корзинкѣ, и никому уже больше нѣтъ до насъ дѣла, такъ же, какъ и намъ до нихъ.

Проходить не больше двухъ минутъ. Вся Одесса лежитъ подъ нами, точно карта города, изданная городской управой, гдѣ улицы оставлены бѣлыми, кварталы — иллю-

минованы краснымъ и желтымъ, а море обозначено голубымъ. Еще двѣ минуты—и весь этотъ видъ точно придавливается грязноватымъ туманомъ, въ которомъ едва различаешь фабричныя трубы и колокольни церквей. Съ трудомъ различаю внизу неподвижно стоящую на мѣстѣ конку и пару лошадей, которыя, не подвигаясь впередъ, перебираютъ ногами; лошади величиною съ пару майскихъ жуковъ. Къ моему удивленію, мы уже утолклись и размѣстились въ тѣсной корзинѣ. На днѣ ея, подъ нашими ногами лежатъ: корзина съ провизіей, зеленые мѣшочки съ балластомъ, толстый, свернутый спиралью, гайдропъ, бунтъ якорнаго каната и полуторанудовый четырехланный якорь. И, несмотря на это, намъ уже почти просторно. Мои товарищи по поѣздкѣ обращаютъ мое вниманіе на красоты видовъ, которые разстилаются подъ нами, узнаютъ площади, называютъ церкви — Покровскую и Успенскую и еще какую-то, но я совершенно равнодушенъ къ ихъ увлеченію. Все, что я вижу подъ собой, мнѣ представляется не болѣе, чѣмъ скучной, ничего не говорящей моей душѣ, какой-то выдуманной и совсѣмъ неинтересной картой. И это чувство равнодушія къ землѣ настолько сильно, что оно меня самого удивляетъ. Шаръ идетъ вверхъ, но движеніе его совершенно для насъ незамѣтно. Мы стоимъ на мѣстѣ. Испытываю лишь ощущеніе невѣсомости собственнаго тѣла и странной неустойчивости ногъ, — то же ощущеніе, какое я испытывалъ однажды, опускаясь при свободномъ паденіи вагонетки въ глубину юзовской шахты.

Я замѣчаю объ этомъ пилоту. Онъ достаетъ изъ кармана листокъ бумаги, отрываетъ отъ него уголь и выбрасываетъ за корзину шара. Клочокъ бумаги мгновенно падаетъ внизъ и исчезаетъ изъ глазъ. Мы поднимаемся. Время отъ времени Уточкинъ вынимаетъ изъ кармана какой-то круглый металлическій приборъ, смотритъ на него

и сообщаетъ высоту, на которой мы находимся: 300, 400, 500, 600 метровъ. Теченіемъ вѣтра насъ несетъ къ Большому Фонтану. Иногда пилотъ съ поразительнымъ спокойствіемъ и съ ловкостью обезьяны взбирается вверхъ по канату и что-то тамъ поправляетъ. Признаюсь: я бы не рѣшился вести себя такимъ образомъ на высотѣ, превосходящей въ три раза Эйфелеву башню.

Кто-то изъ насъ спрашиваетъ: «Это и есть та самая красная веревка, за которую нельзя дергать?» Тутъ въ краткихъ словахъ С. И. Уточкинъ объясняетъ намъ назначеніе кланной веревки и аппендицитнаго приспособленія: послѣднее употребляется только при неожиданно быстрыхъ спускахъ, и назначеніе его—мгновенно превратить аэростатъ въ парашютъ; собою же оно представляетъ какой-то маленькій смѣшной мѣшочекъ, висящій изъ-подъ шара надъ нашими головами. «Я къ этой гадости никогда не прибѣгаю,—говоритъ съ шутливой презрительностью Уточкинъ:—потому что я могу васъ спустить на любой точкѣ, какую вы мнѣ укажете. И вамъ ее трогать не совѣтую». Мнѣ приходитъ въ голову воспоминаніе о нѣкоторыхъ газетныхъ кривотолкахъ, и я стараюсь представить себѣ самого себя въ положеніи человѣка, летящаго внизъ вмѣстѣ съ шаромъ со страшной быстротой вслѣдствіе какой-нибудь порчи въ аэростатѣ. И я понялъ съ непоколебимой ясностью, что, спасая себя при паденіи, аэронавтъ можетъ ухватиться только за боковые канаты, соединяющіе корзину съ шаромъ. Въ нихъ руки инстинктивно чувствуютъ единственную связь, соединяющую ноги, отдѣленные отъ земли, съ огромнымъ желтымъ пузыремъ, который неподвижно виситъ надъ вами и незамѣтно для васъ плыветъ и поднимается въ воздухѣ, закрывая отъ насъ небо. 750 метровъ. Я нарочно гляжу внизъ, стараясь вызвать въ себѣ очень знакомое мнѣ чувство боязни высоты. Но это мнѣ никакъ не удается.

Очевидно, на такой высотѣ это чувство совсѣмъ исчезаетъ. Вообще мнѣ кажется, что я нахожусь въ какомъ-то сладкомъ, легкомъ, спокойномъ и лѣнивомъ снѣ, въ которомъ забываешь о времени и пространствѣ. Наши ощущенія уже въ достаточной мѣрѣ устоялись. Къ высотѣ, на которой мы находимся, и къ нашему, не совсѣмъ обычному положенію мы уже настолько привыкли, что можемъ свободно разговаривать. Пилотъ, не выпущая изъ рукъ анероида, любезно и обстоятельно отвѣчаетъ на наши вопросы... Впрочемъ, о С. И. Уточкинѣ, объ этомъ наиболѣе своеобразномъ человѣкѣ, какого я только видѣлъ въ своей жизни, я долженъ—извиняюсь передъ нимъ за нескромность—поговорить подробнѣе. Да и то сказать: если есть въ Одессѣ два популярных имени, то это имена Бронзоваго Дюка, стоящаго надъ бульварной лѣстницей, и С. И. Уточкина.

Уточкинъ—это кумиръ рыбаковъ, велосипедистовъ, всѣхъ званій и возрастовъ, женщинъ, жадныхъ до зрѣлицъ, и уличныхъ мальчишекъ. Онъ самъ рассказываетъ о себѣ въ юмористическомъ тонѣ: «Я очень н-популяренъ въ Одессѣ. Когда я ѣду по улицѣ на машинѣ, то уличные мальчишки бѣгутъ за мною и дразнятся: «Уточкинъ, рыжій песъ». И дѣйствительно: онъ рыжъ, этотъ рыжеволосый, свѣтлорѣсничный, синеглазый человѣкъ выше средняго роста, съ головой, уходящей немного между плечъ, короткошей и длиннорукой, и— правда, что въ его неширокомъ, но плотномъ сложеніи неволью чувствуются звѣриная ловкость, сила и находчивость. Вѣрно и то, что дѣти съ ихъ тоже звѣриной наблюдательностью очень рѣдко ошибаются въ своихъ мѣткихъ прозвищахъ. Онъ самый страстный спортсменъ въ мірѣ, какого только можно себѣ вообразить. Онъ перепробовалъ почти всѣ виды спорта, но, достигнувъ въ каждомъ изъ нихъ верха, тотчасъ же переходилъ къ другому спорту.

Такъ, онъ сдѣлался первокласснымъ циклистомъ и приобрѣлъ себѣ извѣстность на всѣхъ циклодромахъ Европы; потомъ его увлекли автомобильныя состязанія, во время которыхъ онъ развивалъ страшную скорость — по полтора километровъ въ часъ; затѣмъ парусныя гонки; затѣмъ самый свирѣпый и кровавый боксъ, затѣмъ уже полеты на аэростатахъ. И повсюду онъ достигалъ невозможнаго совершенства. Теперь онъ бредитъ аэропланами. Но спортсменъ вовсе не убитъ въ немъ чрезвычайно интересной индивидуальности: онъ остроуменъ, изященъ въ разговорѣ, внимательно слѣдитъ за литературой и любимый его писатель — Кнутъ Гамсунъ, особенно его «Панъ», въ которомъ разлито такъ много той прекрасной звѣриности, что, къ сожалѣнію, почти исчезла уже у современнаго человѣка.

— Опасность отъ полета, — отвѣчаетъ онъ на чей-то немного безпокойный вопросъ: — равняется приблизительно отношенію одного процента къ милліону. Но опасность спуска можно учесть какъ одинъ къ восьмистамъ. Но и здѣсь всего непріятнѣе — не возможность паденія или ушиба, а издѣвательство окрестныхъ крестьянъ, къ которымъ поневолѣ приходится обращаться за помощью и за подводами.

Между тѣмъ мы уже на высотѣ 900 метровъ. Ощущеніе ровнаго, блаженнаго, неизъяснимаго покоя все больше окутываетъ какимъ-то сладкимъ сномъ тѣло и душу. Гляжу внизъ на распластанные, плоскіе кварталы пригородовъ и все яснѣе чувствую, что ничто въ мірѣ меня уже больше не связываетъ съ землею. Думаю мимолетно: «Съ какимъ безконечнымъ равнодушіемъ долженъ былъ бы глядѣть сверху внизъ на нашу незначительную, а для насъ такую важную земную жизнь кто-нибудь, вѣчно глядящій на нее съ высоты облаковъ». Непріятно лишь одно физическое чувство — чувство давленія воздуха въ ушахъ

на барабанную перепонку. Такое неприятное чувство я испытывалъ какъ-то давно въ банѣ на полкѣ, когда на каменку вдругъ поддавали пару. Неприятно и еще одно: на азростатѣ, какъ извѣстно, запрещается курить, во избѣжаніе взрыва свѣтильнаго газа, наполняющаго шаръ. Зная это и боясь инстинктивной привычки, я не взялъ съ собою папирозъ. И вотъ теперь то и дѣло лѣзу привычнымъ жестомъ въ карманъ и каждый разъ испытываю мелочное, но противное разочарованіе. Случайно взглянувъ внизъ, замѣчаю парящихъ надъ городомъ какихъ-то бѣлыхъ птицъ, должно-быть, голубей. Тутъ же вспоминаю, что послѣдними звуками, которые до насъ доносились съ земли, были звуки человѣческаго свиста—это, должно-быть, привѣтствовали насъ полетъ одесскіе мальчуганы. Пилотъ предлагаетъ намъ испробовать полетъ надъ самой землей на высотѣ ста метровъ. Онъ говоритъ, что лишь на этой сравнительно малой высотѣ, когда человѣческой глазъ способенъ почти точно опредѣлять разстоянія, только и чувствуется весь ужасъ бездны. Мы соглашаемся. Онъ посредствомъ тонкаго краснаго шнура открываетъ клапанъ, и газъ струится изъ него съ легкимъ ропотомъ. Мы начинаемъ быстро опускаться. «700... 500.. 300... 200... 80 метровъ»,—отсчитываетъ пилотъ вслухъ по инструменту. Легкое безпокойство овладѣваетъ нами. Я вырываю листокъ изъ моей записной книжки и выбрасываю его за бортъ корзины. Листокъ тотчасъ же, какъ вздернутый на ниткѣ, пропадаетъ вверху. Во избѣжаніе толчка на неудобномъ мѣстѣ приходится снова подниматься кверху. Это мы продѣлываемъ такъ быстро, выбрасывая изъ мѣшковъ балластъ, что черезъ двѣ минуты уже находимся на высотѣ 1250 метровъ — самая высшая точка нашего полета. Здѣсь мы останавливаемся и плывемъ нѣкоторое время по вѣтру. Быстрый подъемъ и большая высота сильнѣе

даютъ себя знать все увеличивающейся болью въ ушахъ. Когда говоришь, то звуки словъ выходятъ такими глухими и слабыми, что хочется поневолѣ кричать, но чувствуешь, какъ невозможно кричать на этой высотѣ. Но зато какая глубокая тишина, какая чудесная неподвижность, какое волшебное забвеніе о времени! Ахъ, не даромъ всѣ народы въ своихъ религіяхъ помѣщали загробный рай на небѣ.

Наверху становится замѣтно холодно, и даетъ знать о себѣ аппетитъ. Г. Гореликъ любезно беретъ на себя обязанности хозяина и хлопочетъ надъ корзиной съ провизіей. Редакторъ лобуется сверху видомъ города, который все болѣе и болѣе исчезаетъ въ сѣромъ туманѣ. Я сижу на днѣ корзины, готовя, по указаніямъ пилота, якорный канатъ. С. И. Уточкинъ стоитъ, наклонившись надъ бортомъ корзины: въ правой рукѣ у него анероидъ, на который онъ смотритъ не отрываясь, а въ лѣвой—холодная жареная перепелка. Теперь мы плывемъ уже вѣдъ города, надъ пустыми вспаханными полями, спокойно темпѣющими своими правильными геометрическими фигурами. И по нимъ медленно плыветъ тѣнь, бросаемая нашимъ шаромъ.

Кстати, о тѣни. Мои друзья, больше-фонтанскіе рыбаки, наблюдавшіе все время за полетомъ шара, въ одинъ голосъ увѣряли меня на другой день, что какъ разъ въ моментъ нашего наивысшаго подъема, мимо аэростата промелькнуло съ большой скоростью и опередило нѣчто большое и черное, похожее на крестъ. Нѣкоторые изъ нихъ предполагали, что это была большая стая перелетныхъ птицъ, быстро обогнавшая насъ. Не была ли это тѣнь отъ нашего шара, упавшая на облака? Тѣмъ болѣе, что солнце въ этотъ часъ уже заходило, и лучи его были косы...

Теперь пора уже спускаться. Это извѣстно пилоту по

его какимъ-то таинственнымъ наблюденіямъ надъ поведеніемъ шара. Спускаемъ гайдропъ и выбрасываемъ немного якорь. Я помогаю Уточкину въ его работѣ, разматывая свернутые бунты канатовъ. Съ гайдропомъ у меня все выходитъ благополучно, но съ якорнымъ канатомъ получается маленькій скандалъ. Благодаря своему усердію, я запутываю нѣсколько аршинъ въ безобразный клубокъ, который къ моему стыду болтается между нами и землей.

— Это ничего, — деликатно утѣшаетъ меня С. И. Уточкинъ. — Это постоянно случается.

Вотъ мы и совсѣмъ уже близко надъ землей. И опять странное ощущеніе. Чѣмъ яснѣе вырисовываются поды нами квадраты черныхъ полей, потомъ ихъ борозды, и даже наконецъ земляные комья, тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе возвращается ко мнѣ, снова все возрастая, вѣковѣчная любовь къ моей старой, прекрасной, доброй землѣ. Какая удивительная и обманчивая вещь — высота. Между тѣмъ нашъ гайдропъ уже стелется по землѣ, какъ длинная сѣрая змѣя, а рядомъ съ нимъ якорь бороздитъ почву, оставляя на ней черный двойной слѣдъ, похожій на гигантскую сколопендру. Мы сверху видимъ, какъ къ намъ поспѣшно бѣгутъ со всѣхъ сторонъ мѣстные крестьяне, даже различаемъ подъѣзжающій издали хорошей рысью фургонъ. Мы всего въ саженьяхъ 20 надъ землей, но еще плохо представляемъ себѣ, въ какомъ мѣстѣ мы находимся. Пилотъ кричитъ крестьянамъ, чтобы они придерживали конецъ гайдроба. Они исполняютъ это къ великой радости собравшихся тутъ же мальчишекъ, которые вѣшаются со смѣхомъ на натянутомъ канатѣ, раскачивая его, кривляясь и сотрясая нашу корзину.

Начинаются переговоры съ добрыми поселянами. Всего затруднительнѣе здѣсь то, что мы не только слышимъ то, что они намъ кричатъ, но даже разбираемъ самыя интим-

ныя и не всегда пріятныя подробности ихъ мнѣній о насъ и о нашемъ положеніи. Такъ, напримѣръ, мы узнаёмъ о томъ, что разъ уже мы попались, то намъ безъ ихъ помощи некуда дѣваться, и потому можно взять съ насъ сколько угодно. Между тѣмъ, вслѣдствіе законовъ акустики, наши слова доносятся до нихъ съ такимъ трудомъ, что мы должны ихъ перекрикивать по три, по четыре раза. Начинается своеобразная торговля между двумя сторонами, раздѣленными высокою въ добрую колокольню. Уточкинъ предлагаетъ владѣльцу подѣхавшей телѣги поднять нашъ якорь, положить его въ телѣгу и такимъ образомъ буксировать нашъ шаръ до Клейнъ-Либенталя, гдѣ назначена встрѣча съ идущими вслѣдъ за нами автомобилями. Поселяне просятъ 10 рублей. Уточкинъ кричитъ: «пять!». Поселяне послѣ совѣщанія, которое намъ очень ясно слышно, спускаютъ одинъ рубль. Мы съ своей стороны рѣшаемъ прибавить одинъ рубль. Для насъ, сидящихъ въ корзинѣ, эта торговля представляетъ только своего рода развлеченіе, отчасти вызванное радостной, опьяняющей близостью къ землѣ. Мальчишки продолжаютъ раскачиваться и взбираются по канату.

Но совершенно неожиданно на сцену, на которую мы смотримъ сверху, появляется какой-то дядя Власть, очевидно, мѣстный мудрецъ и законникъ. Онъ твердо заявляетъ, что отродясь такихъ цѣнъ не бывало, и что брать съ насъ нельзя никакъ меньше, чѣмъ 25 рублей. «Потому что бываетъ, что шаръ унесетъ кверху и телѣгу и лошадей». Ей-Богу, можно подумать, что аэростаты спускаются къ нимъ по десять разъ въ день. Такая опытность! Но въ эту минуту какой-то юноша въ черной блузѣ и въ пенснэ, который во время длинныхъ переговоровъ съ добрыми поселянами былъ между нами посредникомъ и все время называлъ Уточкина почти-

тельно по имени и отчеству, вдруг восклицаетъ: «Идетъ автомобиль!». Дѣйствительно къ намъ торопливо подходитъ бѣлый «Адлеръ», принадлежащій господину Цорну. Изъ другихъ автомобилей одинъ, благодаря очень грязной дорогѣ, опоздалъ немного, другой застрѣлъ въ грязи, а третій и совсѣмъ искалѣчился въ какой-то рытвинѣ. «Фердинандъ!—кричитъ кому-то Уточкинъ внизъ. — Отвяжи якорь, положи его въ автомобиль, а конецъ прикрѣпи сзади за ось». И вотъ, влекомые автомобилемъ за канатъ, мы медленно и плавно движемся впередъ къ деревнѣ Татаркѣ. Зрители бѣгутъ за нами. Черезъ 10 минутъ мы въ самомъ селеніи. Благодаря праздничному дню на главной улицѣ насъ уже дожидается громадная толпа изъ всѣхъ здѣшнихъ окрестныхъ жителей — мужчинъ и женщинъ.

Автомобиль останавливается. Но пилотъ не хочетъ спускаться въ этомъ мѣстѣ. «Здѣсь колючки, и можно поцарапать шаръ. Прошу васъ, господа, — обращается онъ къ намъ: — не выскакивайте изъ корзины до тѣхъ поръ, пока она не будетъ на землѣ. Я вамъ самъ скажу, когда будетъ можно». Автомобиль оттягиваетъ насъ на дорогу, и вотъ мы мягко, плавно, чѣмъ на лифтѣ, соприкасаемся съ землею, между тѣмъ какъ огромный шаръ, освобожденный отъ газа, тихо ложится сбоку насъ. И земля — ея темный видъ, ея могучій запахъ — мнѣ кажутся вновь чудесными и прекрасными. Мы вылѣзаемъ изъ корзины. Шаръ лежитъ теперь на землѣ толстыми, длинными, извилистыми складками, напоминающими огромныхъ желтыхъ гусеницъ. Кругомъ его — праздничная, немного дикая, немного пьяная толпа мѣстныхъ обывателей, которая съ каждой минутой становится гуще и гуще. Предстоитъ простая задача. Надо, чтобы не болѣе чѣмъ 5 человекъ походили по шару, чтобы выдать изъ него послѣдніе остатки газа. Это займетъ не

болѣе 10 минутъ, а каждый рабочій зарабатываетъ за это время по 60 копеекъ. Но толпа требуетъ, чтобы непременно каждому изъ здѣсь присутствующихъ дали именно по такой суммѣ, а всѣхъ ихъ не менѣе, чѣмъ 300 человекъ. Мудрый дядя Власъ шныряетъ между народомъ и подвигиваетъ его. «Шаръ упалъ на нашей землѣ, стало-быть, онъ нашъ, — говорятъ поселяне: — захотимъ и вовсе не отдадимъ». Крестьяне лѣзутъ съ сапогами на нѣжную оболочку шара. Многіе изъ нихъ, несмотря на то, что мы до хрипоты убѣждаемъ ихъ въ опасности огня вблизи шара, преспокойно курятъ цыгарки. Съ большими усиліями приходится ихъ осаживать назадъ, наступая на ихъ ноги. Мальчишки въ дикомъ упоеніи носятся взадъ и впередъ и визжатъ. Я вижу, какъ Уточкинъ, согнувъ спину и широко разставивъ руки, медленно и осторожно тѣснить толпу назадъ. И вдругъ раздается провокаторскій возгласъ дяди Власа: «Хлопцы, онъ нашихъ дѣвокъ лапаетъ!». Понятно, что тутъ было все не до лапанья, но Уточкинъ впоследствии признавался, что это былъ самый рискованный моментъ во всемъ нашемъ путешествіи (кстати, прошедшемъ самымъ благопріятнымъ и изящнымъ образомъ). Однако нашъ пилотъ быстро и необыкновенно ловко нашелся. Подойдя къ тому, кто это сказалъ, вплотную, онъ крикнулъ: «П-по-погляди мнѣ въ глаза! Какъ ты смѣлъ это подумать? Чтò?» И странно: этотъ окрикъ сразу подѣйствовалъ. Черезъ нѣсколько минутъ опустѣвшій шаръ былъ уже сложенъ вдвое и вчетверо, втиснуть въ корзину и втащень въ подводу. Мы расплатились. Правда, при этомъ появилось нѣсколько чудаковъ, изъ которыхъ одинъ требовалъ денегъ за то, что онъ первымъ увидѣлъ шаръ, другой — первымъ ухватился за канатъ, третій — за то, что понапрасну потерялъ время, а четвертый — просто по пьяному дѣлу. Совсѣмъ уже позднею вечеромъ мы нашли — и

то съ большимъ трудомъ — огромный рыдванъ, запряженный тремя клячами, случайно проѣзжавшій по этой дорогѣ съ дальними пассажирами. За огромную цѣну кучеръ взялся доставить до города насъ троихъ. Четвертый нашъ товарищъ еще раньше пріѣхалъ въ городъ на автомобилѣ. Мы тащились часовъ пять, слѣзая на крутыхъ пригоркахъ. Всѣхъ насъ, ѣдущихъ, оказалось восемь человѣкъ. Помню, что, отправляя руку въ карманъ за папиросами, я все ловилъ себя на мысли, что нельзя курить, и каждый разъ послѣ этого мнѣ бывало смѣшно. С. И. Уточкинъ говорилъ о своей любимой мечтѣ — объ аэропланахъ. Тутъ же оказалось, что всѣ его карманы наполнены кипами специальныхъ журналовъ по авіатикѣ. Съ восторгомъ рассказывалъ онъ о полетахъ Блеріо, Латама, Райта и другихъ, у которыхъ онъ учился и учится. Говорилъ о томъ, что на-дняхъ ѣдетъ въ Парижъ къ Вуазену. Уже настала ночь. Клячи едва передвигали ноги по грязной дорогѣ. Но неожиданно нашъ бывший пилотъ замолчалъ. Нагнувшись близко, я поглядѣлъ на него. Откинувшись на спинку экипажа, онъ спалъ тѣмъ ровнымъ, глубокимъ, беззвучнымъ сномъ, какимъ неожиданно засыпаютъ только дѣти послѣ цѣлаго дня бѣготни. И почему-то въ этотъ моментъ я подумалъ, что совершенно правъ императоръ Вильгельмъ, который все собирается, но, по свойственной ему дальновидности, никакъ не соберется полетѣть съ Цеппелиномъ, но, право, будь я на мѣстѣ Василя Федоровича, я бы, не задумавшись ни на одну секунду, полетѣлъ съ нашимъ пилотомъ на его будущемъ аэропланѣ, точно такъ же, какъ я пошелъ бы съ этимъ человѣкомъ на всякое предприятие, требующее смѣлости, риска, ума и звѣриной осторожности.

Теперь прошло два дня со времени нашего полета, и весь нашъ воздушный путь представляется мнѣ не какъ

дѣйствительность, а какъ необычайный фантастическій сонъ, видѣнный мною много лѣтъ тому назадъ. Ярче всего осталось только ощущение физической боли въ ушахъ и смѣшное чувство, когда вдругъ полѣзешь за папиросами въ карманъ, спохватишься, что нельзя курить, а потомъ больно вспомнишь, что ты не на воздушномъ шарѣ...

Оглавленіе

VI тома.

	СТРЪ
Полубогъ	3
Леночка	22
Лунной ночью	37
Блаженный	50
Славянская душа	61
Искушеніе	73
Въ трамваѣ	86
Сказка	95
Чужой хлѣбъ	103
Брегетъ	111
Маріанна	122
Капризъ	129
Кляча	142
Страшная минута	148
Картина	170
Мясо	189
Печальный разсказъ. (О Комарѣ, Слонѣ и Верблюдѣ)	207
Черный туманъ. Петербургскій случай	209
Клоунъ. Пьеса въ одномъ дѣйствіи	225
Сентиментальный романъ	240
Наталя Давыдовна	251
По-семейному	257
Попрыгунья-стрекоза	265
Королевскій паркъ. Фантазія	273
Счастливая карта	281
Въ клеткѣ звѣря	289

	стр.
Тосьть	294
Демирь-Кая. Восточная легенда	300
Счастье. Сказка	304
Сильнѣ смерти	307
Искусство	310
Аллез!	311
Вечерній гость	318
Собачье счастье	325
Убийца	336
Брильянты	343
Бѣлыя ночи	347
Пустыя дачи	351
Столѣтникъ	355
Лолли	362
Исполины	373
Начальница тяги	379
Телеграфистъ	387
Въ звѣринцѣ	395
Надъ землей	404
